

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*
 Агрохимия
 Азия и Африка сегодня
 Акустический журнал*
 Алгебра и анализ
 Астрономический вестник*
 Астрономический журнал*
 Биологические мембраны*
 Биология внутренних вод*
 Биология моря*
 Биоорганическая химия*
 Биофизика*
 Биохимия*
 Ботанический журнал
 Вестник РАН*
 Вестник древней истории
 Вестник Южного научного центра
 Водные ресурсы*
 Вопросы истории естествознания и техники
 Вопросы ихтиологии*
 Вопросы философии
 Вопросы языкознания
 Восток
 Вулканология и сейсмология*
 Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*
 Генетика*
 Геология рудных месторождений*
 Геомагнетизм и аэрономия*
 Геоморфология
 Геотектоника*
 Геохимия*
 Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология
 Государство и право
 Дефектоскопия*
 Дискретная математика
 Дифференциальные уравнения*
 Доклады Академии наук*
 Журнал аналитической химии*
 Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова
 Журнал вычислительной математики и математической физики*
 Журнал неорганической химии*
 Журнал общей биологии
 Журнал общей химии*
 Журнал органической химии*
 Журнал прикладной химии*
 Журнал технической физики*
 Журнал физической химии*
 Журнал эволюционной биохимии и физиологии*
 Журнал экспериментальной и теоретической физики*
 Записки Российского минералогического общества
 Земля и Вселенная
 Зоологический журнал
 Известия РАН. Механика жидкости и газа*
 Известия РАН. Механика твердого тела*
 Известия РАН. Серия биологическая*
 Известия РАН. Серия географическая
 Известия РАН. Серия литературы и языка
 Известия РАН. Серия математическая
 Известия РАН. Серия физическая*
 Известия РАН. Теория и системы управления*
 Известия РАН. Физика атмосферы и океана*
 Известия РАН. Энергетика
 Известия русского географического общества
 Исследование Земли из космоса
 Кинетика и катализ*
 Коллоидный журнал*
 Координационная химия*
 Космические исследования*
 Кристаллография*
 Латинская Америка
 Лесоведение
 Лёд и Снег
 Литология и полезные ископаемые*
 Математические заметки*
 Математический сборник
 Математическое моделирование
 Микология и фитопатология

Микробиология*
 Микроэлектроника*
 Мировая экономика и международные отношения
 Молекулярная биология*
 Наука в России
 Научное приборостроение
 Нейрохимия*
 Неорганические материалы*
 Нефтехимия*
 Новая и новейшая история
 Общественные науки и современность
 Общество и экономика
 Океанология*
 Онтогенез*
 Оптика и спектроскопия*
 Палеонтологический журнал*
 Паразитология
 Петрология*
 Письма в Астрономический журнал*
 Письма в Журнал технической физики*
 Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
 Поверхность*
 Почвоведение*
 Приборы и техника эксперимента*
 Прикладная биохимия и микробиология*
 Прикладная математика и механика
 Природа
 Проблемы Дальнего Востока
 Проблемы машиностроения и надежности машин*
 Проблемы передачи информации*
 Программирование*
 Психологический журнал
 Радиационная биология. Радиоэкология
 Радиотехника и электроника*
 Радиохимия*
 Расплавы
 Растительные ресурсы
 Российская археология
 Российская история
 Российский иммунологический журнал
 Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
 Русская литература
 Русская речь
 Сенсорные системы
 Славяноведение
 Социологические исследования
 Стратиграфия. Геологическая корреляция*
 США. Канада. Экономика - политика - культура
 Теоретическая и математическая физика
 Теоретические основы химической технологии*
 Теория вероятностей и ее применение
 Теплофизика высоких температур*
 Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
 Успехи математических наук
 Успехи современной биологии
 Успехи физиологических наук
 Физика Земли*
 Физика и техника полупроводников*
 Физика и химия стекла*
 Физика металлов и металловедение*
 Физика плазмы*
 Физика твердого тела*
 Физикохимия поверхности и защита материалов*
 Физиология растений*
 Физиология человека*
 Функциональный анализ и его применение
 Химическая физика*
 Химия высоких энергий*
 Химия твердого топлива*
 Цитология*
 Человек
 Экология*
 Экономика и математические методы
 Электрохимия*
 Энергия, экономика, техника, экология
 Этнографическое обозрение
 Энтомологическое обозрение*
 Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
<http://www.naukaran.ru>

“НАУКА”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2015

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: ra@iran.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2015
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2015

Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения <i>Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А.</i>	5
Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле <i>Вольная Г.Н.</i>	19
Минералого-геохимические индикаторы источников золота для производства древних ювелирных изделий (на примере Урала) <i>Зайков В.В., Зайкова Е.В.</i>	32
Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция <i>Добровольская М.В., Земцов Г.Л., Мастыкова А.В., Медникова М.Б.</i>	44
Социокультурные аспекты исследования воинских погребений с ножами-кинжалами в ареале самбийско-натынгийской культуры <i>Прасолов Я.В.</i>	59
Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского <i>Коваль В.Ю.</i>	73
Что же такое подкурганые сырцовые оградки XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье? <i>Зиливинская Э.Д.</i>	88

Публикации

Об одном типе раннесарматских курганных <i>Скрипкин А.С.</i>	106
Аланское погребение эпохи Великого переселения народов на Среднем Дону <i>Березуцкий В.Д., Медведев А.П.</i>	112
Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка I <i>Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л.</i>	121
Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде <i>Евтеев А.А., Олейников О.М.</i>	136

Заметки

Новые палеолитические находки с Южного Урала <i>Мосин В.С., Широков В.Н.</i>	153
Древесина в заполнении могильных ям могильника Ксиров <i>Денисов Е.П.</i>	157
Эпитафия Батыр-Гирея-оглу из Таманского археологического музея <i>Зайцев И.В., Чхаидзе В.Н.</i>	160
Изразцы из культурного слоя Москвы: первые находки и первые коллекции <i>Баранова С.И.</i>	164

Критика и библиография

Cyrrhus 1. Le théâtre de Cyrrhus d'après les archives d'Edmond Frézouls /
Sous la direction de Jeanine Abdul Massih avec les contributions de Frédéric Alpi,
Jean-Claude Bessac, Sophie Binninger, Zeina Fani et Assaad Youssef. Beyrouth:
Institut français du Proche-Orient, 2012

Гаибов В.А. 169

Андреев С.И. Никольское городище. Тамбов, 2013

Тропин Н.А. 172

Хроника

Круглый стол памяти Н.Я. Мерперта “Цивилизационные центры
и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия”. Москва, 2013

Мельник В.И. 174

II Международный Магьярский симпозиум. Челябинск, 2013

Боталов С.Г., Грудочко И.В. 175

Круглый стол “Проблемы изучения скифо-сибирского звериного стиля”. Москва, 2013

Кореняко В.А. 177

XXVIII Международные “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Москва, 2014

Багаев М.Х., Албегова З.Х., Корневский С.Н., Коробов Д.С., Леонова Е.В., Малашев В.Ю., Скаков А.Ю. 183

Памяти Ирмы Фантиновны Тоцкой

Архипова Е.И. 189

CONTENTS

No. 1, 2015

Basyanovo archaeological site of the Late Neolithic period: the argument for identification <i>Shorin A.F., Vilisov E.V., Shorina A.A.</i>	5
Chapes with a bird's head image from the sites of the early Iron Age in Central Caucasus and their analogues in Scythian-Siberian animalistic style <i>Volnaya G.N.</i>	19
Mineralogical and geochemical indicators of gold sources for production of ancient jewelry (on the example of Ural) <i>Zaikov V.V., Zaikova Ye.V.</i>	32
Privileged female burial from the settlement Mukhino 2 of the Huns Age on Upper Don: a bioarchaeological reconstruction <i>Dobrovolskaya M.V., Zemtsov G.L., Mastykova A.V., Mednikova M.B.</i>	44
Socio-cultural aspects of the warriors' burials examination with knives-daggers in the Sambian-Natangian area culture <i>Prasolov Ya.V.</i>	59
Main line of defense works of Rostislavl'-Ryazansky <i>Koval V.Yu.</i>	73
What are the under burial ground raw fences of the 13 th –14 th cc. in Nizhny Povolzhje <i>Zilivinskaya E.D.</i>	88

Publications

On one type of early Sarmatian incense cups <i>Skripkin A.S.</i>	106
Alans burial of the Migration Period on Middle Don <i>Berezutsky V.D., Medvedev A.P.</i>	112
The belts of the Altai nomads decorated with plates of the Migration Period from the site Stepushka 1 <i>Tishkin A.A., Matreonin S.S., Kungurov A.L.</i>	121
Archaeological and paleoanthropological researches on Dan'slavl' street in Veliky Novgorod <i>Evteev A.A., Oleynikov O.M.</i>	136

Notes

New Paleolithic finds from the Southern Ural <i>Mosin V.S., Shirokov V.N.</i>	153
Wood in filling of grave pits of the barrow Ksirov <i>Denisov Ye.P.</i>	157
Epitaph to Batyr-Girei-ogly from Taman archaeological museum <i>Zaitsev I.V., Chkhaidze V.N.</i>	160
Tiles from the cultural layer of Moscow: first finds and first collections <i>Baranova S.I.</i>	164

Critics and bibliography

Cyrrhus I. Le théâtre de Cyrrhus d'après les archives d'Edmond Frézouls.
Sous la direction de Jeanine Abdul Massih avec les contributions de Frédéric Alpi,
Jean-Claude Bessac, Sophie Binninger, Zeina Fani et Assaad Youssef. Beyrouth:
Institut français du Proche-Orient, 2012

Gaibov V.A. 169

Andreev S.I. Nikolskoe forthill. Tambov, 2013

Tropin N.A. 172

Chronicle

Round table to the memory of N.Ya. Merpert "Civilizational centres
and primitive periphery in epoch of early Metal: models of cooperation". Moscow, 2013

Melnik V.I. 174

II International Magyar Symposium. Chelyabinsk, 2013

Botalov S.G., Grudochko I.V. 175

Round table "Problems of Studying of Scythian-Siberian animalistic style". Moscow, 2013

Korenyako V.A. 177

XXVIII Krupnovskie readings "Ye.I. Krupnov and the development
of Northern Caucasus archaeology". Moscow, 2014

Bagaev M.Kh., Albegova Z.Kh., Korobov D.S., Leonova Ye.V., Malashev V.Yu., Skakov A.Yu. 183

On the memory of Irma Fantinovna Totskaya

Arhipova Ye.I. 189

БАСЬЯНОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА: ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ

© 2015 г. А.Ф. Шорин, Е.В. Вилисов, А.А. Шорина

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург (istor@uran.ru)

В статье приведены основные характеристики выявленного в Среднем Зауралье басьяновского археологического комплекса эпохи позднего неолита. Он датирован первой половиной IV тыс. до н.э. и генетически связан с зауральской боборыкинской культурой. Но реальный статус басьяновского археологического комплекса – новая археологическая культура, локальный вариант боборыкинской культуры (области, общности) – определять на сегодня преждевременно. Скорее всего, наиболее продуктивно исследовать проблему боборыкинского археолого-культурного и историко-культурного единства (и различий внутри его) через призму явления лингвистической непрерывности, хорошо известной по этнографическим материалам, прежде всего, аборигенов Австралии и Новой Гвинеи. В археологических реалиях эта дефиниция может обозначаться как археологическая непрерывность.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, неолит, басьяновский археологический комплекс, основные характеристики.

Басьяновский тип керамики выделен на материалах святилища Кокшаровский холм, расположенного в Среднем Зауралье на территории Верхнесалдинского городского округа Свердловской обл. (рис. 1, 40). В его культурных слоях наряду с кошкинской, козловской (кокшаровско-юринской), полуденской отмечен еще один тип неолитической керамики, близкий, но не идентичный боборыкинской (Шорин, 2000). После исследования стоянки Второй поселок I (рис. 1, 49) на побережье того же Юринского озера, где находится и Кокшаровский холм, стало возможным сделать первые выводы и о специфике каменной индустрии памятников басьяновского типа (Вилисов, 2012). Остальные составляющие басьяновского археологического комплекса – жилища, погребальный обряд, артефакты культовой практики и пр. – в силу немногочисленности или отсутствия источников пока не могут быть охарактеризованы.

Керамика басьяновского типа – наиболее яркий индикатор данного комплекса (рис. 2, 3). Гончары обоих памятников (Кокшаровский холм и Второй поселок I) использовали сходные формовочные рецептуры, в основе которых лежало исходное пластичное сырье в виде запесоченного и засоренного минеральными включениями тощего сырья, как правило, с естественной примесью талька. Правда, по мнению И.Н. Васильевой (2011. С. 111, 112), на Кокшаровском холме в качестве сырья преобладали илистые глины (90% от всех изученных сосудов,

только три сосуда из глины), а на стоянке Второй поселок I, по мнению Е.Н. Дубовцевой, все же предпочтение отдавалось глинам. Более вариабельны на Второй поселке I были и рецепты¹ формовочных масс. ИПС+ОР, ИПС+ОР+Ш, ИПС+ОР+Дт для Кокшаровского холма (Васильева, 2011. С. 112) и ИПС+Дт, ИПС+П, ИПС+Дт+П, ИПС+П+ОР, ИПС+Дк+ОР, ИПС+Г+П, ИПС+Г+Дт для стоянки Второй поселок I. Причем на обоих памятниках фиксируется освоение басьяновскими коллективами традиции искусственных минеральных добавок в исходное сырье, прежде всего талька. По наблюдениям И.Н. Васильевой, искусственные минеральные добавки талька, как правило, уже в “жирное” сырье, свойственны басьяновским и полуденским комплексам (2011. С. 112, 119). Они на Кокшаровском холме занимают более поздние хронологические позиции, чем кокшаровско-юринские и кошкинские (Шорин, Шорина, 2011). Последние два комплекса такой искусственной примеси не имеют (Васильева, 2011. С. 108–111).

Сходны и формы сосудов обоих памятников. Это сочетание горшечных с венчиком, переходящим через четко выраженный уступ в тулово, и баночных форм, в том числе с плоским дном (рис. 3, 5–8). Причем в отличие от Кокшаровского холма сосуды

¹ ИПС – исходное пластичное сырье, ОР – органический раствор, Ш – шамот, Дт – дресва из талька, П – песок, Дк – дресва из кварца, Г – глина.

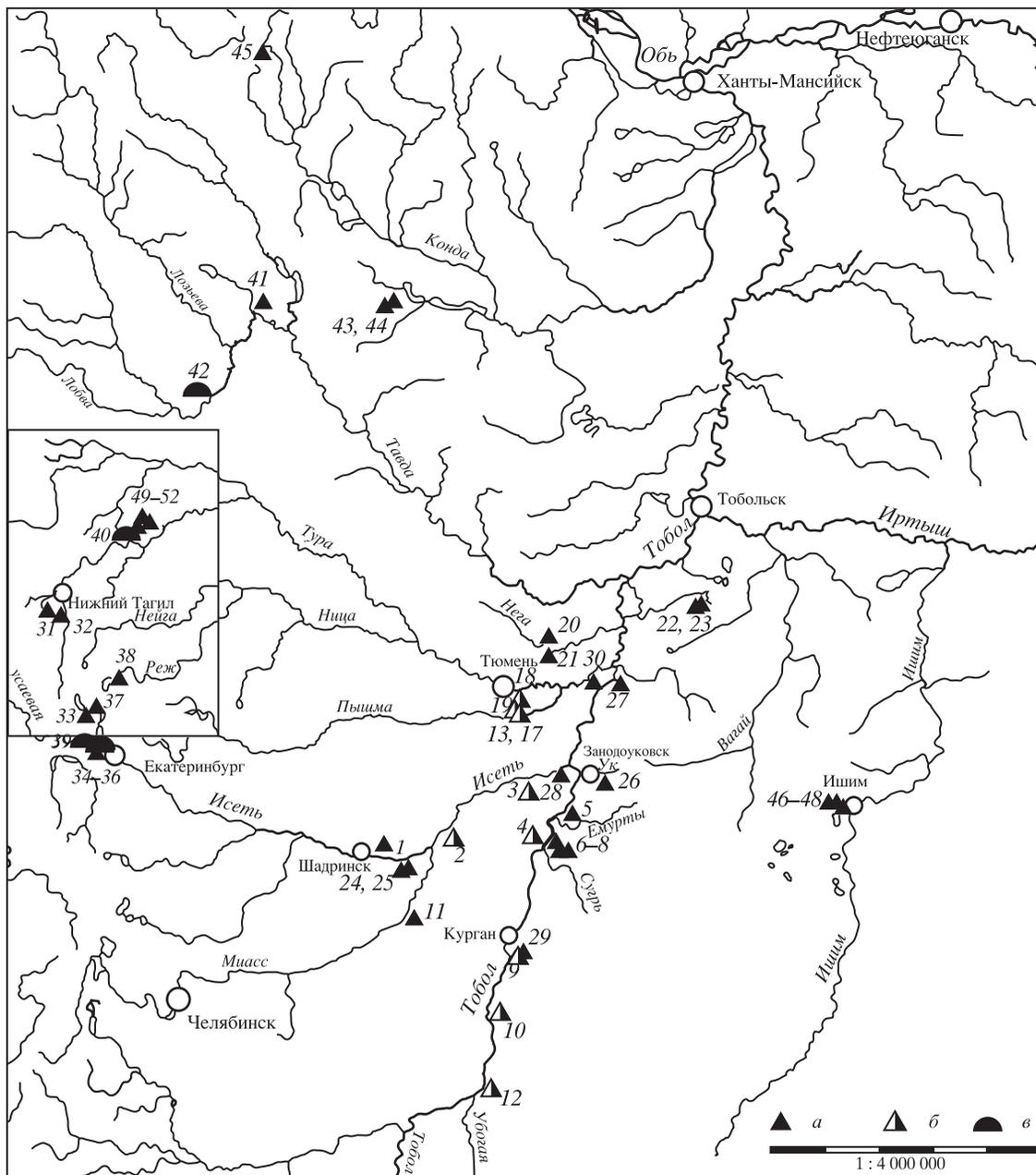

Рис. 1. Карта распространения памятников боборыкинского и басыяновского (выделено рамкой) типов. 1 – Боборыкино II; 2 – Бархатовское; 3 – Ботниковское; 4 – Губинское; 5 – Ново-Шадрино I; 6 – Вороний Мыс I; 7, 8 – Усть-Суерская 2, 4; 9 – Лисья гора; 10 – Гляденовская; 11 – Кочегарово I; 12 – Дюна; 13–19 – ЮАО V, IX, XII, XIII, XV, XVIII (“8 пункт”), Карьер II; 20, 21 – Байрык 1Д, Байрык VI; 22, 23 – Юргаркуль III, IV; 24, 25 – Ташково I, III; 26 – Ук VI; 27 – Юртобор 3; 28 – Двухозерное I; 29 – Пикушка I; 30 – Чечкино 2; 31 – Полуденка I; 32 – стоянки Горбуновского торфяника; 33 – Шитовской Исток XI; 34 – Калмацкий Брод; 35 – Макуша III; 36 – Исетское Правобережное I; 37 – Бараний Мыс; 38 – Шайдурихинское V; 39 – Палатки I; 40 – Кокшаровский холм; 41 – Усть-Вагильский холм; 42 – Махтыльский холм; 43 – Сумпанья IV; 44 – Сумпанья VI; 45 – Геологическое XVI; 46 – Мергень 3; 47 – Мергень 5; 48 – Мергень 6; 49–52 – памятники Юрьинского озера (Второй поселок I, Юрьинское поселение, Кокшарово I, Кокшаровское поле). Условные обозначения: а – поселения, исследованные раскопками; б – поселения, исследованные разведками; в – культовые памятники.

горшечной формы на стоянке Второй поселок I даже преобладают над баночными (на Кокшаровском холме это соотношение примерно 1:3). Диаметр сосудов – от 12 до 45 см, толщина стенок – 0.4–0.1. Фиксируются совпадения и в деталях форм сосу-

дов, причем таких специфических, как формы венчиков (прямые, реже прогнутые и вогнутые), слабо или средне раздутое тулово, обычно плавно переходящее в дно, наличие у плоских днищ закраины (наплыва) и др.

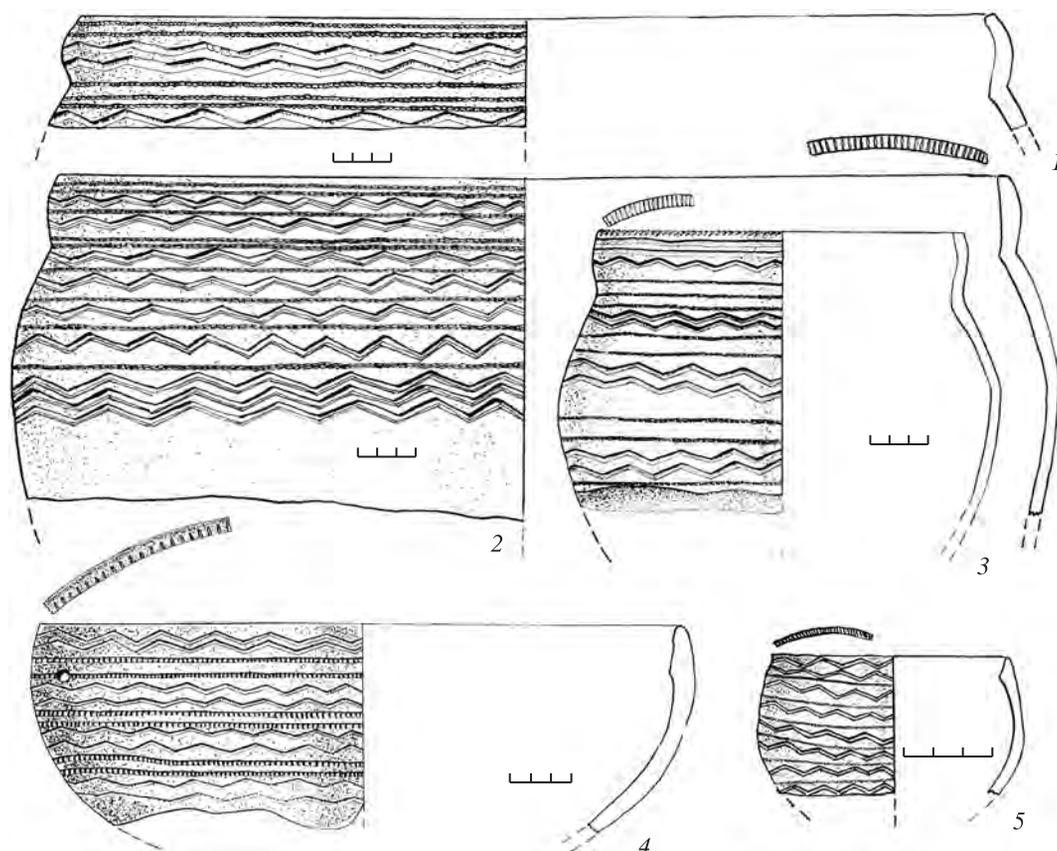

Рис. 2. Кокшаровский холм. Керамика басьяновского типа.

Степень насыщенности узорами на сосудах обоих памятников также совпадает. Орнамент располагался горизонтальными зонами и чаще занимал только верхнюю часть сосуда (венчик, переход венчика в тулово и верх тулова, редко придонная часть и дно), реже всю его внешнюю поверхность. Неорнаментированные сосуды единичны. Орнаментировались также срезы венчиков и венчик с внутренней стороны сосуда. Но если на Кокшаровском холме орнаменты в этих зонах свойственны большей части сосудов, то на стоянке Второй поселок I они встречаются реже. Обычно на срезе венчика это насечки палочкой. По внутренней стороне верха сосуда на стоянке Второй поселок I это горизонтальный ряд вертикальных каплевидных насечек, выполненных тонкой палочкой, а также оригинальный узор в виде фигуры, близкой ромбу, скомпонованный из горизонтальных и диагональных линий, выполненных двузубым штампом (расщепленной палочкой) в технике прочерчивания. На Кокшаровском холме эту зону чаще всего заполняет зигзагообразная линия, выполненная двузубой (расщепленной) палочкой.

Почти у половины сосудов обоих памятников основу наиболее распространенной орнаментальной

композиции составляет чередование горизонтальной линии и зигзага, выполненных двузубым штампом или расщепленной, реже гладкой, палочкой в технике прочерчивания, реже отступающего накола (рис. 4, мотивы 15, 16). Причем соотношение горизонтальной линии и зигзага в орнаментальной композиции может быть различно – 1:1, 2:1, 1:2, 2:3. И эти орнаментальные композиции на сосуде могут повторяться несколько раз. Другие орнаментальные композиции и узоры фиксируются реже. Это вертикальные либо наклоненные вправо или влево отрезки (насечки); волнистые линии; горизонтальный ряд округлых глубоких вдавлений, нанесенный концом палочки (последний обычно в зоне перехода венчика в тулово); широкие желобки (в придонной части сосудов с четко выраженной закраиной у плоского дна) и др. Всего в орнаментации использовалось, как отмечено для Кокшаровского холма, до 40 орнаментальных мотивов (рис. 4). Они наносились на сосуды как отдельно, так и в сочетании друг с другом.

Основной орнамент басьяновских сосудов обоих памятников – двузубая палочка (двузубый штамп?) или палочка с нерасщепленным концом.

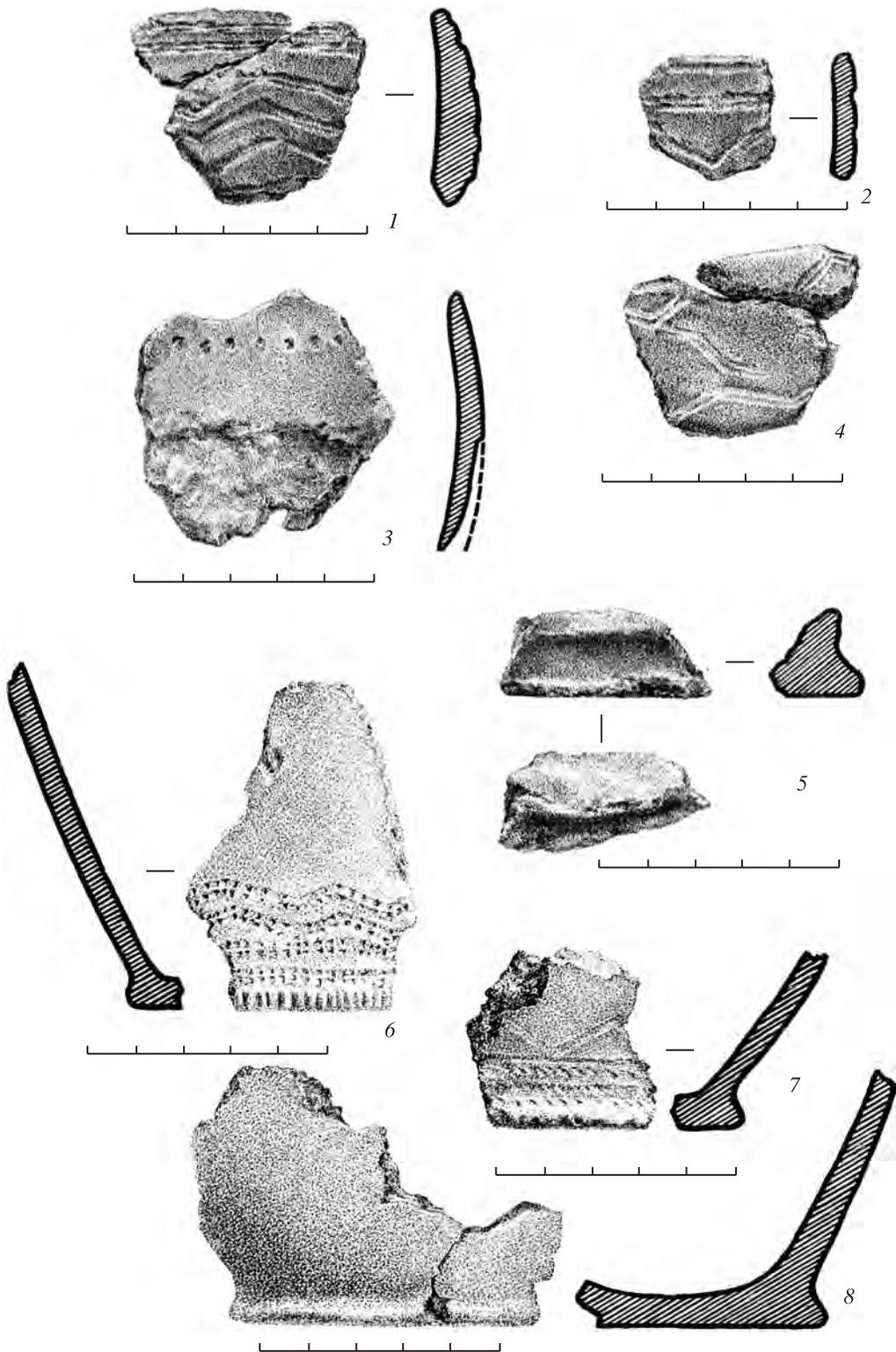

Рис. 3. Керамика басыяновского типа. 1–5 – Второй поселок I; 6–8 – Кокшаровский холм.

Более чем в половине случаев ею наносились узоры в прочерченной и линейно-накольчатой технике, реже в отступающе-накольчатой. Накольчатая техника использовалась крайне редко, обычно в виде горизонтальных рядов округлых глубоких

вдавлений (рис. 3, 3). Но, видимо, сосуды с такой орнаментацией составляют все же неотъемлемую часть басыяновского керамического комплекса. Они, кстати, довольно часты и в комплексах бобрыкинской культуры.

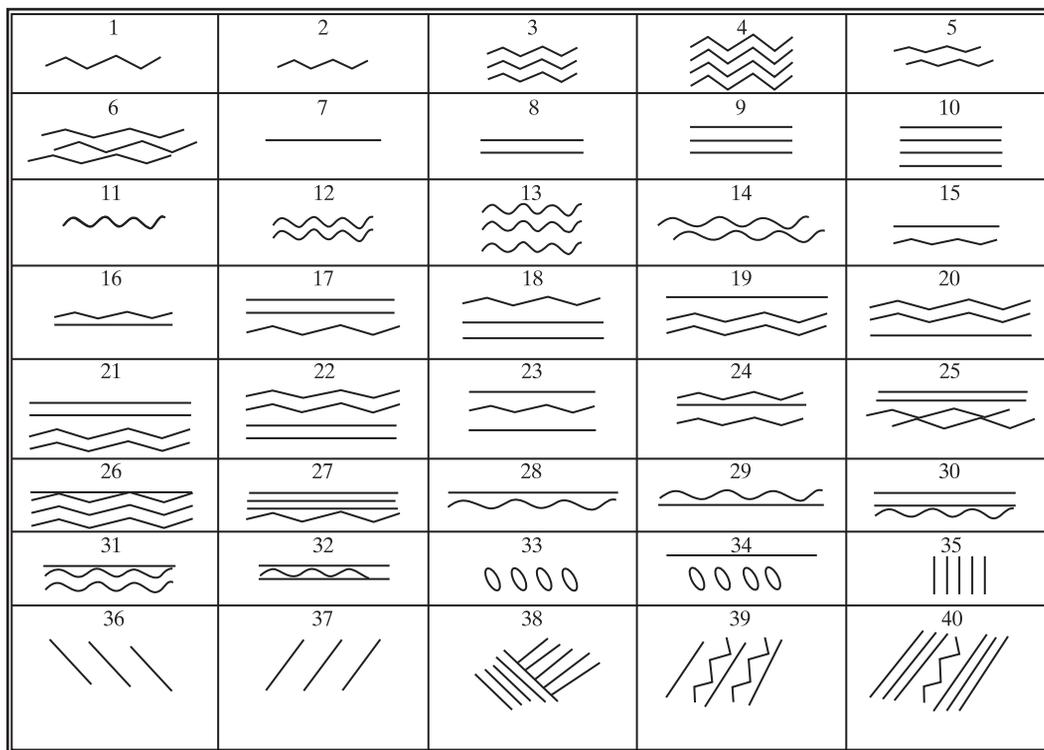

Рис. 4. Святилище Кокшаровский холм. Орнаментальные мотивы (1–40) на керамике басьяновского типа.

Из других памятников, где басьяновский комплекс представлен относительно полно, отметим поселение Шайдуринское V. Оно, как и два памятника Юрьинского озера, расположено в той же горно-лесной зоне восточных склонов Уральских гор (рис. 1, 38), и, по мнению авторов раскопок, это поселение боборыкинской культуры (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 160, 166–186). Но во всех трех жилищах поселения наряду с боборыкинскими присутствуют и басьяновские сосуды (рис. 5). Правда, соотношение боборыкинских и басьяновских сосудов в жилищах в монографии не приводится. Но, судя по иллюстрациям (Ковалева, Зырянова, 2010. Рис. 114–125), количество “классических” боборыкинских и басьяновских сосудов приблизительно одинаково. Для басьяновской посуды Шайдуринского поселения типичны те же морфологические признаки, что и для двух описанных выше памятников Юрьинского озера. Это сосуды горшечных и баночных форм со средне раздутым туловом, плавно переходящим, скорее всего, как в плоское, так и округлое дно, с разнообразной формой самих венчиков (прямые, вогнутые, прогнутые) и их срезов – округлые, уплощенные, приостренные.

Сосуды тоже орнаментированы как в верхней части, но не более чем до максимального диаметра тулова, так и сплошь. У некоторых орнаментировались также срезы венчиков и венчик с

внутренней стороны сосуда. На срезе венчика это насечки палочкой, по внутренней стороне верха сосуда – горизонтальный зигзаг в сочетании с теми же насечками или волнистые линии. У всех опубликованных в монографии басьяновских сосудов Шайдуринского поселения основу орнаментальной композиции составляет чередование горизонтальной линии и зигзага в разном соотношении. И эти орнаментальные композиции на сосуде обычно повторяются несколько раз. Иногда горизонтальные зигзаги в орнаментальном мотиве смещены по отношению друг к другу на один зигзаг и образуют фигуры, близкие к горизонтальной цепочке ромбов (Ковалева, Зырянова, 2010. Рис. 116, 1, 2; 117, 2; 118, 3; 119, 3). Узоры выполнены в типичной для басьяновских комплексов технике: расщепленной (двузубым штампом?) или гладкой палочкой прочерчиванием или в отступающе-накольчатой технике. И только насечки по верху венчика нанесены в технике накола.

Таким образом, басьяновский керамический комплекс обладает следующими специфическими особенностями:

1) сочетание округло- и плоскодонной посуды как баночной, так и горшечной форм, орнаментированной как сплошь, так (чаще) только в верхней своей части и у дна (на дне);

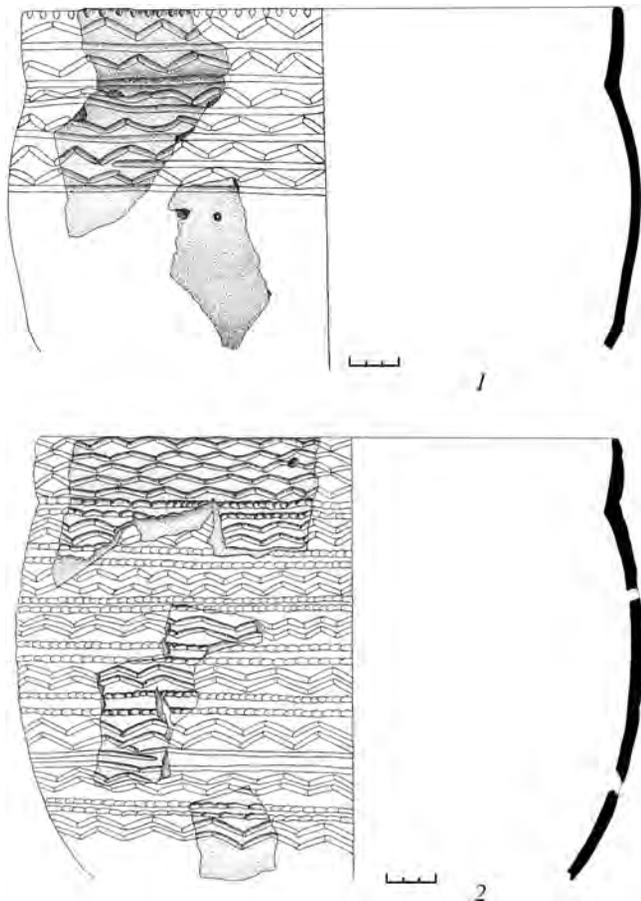

Рис. 5. Поселение Шайдурихинское V. Жилище 2. Керамика басьяновского типа (по: Ковалева, Зырянова, 2010).

2) преобладающее использование в качестве орнамента расщепленной палочки (двузубого штампа), реже гладкой палочки обычно в линейно-накольчатой, реже прочерченной и отступающе-накольчатой технике движения по внешней поверхности сосуда;

3) горизонтальная зональность орнаментального поля, состоящего из одного либо сочетания (чередования) нескольких, обычно до четырех, орнаментальных мотивов;

4) преобладание в орнаментальных композициях узоров, образованных чередованием одной-трех прямых и зигзаговых линий; чаще одна прямая и одна зигзагообразная, одна прямая и две зигзагообразные линии.

Басьяновский керамический комплекс, безусловно, близок и, скорее всего, генетически связан с боборькинским. Иными словами, это одна культурная традиция. Прежде всего эта близость проявляется в формах сосудов и, видимо, в приемах их конструирования (по приемам конструирования ср., например: Васильева, 2011. С. 112, 113 и Кова-

лева, Зырянова, 2010. С. 235, 236). Сочетание в комплексе плоскодонной посуды, причем дно нередко имеет закраину (наплыв), как горшечной с четко выраженным венчиком, так и баночной формы, и круглодонных сосудов, в единичных случаях чашевидной формы – в неолите Зауралья типичная черта именно боборькинских и басьяновских комплексов. Лишь изредка плоскодонная посуда, но обычно баночной формы фиксируется в кошкинской культуре (Ковалева, 1989. С. 26, 32, 33; Ковалева, Зырянова, 2008). Но в то же время басьяновская традиция формообразования сосудов более однородна. В ней в отличие от боборькинской гораздо меньше вариантов форм. В частности, практически отсутствуют сосуды вытянутых пропорций, когда высота сосуда существенно превышает диаметр горловины (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 224, 225. Табл. II, группа I, типы 1, 2, 4).

Менее разнообразны басьяновские гончары и в использовании орнаментальных композиций. Нет сложных сюжетных композиций, крайне редки геометрические узоры (ср., например: рис. 4 и Ковалева, Зырянова, 2010. С. 238–242. Табл. IX, X). В отличие от басьяновской, где в орнаментальных композициях доминируют простые мотивы, состоящие прежде всего из разного сочетания чередующихся горизонтальных линий и зигзагов, дополненных обычно наклонными отрезками (насечками), “простые мотивы из прямых и волнистых линий и зигзагов не отражают специфику керамики боборькинской культуры. Ее отличительную особенность составляют сложные геометрические фигуры и сочетание простых и сложных геометрических мотивов” (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 244). Примерно то же можно сказать и об орнаментах и приемах орнаментации, используемых басьяновскими и боборькинскими мастерами. У первых приоритетным инструментом была расщепленная палочка (двузубый штамп?), которую гончар двигал по окружности сосуда без отрыва от поверхности с легкими периодическими нажимами или переставлениями (линейно-накольчатая техника), реже без отрыва от поверхности с равномерным нажимом (прочерчивание) или без отрыва от поверхности, но с четко выраженными периодическими, обычно сильными нажимами на инструмент (отступающе-накольчатая техника). Менее востребованным орнаментиром была палочка с гладким концом, которая использовалась в орнаментации как в тех же техниках, что и палочка с расщепленным концом, так и для нанесения дискретных отрезков, насечек, наколов (накольчатая техника). У боборькинских мастеров использовались, видимо, те же орнаменты, но явное предпочтение они отдавали гладкому, а не с расщепленным концом инструменту. Вы-

сок у них и процент дискретных насечек, наколов (накольчатая техника). Ими использовались налупные валики (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 236, 237), которые не свойственны басьяновской посуде.

Таким образом, при несомненном сходстве всех составляющих боборькинского и басьяновского керамического комплексов оригинальность последнего все же отчетливо видна по всем сравниваемым компонентам. Учитывая также то обстоятельство, что басьяновские памятники занимают и локально ограниченную территорию, лишь частично совпадающую с боборькинской, видимо, прежде всего только в Исетско-Нейвинском междуречье (рис. 1), можно уверенно выделять басьяновские памятники в самостоятельный археологический комплекс. Но на каком уровне самостоятельности, рассмотрим в конце статьи.

Комплекс каменных изделий единственной пока однослойной басьяновской стоянки Второй поселок I насчитывает более 4.5 тыс. экз. и включает широкий спектр типов: от кусков каменного сырья до конечных изделий. Преобладающим сырьем служил серо-зеленый полупрозрачный кремь (62%). Эта порода собиралась в виде небольших плиток размерами до 74 × 45 × 28 мм. Помимо этого для производства орудий использовался серый (5.2%) и черный (6%) кремь; серая (2.8%) и коричневая (0.5%) яшма; различные кремнистые породы (6.1%); халцедон (3.6%); кварцы (5.3%); кремнистые сланцы (3.2%); туфы (3%); гранитоиды (0.5%); песчаник (0.4%) и ряд других пород (1.5%).

Индустрия памятника носила пластинчатый характер. Формально соотношение пластин и отщепов одинаково: 2135 и 2120 экз. соответственно. Основной тип заготовки для производства орудий – пластина (553 экз.). Соотношение орудий на пластинах и отщепах составляет 4.5:1. Среди орудий на отщепах (122 экз.) преобладают скребки (64 экз.), а также изделия с нерегулярной ретушью (47 экз.).

На памятнике обнаружена значительная серия нуклеусов (78 экз.) (рис. 6, 1–6), пренуклеусов (9 экз.), нуклеидных кусков и обломков (10 экз.). Максимальная высота ядрищ, подготовленных к регулярному расщеплению, не превышает 5.2 см. Высота нуклеусов в среднем составляет 1.7–3.3 см. Преобладают призматические (47 экз.), торцовые нуклеусы насчитывают всего 14 экз. В коллекции имеются также конусовидные (12 экз.) и клиновидные (2 экз.) ядрища. Среди технических снятий присутствуют ребристые пластины, горизонтальные и вертикальные сколы подправки нуклеусов.

Индустрия памятника была направлена на производство вкладышей для составных орудий. Самая

многочисленная категория изделий на памятнике – пластины без вторичной обработки (1582 экз.). Ширина пластин варьирует от 2 до 32 мм. Преобладающий тип заготовки – пластины шириной 6–8 мм. Доля пластин шириной до 1 см составляет 90.5 %.

Типологически выраженные орудия не превышают 14% для пластинчатого комплекса. Среди них – пластины с ретушью (86 экз.) (рис. 6, 7–10), ретушированными выемками (26 экз.) (рис. 6, 11, 12); резцы (88 экз.) (рис. 6, 13, 14); резчики (38 экз.) (рис. 6, 15, 16); остря (32 экз.) (рис. 6, 17, 18), в том числе скошенные (рис. 6, 19). Единичными экземплярами представлены геометрические микролиты (3 экз.) (рис. 6, 20–22), наконечники стрел (4 экз.) треугольной, листовидной и ромбовидной форм (рис. 6, 23–26) и ряд других орудий. Большая часть всех орудий оформлена крутой краевой дорсальной ретушью. Ограниченно использовалась приостряющая и стелющаяся ретушь. Помимо ретуширования и резцового скола для производства орудий применялась техника шлифования. В коллекции присутствуют абразивы (10 экз.) и оселки (2 экз.), а также шлифованные орудия: 2 тесла (рис. 6, 27, 28), шило, 2 фрагмента тальковых стержней, а также 10 сколов с таких орудий.

По ряду типолого-статистических характеристик индустрия Второго поселка I отличается от боборькинских комплексов прежде всего высоким уровнем микролитизации инвентаря и незначительной ролью вторичной обработки. Для боборькинских памятников характерно использование пластин шириной 7–15 мм. При стабильном присутствии доля микропластин (меньше 7 мм) в комплексах этой культуры различна, но все же не так высока, как на стоянке Второй поселок I: от 3.3 (Пикушка I) до 46% (Мергень 3) (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 246). При этом доля изделий с вторичной обработкой в боборькинских комплексах может достигать 52–64.3% (ЮАО XV, ЮАО XII, Пикушка I). Исключение – памятник Шайдурихинское V, где изделия с вторичной обработкой составляют 13% (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 177). Для этого памятника характерно и достаточное количество микропластин (20.2% пластин шириной менее 0.7 см). Отметим, что на этом поселении, как уже говорилось, присутствует и басьяновская посуда.

Из сходных черт сравниваемых археологических комплексов следует в первую очередь отметить пластинчатый характер индустрии, преобладание призматических нуклеусов над торцовыми, а также наличие наряду с наконечниками стрел скошенных острий и геометрических микролитов. Последнее характерно для целого ряда боборькинских ком-

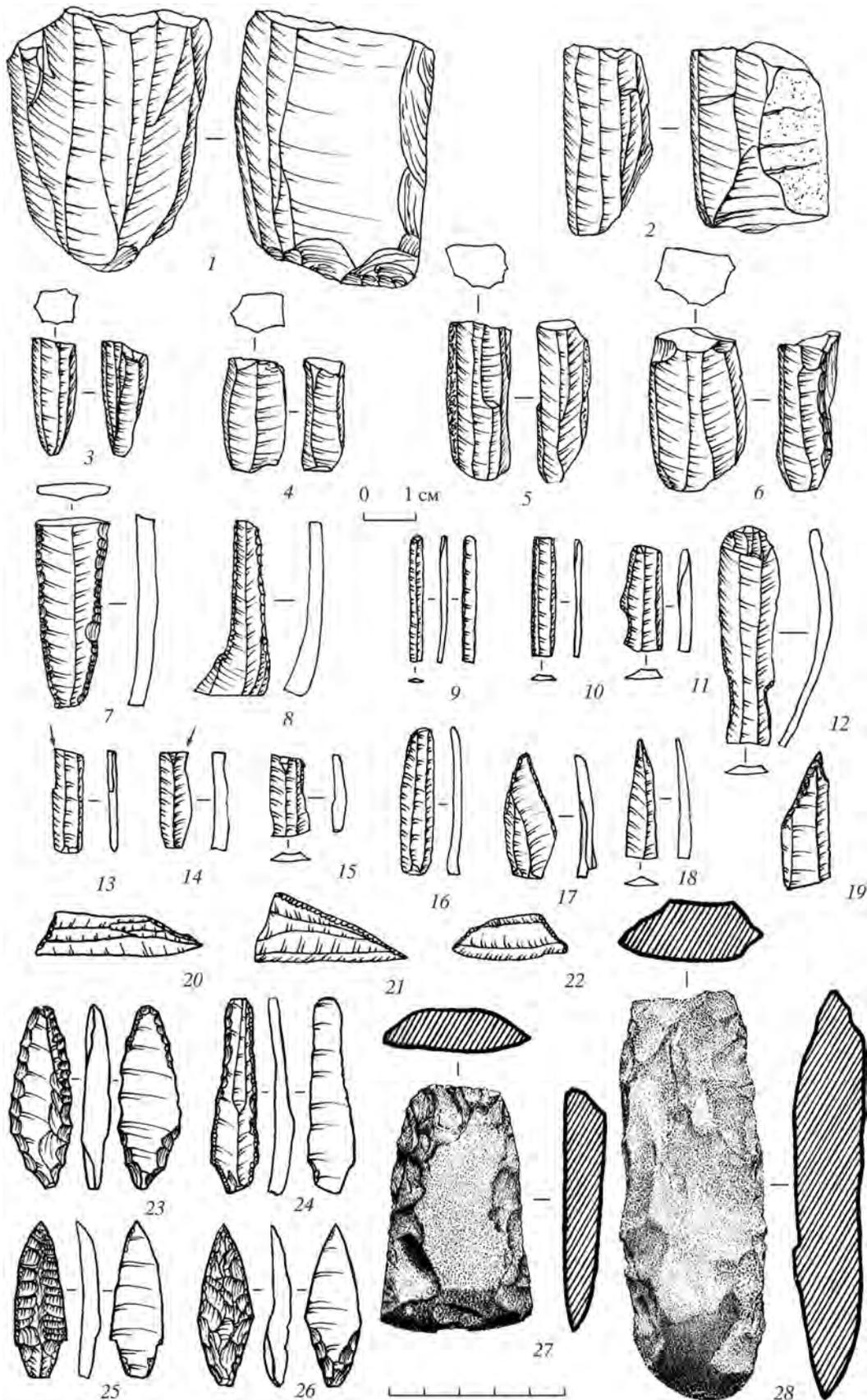

Рис. 6. Каменный инвентарь памятника Второй поселок I. 1–6 – нуклеусы; 7–10 – ретушированные пластины; 11, 12 – пластины с ретушированными выемками; 13, 14 – резцы; 15, 16 – резчики; 17–19 – острия; 20–22 – геометрические микролиты; 23–26 – наконечники; 27, 28 – тесла.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты басьяновского археологического комплекса (Кокшаровский холм, Второй поселок I, Шайдуринское V)

№	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата		Месторасположение	Материал образца
			1σ, гг. до н.э.	2σ, гг. до н.э.		
1	Ki-16384	5960±80	4940–4770	5060–4670	Объект 13	Керамика
2	Ki-16038	5950±90	4950–4710	5100–4550	МОП	—”—
3	Ki-15906	5890±90	4910–4870, 4860–4670, 4640–4610	4960–4520	МОП	—”—
4	Ki-15538	5750±80	4690–4490	4790–4440	МОП	—”—
5	Ki-15589	5670±90	4620–4440, 4430–4360	4720–4340		
6	Ki-16854	5920±90	4920–4870, 4860–4680	5030–4540	В 0.9 м от объекта 17	—”—
7	Ki-16861 Ki-16862	5930±90 6210±90	4940–4690 5300–5050	5040–4580 5400–4850	МОП	—”—
8	ЛЕ-8905	7090±50	6020–5970 5960–5910	6060–5870	Дно канавы рядом с постройкой	Уголь
9	Ki-15120	5680±80	4620–4440	4710–4350	Жилище 2	Керамика
10	Ki-15077	5640±80	4550–4360	4690–4330	Жилище 2	Керамика

Примечания: 1–6 – даты с Кокшаровского холма; 7, 8 – даты со стоянки Второй поселок I; 9, 10 – поселение Шайдуринское V (см. Ковалева, Зырянова, 2010. Табл. XI); МОП – межобъектное пространство; две даты под № 7 получены по двум измерениям с одного фрагмента керамики. Использована калибровочная программа OxCal Version 3.9.

плексов (Боборыкино II, Ташково I, Ук VI, Мергень 5, 6).

Комплекс памятника Второй поселок I сочетает в себе как довольно ранние, присущие мезолиту, так и характерные для боборыкинской (а отчасти и кошкинской) традиции черты.

Басьяновский археологический комплекс, прежде всего в виде керамики данного типа, присутствует еще на ряде поселений Среднего Зауралья: Юрьинском, Кокшарово I, Кокшаровском поле на берегу Юрьинского озера, Полуденке I и ряде стоянок Горбуновского торфяника под Н. Тагилом, Калмацком броде и некоторых других памятниках верховий Исети (рис. 1, 32, 33, 34, 50–52) (Панина, 2003; Герасименко, Сериков, 2007; Ковалева, Зырянова, 2010; Бунькова (Герасименко), 2011). Видимо, территория бытования памятников басьяновского археологического комплекса вряд ли выйдет за пределы восточных склонов Уральских гор в средней их части, т.е. региона, в целом ограниченного Тагило-Исетским междуречьем (рис. 1).

Хронология басьяновских памятников. Для басьяновских комплексов Юрьинского озера получено

восемь дат; одна из них по углю, остальные по фрагментам керамики. Дата по углю явно не совпадает с датами, полученными по фрагментам керамики (ср.: табл. 1, № 8 и № 1–7). Даты же, полученные по фрагментам керамики как с Кокшаровского холма, так и со стоянки Второй поселок I (табл. 1, № 1–7), укладываются в компактный хронологический диапазон в пределах рубежа V–IV (и даже начала IV) – первой половины IV тыс. до н.э.

По двум басьяновским сосудам из жилища 2 поселения Шайдуринское V (рис. 5) получены даты Ki-15120: 5680±80 BP или 1σ 4620–4440 BC; 2σ 4710–4350 BC; Ki-15077: 5640±80 BP или 1σ 4550–4360 BC; 2σ 4690–4330 BC. Даты по боборыкинским сосудам с этого поселения – Ki-15119: 5710±90 BP или 1σ 4690–4450 BC; 2σ 4730–4350 BC и Ki-15121: 5590±80 BP или 1σ 4500–4340 BC; 2σ 4620–4320 BC, укладываются в интервал в пределах первой половины IV тыс. до н.э. Даты с других поселений боборыкинской культуры, полученные как по углю, так и по керамике (табл. 2), за исключением двух дат по углю с поселения Юртобор 3 – УПИ 559: 7701±120 BP и СОАН 5311: 9025±70

Таблица 2. Радиоуглеродные даты с памятников боборыкинской культуры (см. Ковалева, Зырянова, 2010. Табл. XI)

№	Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата		Материал образца
				1σ, гг. до н.э.	2σ, гг. до н.э.	
1	Ташково I	ЛЕ-1535	5490±60	4460–4230		Уголь
2	Геологическое XVI	ЛЕ-6995	5440±60	4400–4220		
3	Шайдурихинское V, жилище 1	Ki-15119	5710±90	4690–4450	4730–4350	Керамика
4	Шайдурихинское V, жилище 3	Ki-15121	5590±80	4500–4340	4620–4320	
5	Ук VI	Ki-15063	5960±80	4940–4770	5060–4670	—”—
6	Ташково III	Ki-15118	5180±90	4050–3930	4250–3770	—”—
7	Усть-Вагильский холм	Ki-15545	5330±90	4250–4040	4340–3970	—”—
8	Усть-Вагильский холм	Ki-15546	5260±80	4170–3980	4260–3940	—”—
9	Кочегарово I	Ki-15542	5270±80	4230–4190, 4170–3980	4260–3950	—”—
10	Юртобор 3	УПИ-559	7701±20			Уголь
11	Юртобор 3	СОАН-5311	9025±70			Уголь

ВР, имеют хронологический диапазон от 5960±80 ВР (Ki-15063) на поселении Ук VI до 5180±90 ВР (Ki-15118) на поселении Ташково III (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 277–280. Табл. XI). Но они, как и басьяновские, перекрывают хронологический отрезок в пределах первой половины IV тыс. до н.э. И именно в это время, исходя из анализа современной источниковой базы, наиболее вероятно обитание басьяновского населения в Тагило-Исетском междуречье.

Давать однозначный ответ на историко-археологическое соотношение боборыкинских и басьяновских комплексов на уровне накопленного источникового фонда преждевременно. Очевидно несколько обстоятельств.

1. Эти комплексы сосуществовали, во всяком случае, в определенный хронологический период, и территория их распространения частично совпала. Яркий пример этому – поселение Шайдурихинское V, где в пределах одних и тех же жилищ найдены сосуды обоих типов (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 277–280. Табл. XI. Рис. 160–186). Наиболее вероятное время одновременного бытования этих археологических комплексов при всем разбросе некалиброванных дат от 7090±50 ВР (ЛЕ-8905, стоянка Второй поселок I) до 5180±90 ВР (Ki-15118, поселение Ташково III) определяется первой половиной IV тыс. до н.э., так как именно к этому времени относится более половины (16 из 25) имеющихся дат по этим археологическим комплексам (табл. 1, 2). Севернее территории г. Невьянск (верховья р. Нейва) в горно-лесном Зауралье боборыкинских поселений все же нет. А басьяновских памятни-

ков нет южнее широты г. Екатеринбург (верховья р. Исеть). Таким образом, басьяновские коллективы занимали более ограниченную территорию, чем боборыкинские.

2. Если признать памятники Махтыльский и Усть-Вагильский холмы, Сумпанья IV, VI, Геологическое XVI и др., расположенные в северных регионах Зауралья и Западной Сибири, также боборыкинскими, хотя для их обозначения предлагают и иные дефиниции, то следует предполагать, что боборыкинское население при движении вдоль восточных отрогов Уральских гор территорию Нейво (Режевского) – Туринского (Тагильского) междуречья не освоило и в длительные контакты, оставившие археологически фиксируемые следы, с басьяновским населением здесь не вступило. Это также косвенное свидетельство археолого-культурной самостоятельности (специфичности) басьяновских групп населения. Памятники с басьяновской керамикой с археологической точки зрения явно претендуют на роль самостоятельного культурного явления. Однако реальный их статус – новая археологическая культура, локальный вариант боборыкинской культуры (области, общности) – определять на сегодня преждевременно.

3. Также нельзя в историко-культурном аспекте однозначно определить, были ли басьяновские общины самостоятельным этническим (социокультурным) явлением на стадии, видимо, формирующейся этнической группы (этникоса), обладающей только культурно-языковой общностью (Алексеев, Першиц, 2001. С. 192). Либо они были частью более крупной этнической (социокультурной) едини-

цы, обозначаемой в археологических дефинициях как боборыкинская культура (общность) в широком территориальном и археолого-культурном понимании этого единства: Южное и Среднее Зауралье, приобская и притобольская части Западной Сибири, боборыкинские, басьяновские, сатыгинские и другие археолого-культурные типы памятников. Скорее всего, наиболее продуктивно исследовать проблему боборыкинского археолого-культурного и историко-культурного единства (и различий внутри его) через призму явления лингвистической непрерывности, хорошо известной по этнографическим материалам, прежде всего аборигенов Австралии и Новой Гвинеи (Токарев, 1929; Толстов, 1950; Бутинов, 1951). В археологических реалиях эта дефиниция может обозначаться как *археологическая непрерывность*. Она близка по определению понятиям “этноязыковая непрерывность (*этлине*)”, “контактная этническая общность (*конэо*)”, обозначающим начальные этапы формирования этнических общностей. Эти понятия введены в научный оборот Н.А. Бутиновым (*конэо*) и В.Ф. Генингом (*этлине*).

Несколько слов о сути этих понятий. В понимании В.Ф. Генинга *этлине* представляет собой цепь непрерывности переходов от одной первобытной группы людей к другой на раннеродовой стадии. Такие непрерывности охватывали большие территории и большое число первобытных групп, между которыми имели место контакты, и прерывались или ослаблялись там, где находились какие-либо естественные преграды. “Отдельные специфические элементы культуры, языка и быта расходились на такой территории как бы по принципу распространения волн – более интенсивно в центре возникновения культурного импульса и слабее на его периферии. Но такие импульсы возникали среди многих групп в области расселения общности – как в центре, так и на окраинах. Поэтому в целом распространение специфических особенностей отдельных черт культуры, языка и бытового уклада выглядело ... в виде сочетания концентрических окружностей, описанных из различных центров” (Генинг, 1970. С. 54, 55).

По Н.А. Бутинову, выделенное на материалах аборигенов Новой Гвинеи понятие “конэо” характеризует *состояние* близости, непрерывности, цепной связи языков. Причем центром такой контактной общности может служить каждая отдельная деревня. И границы такой общности простираются во все стороны от этой деревни на расстояние радиуса этнической общности. Наибольшая степень этнической общности – в одной деревне, т.е. в самом центре. Далее идет следующая степень этниче-

ской общности, в центре и соседних окружающих деревнях, где понимают язык центра. Затем следует еще более низкая степень этнической общности, включающая эту центральную и соседние деревни, а также более удаленные, окраинные деревни, где язык центра понимают если не полностью, то хотя бы наполовину (Бутинов, 1962а. С. 143, 144; 1962б. С. 85).

Уточняя понятие “конэо”, В.Ф. Генинг видит наиболее характерную его черту также в цепной, контактной связи, как и у *этлине*, постепенных переходах в языке и культуре от одной группы к другой. Но в отличие от *этлине*, где гомогенная родовая община представляет собой одновременно формирующимся и этническим, и производственным коллективом, на стадии *конэо* нет уже полного совпадения этнических единиц и производственных коллективов в условиях формирования на позднем этапе родового строя, совпадающего прежде всего с эпохами мезолита и неолита, семейно-клановой организации первобытных коллективов в рамках гетерогенных общин. Последние могли включать в свой состав как (и прежде всего) родственные, так и неродственные группы населения. Еще одна отличительная черта стадии *конэо* – сохранение слабых и неустойчивых связей отдельных звеньев (групп) в рамках этнических общностей. Эти связи могут легко нарушаться, распадаться и возникать в новом варианте, поэтому очень бледно выражено в целом этническое своеобразие каждой такой общности, неустойчивы его границы, а в пограничных зонах немало групп, занимающих переходное положение как по культуре, так и по языку. Невелика еще и этническая устойчивость, сравнительно легко изменяются культура и язык групп, которые в силу тех или иных причин оказались в инородной этнической среде (Генинг, 1970. С. 55–78).

Возвращаясь к археологическим реалиям, отметим, что определяющие *археологическую непрерывность* признаки лежат не в этно-языковой и культурно-бытовой плоскостях, а в сходстве признаков, фиксируемых через археологические процедуры (дефиниции, артефакты). Это прежде всего особенности декоративно-морфологического оформления керамических комплексов, технико-типологическая специфика каменного и иного производственного и бытового инвентаря, характерные черты погребальной обрядности; в меньшей степени особенности домостроения, сходство предметов культовой практики и т.п. Подчеркнем, что среди артефактов археологических памятников начиная с эпохи неолита наиболее вариативными (а часто и наиболее массовыми) можно считать особенности декоративно-морфологического оформления керамических

комплексов. При выделении археологических дефиниций любого уровня иерархии (тип керамики, тип памятников и даже археологическая культура, культурно-историческая общность, область и т.п.) анализу именно особенностей декоративно-морфологического оформления керамических комплексов археолог придает важное, а часто и первостепенное значение. При этом он вольно или невольно подразумевает под выявленными различиями в этой категории артефактов различия культуру (социо-, этно-) генетического плана.

Сравнивая сходство и различие двух и более памятников по категориям однотипных артефактов, исследователь постоянно фиксирует их сходство и в то же время определенные различия. Причем эти различия, как правило, неизбежно нарастают по мере сравнения памятников, территориально более удаленных друг от друга. Возникает как бы цепочка непрерывности переходов в определенных категориях артефактов от одного памятника к другому. Непрерывность таких переходов, скорее, имеет даже не линейную, а концентрическую структуру, центр которой – тот археологический памятник, от которого идет сравнение с другими. Выстраиваемая концентрическая система признаков сходства и различия археологических артефактов при смене центра этой окружности постоянно видоизменяется. Исследователь интуитивно (а лучше с помощью статистических методов) определяет, что сравниваемые памятники можно относить к одной культурной традиции: археологической культуре, общности, области. В идеале центром такого сравнения должен быть эпонимный памятник анализируемой культуры. Именно от характеристик его артефактов и должно вестись сравнение инвентаря других археологических памятников. В частности, для боборькинской культуры таким эпонимом служат материалы жилищ 5 и 6 стоянки Боборькино II, для басьяновской – артефакты данного типа, прежде всего керамика Кокшаровского холма.

Хорошо, если эпонимный памятник анализируемой культуры происходит с той территории, где в конкретное историческое время и зарождались новые культурные импульсы, шли процессы нового культуру (социо-, этно-) генеза. Но в археологии такая идеальная ситуация фиксируется не всегда. Выбор эпонима нередко происходит случайно, по первому выявленному или хорошо раскопанному (опубликованному) памятнику археологии с отличным от других вещественным материалом. И тогда сам эпоним в историко-культурном плане может отражать не ядро культуру (социо-, этно-) генетического процесса, а одну из его периферийных ча-

стей, на которую могли наложиться черты другого (соседнего) ядра обозначенного процесса. В итоге историко-культурное (лингвистическое, этническое и т.п.) и археологическое содержание такой “непрерывности” может не совпадать. Выделяемая археологами конкретная культурно-историческая общность (область) отнюдь не адекватна реально существовавшей в древности этно-социокультурной общности. Отметим в заключение, что понятие “культурно-историческая общность”, а может быть, даже “культурно-историческая область” (см., например: Шорин, 1999 С. 3–7), практикуемое археологами наряду с понятием “археологическая культура”, видимо, наиболее близко обозначенным выше понятиям “лингвистическая непрерывность” и “этнине”, которыми историческая наука уже пользовалась для анализа лингвистических и этнографических реалий.

Авторы выражают благодарность Е.Н. Дубовцевой за возможность использовать в статье ее определения керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. М.: Высш. шк., 2001. 318 с.
- Бунькова (Герасименко) А.А.* Керамика из жилища I поселения Полуденка I // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Изд-во Магеллан, 2011. С. 125–140.
- Бутинов Н.А.* О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии // СЭ. 1951. № 2. С. 179–181.
- Бутинов Н.А.* Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. 80. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962а. С. 107–189.
- Бутинов Н.А.* Этнологические группы из Новой Гвинеи // СЭ. 1962б. № 3. С. 81–89.
- Васильева И.Н.* О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Изд-во Магеллан, 2011. С. 103–124.
- Вилисов Е.В.* Басьяновский вариант боборькинской культуры (по материалам памятника Второй поселок I) // Человек и Север: антропология, археология, экология: Мат-лы. Всерос. конф. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2012. С. 98–101.
- Генинг В.Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск: Изд-во Уральск. рабочий, 1970. 128 с.
- Герасименко А.А., Сериков Ю.Б.* Неолитические памятники Юрьинского озера // Охранные археологические

- исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург: БКИ, 2007. С. 59–79.
- Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1989. 80 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Изд-во Магеллан, 2008. С. 73–113.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.
- Панина С.Н. Каталог археологических коллекций Верхнепышминского исторического музея. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. 32 с.
- Токарев С.А. О системах родства у австралийцев // Этнография. 1929. № 1. С. 23–53.
- Толстов С.П. Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографической науки // СЭ. 1950. № 4. С. 16–19.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 182 с.
- Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // РА. 2000. № 3. С. 88–101.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 70–77.

BASYANOV ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF THE LATE NEOLITHIC AGE: THE FOUNDATION FOR ALLOTING

Aleksandr F. Shorin, Evgeny Vilisov, Anastasiya A. Shorina

*Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy
of Sciences, Yekaterinburg (shorin_af@mail.ru; istor@uran.ru)*

The article gives main characteristics of the found of the archaeological complex of the late Neolithic Age in the Middle Trans-Urals. It is dated to the first half of the 4th millennium BC and genetically connected with the Trans-Ural Boborykino culture. However, the real status of the Basyanovo archaeological complex – new archaeological culture, local variant of the Boborykino culture (Oblast, community) – is early to identify at the moment. Likely the most productive way to examine the problem of the Boborykino archaeological and historical cultural unity (and differences inside it) through the lens of the linguistic continuity well known by the ethnographical materials, first of all, of the aborigines of New Guinea. In archaeological realia this definition could be signified as an archaeological continuity.

Keywords: Middle Trans-Urals, the Neolithic Age, the Basyanovo archaeological complex, main characteristics.

REFERENCES

- Alekseyev V.P., Pershits A.I., 2001. *Istoriya pervobytnogo obshchestva* [The history of the primitive society]. Moscow: Vysshaya shkola. 318 p.
- Bun'kova (Gerasimenko) A.A., 2011. *Keramika iz zhilishcha I poseleniya Poludenka I* [The pottery from dwelling I of the settlement Poludenka I]. *Voprosy arkheologii Urala* [Problems of Ural Archaeology], 26. Yekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 125–140.
- Butinov N.A., 1951. О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии [On the primitive linguistic continuity in Australia]. *SE* [Soviet ethnography], 2, pp. 179–181.
- Butinov N.A., 1962a. *Proiskhozhdeniye i etnichesky sostav koren'nogo naseleniya Novoy Gvinei* [The origin and ethnic composition of the native population of New Guinea]. *Trudy Instituta etnografii. Novaya ser. [Transactions of the Institute of ethnography. New ser.]*, 80. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 107–189.
- Butinov N.A., 1962b. *Etnologicheskiye gruppy iz Novoy Gvinei* [Ethnological groups from New Guinea]. *SE* [Soviet ethnography], 3, pp. 81–89.
- Gening V.F., 1970. *Etnichesky protsess v pervobytnosti* [Ethnic process in primitive world]. Sverdlovsk: Ural'skiy rabochy. 128 p.
- Gerasimenko A.A., Serikov Yu.B., 2007. *Neoliticheskiye pamyatniki Yur'inskogo ozera* [Neolithic sites of Yurinskoe Lake]. *Okhrannyye arkheologicheskiye*

- issledovaniya na Srednem Urale [Rescue archaeological researches at Middle Ural]*, 5. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 59–79.
- Kovaleva V.T., 1989. Neolit Srednego Zaural'ya [Neolithic Age of Middle Trans-Urals]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural. univ. 80 p.
- Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu., 2008. Istoriografiya i obzor osnovnykh pamyatnikov koshkinskoy kul'tury [Historiography and review of main sites of the Koshkinsk culture]. *Voprosy arkhologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 26. Yekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 73–113.
- Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu., 2010. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura [Neolithic Age of Middle Trans-Urals: the Boborykino culture]. Yekaterinburg: Uchebnaya kniga. 308 p.
- Panina S.N., 2003. Katalog arkheologicheskikh kollektsiy Verkhnepyshminskogo istoricheskogo muzeya [Catalogue of archaeological collections of Verkhnepyshminsk historical museum]. Yekaterinburg: Akva-Press. 32 p.
- Shorin A.F., 1999. Eneolit Urala i sopredel'nykh territory: problemy kul'turogeneza [The Eneolithic Age of Ural and cross-border regions: problems of culture genesis]. Yekaterinburg: Ural. otdeleniye RAN. 182 p.
- Shorin A.F., 2000. Stratigrafiya i keramicheskiye komplekсы Koksharovskogo kholma [Stratigraphy and pottery complexes of Koksharovsk hill]. *RA [RA]*, 3, pp. 88–101.
- Shorin A.F., Shorina A.A., 2011. Khronostratigrafiya neoliticheskikh kompleksov svyatilishcha Koksharovskiy kholm [Chronostratigraphy of the Neolithic complexes of the sanctuary Koksharovskiy hill]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 3 (47), pp. 70–77.
- Tokarev S.A., 1929. O sistemakh rodstva u avstraliytsev [On the systems of relationship at the Australians]. *Etnografiya [Ethnography]*, 1, pp. 23–53.
- Tolstov S.P., 1950. Znachenije trudov I.V. Stalina po voprosam yazykoznanija dlya razvitiya sovetskoy etnografi-cheskoy nauki [The value of the I.V. Stalin's proceedings for the development of the Soviet ethnographical science]. *SE [Soviet ethnography]*, 4, pp. 16–19.
- Vasil'yeva I.N., 2011. O tekhnologii izgotovleniya keramiki Koksharovskogo kholma [On the technology of the Koksharovsk hill pottery production]. *Voprosy arkhologii Urala [Problems of Ural archaeology]*, 26. Yekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 103–124.
- Vilisov Ye.V., 2012. Bas'yanovskiy variant boborykinskoy kul'tury (po materialam pamyatnika Vtoroy poselok I) [Basyanovo variant of the Boborykino culture (on the materials of the site Vtoroy poselok I)]. *Chelovek i Sever: antropologiya, arkhologiya, ekologiya: materialy Vseros. konf. [Man and North: anthropology, archaeology, ecology: materials of the Russian national conf.]*, 2. Tyumen': Izdatel'stvo Instituta problem osvoyeniya Severa SO RAN, pp. 98–101.

НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГОЛОВЫ ПТИЦЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА И ИХ АНАЛОГИИ В СКИФО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

© 2015 г. Г.Н. Вольная

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ (volnaia@rambler.ru)

В статье исследуется происхождение бронзовых наконечников ножен в виде протомы хищной птицы из памятников Центрального Кавказа VII – середины VI вв. до н.э. Выделяются два стилистических типа изображений. Для первого типа (могильники Фаскау, Нижне-Чегемский могильник, Верхний Аул) характерен кольцевидный клюв, заостренный слегка выгнутый язык, небольшой круглый глаз. Этот тип схож с раннескифскими подражаниями изображению орлиноголового грифона раннегреческого типа. Ко второму типу (могильники Фаскау, Кобанский, Кливанский, Дванский) относятся изображения с сильно загнутым клювом из двух полос, крупным круглым глазом, полукольцевидным языком. Первый тип стилистически более однороден, чем второй, и является более ранним. Идея изображения протомы хищной птицы на наконечниках ножен нашла свое продолжение в скифских памятниках середины VI – середины V вв. до н.э. на Северном Кавказе, Западном Закубанье, в Поднепровье, а в среде других культур – в Трансильвании и Нижнем Поволжье.

Ключевые слова: наконечники ножен, Центральный Кавказ, кобанская культура, скифская культура, звериный стиль.

На территории Центрального Кавказа известно девять экземпляров бронзовых конусовидных уплощенных наконечников ножен, имитирующих голову хищной птицы. Их нижний конец переходит в стилизованный кольцевидный клюв с языком, также изображен круглый глаз (рис. 1, 4–7, 9–13). Известен и десятый сильно фрагментированный экземпляр из Фаскау, который, судя по фрагментам, был аналогичен рассматриваемым наконечникам (рис. 1, 8). Наконечники были найдены в могильниках: Фаскау (4 экз.) (рис. 1, 6–8, 13), Верхне-Кобанском (2 экз.) (рис. 1, 9, 11), Нижне-Чегемском (2 экз.) (рис. 1, 4, 5), Кливанском (погр. № 28) (1 экз.) (рис. 1, 12), Дванском (1 экз.) (рис. 1, 10).

Впервые наконечники ножен, найденные в могильниках Фаскау и Верхне-Кобанском, опубликовала П.С. Уварова в конце XIX в. (Уварова, 1900. С. 83. Рис. 80. Табл. CXV, 4, 5). Позднее Е.И. Крупнов вновь обратился к этим предметам и издал новые фотоснимки этих наконечников, добавив к ним изображение фрагментированного наконечника ножен из Фаскау (Крупнов, 1960. Табл. LXXV, 2–4).

В середине XX в. продолжилось изучение наконечников такого типа. С.И. Макалатия опубликовал наконечник ножен из Дванского могильника (Макалатия, 1949. Рис. 6; Макалатия, 1957).

Во время исследований Нижне-Чегемского могильника в 1959 г. П.Г. Акритасом в грунтовых погр. № 2 и 7 были выявлены наконечники ножен в виде головы птицеобразного грифона. Кости скелета в погр. № 2 не сохранились. В погр. № 7 лежал костяк, скорченный на боку, головой на юг. Наконечник с головой грифона из этого погребения был частью ножен железного меча. Наконечники ножен из Нижне-Чегемского могильника в настоящее время хранятся в Национальном музее Кабардино-Балкарской Республики. П.Г. Акритас полагал, что эти предметы, в числе некоторых других находок из данного могильника, являются предметами скифского типа (Акритас, 1969. С. 184–186. Табл. II, 15; III, 9). В дальнейшем В.Б. Виноградов проанализировал происхождение наконечников ножен с головой грифона из Нижне-Чегемского могильника (Виноградов, 1972. С. 144–146).

Я.В. Доманский опубликовал еще два бронзовых уплощенных наконечника ножен с головой хищной птицы. Они найдены в Кобанском ущелье и хранятся в собрании Государственного Эрмитажа (инв. № 1360/597, 596) (Доманский, 1984. Рис. 28, 29) (один из них из собрания П.С. Уваровой). И. Мотценбекер опубликовал бронзовый наконечник ножен из Фаскау с головой птицы из собрания

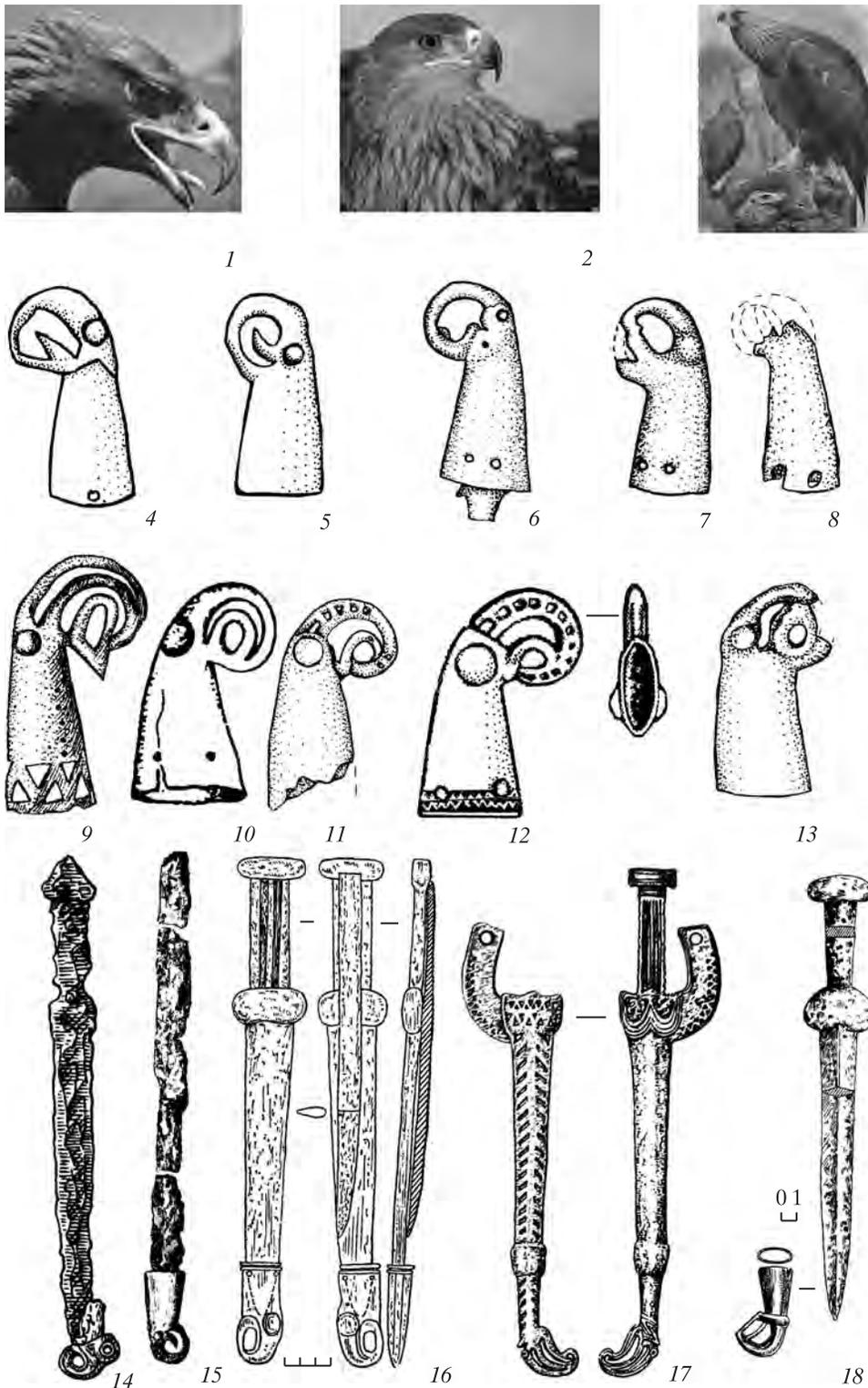

Рис. 1. Фотографии хищной птицы (беркута) и воплощение этого образа на наконечниках ножен: 1–3 – фотографии беркута, 4, 5 – Нижне-Чегемский могильник, 6–8, 13 – могильник Фаскау, 9, 11 – Верхне-Кобанский могильник, 10 – Дванский могильник, 12 – Кливанский могильник, 14 – Тлийский могильник, 15 – Нижне-Чегемский могильник, 16 – Репяховатова могила, 17 – Фирминиш, 18 – Старший Ахмыловский могильник.

Косниерского, хранящегося в Музее доисторического периода и ранней истории (Museum für Vor- und Frühgeschichte) в Берлине (инв. № III d 2278) (Motzenbäcker, 1996. Taf. 7, 7). В.И. Козенкова опубликовала наконечник ножен с головой птицы из Кливанского могильника, раскопанного А.Х. Слановым в 1977–1984 гг. (Козенкова, 2007. С. 267, 268). Изучая археологические памятники раннего железного века Дигорского ущелья, А.П. Мошинский выделил в особый тип уплощенные, вытянутой формы наконечники ножен из Дигории (Фаскау), Кобанского ущелья и Дванского могильника. Нижний конец этих наконечников ножен переходит в стилизованный птичий клюв, закрученный в кольцо с выступом, который, вероятно, должен был символизировать язык грифона (Мошинский, 2006. С. 17).

Обратимся к образу, который помещен на рассматриваемых наконечниках ножен. По определению некоторых авторов (П.Г. Акритаса, В.Б. Виноградова, А.П. Мошинского) на наконечниках ножен изображалась птица с языком, “языкатый грифон” (Акритас, 1961. С. 184, 185; Виноградов, 1972. С. 146; Мошинский, 2006. С. 17). Термин “грифон” подразумевает изображение фантастического существа. Однако на наконечниках ножен изображена несколько стилизованная голова с шеей реальной хищной птицы отряда соколообразных (рис. 1, 1–3). Для всех видов хищных птиц характерен крепкий, загнутый крючком клюв. Хищные птицы семейства ястребиных имеют небольшой заостренный язык. К отряду соколообразных (Falconiformes), семейству ястребиных (Accipitridae) относится беркут (*Aquila chrysaetos* Linnaeus). Беркут распространен в северном полушарии, где обитает преимущественно в горах, в меньшей степени на равнинных открытых и полукрытых ландшафтах (Брем, 1992. С. 243). Беркут обитает, в том числе, и на территории Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (Красная книга..., 1999. С. 163). К примеру, беркут – “дурдзæргæс”, дословно переводится с осетинского языка как “живущий на камне”, т.е. в горах, скалах (Краткий русско-осетинский словарь, 1978. С. 31). Из всех птиц, живущих в горной зоне Центрального Кавказа, рассматриваемые изображения головы хищной птицы визуально похожи на беркута. Для беркута характерна конусовидная, покрытая перьями шея, круглый глаз, почти прямое подклювье, серповидное надклювье и острый подтреугольный язык (Mullarney et al., 2000. P. 76). Наиболее близким отображением природного беркута является протома птицы из Нижне-Чегемского могильника (рис. 1, 4). Для беркута характерен также более светлый, чем основное оперение, воротник. На наконечниках из Кобанского и Кливанского

могильников он показан зубцами и треугольниками (рис. 1, 9, 11).

Таким образом, наконечники ножен из Центрального Кавказа представляют собой протому хищной птицы, скорее всего, беркута. Все наконечники с головой птицы происходят из памятников кобанской культуры в горной зоне на обоих склонах Главного Кавказского хребта.

Были проанализированы пропорции наконечников ножен из памятников Центрального Кавказа, т.е. соотношения: а) длины головы к длине шеи; б) ширины основания к ширине головы с клювом; в) высоты предмета к ширине основания; г) высоты головы к диаметру глаза; д) ширины головы к высоте (таблица) и стилистические особенности изображений. В основу типологии наконечников ножен положены пропорции головы с клювом (отношение высоты к ширине) и форма языка.

Среди находок Центрального Кавказа можно выделить два стилистических типа. Наконечники ножен типа 1 происходят из Нижне-Чегемского могильника (2 экз.), могильника Фаскау (рис. 1, 4–7). Для первого типа характерно изображение заостренного, слегка выгнутого треугольного языка, который в ряде случаев не касается клюва, и небольшого круглого глаза. На наконечнике ножен из Нижне-Чегемского могильника отдельно изображено надклювье и подклювье, на других образцах они соединяются и превращаются в кольцо. Соотношение высоты и ширины головы вместе с клювом практически равны (от 0.9 до 1.1).

Наконечники ножен типа 2 найдены в могильниках: Кобанском (2 экз.), Фаскау, Кливанском и Дванском (по 1 экз.) (рис. 1, 9–13). Для второго типа характерно изображение сильно загнутого верхнего кольцевидного надклювья из двух полос, подклювье отсутствует (рис. 1, 9, 11, 12), в некоторых случаях эти полосы соединены между собой через определенные промежутки полосками, в результате чего образуется поперечное рифление клюва (Кобанский, Кливанский могильники) (рис. 1, 11, 12), а также изображение крупного круглого глаза, полукольцевидного языка, конец которого соединен с клювом. На некоторых наконечниках в нижней части шеи птицы расположены два ряда треугольников (Кобанский, Кливанский могильники). Ширина головы с клювом больше, чем высота головы (от 1.2 до 1.4).

Устойчивым показателем, достаточно близким у обоих типов, является соотношение длины головы и длины шеи (от 2.3 до 2.9). Отношения ширины головы к ее высоте и ширины основания наконечников к ширине головы показывают, что в группе 2

Пропорции наконечников ножен в виде головы птицы

№ рисунка	Длина головы/ длина шеи	Ширина осно- вания/ ширина головы с клювом	Высота предмета/ ширина основания	Высота головы/ диаметр глаза	Ширина головы/ высота головы
Тип 1					
1, 4	2.5	0.9	2.2	3.7	1.1
1, 5	2.9	1.0	2.3	1.8	0.9
1, 6	2.4	1.0	2.3	5.0	1.1
1, 7	2.3	0.9	2.5	3.4	1.1
1, 9	2.6	0.7	2.9	4.0	1.4
1, 10	2.2	1.0	1.8	1.9	1.2
1, 11	2.8	0.8	2.3	2.5	1.3
Тип 2					
1, 12	2.3	0.8	2.3	2.5	1.3
1, 13	2.4	0.9	2.3	3.4	1.2
Тип 3					
3, 1	1.8	0.7	2.2	4.2	0.8
3, 2	5.0	1.2	3.3	7.5	1.5
3, 3	2.0	0.7	2.5	3.3	1.1
3, 4	1.6	0.7	3.1	4.1	0.9
3, 5	2.0	0.8	4.2	4.8	1.1
3, 6	2.0	0.5	2.5	2.1	1.4

голова с клювом несколько шире, чем в группе 1. Отношение диаметра глаза к высоте головы – неустойчивый признак для наконечников ножен из Центрального Кавказа и имеет сильный разброс показателей (от 1.8 до 5).

Различия пропорций наконечников первого типа колеблются от 0.1 до 0.8, а наконечников второго типа от 0.2 до 1.2 единиц. Наконечники первого типа пропорционально и стилистически – более однородная группа. Поэтому предметы типа 1, скорее всего, являются ранним исходным типом.

На Северном Кавказе скифскому мотиву обособленной головы хищной птицы предшествуют птицеголовые скипетры (рис. 2, 2, 3) и их изображения на стелах (Фарс, погр. 35, станица Абадзехская, могильник на Кисловодской мебельной фабрике, музей станицы Гиагинской, аул Тауйхабль, 1-й Султангорский могильник, Кубанский могильник, Зандак, Зубовская, Усть-Лабинская) (Канторович, 2007. С. 241). К этому списку можно добавить бронзовый ажурный “наконечник ножен” из Жемталинского клада (рис. 2, 1) в виде головы птицы (Крупнов, 1952. С. 11. Рис. 1). Он, по мнению В.Б. Виноградова, ажурностью края своего корпуса и конфигурацией сильно напоминает рассматриваемые наконечники, а трактовкой клюва и языка грифона

близок к наиболее архаичному из подобных великобудскому навершию (Виноградов, 1972. С. 146). К этому мнению присоединяется и А.П. Мошинский (Мошинский, 2006. С. 17). Однако, во-первых, этот предмет вряд ли мог служить прямым прототипом для рассматриваемых наконечников ножен. Во-вторых, не существует достаточно убедительных доказательств, что жемталинская находка является наконечником ножен, она могла быть и навершием. В-третьих, голова птицы на предмете из Жемталинского клада стилистически совершенно не схожа с рассматриваемыми наконечниками ножен и вряд ли могла стать для них прототипом. Думается, находка из Жемталы представляет собой образец предскифского этапа развития изображения головы птицы в кобанском искусстве.

От этих изделий, в первую очередь от скипетров типа Фарс, можно вести линию развития мотива птичьей головы к древнейшим в этом регионе амбивалентным изображениям птичьих голов/когтей на уздечных пронизях-распределителях в предскифских комплексах, в переходных к раннескифским (Каменноостровский могильник, кург. 1; поздний горизонт Фарса, кург. 41) и в собственно раннескифских памятниках Северного Кавказа (Красное Знамя; Келермес, кург. 2В, кург. 24; Нартан, кург. 20 и др.) (рис. 2, 4–11), равно как и за его пределами

Рис. 2. Истоки образа хищной птицы: 1 – Жемталинский клад, 2 – Фарс, 3 – Комаровский курган, 4, 5 – Нартановский могильник, 6, 7, 18 – Тлийский могильник, 8 – Красное Знамя, 9–11, 14, 15 – Ульский курган, 12 – Родос, 13, 14, 17, 20 – Келермесский курган, 16 – Новозаведенное II, 19 – могильник Фаскау, 21 – хут. Говердовского.

в зоне скифского присутствия и влияния (Канторович, 2007. С. 241). Для доскифских изображений голов хищной птицы на Центральном Кавказе характерен загнутый клюв и большой круглый глаз (Канторович, 2010. Рис. 21), в раннескифский период такой клюв сильнее загибается и становится кольцевидным.

Территориально наиболее близки рассматриваемым наконечникам ножен костяные навершия штандартов в виде головы птицы с сильно загнутым клювом из кург. 6 Нартанского могильника (рис. 2, 4, 5) (Батчаев, 1985. Табл. 21, 23, 24, 37, 4–8), костяная привеска из погр. 216 и костяной наконечник ножен из погр. 246 Тлийского могильника (рис. 2, 6, 7) (Техов, 1976. Рис. 2, 3; Техов, 2002. Табл. 161).

Наконечник ножен из погр. 246 Тлийского могильника (рис. 2, 7) был найден на кинжале VII–VI вв. до н.э. кобанского типа с пирамидальным навершием (рис. 1, 14) (Козенкова, 1996. Рис. 37, 12). Однако стилистически этот наконечник ножен близок изображениям раннескифской культуры (изображение большого выступающего над поверхностью головы круглого глаза из трех concentрических окружностей, оформление клюва продольной линией). О его скифском происхождении свидетельствует материал – кость, из которого наконечники ножен и зооморфные находки в кобанской культуре этого времени не изготавливались. У глаза изображен треугольник, как на некоторых изображениях хищной птицы раннескифского периода (рис. 3, 5, 6). Исходя из этого, можно предположить, что данный костяной наконечник был выполнен скифским мастером. Для кобанского искусства использование кости не характерно. В дальнейшем этот наконечник мог послужить образцом для изготовления бронзовых наконечников ножен уже в мастерских Кобанского и Дигорского ущелий. Тлийский могильник находился на территории контактной зоны кобанского населения и скифов, и из его погребений известна целая серия скифских предметов (Техов, 1976. С. 153–163).

Изогнутый язык птиц, изображенный на наконечниках ножен первого типа из Центрального Кавказа, не характерен для кобанского искусства и стилистически связан с изображениями орлиноголового грифона раннегреческого типа (VIII–VII вв. до н.э.). Такой грифон отличается длинными, вертикально стоящими ушами, клюв, как правило, раскрыт, в нем виден изогнутый язык. Встречается он на ручках раннегреческих бронзовых котлов, оформленных в виде головы зверя на длинной шее (рис. 2, 12) (Переводчикова, 1994. С. 50). Мотив языкатого грифона, будучи детищем урартского, ассиро-вавилонского и греко-ионийского искусств,

очень рано усваивается причерноморскими кочевниками и получает свое “скифское” воплощение в шедеврах степного искусства первой половины VI в. (Виноградов, 1972. С. 145). Образ грифона в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. встречается редко. Если исключить выполненные в смешанной или в вовсе не скифской традиции (восточногреческой и ассиро-урартской) изображения этих существ на зеркале, диадеме, ритоне и мечах из Келермеса (рис. 2, 13, 14) и из Мельгунова, останутся единичные изображения. Это протомы (точнее головы и шеи, переходящие в туловище-бубенец) орлиноголового грифона с изогнутым языком на ритуальных бронзовых навершиях из кург. 3/Ш Келермесского могильника, кург. 8 могильника Новозаведенное-II, из кург. 1 у хутора Говердовского (рис. 2, 15–17, 20, 21) и из Майкопского музея, во вторичном использовании – на калачиковидных серьгах из более позднего кургана в имении Пастака. Как известно, изображения данного типа – реплики протом грифона со стержневидными и шишковидными выступами на темени на атташах греческих бронзовых котлов VII в. до н.э. (Канторович, 2007. С. 244). По-видимому, одновременно проникает он и в среду кавказцев-кобанцев. Здесь его активно применяют для декора кинжальных наконечников ножен (Виноградов, 1972. С. 145). Отмечается сходство со скифскими разновидностями языкатых грифонов, особенно с Ульским бронзовым навершием, у которого принцип трактовки глаза, клюва и торчащего в нем языка весьма близок нижне-чегемским и северо-осетинским грифонам. Однако эти последние еще более упрощены и доведены до простой схемы (Виноградов, 1972. С. 145).

Аналогичные трансформации языка наблюдаются и на ритуальных бронзовых навершиях (рис. 2, 15–17, 20, 21). Изображение грифона на навершии из Келермесского кургана (рис. 2, 17) стилистически ближе раннегреческим и ассиро-урартским изображениям (рис. 2, 12–14), чем на находках из Ульского кургана, Новозаведенного-II и Келермесского кургана (рис. 2, 15–17, 20, 21) (Канторович, 2007. С. 235–257; 2010. С. 189–224). Глаз грифона на навершиях из этих памятников из миндалевидного трансформируется в круглый, язык превращается в изогнутую полоску, которая касается клюва птицы. Изображение на навершии из хут. Говердовского (рис. 2, 21) вообще теряет черты грифона и трансформируется в голову хищной птицы с загнутым клювом и выгнутой полоской языка. Варианты изображения языка птицы на рассматриваемых навершиях и наконечниках схожи.

Изображения сомкнутого клюва грифона из Ульского аула и хищной птицы из хут. Говердовского

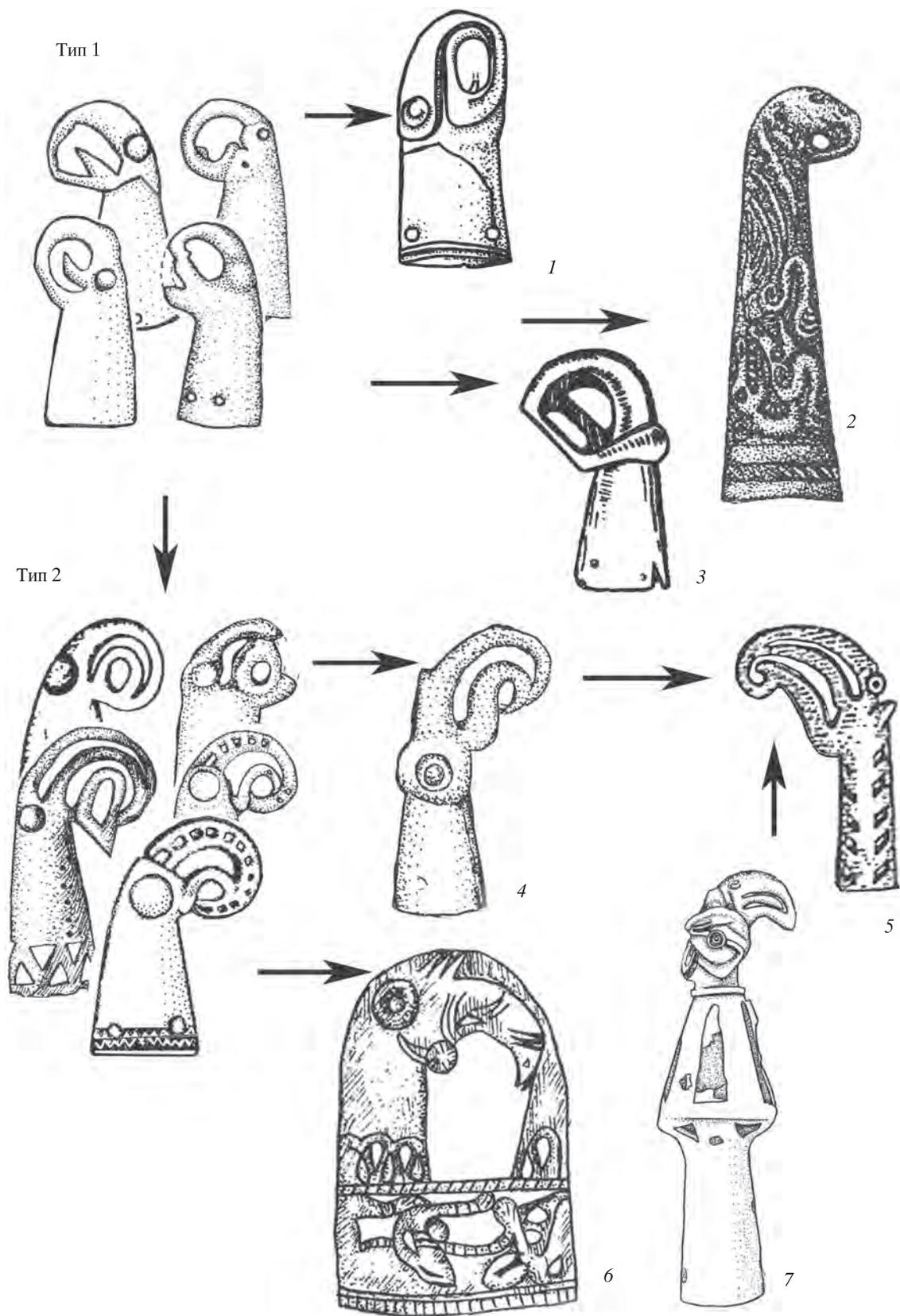

Рис. 3. Образ хищной птицы на наконечниках ножен, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле: 1 – Репяховатая могила, 2 – Скородумский могильник, 3 – Старший Ахмыловский могильник, 4 – Владимировский могильник, 5 – Фирминиш, 6 – курган у с. Сунжа, 7 – Волковцы.

(рис. 2, 15, 21) угловатостью подклювья и серповидностью надклювья напоминают клюв птицы на нижне-чегемском наконечнике ножен (рис. 1, 4). Поэтому, наш взгляд, идею изображения головы хищной птицы кобанские мастера черпали из раннескифского искусства, а нижне-чегемский наконечник является наиболее ранним, как, в целом, и первый тип ножен. Кроме того, первый тип наконечников более однороден. В дальнейшем происходит развитие изображения головы хищной птицы на наконечниках ножен и его распространение на других территориях.

Стилистически сходные наконечники ножен из памятников Центрального Кавказа и скифские наверхия из Предкавказья синхронны. В.И. Козенкова относит наконечники ножен с головой птицы к позднекобанскому периоду (Кобан IV) (середина VII – начало IV в. до н.э.). По ее мнению, этот период характеризуется новой резкой деформацией традиционной культуры. В основе этого процесса лежали две основные причины: полное овладение железоделательным и железокузнечным искусством и начавшееся интенсивное передвижение в Предкавказье по доступным горным проходам к перевалам степных ираноязычных кочевников скифо-савроматского облика. Автор полагает, что в этот период ощущается активный поиск новых модификаций, активизируется процесс сращивания элементов старой культуры с чужеземными новациями ираноязычных кочевников (Козенкова, 1996. С. 99, 100. Рис. 37). Исходя из комплексов Дванского могильника, А.П. Мошинский датирует рассматриваемый тип наконечников раннескифским временем (Мошинский, 2006. С. 17). Я.В. Доманский датировал наконечники ножен из Кобанского могильника первой четвертью I тыс. до н.э. (Доманский, 1984. Рис. 28, 29). М.Н. Погребова и Д.С. Раевский отметили бронзовые наконечники ножен с головой птицы как пример изображений хищной птицы с загнутым клювом в эпоху скифской архаики (Погребова, Раевский, 1992. С. 126, 127. Рис. 19, а–в). По сопутствующему материалу Нижне-Чегемского и Ахмыловского могильников, В.Б. Виноградов отнес эти детали ножен ко времени, близкому к середине VI – V вв. до н.э. (Виноградов, 1972. С. 144). По мнению В.Б. Виноградова, образ “языкатого грифона” в Предкавказье применялся недолго – в течение VI в. до н.э., а затем исчез. Он, очевидно, имел “узкую специализацию” и использовался главным образом для оформления бронзовых наконечников кинжальных ножен (Виноградов, 1972. С. 145). Но недавно В.И. Козенкова опубликовала наконечник ножен из Кливанского могильника (рис. 1, 12), который датируется V в. до н.э. по наконечникам стрел из соседних погребений

(Козенкова, 2007. С. 267, 268). Судя по стилистическим особенностям всех находок и достаточно сильной степени однородности материала, этот тип наконечников ножен сформировался на территории Северного Кавказа, в рамках Центрального варианта кобанской культуры. Исходя из анализа археологического материала, можно предположить, что существовало два взаимодействовавших центра производства конусовидных наконечников ножен с головой птицы – в ущельях Дигорском и Кобанском, откуда они распространялись в другие ущелья и в предгорную зону. Контакты между населением Дигорского и Кобанского ущелий, скорее всего, осуществлялись весной, летом и осенью по горным перевалам, а пути контактов проходили параллельно Главному Кавказскому хребту. Прослеживая стилистические особенности наконечников и наиболее удобные пути их распространения, можно предположить, что из Дигорского ущелья наконечники ножен первого типа попадали на территорию современных Балкарии и Кабарды (Нижне-Чегемский могильник).

Из Кобанского ущелья как одного из центров производства этих предметов наконечники второго типа могли попадать на территорию южного склона Главного Кавказского хребта (Кливанский и Дванский могильники).

Бронзовые конусовидные уплощенные наконечники ножен, нижний конец которых переходит в стилизованный птичий клюв, происходящие из памятников кобанской культуры Центрального Кавказа, находят аналогии в скифских памятниках Северного Кавказа, Поднепровья, Западного Закубанья, Трансильвании, Нижнего Поволжья.

Идея изображения протомы хищной птицы на наконечниках ножен продолжается в скифском искусстве и в более поздний период в кочевнических памятниках. К ним относится уплощенный подпрямоугольный наконечник ножен из кургана у с. Сунжа (рис. 3, б) середины VI – середины V в. до н.э., где к изображению птицы добавляется фигура “скребущегося” хищника. О том, что это продолжение традиции, свидетельствуют и декоративные элементы в виде двух рядов каплевидного, местами ажурного, орнамента в нижней части шеи птицы, как на наконечниках ножен из Кобанского и Кливанского могильников. Это имитация края перьевого покрова воротника птицы. Под глазом птицы помещен треугольный элемент, как у изображения на наконечнике ножен в виде головы хищной птицы из Тлийского могильника.

Следующей находкой с изображением протомы хищной птицы является наконечник ножен из Репяховатой могилы (Днепровское Лесостепное

Правобережье) конца VII–VI в. до н. э. (рис. 3, 1). Он найден с кинжалом-акинаком с брусковидным навершием. Это сильно стилизованное изображение птичьей головы, с достаточно крупным, но не выступающим над поверхностью головы глазом, клюв кольцевидный с отверстием, внутри клюва – фрагмент языка. Вместо сквозных элементов, как на кавказских образцах, в оформлении клюва использованы углубления. Лабораторные исследования предметов из этого памятника свидетельствуют об их местном изготовлении с использованием местного сырья (Ильинская и др., 1980. Рис. 12, 2). По справедливому мнению А.П. Мошинского, этот наконечник ножен является репликой кавказских наконечников (Мошинский, 2006. С. 17).

Другое направление развития этого сюжета – бронзовый наконечник ножен VI в. до н.э. из Владимирского могильника (Западное Закубанье) (рис. 3, 4) (Шишлов и др., 2008. С. 876, 877; Новичихин, 2006. Рис. 61/2), хранящийся в ГОУ “Новороссийский исторический музей-заповедник” (инв. № НИМЗ НМ-8860/176). По сравнению с кавказскими образцами форма клюва вытянута, но его очертания повторяют схему изображения клюва на наконечниках ножен второго типа из Кобанского и Кливанского могильников, однако S-образный язык кавказских образцов превращается в S-образное подклювье. Глаз из концентрических окружностей характерен для скифского искусства.

Далее рассматриваемый сюжет встречается в Трансильвании на наконечнике ножен из Фирминиша (Карпатский район) (рис. 3, 5). Наконечник ножен датируется VI–V вв. до н.э. по типу акинака с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием, на ножнах которого он помещен (рис. 1, 18). Здесь используется и перерабатывается схема изображения головы птицы из Владимирского могильника. Сохраняется ажурность и схема в изображении клюва, изображается язык, как на навершии из кург. 476 у с. Волковцы. Глаз на наконечнике из Фирминиша изображается совсем маленьким, что не характерно для скифского звериного стиля (Степи европейской части..., 1989. Табл. 28, 15). Язык птицы на наконечнике ножен из Фирминиша изображен по той же схеме, что и навершие из кургана у с. Волковцы (рис. 3, 7).

Бронзовые вытянутые наконечники ножен с головой птицы распространились также и в северо-восточном направлении. Такие наконечники, с различной степенью стилизации головы птицы, встречены в Волго-Камском регионе в погр. № 336 Старшего Ахмыловского могильника постмаклашевской культуры (Чижевский, 2008. С. 45. Рис. 33, 7) и в погребении ананьинской культуры со

шнуровой керамикой Скородумского могильника (VIII–V вв. до н.э.) (Мингалев, 2007. Рис. 3, 4; Чижевский, 2008. С. 118, 125. Рис. 33, 7). Наконечник ножен железного кинжала-акинака из погр. № 336 Старшего Ахмыловского могильника (VIII–VI вв. до н.э.) (рис. 1, 18; 3, 3) напоминает наконечник из могильника Фаскау. Сохраняется форма наконечника, лишь несколько искажается кольцо, изображающее клюв, глаз почти не выделен, он лишь угадывается в утолщении валика. Наконечник ножен из Скородумского могильника (рис. 3, 2) повторяет силуэт изображения кавказских образцов: выступающий относительно шеи сильно загнутый клюв хищной птицы, небольшой выгнутый язык, круглый глаз. Голова отделяется от шеи рифлеными диагональными полосами. Усеченный конус уплощается. По верхнему краю проходят две поперечные полосы. На шее птицы изображен хищник на согнутых лапах и с повернутой назад головой, что тоже перекликается с кавказскими изображениями. Пропорции этого наконечника отличаются от всех остальных: шея птицы гораздо длиннее. Тем не менее, по стилистическим параметрам его можно отнести к числу имеющих своим прототипом центральнокавказские наконечники ножен.

Культурные связи населения Волго-Камья с Северным Кавказом отмечают А.А. Чижевским. Так, северокавказские памятники IX–VII вв. до н.э. дают наибольшее число аналогий ананьинским и постмаклашевским погребальным памятникам и свидетельствуют об усилении внешнего товарного обмена населения Волго-Камья с Северным Кавказом, Предкавказьем и степным миром Евразии (Чижевский, 2008. С. 61, 90).

Наконечники ножен с головой птицы из кургана у с. Сунжа и памятников, происходящих не с территории Центрального Кавказа и связанных с кочевническими комплексами, демонстрируют стилистическую зависимость от центрально-кавказских наконечников (рис. 3, 1–6. Табл. 1). По сравнению с последними у них уменьшается длина шеи птицы и увеличивается длина головы, голова с клювом становится шире, а глаз крупнее, он выполняется из концентрических окружностей. В этом типе особняком стоит наконечник ножен из Скородумского могильника (рис. 3, 2), пропорции которого сильно отличаются от других предметов этого типа.

Помимо рассматриваемых наконечников из памятников Центрального Кавказа, известны полукруглые наконечники ножен с рельефным изображением фигурки свернувшегося хищника, который имеет продолжение в виде головы птицы, из Тлийского могильника (погр. 258) и могильника Фаскау (рис. 2, 18, 19). На бронзовом наконечнике ножен

из Фаскау птица изображена с большим гипертрофированным клювом с языком. А.П. Мошинский полагает, что наконечник ножен из Фаскау синхронен рассматриваемым наконечникам ножен, и датирует его серединой – второй половиной VI в. (Мошинский, 2006. С. 17. Рис. 8, 2; 43). На костяном наконечнике ножен изогнутого железного ножа из Тлийского могильника (рис. 2, 7) изображена сильно стилизованная голова птицы с кольцевидным клювом и небольшим глазом (Техов, 2002. Табл. 161, 1).

Такое сочетание изображения головы хищной птицы с фигурой “припавшего к земле” хищника видно и на наконечнике ножен из Сунженского кургана (рис. 3, 6) и Скородумского могильника в Волго-Камском регионе (рис. 3, 2), что характерно для скифо-сибирского звериного стиля середины VI – середины V в. до н.э.

Таким образом, наконечники ножен с протомой хищной птицы появились в центральном варианте кобанской культуры в середине VI в. до н.э. под влиянием скифского искусства. Этот сюжет на наконечниках ножен продолжал свое развитие до V в. до н.э. включительно. В конце VI–V в. до н.э. этот сюжет распространяется благодаря скифам на северо-запад (Репяховатая могила, Владимировский могильник, Фирминиш) и северо-восток (курган у с. Сунжа, Старший Ахмыловский и Скородумский могильник).

Для всех рассматриваемых наконечников ножен с головой птицы характерны сквозные отверстия. Такая ажурность наконечников ножен могла иметь функциональное назначение и использоваться для крепления ножен к ноге с помощью портупейных ремней. Этим достигалась фиксация ножен, что было особенно важно при извлечении кинжала. Такое крепление ножен к ноге можно увидеть, например, на стеле с изображением вельможи из Эребуни, на золотой пластине с изображением жреца из Амударьинского клада (Яценко, 2006. Рис. 9, 10). На наконечниках ножен первого типа острые языки грифонов могли быть язычками пряжек. На наконечниках ножен второго типа ремни могли фиксироваться с помощью колец. Таким образом, ажурные клювы на наконечниках ножен могли играть роль пряжек.

Изображение головы хищной птицы с кольцевидным клювом, круглым глазом и языком на наконечниках ножен появилось на территории Центрального Кавказа в раннескифский период в VII – середине VI в. до н.э., просуществовав до начала V в. до н.э. Более узкая дата (по типу акинаков) предполагает существование этого образа с середины VI в. до н.э. до начала V в. до н.э. Первоначальный центр изготовления таких наконечников ножен находился в Дигорском ущелье, затем такие наконечники стали

изготавливать в Кобанском ущелье. Из этих центров они стали распространяться на другие территории Центрального Кавказа. Идея изображения головы хищной птицы на наконечниках ножен нашла свое продолжение в скифском искусстве. Благодаря кочевникам наконечники ножен с протомой хищной птицы появляются в среде других культур. Механизм заимствования образа хищной птицы был гораздо сложнее, чем механическое копирование одного или нескольких образцов. В раннескифский период на Северном Кавказе существовало общее поликультурное пространство для различных культур раннего железного века, откуда черпались образы и способы оформления предметов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акритас П.Г.* Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX / Ред. Х.Г. Берикетов, Т.Х. Кумыков, и др. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1961. С. 177–192.
- Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Вып. II / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–134.
- Брем А.Э.* Жизнь животных. В 3 т. Т.2. М.: Терра, 1992. 880 с.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до нашей эры). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. 389 с.
- Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. Владикавказ: Иристон, 2002. 145 с.
- Галанина Л.К.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 80 с.
- Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. 238 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Ред. А.Н. Тереножкин. Киев: Наук. думка, 1980. С. 31–64.
- Канторович А.Р.* Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой. МИАР. Вып. 8 / Ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН, 2007. С. 235–257.
- Канторович А.Р.* Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Изобразительное искусство в археологическом наследии Археологический альманах. № 21 / Ред. А.В. Колесник. Донецк: ООО “Лебедь”, 2010. С. 189–224.
- Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем

- железном веке. М.: Пушинский научный центр РАН, 1996. 162 с.
- Козенкова В.И.* Специфика некоторых атрибутов костюма древних “кобанцев” как показатель процесса миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой. МИАР. Вып. 8 / Ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН, 2007. С. С. 258–294.
- Красная книга Республики Северная Осетия-Алания / Ред. А.М. Амирханов, П.И. Вейнберг и др. Владикавказ: Проект-Пресс, 1999. 248 с.
- Крупнов Е.И.* Жемталинский клад. М.: ГИМ, 1952. 36 с.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Макалатия С.И.* Раскопки Дванского могильника // СА. 1949. Т. 11. С. 225–240.
- Макалатия С.И.* Погребение эпохи поздней бронзы из селения Двани // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 139–143.
- Мингалев В.В.* Зооморфные изображения на оружии и деталях конской сбруи ананьинской эпохи (X–II вв. до н.э.) // Арт: литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал Республики Коми. 2007. № 4. С. 80–87.
- Мошинский А.П.* Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. М.: ГИМ, 2006. 206 с. (Тр. ГИМ. Вып. 154).
- Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД. 2006. 220 с.
- Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Вост. лит., 1994. 260 с.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М.: Наука, 1992. 260 с.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с. (Археология СССР).
- Техов Б.В.* О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников южного склона главного Кавказского хребта // Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 153–163.
- Техов Б.В.* Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.
- Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа. МАК. Вып. VIII. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. 381 с.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань: РИЦ “Школа”, 2008. 172 с. (Археология евразийских степей. Вып. 5).
- Шшилов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П.* Новый памятник скифского времени близ Новороссийска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006 [материалы конференций] / Ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 876, 877.
- Яценко С.А.* Костюм древней Евразии. М.: Вост. лит., 2006. 664 с.
- Motzenbäcker J.* Sammlung Kossnierska: Der Digorische Formenkreis Der Kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Druckhaus Berlin-Centrum, 1996. 294 S.
- Mullarney K., Svensson L., Zetterström D., Grant P.J.* Birds of Europe. Princeton: Princeton University Press, 2000. 400 p.

CHAPES WITH A BIRD'S HEAD IMAGE FROM EARLY SITES OF EARLY IRON AGE IN CENTRAL CAUCASUS AND THEIR ANALOGUES IN SCYTHOSIBERIAN ANIMALISTIC STYLE

Galina N. Volnaya

*Northern-Ossetic State University named after K.L.Khetagurov, Vladikavkaz
(volnaia@rambler.ru)*

The article considers the origin of the bronze chapes in the shape of protome (a bird of prey) from the sites of the Central Caucasus of the 7th – the middle of the 6th centuries BC. There are two stylistic types. A ringed beak, sharpened slightly convex tongue and a little oval eye are typical for the first type (burial sites Faskau, Nizhny Chegem and Verkhny Aul). That is similar to early Scythian copycats of the image of an eagle headed gryphon of the early Greek type. The images of strongly curved beak from two slices, big oval eye and semi ringed tongue are typical for the second type (burial sites Faskau, Koban, Klivan and Dvan). The first type is more homogeneous and earlier than the second one. The idea of the protome of a bird of prey on chapes has found its continuation in Scythian sites of the middle of the 6th – the middle of the 5th centuries BC of the Northern Caucasus, Western Kuban region, Dnieper region, and in other cultures in Transylvania and Lower Volga region.

Keywords: chapes, the Central Caucasus, the Koban culture, the Scythian culture, animalistic style.

REFERENCES

- Akritas P.G.*, 1961. Arkheologicheskiye issledovaniya Chegemskogo ushel'ya v 1959 [Archaeological researches of Chegem gorge in 1959]. *Sbornik statey po istorii Kabardino-Balkarii* [Collections of articles on history of Kabardino-Balkaria], IX. Kh.G. Beriketov, T.Kh. Kумыков, eds. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 177–192.
- Batchayev V.M.*, 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov [Antiquities of pre-Scythian and Scythian periods]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological Researches in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], II. M.P. Abramova, V.I. Kozenkova, eds. Nal'chik: El'brus, pp. 7–134.
- Brem A.E.*, 1992. Zhizn' zhivotnykh [Animals' life], т. 2. Moscow: Terra. 880 p.
- Chizhevsky A.A.*, 2008. Pogrebal'nyye pamyatniki naseleniya Volgo-Kam'ya v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaya i anan'inskaya kul'turno-istoricheskiye oblasti) [Burial sites of the population of the Volga-Kama region in the end of Bronze – early Iron Ages (pre-Ananyino and Ananyino cultural-historical areas)]. Kazan': Redaktsionno-izdatel'sky tsentr "Shkola". 172 p.
- Domansky Ya.V.*, 1984. Drevnyaya khudozhestvennaya bronza Kavkaza [Ancient artistic bronze of Caucasus]. Moscow: Iskusstvo. 238 p.
- Galanina L.K.*, 2006. Skifskiy drevnosti Severnogo Kavkaza v sobranii Ermitazha: Kelermesskiye kurgany [Scythian antiquities of the Northern Caucasus in the collection of Hermitage: Kelermes barrows]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 80 p.
- Il'inskaya V.A., Mozolevsky B.N., Terenozhkin A.I.*, 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov [Burial mounds of the VI c. BC near the village Matusov]. *Skifiya i Kavkaz* [Scythia and Caucasus]. A.N. Terenozhkin, ed. Kiyev: Naukova dumka, pp. 31–64.
- Kantorovich A.R.*, 2007. Istoki i variatsii obraza baranoptitsy (grifobarana) v ranneskifskom zverinom stile [Sources and variations of the image of ram-bird (vulture-ram) in early Scythian animalistic style]. *Severny Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M.P. Abramovoy* [Northern Caucasus and nomads' world in early Iron Age: collected works on the memory of M.P. Abramova]. V.I. Kozenkova, V.Yu. Malashev, eds. Moscow: IA RAN, pp. 235–257.
- Kantorovich A.R.*, 2010. Istoki i variatsii obrazov grifona i grifonopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII–VI vv. do n. e. [Sources and variations of the images of vulture like creatures in early Scythian animalistic style of the VII–VI cc. BC]. *Arkheologichesky al'manakh* [Archaeological Anthology], 21. A.V. Kolesnik, ed. Donetsk: OOO "Lebed'", pp. 189–224.
- Kozenkova V.I.*, 1996. Kul'turno-istoricheskiye protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznom veke. [Cultural and historical processes in the Northern Caucasus in the late Bronze and early Iron Ages]. Moscow: Pushchinsky nauchny tsentr RAN, 162 p.
- Kozenkova V.I.*, 2007. Spetsifika nekotorykh atributov kostyuma drevnykh "kobantsev" kak pokazatel' protsessa migratsy [Specifics of some attributes of the ancient "Kobans" costume as a marker of the migration]. *Severny Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M.P. Abramovoy* [Northern Caucasus and the nomads world in early Iron Age: collected works on the memory of M.P. Abramova]. V.I. Kozenkova, V.Yu. Malashev, eds. Moscow: IA RAN, pp. 258–294.
- Krasnaya kniga Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Red List of the Republic of Northern Ossetia-Alania], 1999. A.M. Amirkhanov, P.I. Veynberg, eds. Vladikavkaz: Proyekt-Press. 248 p.
- Krupnov Ye.I.*, 1960. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of the Northern Caucasus]. Moscow: AN SSSR. 520 p.
- Krupnov Ye.I.*, 1952. Zhemtalinsky klad [Zhemtalinsk hoard]. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey. 36 p.
- Makalatiya S.I.*, 1949. Raskopki Dvanskogo mogil'nika [Excavations of Dvansk barrow]. *SA*, 11, pp. 225–240.
- Makalatiya S.I.*, 1957. Pogrebeniye epokhi pozdney bronzy iz seleniya Dvani [Burial of the late Bronze Age from the settlement Dvani]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of Institute of History of material culture], 69, pp. 139–143.
- Mingalev V.V.*, 2007. Zoomorfnyye izobrazheniya na oruzhii i detalyakh konskoy sbrui anan'inskoy epokhi (X–II vv. do n. e.) [Zoomorphic images on the weapon and details of horse harness of the Ananyino epoch (X–XII cc. BC)]. *Art: literaturno-publitsisticheskoy, istoriko-kul'turologicheskoy, khudozhestvenny zhurnal Respubliki Komi* [Art: literature and journalistic, historical and culturological, artistic journal of the Republic of Komi], 4, pp. 80–87.
- Moshinsky A.P.*, 2006. Drevnosti gornoy Digorii VII–IV vv. do n. e. [Antiquities of mountainous Digor VII–IV cc. BC]. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey. 206 p.
- Motzenbäcker J.*, 1996. Sammlung Kossnierska: Der Digorische Formenkreis Der Kaukasischen Bronzezeit: Bestandskataloge, 3. Berlin: Druckhaus Berlin-Centrum. 294 p.
- Mullarney K., Svensson L., Zetterström D., Grant P.J.*, 2000. Birds of Europe. Princeton: Princeton University Press. 400 p.
- Novichikhin A.M.*, 2006. Naseleniye Zapadnogo Zakuban'ya v pervoy polovine I tysyacheletiya do n. e. (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [Population of Western Trans-Kuban in the first half of I millennium BC (on the materials of burial sites)]. Anapa: Sochinsky gosudarstvenny universitet turizma i kurortnogo dela. 220 p.

- Perevodchikova Ye.V.*, 1994. Yazyk zverinykh obrazov: Ocherki iskusstva yevraziyskikh stepey skifskoy epokhi [Language of animalistic images: Essays of Eurasian steppes art of the Scythian epoch]. Moscow: Vostochnaya literature. 260 p.
- Pogrebova M.N., Rayevsky D.S.*, 1992. Ranniye skify i drevny Vostok [Early Scyths and Ancient East]. Moscow: Nauka. 260 p.
- Shishlov A.V., Fedorenko N.V., Kolpakova A.V., Kononenko A.P.*, 2008. Novy pamyatnik skifskogo vremeni bliz Novorossiyska [New site of the Scythian period near Novorossiysk]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on the studying of historical and cultural heritage of the Northern Caucasus]*, VIII. A.B. Belinsky, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; Stavropol': Naslediye, pp. 876–877.
- Stepi yevropeyskoy chasti USSR v skifo-sarmatskoye vremya [Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian period], 1989. A.I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka. 464 p.
- Tekhov B.V.*, 1976. O nekotorykh predmetakh skifskogo zverinogo stilya iz pamyatnikov yuzhnogo sklona glavnogo Kavkazskogo khrebta [On some items of Scythian animal style from the sites of the southern flank of the main Caucasian range]. *Skifo-sibirsky stil' v iskusstve narodov Yevrazii [Scythian-Siberian style in the art of the peoples of Eurasia]*. A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, eds. Moscow: Nauka, pp. 153–163.
- Tekhov B.V.*, 2002. Tayny drevnikh pogrebeny [Secrets of the ancient burials]. Vladikavkaz: Proyekt-Press. 512 p.
- Uvarova P.S.*, 1900. Mogil'niki Severnogo Kavkaza [Burial grounds of the Northern Caucasus]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova. 381 p.
- Vinogradov V.B.*, 1972. Tsentral'ny i Severo-Vostochny Kavkaz v skifskoye vremya (VII–IV veka do nashey ery) [Central and Northern-Eastern Caucasus in Scythian period (VII–IV cc. BC)]. Grozny: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo. 389 p.
- Vol'naya G.N.*, 2002. Prikladnoye iskusstvo naseleniya Priterech'ya serediny I tys. do n.e. [Applied arts of the population of Terek valley in the middle of I mill. BC]. Vladikavkaz: Iriston. 145 p.
- Yatsenko S.A.*, 2006. Kostyum drevney Yevrazii [Costume of ancient Eurasia]. Moscow: Vostochnaya literature. 664 p.

МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ИСТОЧНИКОВ ЗОЛОТА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДРЕВНИХ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА)

© 2015 г. В.В. Зайков, Е.В. Зайкова

Институт минералогии УрО РАН, Миасс (zaykov@mineralogy.ru)

Предложены минералого-геохимические индикаторы древних ювелирных изделий для определения источников сырья. К ним относятся особенности составов золотых изделий, наличие и состав включений высокотемпературных платиноидов (минералов Os-Ir-Ru). По предложенным индикаторам определены вероятные источники золота для археологических памятников, изделия из которых содержат включения осмия. Обсуждается позиция ювелирных мастерских, условия и масштаб добычи золота в древности. Дальнейшая работа по определению конкретных источников золотых изделий должна заключаться в определении природных аналогов аномальных составов минералов осмия.

Ключевые слова: *минералы, группа осмия, золото, серебро, индикаторы, археологические памятники, Урал, источники благородных металлов.*

Интенсивное изучение состава древних золотых изделий Урала началось в последнее десятилетие с использованием рентгеноспектрального и рентгенофлуоресцентного методов анализа (Зайков и др., 2008; Юминов и др., 2008). К настоящему времени исследованы артефакты из 18 археологических памятников региона. Полученные сведения частично опубликованы (Зайков и др., 2010, 2012; Естественно-научные..., 2011), однако полноценное сопоставление полученных материалов с данными о самородном золоте уральских месторождений не сделано.

Цель работы – разработка минералого-геохимических индикаторов древних золотых изделий на археологических материалах Урала, направленная на выяснение источников золота. Пробы были предоставлены Л.Т. Яблонским, С.В. Сиротинным, А.Д. Таировым, В.В. Ткачевым, Д.Г. Здановичем.

Исследования проводились с помощью приборов РЭММА 202М (рентгеноспектральный метод, аналитик В.А. Котляров) и INNOV-X α 4000 (рентгенофлуоресцентный метод, аналитик П.В. Хворов). В итоге были получены данные о содержаниях в золоте Au, Ag, Cu. Важный результат работы – выявление в древних золотых изделиях микровключений, относящихся к платиноидам – минералам платиновой группы (МПГ). Они представлены “твердыми растворами” осмия, иридия, рутения (Геологический..., 2011. С. 252). Состав минера-

лов, определялся по соотношению этих компонентов в кристаллохимических формулах (Булах, 1967. С. 35; Harris, Cabri, 1991). Для более точной идентификации использована методика, предложенная при исследовании минералов Урала (Кобяшев, Никандров, 2007. С. 117). Она заключается в наименовании по преобладанию элемента в формуле (более 10 ат.%, что соответствует значению 0.1 в формуле) с добавлением состава примеси, например, “рутений иридиево-осмиевый” с примесью платины”.

Состав золотых изделий в исследованных археологических памятниках

Золотоносные курганы на Южном Урале описаны в многочисленных публикациях, обзор которых дан в работах (Таиров, 2000. С. 119–206; Зайков и др., 2012. С. 108–155). Расположение памятников, содержащих исследованные предметы из золота, показано на рис. 1. Выделены две группы: курганы, в которых изделия содержат включения осмия, и без таковых. Для определения источников золота более благоприятны курганы первой группы, поскольку в них можно учесть два независимых параметра. Курганы могильников Степное, Ушкатинский относятся к раннему бронзовому веку. Курганы Кичигино I, Большой Климовский, Переволочан I, Яковлевка II, Филипповка датируются V–IV в. до н.э. Археологический памятник Магнитный принадлежит III в. н.э.

Данные о составе включений осмия помещены в табл. 1.

Курганы II тысячелетия до н.э.

Могильник Степное изучался Д.Г. Здановичем (археологическая экспедиция Челябинского государственного университета) в 2001 г. При раскопках кургана № 7 была обнаружена желобчатая подвеска в 2.5 оборота спиралевидной формы диаметром 0.7–1.5 см, покрытая золотой фольгой толщиной 40–50 мкм. Состав фольги (мас.%): Au 85–93, Ag 12, Cu 1. В фольге установлены два выделения осмия длиной 140–159 микрон (Юминов и др., 2008). Они имеют практически одинаковый состав и являются фрагментами одного пластинчатого зерна, которое относится к осмию рутениево-иридиевому.

Могильник Ушкаттинский расположен в 9 км юго-восточнее пос. Домбаровский. В одном из захоронений (курган № 12, погребение № 3) была обнаружена височная подвеска в полтора оборота желобчатой формы, орнаментированная в технике чеканки. Анализ металла показал, что украшение было изготовлено из сплава состава (мас.%): Au 77; Ag 18; Cu 5. При изучении металла выявлены включения иридиевого осмия. Форма включений близка к треугольной, размеры 8×10 мкм. Данный минерал характеризуется высокими содержаниями Os (63 мас.%), довольно большим содержанием Ir (до 23 мас.%) и крайне низкими концентрациями рутения (менее 0.5 мас.%).

Курганы I тысячелетия до н.э.

Могильник Кичигино находится на северном берегу Южноуральского водохранилища. Включения осмия выявлены в золотом браслете (курган № 3) и в золотой фольге обкладки деревянного сосуда (курган № 5). Состав золота обоих предметов близок (мас.%): Au 71–73; Ag 22–24; Cu 3–5.

В фольге, покрывающей браслет, установлено три зерна минералов группы осмия. Первое имеет размер 45×20 микрон. Два примыкающих зерна очень малы: 3–5 мкм. В фольге, наложенной на деревянное изделие из кургана № 5, выявлено четвертое зерно. Размер его 5×20 мкм, состав (мас.%): Os 43.30–50.58; Ir 11.19–12.37; Ru 36.64–44.98.

Сравнение состава включений показывает, что они разнородны. Только в зерне № 1 преобладает осмий иридиевый. Зерно № 2 характеризуется резким преобладанием иридия и минимальным содержанием осмия, оно относится к иридию рутениевому. В зернах № 3 и 4 преобладает рутений, в первом случае это рутений иридиевый, во втором – рутений осмиевый.

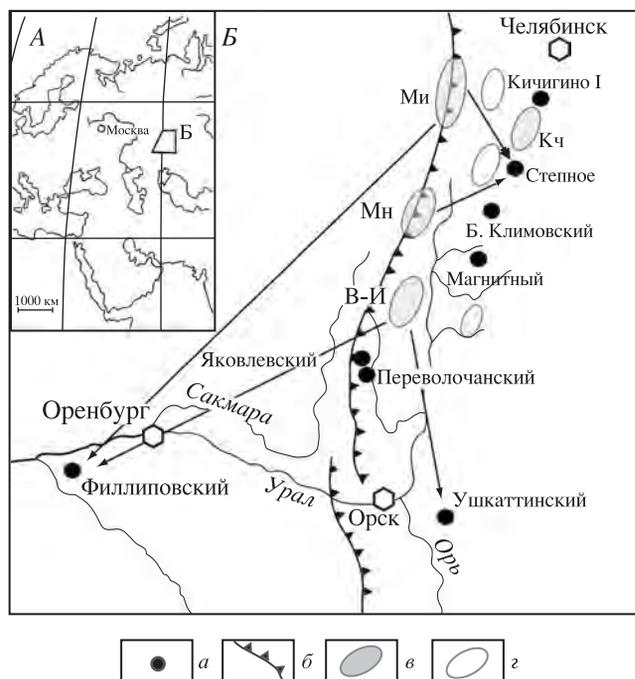

Рис. 1. Схема размещения археологических памятников и месторождений золота в бассейне р. Урал: А — географическая схема; Б — позиция объектов. Условные обозначения: а — могильники с исследованными золотыми изделиями, в которых установлены включения осмия; б — зона Главного Уральского разлома; в — россыпные зоны, по которым опубликованы данные о составе золота и в которых известно присутствие осмия (Ми — Миасская, Кч — Кочкарская, Мн — Миндякская, В-И — Ирендыкская); г — россыпные зоны, в которых не установлены минералы осмия. Стрелками показаны предполагаемые пути источников золота.

Большой Климовский курган находится в 3.5 км юго-западнее села Климовка. Здесь обнаружены лишь отдельные кости животных, кусочек золотой фольги и фрагменты бронзового котла. Золотая фольга имеет следующий состав (мас.%): Au 77; Ag 18; Cu 5. В ней обнаружено зерно рутения осмиево-иридиевого с незначительным содержанием Rh и Pt.

Одинокый курган Яковлевка II находится в двух км от села Яковлевка (Юминов и др., 2010). В погребении № 3 обнаружены золотая гривна размером 15.3×12.5 см из витой проволоки и две золотые серьги. Составы проволочных спиралей двух предметов почти не отличаются друг от друга (мас.%): Au 79; Ag 20; Cu 1. При исследовании серьги (обр. Я-3) установлен состав (мас.%): Au 88; Ag 10; Cu 2. Размер включения 16×22 мкм, форма овальная. Помимо осмия в состав минерала входят иридий и рутений.

Курганный могильник Переволочан I насчитывает 12 округлых курганов диаметром от 14 до 50 м, высота сооружений варьирует в пределах 0.4–5.0 м.

Состав минералов группы осмия из археологических памятников Южного Урала

Место отбора (могильник, курган)	№ пробы	Количество анализов	Предметы	Содержания, мас. %			Кристаллохимическая формула минералов
				Os	Ir	Ru	
Филипповка I, курган № 4	7-1	6	Золотая инкруста- ция желез- ного меча	45.76	36.10	17.45	Os _{0.40} Ir _{0.31} Ru _{0.29}
	7-2	10		34.54	29.30	27.66	Ru _{0.42} Os _{0.28} Ir _{0.24} Pt _{0.06}
	7-3	7		35.28	29.20	27.63	Ru _{0.42} Os _{0.29} Ir _{0.23} Pt _{0.06}
	7-4	1		57.58	14.82	27.02	Os _{0.47} Ru _{0.41} Ir _{0.12}
	7-5	8		56.88	17.04	25.57	Os _{0.47} Ru _{0.39} Ir _{0.14}
	7-6	7		55.07	8.97	35.42	Ru _{0.51} Os _{0.42} Ir _{0.07}
	7-7	5		32.67	53.85	3.43	Ir _{0.53} Os _{0.32} Pt _{0.09} Ru _{0.06}
	7-8	6		45.03	20.56	33.93	Ru _{0.49} Os _{0.35} Ir _{0.16}
	7-9	7		37.23	29.91	26.88	Ru _{0.41} Os _{0.30} Ir _{0.24} Pt _{0.05}
	7-10	5		35.12	58.52	2.26	Ir _{0.57} Os _{0.35} Ru _{0.04} Pt _{0.04}
	7-11	5		56.53	10.16	32.78	Ru _{0.48} Os _{0.44} Ir _{0.08}
	7-12	5		37.74	56.05	5.87	Ir _{0.55} Os _{0.37} Ru _{0.08}
	7-13	3		79.45	12.64	7.58	Os _{0.75} Ru _{0.13} Ir _{0.12}
	7-14	2		73.36	16.17	10.09	Os _{0.68} Ru _{0.17} Ir _{0.15}
	7-15	3		72.60	16.83	10.29	Os _{0.67} Ru _{0.18} Ir _{0.15}
	7-16	6		40.32	38.13	17.28	Os _{0.35} Ir _{0.33} Ru _{0.29} Pt _{0.03}
	7-17	5		35.83	53.34	2.85	Ir _{0.52} Os _{0.36} Ru _{0.05} Pt _{0.07}
	7-18	8		38.99	42.80	17.71	Ir _{0.37} Os _{0.34} Ru _{0.29}
Филипповка II, курган № 1	Ф103ab	2	Накладки	13.56	81.25	4.12	Ir _{0.78} Os _{0.13} Ru _{0.07} Rh _{0.02}
	Ф103de	2		22.93	72.68	2.90	Ir _{0.70} Os _{0.23} Ru _{0.05} Rh _{0.02}
	Ф103jk	2		58.65	35.02	5.45	Os _{0.56} Ir _{0.33} Ru _{0.10} Rh _{0.01}
	Ф73	4		38.92	50.23	2.39	Ir _{0.50} Os _{0.39} Pt _{0.06} Rh _{0.03} Ru _{0.02}
Переволочан-I, курган 11	11.5.8	4	Накладка	71.86	21.15	6.81	Os _{0.68} Ir _{0.20} Ru _{0.12}
Яковлевка II	Я-3	6	Подвеска	71.85	24.21	3.71	Os _{0.70} Ir _{0.23} Ru _{0.07}
Магнитный, кур- ган № 21	M2-1	2	Бляшки полусфе- рические	40.06	50.27	7.34	Ir _{0.45} Os _{0.36} Ru _{0.12} Fe _{0.06} Rh _{0.01}
	M2-1-1	4		32.89	30.06	29.87	Ru _{0.43} Os _{0.26} Ir _{0.23} Rh _{0.05} Pt _{0.02} Fe _{0.01}
	M2-A	5		46.55	39.29	12.26	Os _{0.41} Ir _{0.34} Ru _{0.21} Fe _{0.03} Rh _{0.013}
	M-II	5	Бляшки треуголь- ные	73.62	14.47	10.41	Os _{0.67} Ru _{0.18} Ir _{0.13} Rh _{0.02}
	M3-1	5		59.86	37.05	2.39	Os _{0.59} Ir _{0.36} Ru _{0.04} Fe _{0.01}
	M3-1-1	5		42.74	13.01	37.80	Ru _{0.52} Os _{0.32} Ir _{0.10} Rh _{0.04} Pt _{0.02}
M-III	6	28.82	60.97	5.68	Ir _{0.53} Os _{0.25} Fe _{0.13} Ru _{0.09}		
Ушкаттинский, курган № 12	Ук7	3	Подвеска	64.82	34.11	0.47	Os _{0.65} Ir _{0.34} Ru _{0.01}

Примечания. Небольшие содержания Rh, Pt, Fe в таблице не показаны, они отображены в формулах минералов. Анализы выполнены в Южно-Уральском центре коллективного пользования на электронном микроскопе РЭММА 202 М (аналитик В.А. Котляров). Рабочие коллекции: Филипповка I, II – Л.Т. Яблонского (Оренбург, ОРОМ, врем. Хр. 419, находится на реставрации в ГосНИИР); Переволочан-I, Яковлевка II – С.В. Сиротина; Магнитный – А.Д. Таирова; Ушкаттинский – В.В. Ткачева.

В кургане № 11 было обнаружено ожерелье, состоящее из сердоликовых бусин и девяти пронизок, свернутых из золотой фольги. Согласно данным рентгенофлуоресцентного анализа, содержание основных компонентов в сплавах всех пронизок варьирует в пределах (мас. %): Au 64–65; Ag 33–34, Cu 1–2. Литая декоративная накладка с включени-

ем осмия имеет состав (мас. %): Au 87.05; Ag 4.23, Cu 8.67. (обр. 11.5.8). Форма включения близка к треугольной, размеры 8 × 10 мкм. По соотношению атомов минерал относится к осмию иридиево-рутениевому.

Филипповские могильники I и II расположены в Урало-Илекском междуречье. Первый насчитывал

29 курганов, в котором исследованные золотые изделия (курган № 4) представлены золотыми аппликациями колчаных крюков, ножа и крустификацией клинка меча. Преобладающий состав аппликаций (мас.%): Au 87–96, Ag 2–9, Cu 1–2. В инкрустации клинка железного меча (Au 97, Ag 2, Cu 1, мас.%) установлено и проанализировано 18 зерен осмия округлой, удлинённой и треугольной форм размерами по длинной оси 40–200 микрон. Часть округлых зерен раздроблена, а часть расщеплена по спайности. По кристаллохимическим формулам выделяются следующие геохимические типы минерала (табл. 1): осмий рутениево-иридиевый; осмий иридиево-рутениевый, иногда с платиной; рутений осмиевый; рутений осмиево-иридиевый с платиной; иридий осмиевый с платиной.

Могильник Филипповка II расположен в 11 км к западу от могильника Филипповка I и насчитывал 7 курганов (Зайков и др., 2013). В кургане № 1 исследовано золото из предметов, найденных в центральной погребальной камере № 2. По составу золотой фольги выделяются три группы металла (мас.%): Au 94–87, 86–79, 75–62 при содержании меди 2–5%. В пробе Ф13-103 (Au 75; Ag 23; Cu 2) выявлено два включения осмия: одно размером 50x110 микрон, соответствующее иридию осмиевому; второе длиной 5 микрон состава осмий иридиевый. Проба Ф13-73 состава (мас.%): Au 61; Ag 34; Cu 4 содержит колечко зерно размером 10 микрон иридия осмиевого.

Курганы I тысячелетия н.э.

Могильник Магнитный включает около 30 грунтовых сооружений. Исследованные золотые изделия представлены подвесками, бусинами и нашивными бляшками. Состав золота варьирует в пределах (мас.%): Au 80–99; Ag 0–16; Cu 0–6. Все виды изделий имеют близкий состав, за исключением треугольных бляшек. В них состав золота представлен двумя группами анализов (мас.%): Au 93–94; Ag 5; Cu 1 и Au 77–85; Ag 12–13; Cu 3.

Включения осмия (семь зерен) были выявлены в бляшках полусферических и треугольных. В 9 изделиях первого типа диаметром 4–6 мм установлено наличие 4 зерен осмия размером от 6 × 15 до 100 × 120 микрон. Морфология их разнообразна: овальная, треугольная и четырехугольная с закругленными вершинами. Состав вмещающего золота исключительно однороден (мас.%): Au 99. В 8 бляшках треугольной формы размером 5–6 мм выявлены 3 зерна осмия. Включения имеют овальную форму и заключены в золоте состава (мас.%): Au 94; Ag 4; Cu 1.

По соотношению Os, Ru, Ir в исследованных зернах выделяются осмий рутениево-иридиевый,

осмий иридиево-рутениевый, осмий иридиевый, рутений иридиево-осмиевый, иридий осмиевый.

Предлагаемые минералого-геохимические индикаторы

Гистограммы. Составленные столбчатые гистограммы (рис. 2) построены по программе RockWorks2004. Они показывают распределение измеренных составов золотых изделий по данным рентгеноспектрального анализа¹ (горизонтальная ось) и частоту встречаемости (процент) принятых программой диапазонов (вертикальная ось). Удовлетворительные гистограммы получены для археологических памятников, по которым имеется более 70 анализов: Филипповка I и II, Кичигино I, Переволочан I, Магнитный. По характеру распределения столбцов наиболее близки гистограммы из Филипповки I и II и Переволочан I: в них достаточно ярко представлено золото в интервалах содержаний от 60 до 100%. От них резко отличается гистограмма могильника Магнитного, в котором большинство столбцов сосредоточено на интервале 77–85% золота. Гистограмма могильника Кичигино I занимает промежуточное положение между составами золота указанных памятников.

Линейные графики пробности построены для десяти курганов и четырех групп месторождений (рис. 3). Пробность определяется как отношение содержания золота к сумме всех компонентов и измеряется в промилле. На составленных графиках линии перекрываются, но можно выделить две группы значений пробности: 800–1000 и 600–1000 промилле. Первые охватывают Миасскую и Миндякскую россыпные зоны и золотые изделия из могильников Филипповка I, Магнитный, Степное, Яковлевка II. Вторые (600–1000) характерны для Кочкарского месторождения и Восточно-Ирендыкской зоны, а также для изделий из золота, содержащего осмий, из могильников Кичигино I, Большой Климовский, Филипповка II, Ушкаттинский. По приуроченности включений осмия к высокопробному золоту идентичны изделия из курганов Филипповка I (курган 4) и Магнитный. Это позволяет предположить, что источник осмийсодержащего золота для этих курганов был одинаковым. По приуроченности осмия к золоту повышенной пробности (800–900 ‰) идентичны Степное, курган 7; Переволочан I, курган 11; близка Яковлевка II. Таким образом, данные по

¹ Рентгеноспектральный анализ выполнен в Центре коллективного пользования по исследованию минерального вещества ИМин УрО РАН на приборах РЭММА 202М (аналитик В.А. Котляров) и JEOL JXA (аналитик Е.И. Чуринов).

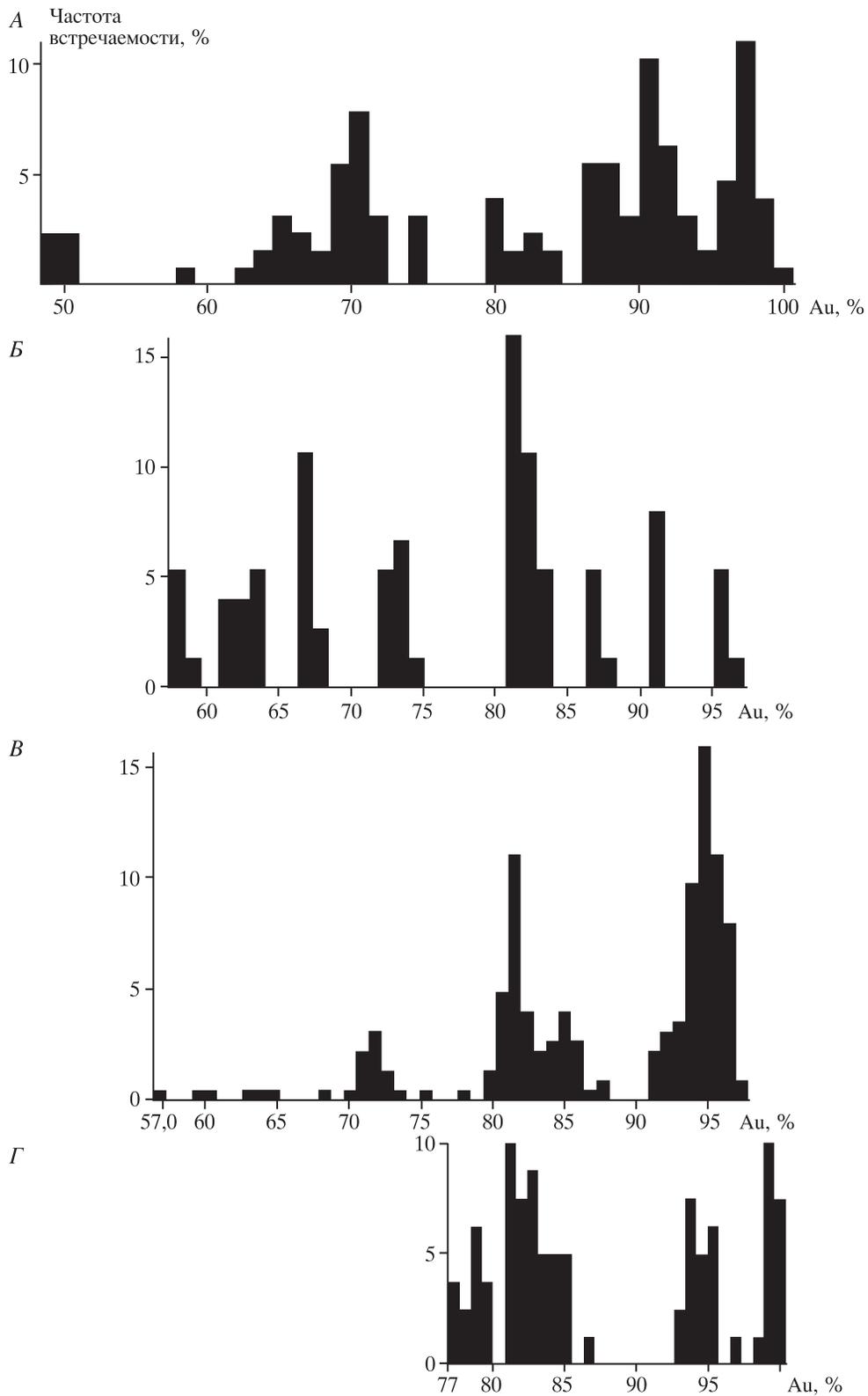

Рис. 2. Гистограммы распределения золота в археологических памятниках Урала: А – Филипповка I (курганы 4 и 29) и Филипповка II, 127 анализов; Б – Переволочан I, 75 анализов; В – Кичигино I (курганы 3 и 5), 226 анализов; Г – Магнитный, 80 анализов.

включениям осмия дают более четкие результаты, чем только по золоту.

Треугольные диаграммы Os-Ir-Ru построены по соотношению атомных количеств основных компонентов (Булах, 1981. С. 35). Диаграмма разделена на три сектора: осмиевый, иридиевый и рутениевый (рис. 4). В центральной части диаграммы выделяется поле, охватывающее пункты осмиевой минерализации в коренных породах и россыпях. К нему приурочены фигуративные точки курганов Филипповка I и II, Кичигино I, Степное, Магнитный, Большой Климовский, Ушкаттинский. Особняком выделяются аномальные поля Филипповки и Магнитного в иридиевом и рутениевых секторах.

Предполагаемые источники золота

Проблема определения источников металла для производства золотых изделий требует выяснения: позиции ювелирных мастерских; возможности сопоставления состава изделий и самородного золота; условий и масштаба добычи благородного металла. Показан подход к решению этих вопросов с применением предложенных минералого-геохимических индикаторов. Предлагаемые соображения о конкретных местах добычи золота древними ювелирами следует рассматривать как предварительные.

Позиция ювелирных мастерских. Возможны три основных варианта: 1 – украшения импортные, и источник металла находился в других странах; 2 – то же, но сделаны из уральского металла; 3 – изделия местные и выполнены из уральского золота. Наиболее тесная связь с уральскими месторождениями сопутствует третьему варианту.

Во многих исследованных артефактах документируется влияние ахеменидской культуры. В области этого влияния предполагается существование мастерских, соответствующих столичным дворцам, периферийным сатрапиям, кочевым центрам (Трейстер, 2012. С. 268–281). По поводу последних М.Ю. Трейстер и Л.Т. Яблонский отмечают следующее: “Есть определенные основания предполагать изготовление кочевниками подражаний ювелирным изделиям ахеменидского стиля... При формальной передаче прототипов отмечается или несоблюдение, или искажение канонических для ахеменидского искусства элементов. Эти наблюдения позволяют говорить о том, что контакты с Ахеменидской державой не ограничивались получением импортных изделий в результате торговых, военно-политических и прочих контактов, но оставили определенный след в материальной культуре элиты Южного Приуралья” (Влияния..., 2012. С. 288).

Такой след явственно чувствуется в некоторых изделиях из могильника Филипповка I (браслеты с

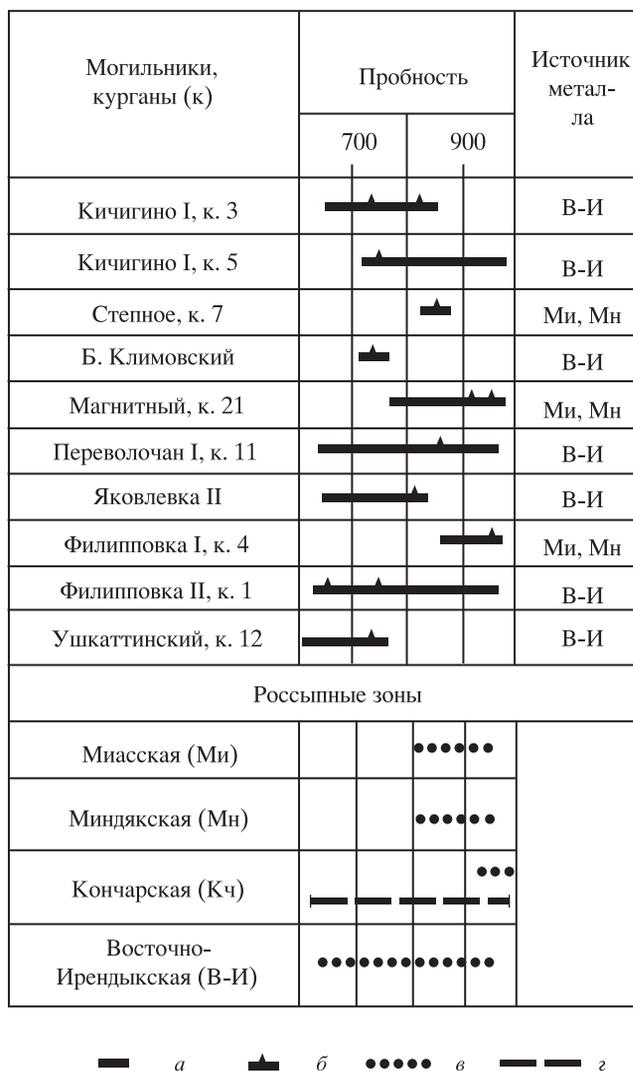

Рис. 3. Соотношение пробности золота в золотых изделиях и самородном золоте месторождений. Условные обозначения: а – пробность золотых изделий, в которых установлены включения осмия; б – позиция осмия в золотосодержащих изделиях; в – россыпные зоны, в которых установлены включения осмия; г – Кочкарское золоторудное месторождение.

фигурками баранов) и может быть отмечен в материалах экспозиции филипповского золота в Музее археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН. Последняя включает скульптурную группу отреставрированных оленей, покрытых золотой фольгой с примитивным орнаментом. Размер этих скульптур 30–50 см, и они вряд ли произведены далеко от места находки. Предполагается, что фольга готовилась ремесленниками-ювелирами, обслуживавшими только нужды погребального культа (Журавлев, Фирсов, 2003).

Для определения конкретной позиции мастерских можно ориентироваться на предположение А.Д. Таирова (2010) о сложении в регионе ква-

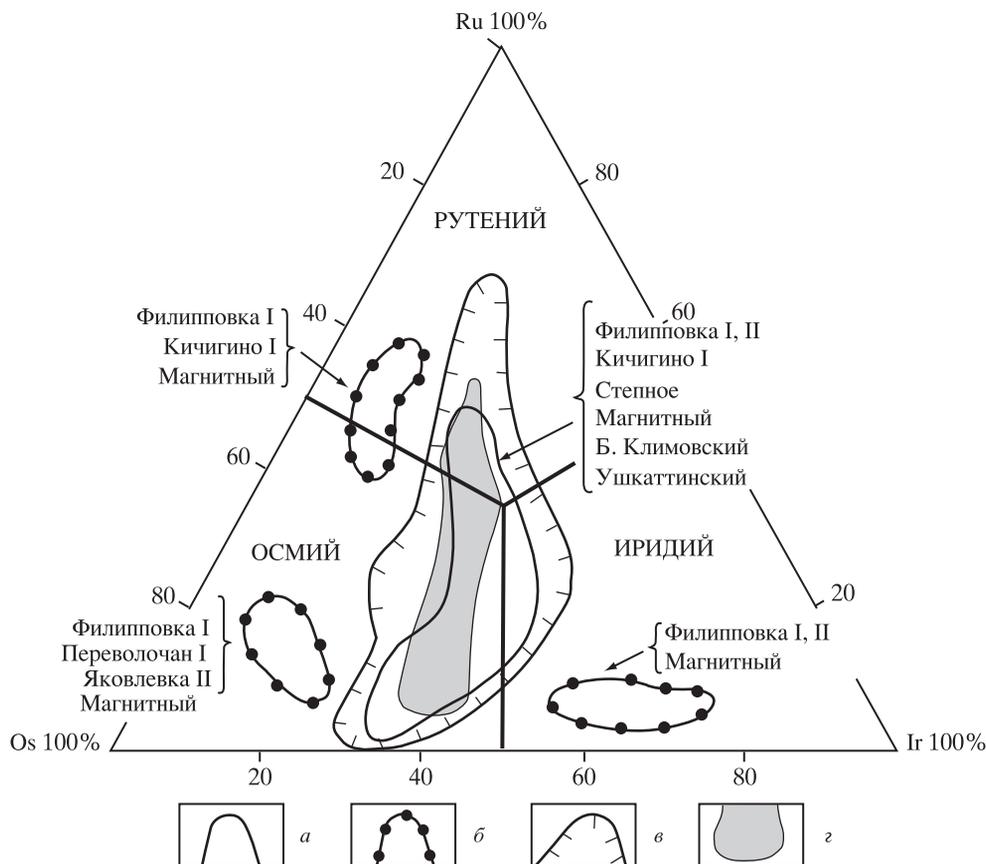

Рис. 4. Тройная диаграмма состава минералов осмия из археологических памятников и месторождений Урала. Условные обозначения: *а* – поля стандартных составов осмия из включений в золотых изделиях; *б* – поле аномальных составов осмия (включения в изделиях); *в* – поле составов осмия из месторождений Урала; *г* – поле составов осмия из россыпей Миасского россыпного района.

зигосударственной структуры с двумя центрами: на р. Орь (Кумакские и Ушкаттинский курганы) и на р. Илек (Филипповка с окружением). К этому нужно добавить центры добычи золота в районе Кочкарской и Восточно-Ирендыкской россыпных зон, где обнаружены два “созвездия” золотоносных курганов: Кичигино, Магнитный, Степное, Большой Климовский; а также Переволочанский и Яковлевский. Многие исследователи неоднократно указывали, что контроль над местами добычи благородных металлов служил важным фактором благосостояния кочевых племен.

Возможности сопоставления состава древних изделий и самородного золота месторождений. По полученным к настоящему времени данным, важными характеристиками золота древних изделий являются его химический состав и микровключения минералов. Эти характеристики иллюстрируются графиками пробности, гистограммами содержаний золота в изделиях и треугольными диаграммами состава микровключений.

Технология получения золотых изделий в бронзовом веке заключалась в плавлении самородного золота, а в раннем средневековье часто применялось и сплавление с медью – лигатурой, придающей металлу повышенную твердость. В начале I тысячелетия н.э. древние мастера освоили купелирование – очищение золота от примесей и получение высокопробного металла.

Исследование коренных месторождений Урала показало, что естественное содержание меди в самородном золоте за редкими исключениями не превышает 2% (Зайков и др., 2012. С. 169) и количество примеси выше данного порога принято за признак искусственного добавления лигатуры. Поэтому при сопоставлении составов предпочтительно ориентироваться на золотые изделия с количеством меди менее 2%, в которых не нарушено первичное соотношение главных компонентов. В исследованных случаях самородное золото без легирования в ощутимых количествах (более 50% случаев) использовалось ювелирами могильников Кичигино I, Переволочан I. В остальных памятни-

ках преобладает доля легированного золота. В могильнике Магнитный имеется небольшая, но четкая группа предметов с содержанием меди 5–6% и единичные предметы с содержанием меди до 8–9%). В могильнике Яковлевка наблюдаются максимумы количества предметов с содержаниями 3–4% меди и 5.3–6.5%, в некоторых до 8%. Содержание меди выше 6% связано с влиянием на состав золота бронзового сердечника сережек и подвесок.

В золотой фольге установлены микровключения осмия, которые из-за малых размеров частиц (преимущественно несколько микрон) не могли быть удалены древними ювелирами. Существенные вариации Os, Ir, Ru, Pt и округлая морфология большинства зерен свидетельствуют об их россыпной природе. Такие зерна характерны для месторождений в аллювиальных отложениях речных долин, которые дренируют гипербазиты, приуроченные к разломам. С этими же структурами связаны разнообразные золотые месторождения.

Причина тонкого измельчения осмия – тончайшая трещиноватость (спайность) и высокая хрупкость минералов, истиравшихся в процессе формирования россыпей. Микровключения имеют плотность 20–23 г/см³ и “тонут” в расплаве золота, плотность которого 16 г/см³. Эти минералы имеют чрезвычайно высокую температуру плавления (2000–2700 °С), что обеспечивает в большинстве случаев сохранность зерен от воздействия золотого расплава (температура 1062 °С). Соответственно состав включений, как правило, отражает исходную субстанцию.

Ранее было высказано соображение, что присутствие в исследованном золоте микровключений осмия свидетельствует об уральском источнике металла (Зайков и др., 2010). М.Ю. Трейстер поставил это заключение под сомнение: “Наличие включений минералов платиновой группы в массивных золотых вещах является не только признаком уральского золота и наличие таких включений не может считаться доказательством происхождения золота с Урала” (Трейстер, 2012. С. 276). Однако мы оперируем не просто фактом наличия включений, а их составом, который идентичен составу минералов коренных и россыпных месторождений платины Урала. Сделанное нами заключение следует логике: курганы находятся в уральской степи; в изделиях установлены микровключения осмия; осмий присутствует в окружающих россыпных месторождениях; осмий микровключений и россыпей идентичен. Все это в совокупности с большой вероятностью свидетельствует о местном источнике металла. И лишь местный источник металла мог

обеспечить устойчивую потребность кочевников в золотых изделиях.

Условия и масштаб добычи благородного металла. Урал – это крупнейшая золоторудная структура Евразии, выгодно отличающаяся в отношении золотосодержимости от смежных областей Восточно-Европейской платформы и Западной Сибири. Другие ближайшие золотосодержимые регионы – это удаленные на тысячи км Центрально-Азиатский и Средиземноморский складчатые пояса. При наличии местной золоторудной базы поступление металла из этих структур могло носить только эпизодический характер.

На Урале присутствуют все важнейшие типы золоторудных месторождений, как коренные, так и россыпные. Сведения об их строении и минералогии обобщены в монографиях (Золото..., 1993. С. 95–123; Сазонов и др., 2001. С. 10–15, 500–516; Казаков, Салихов, 2006. С. 36–50; Зайков и др., 2012). Данные о масштабе современной добычи золота на Южном Урале даны в материалах “Челябинскнедра” и “Башкиргеология”. Для Челябинской области приведены следующие цифры: количество коренных месторождений – 312, россыпных – 335. Добыча составила: учтенного металла 250 т из коренных источников (без учета колчеданных месторождений) и 198 т из россыпей. В Башкортостане из 182 россыпей учтена суммарная добыча 43 т золота. Рудное золото добывалось из 233 месторождений, количество добытого металла – несколько тонн. Таким образом, мы достоверно знаем нижний предел количества добытого в XIX–XX веках на Южном Урале металла: 240 т из россыпей и 250 т из коренных источников.

Для ориентировки в примерном количестве золота, полученном в регионе во II–I тыс. до н.э., воспользуемся обзорными данными Н. Quiring (1948. С. 250–265). Он определил, что всего в мире к середине прошлого века было добыто около 100 000 т золота, а по римский период включительно – 10 000 т. За неимением другого ориентира можно принять, что производство золота в древности составляло 10% от общей добычи сырья при непрерывной разработке в течение всей истории горнодобывающей деятельности. Таким образом, можно считать, что на Южном Урале в древности было добыто не менее 50 т золота.

Главным поставщиком золота в прошлом на Урале были россыпи, о чем свидетельствуют находки бронзовых и каменных орудий труда при старинной и современной разработке россыпных месторождений (Двести..., 1948. С. 112–126). Состав россыпей формируется из многих коренных источников и не всегда наследует первичный состав золота. Кроме

того, для золотин из россыпей характерна высокопробная кайма, обусловленная выносом серебра и меди в процессе россыпеобразования из краевых частей золотин и нарастания вторичного золота. Данное обстоятельство несколько искажает первичную ситуацию, и поэтому для сравнения с золотыми изделиями могильников более предпочтительны россыпи с примесью осмия.

Ближайшие россыпные месторождения к исследованным могильникам располагаются в долинах рек Миасс, Урал и их притоков. Половина из них приурочена к зоне Главного Уральского разлома, где выделяются Миасская, Миндякская и Восточно-Ирендыкская россыпные зоны (Зайков и др., 2012. С. 87–102). Первая включает 18 россыпей, из которых в XIX–XX вв. н.э. было добыто около 65 т золота. В шести из них содержались промышленные концентрации платиноидов. К Миндякской россыпной зоне приурочено 9 месторождений, в четырех из которых были установлены платиноиды. Из этих россыпей добыто примерно 6 т металла. Восточно-Ирендыкская зона содержит 5 россыпей, из которых было добыто 3 тонны золота. На древние времена из этого количества металла (74 т) следует отнести, только из этих россыпных зон, около 7 тонн золота. Как указано выше, это предположение сделано на основании типового отношения металла, добытого в древности, к современным разработкам, равного примерно 1:10. Остальное золото было добыто из россыпей и коренных месторождений, в которых не было осмия.

Места добычи золота для древних ювелиров. Определение источника золота проведено путем сравнения состава изделий и металла месторождений. На рис. 3 показано соотношение пробности артефактов и самородного золота с позицией включений осмия. Рисунок иллюстрирует также состав осмия из древних золотых изделий, коренных и россыпных месторождений. Обособляются Миасская и Миндякская россыпные зоны, имеющие довольно узкий диапазон значений – 800–950 промилле. С этими россыпями можно сопоставить изделия из могильников Филипповка I, Степное, Магнитный. Данные россыпные зоны приурочены к Главному Уральскому разлому, с которым связаны массивы платиноносных гипербазитов. “Питание” остальных курганов было комплексным, из разных источников. Золото Восточно-Ирендыкской россыпной зоны соответствует металлу могильников Филипповка II, Большой Климовский, Ушкаттинский. С этой же зоной мы связываем изделия курганов Переволочан I и Яковлевка II, находящихся в непосредственной близости от этих россыпей. На основании анализа гистограмм можно сделать вывод, что для переволочанских изделий использова-

лись руды золото-колчеданно-полиметаллических месторождений Баймакского района, которые находятся к юго-западу от Восточно-Ирендыкской россыпной зоны. Состав золота в данных месторождениях также охватывает интервал 60–80% (Зайков и др., 2012. С. 168).

Для могильника Кичигино I предполагается снабжение золотом из Кочкарского золоторудного месторождения, самого крупного на Южном Урале (запасы около 300 т), вблизи которого находятся курганы.

Сделанные предположения согласуются с данными треугольной диаграммы (рис. 4). Большая часть фигуративных точек составов охватывает поле в центральной части диаграммы и малоинформативна для определения источников сырья. Наряду с этим выделяются перспективные комбинации в осмиевом, рутениевом и иридиевом секторах. Во всех этих полях присутствует пара Филипповка-Магнитный, что подтверждает единый источник золота для этих курганов – Миасская и Миндякская россыпные зоны. В осмиевом секторе к ним присоединяются курганы Переволочанский и Яковлевский, указывающие на питание из Восточно-Ирендыкских россыпей.

Таким образом, предложены минералого-геохимические индикаторы древних ювелирных изделий для определения источников сырья. К ним относятся гистограммы распределения содержаний золота в древних изделиях, линейные диаграммы пробности золота с указанием позиции включений осмия, треугольные диаграммы Os-Ir-Ru.

Пробность золота в исследованных изделиях охватывает диапазон 600–990 промилле: II тыс. до н.э. – 600–870; I тыс. до н.э. – 630–940; I тыс. н.э. – 770–990. Это свидетельствует об использовании месторождений с разнообразным составом самородного золота. В изделиях из могильника Магнитный содержание золота 99% было достигнуто благодаря купелированию металла, очищению его от серебра. С другой стороны, содержание меди в золоте могильников Магнитный, Переволочан I, Яковлевка II достигает 5–6%, что свидетельствует о применении медной лигатуры при изготовлении многих изделий.

По предложенным индикаторам определены вероятные источники золота для археологических памятников, в которых изделия содержат включения осмия. Для курганов Филипповка I, Степное, Магнитный золото, вероятно, поступало из Миасской и Миндякской россыпных зон, приуроченных к золотоносным гипербазитам Главного Уральского разлома. Достаточно уверенно определяются источ-

ники для могильников Филипповка II, Переволочан I, Большой Климовский, Ушкатинский, которыми могут быть россыпи Восточно-Ирендыкской зоны. Золотые изделия могильника Кичигино I, вероятно, сделаны из металла Кочкарского золоторудного месторождения.

Дальнейшая работа по определению конкретных источников золотых изделий должна заключаться в определении природных аналогов аномальных составов осмия. Это потребует дополнительного исследования россыпных и коренных месторождений золота, содержащих платиноиды, и разработки более совершенных индикаторов, которые основаны на применении изотопной геохимии и метода LA-ICP-MS.

Исследования выполнены по Госзаданию Минобрнауки РФ № 33.2644.2014 и поддержаны грантом РГНФ № 15-05-00311. Авторы благодарят за помощь А.Д. Таирова, А.М. Юминова, С.В. Сиротина, В.В. Ткачева, Л.Т. Яблонского, М.С. Шемаханскую, О.В. Анисееву, В.А. Котлярова, Е.И. Чурина, О.Л. Буловскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булах А.Г. Расчет формул минералов. М.: Недра, 1967. 128 с.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье / Ред.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. 1. 672 с. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 5).
- Геологический словарь / Ред. О.П. Петров. 3-е изд. Т. 2. СПб.: ВСЕГЕИ, 2011. 480 с.
- Двести лет золотой промышленности Урала / Ред. А.А. Иванов, И.С. Рожков. Свердловск: Изд-во УФ АН СССР, 1948. 531 с.
- Естественно-научные методы в изучении Филипповского могильника / Ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2011. 191 с.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Олени и скифское золото // Золотые олени Евразии: каталог выставки. СПб.: ГЭ, 2003. С. 58–59.
- Зайков В.В., Зайкова Е.В., Котляров В.А. Осмиевый след по минеральным включениям в древних золотых изделиях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. 1 (41). С. 37–43.
- Зайков В.В., Зайкова Е.В., Яблонский Л.Т. Изучение состава древних золотых изделий из бассейна реки Урал // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2013. С. 528–542.
- Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Котляров В.А., Яблонский Л.Т. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2012. 232 с.
- Зайков В.В., Таиров А.Д., Юминов А.М., Чурина Е.И., Котляров В.А. Состав золотых изделий из курганов Южного Урала // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий” (21–25 апреля 2008 года) / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 46–49.
- Золото Урала. Россыпные месторождения / Ред. В.А. Коротеев, Б.А. Попов. Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. 134 с.
- Казаков П.В., Салихов Д.Н. Полезные ископаемые Республики Башкортостан (россыпное золото). Уфа: Гилем, 2006. 288 с.
- Кобяшев Ю.С., Никандров С.Н. Минералы Урала. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2007. 312 с.
- Сазонов В.Н., Огородников В.Н., Коротеев В.А., Поленов Ю.А. Месторождения золота Урала. Екатеринбург: ИГиГ УрО РАН, 2001. 622 с.
- Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II: Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 4–205.
- Таиров А.Д. Население пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья в I тыс. лет до н.э. (по материалам могильника Кичигино I) // Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). Уфа: БГПУ, 2010. С. 248–249.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий” (21–25 апреля 2008 года) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 139–145.
- Трейстер М.Ю. Ахеменидские импорты в Южном Приуралье. Хронология. Динамика. Состав. Интерпретация // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье / Ред.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. 1. С. 268–281 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 5).
- Юминов А.М., Зайков В.В., Таиров А.Д., Зданович Д.Г. Включения осмия в древних золотых изделиях на Южном Урале // Труды XII Росс. конф. “Строение и свойства металлических и шлаковых расплавов”. Т. 3. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 175–176.
- Юминов А.М., Зайков В.В., Сиротин С.В., Хворов П.В., Котляров В.А. Состав золотых изделий из материалов погребений курганных могильников Переволочан I, Переволочан II и одиночного кургана Яковлевка II // Уральский минералогический сборник. № 17. Миасс; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 153–161.
- Harris D., Cabri L. Nomenclature of platinum-group-element alloys: review and revision // Canadian mineralogist. 1991. V. 29. P. 231–237.
- Quiring H. Geschichte des Goldes Die Goldenen Zeitalter in ihrer kulturellen und wirtschaftlichen Bedeutung. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1948. 318 S.

MINERALOGICAL AND GEOCHEMICAL INDICATORS OF GOLD SOURCES FOR PRODUCTION OF ANCIENT JEWELRY (ON THE EXAMPLE OF URAL)

Victor V. Zaykov, Elizaveta V. Zaykova

Institute of mineralogy Ural Department of Russian Academy of Sciences, Miass (zaykov@mineralogy.ru)

The article considers mineralogical and geochemical indicators of ancient jewelry to identify the sources of raw materials. These include the compositional features of the gold objects, the presence and composition of high-temperature platinum group mineral (Os-Ir-Ru) inclusions. By the proposed indicators, probable sources of gold for archaeological sites, in which products contain inclusions of osmium, have been determined. The setting jewelry workshops, the conditions and the scope of gold mining in ancient times are discussed. Further work to identify specific sources of gold jewelry should deal with the identification of the natural analogues of abnormal composition of osmium minerals.

Keywords: minerals, Os group, gold, silver, indicators, archaeological sites, Ural, sources of precious metals.

REFERENCES

- Bulakh A.G.*, 1967. Raschet formul mineralov [Calculation of minerals' formulae]. Moscow: Nedra. 128 p.
- Dvesti let zolotoy promyshlennosti Urala [Two hundred years of Ural golden industry], 1948. A.A. Ivanov, I.S. Rozhkov, eds Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo filiala AN SSSR. 531 p.
- Geologichesky slovar' [Dictionary of Geology], 2011. O.P. Petrov, ed. 3 izdaniye. St.Petersburg: Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy geologicheskiy institut. 2. 480 p.
- Harris D., Cabri L.*, 1991. Nomenclature of platinum-group-element alloys: review and revision. *Canadian mineralogist*, 29, pp. 231–237.
- Kazakov P.V., Salikhov D.N.*, 2006. Poleznyye iskopayemyye Respubliki Bashkortostan (rossypnoye zoloto) [Natural resources of the Republic of Bashkortostan (stream gold)]. Ufa: Gilem. 288 p.
- Kobayashv Yu.S., Nikandrov S.N.*, 2007. Mineraly Urala [Ural minerals]. Yekaterinburg: KVADRAT. 312 p.
- Sazonov V.N., Ogorodnikov V.N., Koroteyev V.A., Polevov Yu.A.*, 2001. Mestorozhdeniya zolota Urala [Gold deposit of Ural]. Yekaterinburg: Institut geologii i geokhimii Ural'skogo otdeleniya RAN. 622 p.
- Tairov A.D.*, 2000. Ranny zhelezny vek [Early Iron Age]. Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya, II. *Ranny zhelezny vek i srednevekov'ye [Ancient History of Southern Trans-Urals, II. Early Iron Age and Middle]*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 4–205.
- Tairov A.D.*, 2010. Naseleniye pogranich'ya stepi i lesostepi Yuzhnogo Zaural'ya v I tys. do n.e. (po materialam mogil'nika Kichigino I) [Population of frontier of steppe and forest steppe of Southern Trans-Urals in I millennium BC (on the materials of the burial ground Kichigino I)]. *XVIII Ural'skoye arkheologicheskoye soveshchaniye [XVIII Ural archaeological conference]*. Ufa: Bashkirsky gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni M. Akmully, pp. 248–249.
- Tairov A.D., Botalov S.G., Pleshnikov M.L.*, 2008. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Kichigino v 2007 godu (predvaritel'nyye rezul'taty) [Researches of the mound burial ground Kichigino in 2007 (preliminary results)]. *Ranniye kochevniki Volgo-Ural'skoy regiona: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Ranniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy" [Early nomads of Volga-Ural region: proceedings of International scientific conference "Early nomads of Southern Cisurals in the light of the newest archaeological finds"]*. L.T. Yablonskiy, ed. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 139–145.
- Treyster M.Yu.*, 2012. Akhemenidskiye importy v Yuzhnom Priural'ye. Khronologiya. Dinamika. Sostav. Interpretatsiya [Achaemenid imports to Southern Cisurals. Chronology. Dynamics. Composition. Interpretation]. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'ye [Influences of Achaemenid culture in Southern Cisurals]*. M.Yu. Treyster, L.T. Yablonskiy, eds. Moscow: Taus. 1, pp. 268–281. (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Yevrope, 5).
- Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'ye [Influences of Achaemenid culture in Southern Cisurals]*, 2012. M.Yu. Treyster, L.T. Yablonskiy, eds. Moscow:

- Taus. 1. 672 p. (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Yevrope, 5).
- Yestestvenno-nauchnyye metody v izuchenii Filippovskogo mogil'nika [Scientific methods in studying Fillipovka burial ground], 2011. L.T. Yablonsky, ed. Moscow: IA RAN, 191 p.
- Yuminov A.M., Zaykov V.V., Sirotin S.V., Khvorov P.V., Kotlyarov V.A., 2010. Sostav zolotykh izdely iz materialov pogrebnyy kurgannykh mogil'nikov Perevolochan I, Perevolochan II i odinochnogo kurgana Yakovlevka II [Composition of golden items from the materials of the burials of the mound burial grounds Perevolochan I, Perevolochan II and the barrow Yakovlevka II]. *Ural'skiy mineralogicheskiy sbornik [Ural mineralogical collection]*, 17. Miass; Yekaterinburg: Ural'skoye otdeleniye RAN, pp. 153–161.
- Yuminov A.M., Zaykov V.V., Tairov A.D., Zdanovich D.G., 2008. Vkluyeniya osmiya v drevnikh zolotykh izdeliyakh na Yuzhnom Urale [Osmium inclusion in ancient golden artifacts from the Southern Urals] // *Trudy XII Rossiyskoy konferentsii "Stroyeniye i svoystva metallicheskiykh i shlakovykh rasplavov"* [Transactions of the XII Russian Conference "Structure and Properties of Metal and Slag Meltings"], 3. Yekaterinburg: Ural'skoye otdeleniye RAN, pp. 175–176.
- Zaykov V.V., Tairov A.D., Yuminov A.M., Churin Ye.I., Kotlyarov V.A., 2008. Sostav zolotykh izdely iz kurganov Yuzhnogo Urala [Composition of golden items from the burial grounds of Southern Ural]. *Ranniye kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Ranniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytyy"* [Early nomads of Volga-Ural region: proceedings of International scientific conference "Early nomads of Southern Cisurals in the terms of the newest archaeological finds"]. L.T. Yablonsky, ed. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 46–49.
- Zaykov V.V., Tairov A.D., Zaykova Ye.V., Kotlyarov V.A., Yablonsky L.T., 2012. Blagorodnyye metally v rudakh i drevnikh zolotykh izdeliyakh Yuzhnogo Urala [Precious metals in ores and ancient golden items of Southern Ural]. Yekaterinburg: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Ural'skogo otdeleniya RAN. 232 p.
- Zaykov V.V., Zaykova Ye.V., Kotlyarov V.A., 2010. Osmiyevy sled po mineral'nym vkluyeniyam v drevnikh zolotykh izdeliyakh [Osmium trace in mineral inclusions in ancient golden items]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 1 (41), pp. 37–43.
- Zaykov V.V., Zaykova Ye.V., Yablonsky L.T., 2013. Izucheniye sostava drevnikh zolotykh izdely iz basseyna reki Ural [Studying of composition of ancient golden items from the basin of the Ural River]. *Arkheologiya Vostochno-evropeyskoy stepi [Archaeology of Eastern-European steppe]*, 10. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 528–542.
- Zhuravlev D.V., Firsov K.B., 2003. Oleni i skifskoye zoloto [Deer and Scythian Gold]. *Zolotyye oleni Yevrazii: katalog vystavki [Golden deer of Eurasia: the exhibition's catalogue]*. St.Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 58–59.
- Zoloto Urala. Rossyppnyye mestorozhdeniya [Ural gold. Stream deposits], 1993. V.A. Koroteyev, B.A. Popov, eds. Yekaterinburg: UIF "Nauka". 134 p.

ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОСЕЛЕНИЯ МУХИНО 2 ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ: БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

© 2015 г. М.В. Добровольская*, Г.Л. Земцов**,
А.В. Мاستыкова*, М.Б. Медникова*

* *Институт археологии РАН, Москва
(amastykova@mail.ru)*

** *Липецкий государственный педагогический университет*

В статье рассматривается женское погребение 1, открытое на многослойном поселении Мухино 2 (Задонский р-н Липецкой обл.) на левом берегу р. Снова недалеко от впадения ее в р. Дон. Антропологическое исследование скелетных останков показало, что они принадлежат женщине 20–29 лет. Погребение 1 с поселения Мухино 2 сопровождается инвентарем, типичным для погребений “варварской” знати гуннского времени, что свидетельствует о высоком социальном ранге погребенной. Ее убор тяготеет к культурной традиции оседлого населения позднеантичных центров Северного Причерноморья. По сочетанию погребального инвентаря мухинское захоронение можно отнести к концу периода D2 – началу D2/D3 “варварской” европейской хронологии, т.е. приблизительно 430–450 гг. Морфологическая характеристика посткраниального скелета погребенной позволяет сделать вывод о ее грацильности. Сопоставление с ранее обследованными сарматскими и аланскими женскими выборками из “элитных плотов” комплекса Клино-Яр помогает выявить некоторые черты сходства. По данным изотопного и элементного анализов установлено, что в рационе питания погребенной животные белки не преобладали, а растения типа фотосинтеза C4 (просо?) составляли его существенную долю, что может быть интерпретировано как маркер оседлого образа жизни. Это предположение находит свое дополнительное подтверждение в результатах палеоботанических исследований памятников всего региона. Комплекс признаков, полученных при изучении скелетных останков, указывает на возможное южное происхождение погребенной.

Ключевые слова: привилегированное погребение, костюм с золотыми аппликациями, гуннское время, Верхнее Подонье, Северное Причерноморье, биоархеология, палеоботаника.

“Княжеские” находки гуннского времени в Восточной Европе во многом напоминают памятники Центральной и Западной Европы, принадлежащие так называемому горизонту Унтерзибенбрунн, т.е. периоду D2 “варварской” европейской хронологии (здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума, см. Godłowski, 1970; Tejral, 1988, 1997, 2007; Shchukin et al., 2006), что соответствует 380/400 – 440/450 гг. К их числу можно отнести и богатое погребение 1, открытое в 2002 г. на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону в Липецкой обл.¹ (Земцов, 2003, 2004; Мастыкова, Земцов, 2014) (рис. 1).

Современные возможности биоархеологии позволяют проводить исследования на индивидуаль-

ном уровне (Историческая экология человека..., 1998). Методы биоархеологических реконструкций дают возможность комплексно описывать морфологические характеристики индивида, воссоздавать особенности состояния здоровья, характер физических нагрузок и пр. Работа с материалами фрагментарной сохранности – отдельная методическая задача. Параллельное использование многих методов позволяет верифицировать отрывочные данные разных программ. В этом смысле захоронение 1 на поселении Мухино 2 представляет значительный интерес.

Археологический контекст находки. Наиболее интересные материалы эпохи Великого переселения народов в бассейне Верхнего Дона были выявлены на территории Острой Луки, в районе г. Задонск, где река делает петлю (рис. 1). Это поселение Замятино, Каменка, Ксизово, Мухино.

¹ Авторами готовится полная публикация материалов этого погребения.

Рис. 1. Географическое положение поселения Мухино 2 на Верхнем Дону (обозначено точкой).

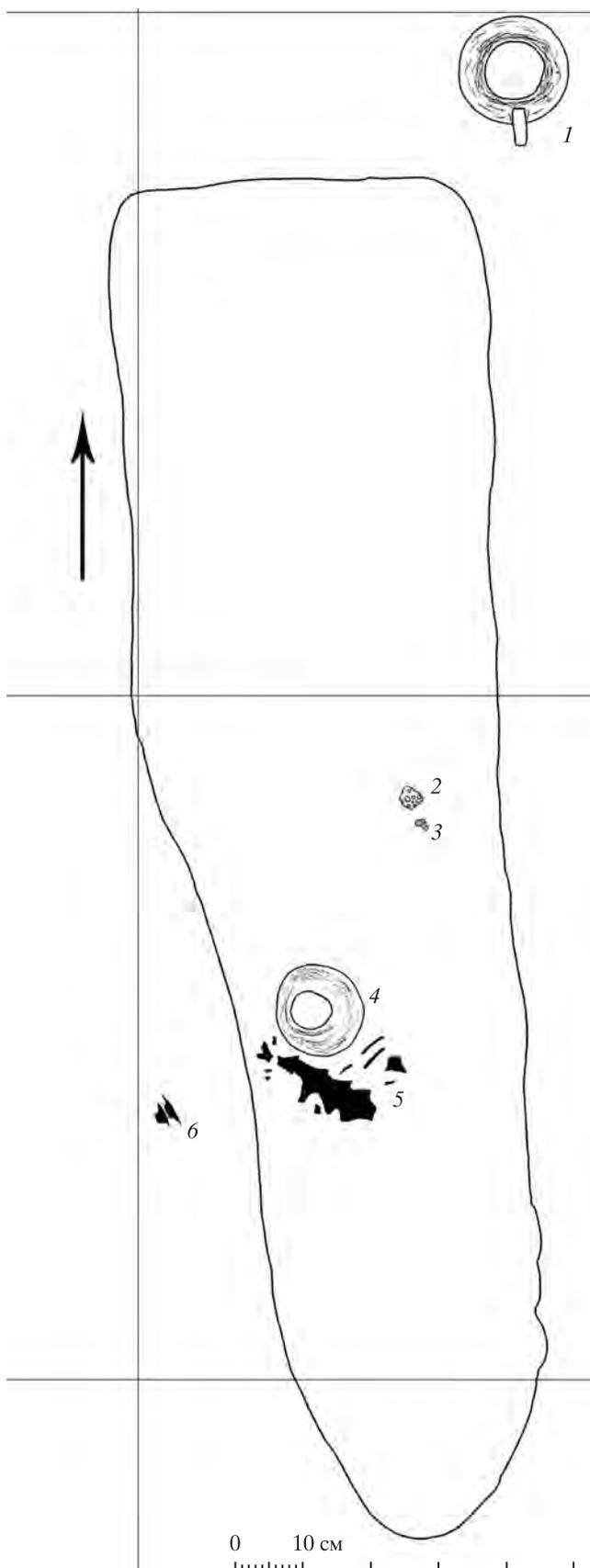

Рис. 2. Погребение 1 на поселении Мухино 2. Момент выявления керамических сосудов. 1 – лепной горшок (сосуд 1); 2 – лепной кувшин (сосуд 2). Фото Г.Л. Земцова.

Поселение Мухино 2 датируется концом IV – началом VI в. Всего на памятнике вскрыто 2100 м². Проведенные здесь археоботанические исследования показали очень высокую насыщенность культурного слоя остатками зерновых культур. Этот факт может иметь различные объяснения: ведущая роль земледелия в хозяйстве обитателей поселения, особенности режима их питания, намеренная концентрация в данном поселке больших запасов зерна и пр. Сравнение палеоботанических спектров посе-

лений Острой Луки – Ксизово, Замятино, Мухино 2 – показало, что по видовому составу земледельческих культур эти памятники очень сходны. Однако Мухино 2 отличается от других более высоким содержанием проса (62%), которое было здесь основной агрокультурой (Антипина, Лебедева, 2007. С. 314–316, 322. Рис. 5).

Описание погребения. Представляется необходимым дать подробное описание обстоятельств

обнаружения погребения, что позволит уточнить, было ли оно потревожено. Захоронение выявлено случайно. В 2001 г. на профиле стенки раскопа был отмечен участок длиной около 2 м, который выделялся более светлым цветом из-за повышенного содержания частиц материковой глины в темных и светлых гумусных слоях поселения. На материковой поверхности пола раскопа контуры ямы не были выявлены, при повторной зачистке в этом районе обнаружены два лепных сосуда (рис. 2), находившиеся в грунте, который не отличался от материковой глины. Располагались сосуды по линии С–Ю на расстоянии 1 м друг от друга. Рядом с одним из них зафиксированы слабые включения угля и скопление позвонков животного (рис. 2, 1; 3, 4, 5). Проведенный Е.В. Добровольской палеозоологический анализ показал, что это кости молодого барашка (козленка).

После снятия сосудов была осуществлена прокопка контрольного слоя, которая никаких находок не выявила. В 2002 г. для более четкой ориентировки нового раскопа была выполнена частичная выборка котлована 2001 г. На месте фиксации сосудов был снят второй контрольный слой и проведена зачистка на этом уровне, выявившая нечеткие контуры могильной ямы, ориентированной по линии С–Ю. Таким образом, оба сосуда, обнаруженные в 2001 г., принадлежали одному погребальному комплексу: лепной кувшин (сосуд 2) стоял за пределами северо-восточного угла открытой ниже могилы (рис. 3, 1), а лепной горшок (сосуд 1) располагался над бедренными костями погребенного (рис. 3, 4).

Следующий уровень фиксации находок – 10–14 см выше уровня залегания скелета. На этой глубине ближе к восточной стенке ямы были обнаружены пять мелких кусочков мела и небольшой камень с реликтами ископаемого колониального коралла (определение канд. геол.-минерал. наук М.Е. Генералова, Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН) (рис. 3, 2, 3). Западнее прослеженных ниже контуров могильной ямы, на расстоянии 35 см от выявленного ранее лепного горшка, были обнаружены два позвонка молодого барашка (козленка) (рис. 3, 6).

Погребение по обряду ингумации было совершено в яме неправильной прямоугольной в плане формы. Яма была заполнена материковой глиной с

←

Рис. 3. Погребение 1 на поселении Мухино. 2. Верхний слой заполнения могильной ямы. 1 – лепной кувшин; 2 – камень с реликтами ископаемого колониального коралла; 3 – кусочки мела; 4 – лепной горшок; 5, 6 – кости животного.

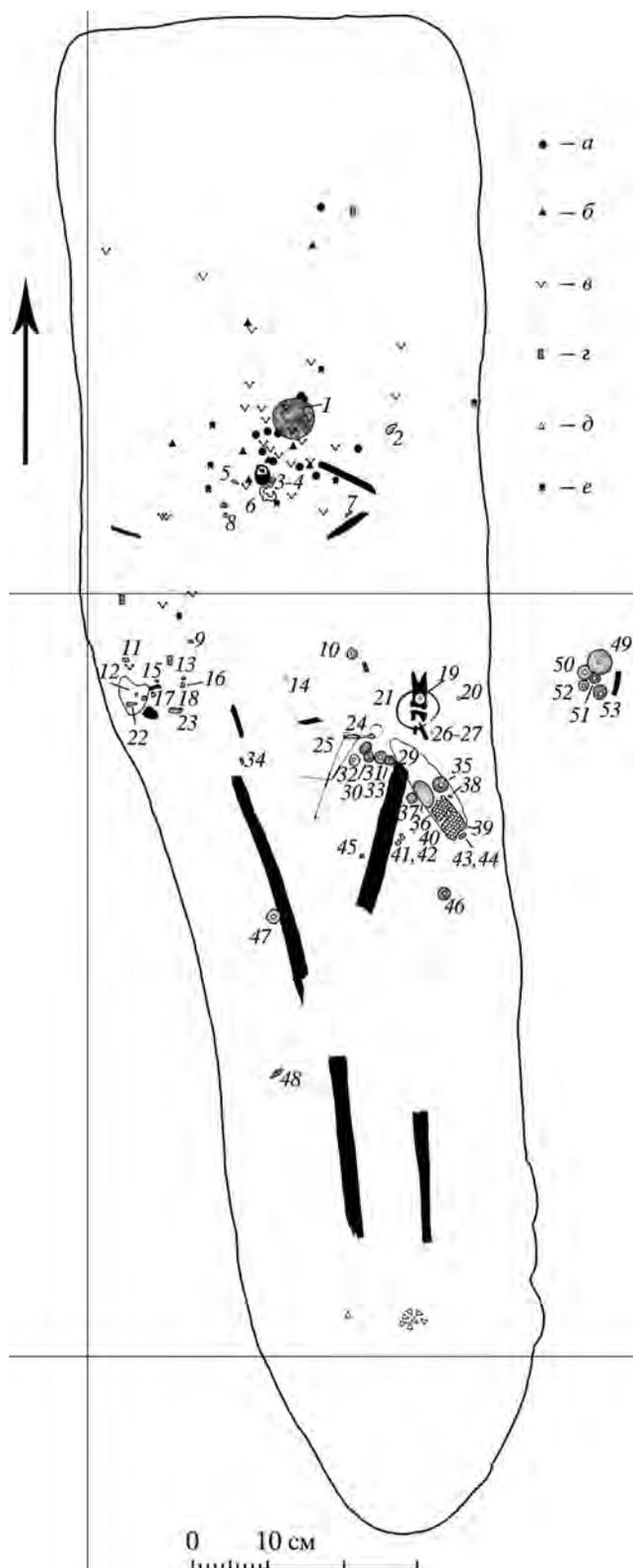

Рис. 4. Общий план погребения 1 на поселении Мухино 2. 1 – зеркало; 2 – фрагментированный предмет из золотой фольги с рельефным орнаментом; 3, 4, 8, 10, 28, 30–33, 35–37, 46, 47, 49–53 – бусины; 5 – фрагмент золотой гладкой обкладки со сгибами, прочерченными чеканом; 6 – лунница-подвеска; 7, 9, 11, 13, 15, 16, 39, 43, 45 – обкладки из золотой фольги

редкими включениями гумуса и углей. Количество углистых включений увеличивалось по мере углубления, на дне фиксировался слой углей толщиной 1–1.5 см. В некоторых местах прослежены более четкие полосы скопления углей – возможно, следы плаха. На углистой прослойке обнаружен плохо сохранившийся скелет человека и погребальный инвентарь (рис. 4; 5).

Скелет лежал в анатомическом порядке (рис. 5). Череп не сохранился, однако зафиксировано восемь как верхних, так и нижних зубов; шесть из них лежали в районе груди в скоплении вместе с бусами, зеркалом, лунницей и многочисленными золотыми бляшками-апликациями; два зуба найдены немного в стороне: один – недалеко от этого скопления под восточной стенкой могилы, второй – в районе правой руки.

Несколько костей обнаружено в центре северной части могильной ямы, на уровне груди – фрагмент грудины (под зеркалом) и фрагмент диафиза разрушенной трубчатой кости.

Возле западной стенки могилы, в районе правой руки, зафиксированы проксимальная фаланга большого пальца правой руки, фрагмент верхнего эпифиза бедренной кости, неопределяемый фрагмент длинной трубчатой кости.

В районе таза обнаружены мелкие неопределяемые фрагменты трубчатых костей и фрагмент позвоночной арки. Здесь же, чуть восточнее, в районе левой руки, лежали фрагменты трех левых пястных костей, кости запястья, дистальный эпифиз левой лучевой кости.

Лучше всего сохранились кости ног. Правая и левая бедренные кости сближались на уровне колен, голени лежали параллельно (рис. 5).

Судя по расположению костей, погребенный человек лежал в вытянутом положении и был ориентирован строго по линии С–Ю, головой на север.

с чешуйчатым декором; 12 – дерево с фрагментами обкладки из золотой фольги с чешуйчатым декором; 14 – обломок металлической накладки с двумя штифтами; 17, 22, 23 – заклепки с остатками дерева; 18, 19, 26, 27, 38 – фрагменты скоб и пластин; 20 – декоративная накладка-гнездо (?); 21 – браслет; 24 – пинцет; 25 – туалетный набор; 29 – остатки деревянных ножен и железный нож внутри них; 44 – фрагменты дерева; 34, 41, 42 – мелкие фрагменты пластин; 40 – штифт; 48 – золотая гладкая пластина прямоугольной формы с фрагментом дерева. 1, 6, 14, 17–19, 21–27, 34, 38, 40–42 – металл; 20 – сердолик, металл; 2, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 16, 39, 43, 45, 48 – золото; 3, 4, 8, 10, 28, 30–33, 35, 37, 46, 51–53 – стекло; 36, 47, 49, 50 – янтарь. Условные обозначения: а – бляшка округлой формы с тиснением; б – бляшка треугольной формы с тиснением; в – бляшка зигзагообразной форм с тиснением; г – пронизь; д – бляшка треугольной формы без тиснения; е – зуб. а–д – золото.

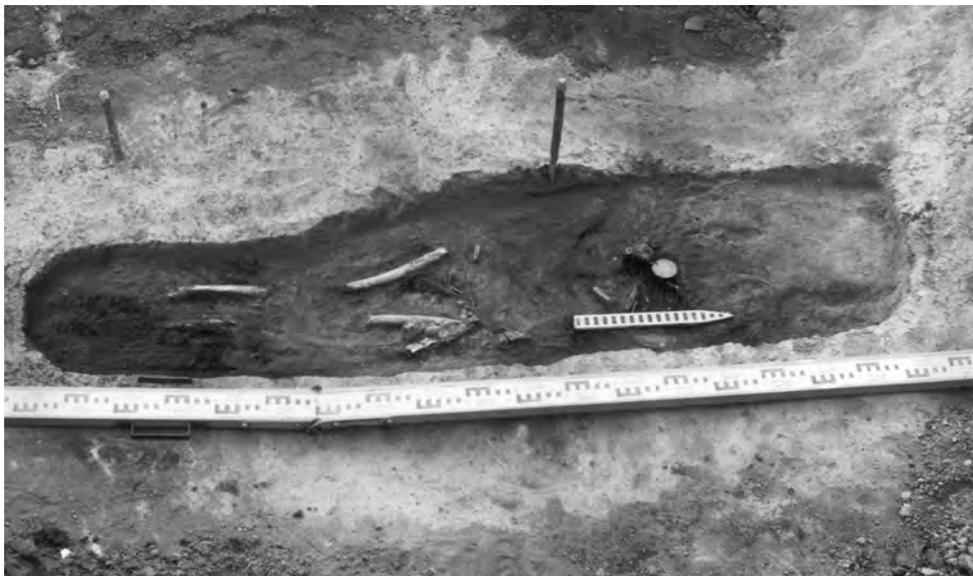

Рис. 5. Фото погребения 1 на поселении Мухино 2 (по: Земцов, 2004).

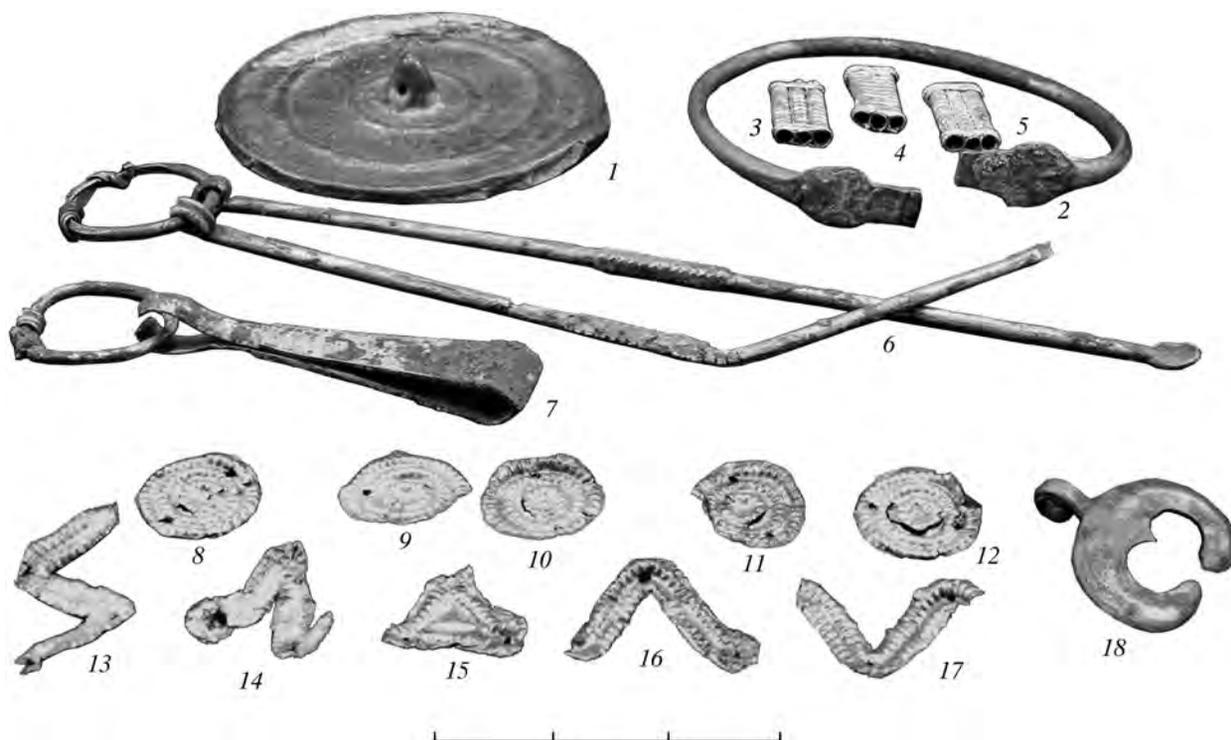

Рис. 6. Предметы сопроводительного инвентаря из погребения 1 на поселении Мухино 2 (по: Земцов, 2012). 1 – зеркало с центральной петлей, украшенное рельефными кругами; 2 – браслет с расплюснутыми окончаниями; 3–5 – пронизи в виде трех соединенных трубочек; 6 – туалетный набор из двух стерженьков на проволочном кольце; 7 – пинцет с расширенными концами на проволочном кольце; 8–17 – бляшки округлой, треугольной, зигзагообразной форм со штампованным декором; 18 – трехрогая лунница-подвеска. 1, 2, 6, 7, 18 – металл; 3–5, 8–17 – золото.

По местоположению костных останков у восточной стенки левая рука располагалась вдоль тела. Отдельные кости возле западной стенки свидетельствуют о положении здесь другой руки, которая, вероятно, подобно левой, была также вытянута (рис. 4; 5).

Погребальный инвентарь. На дне могилы зафиксировано большинство находок (подробнее о погребальном инвентаре см. Мастыкова, Земцов, 2014), они концентрировались прежде всего в районе груди и кистей рук и составляли несколько скоплений (рис. 4).

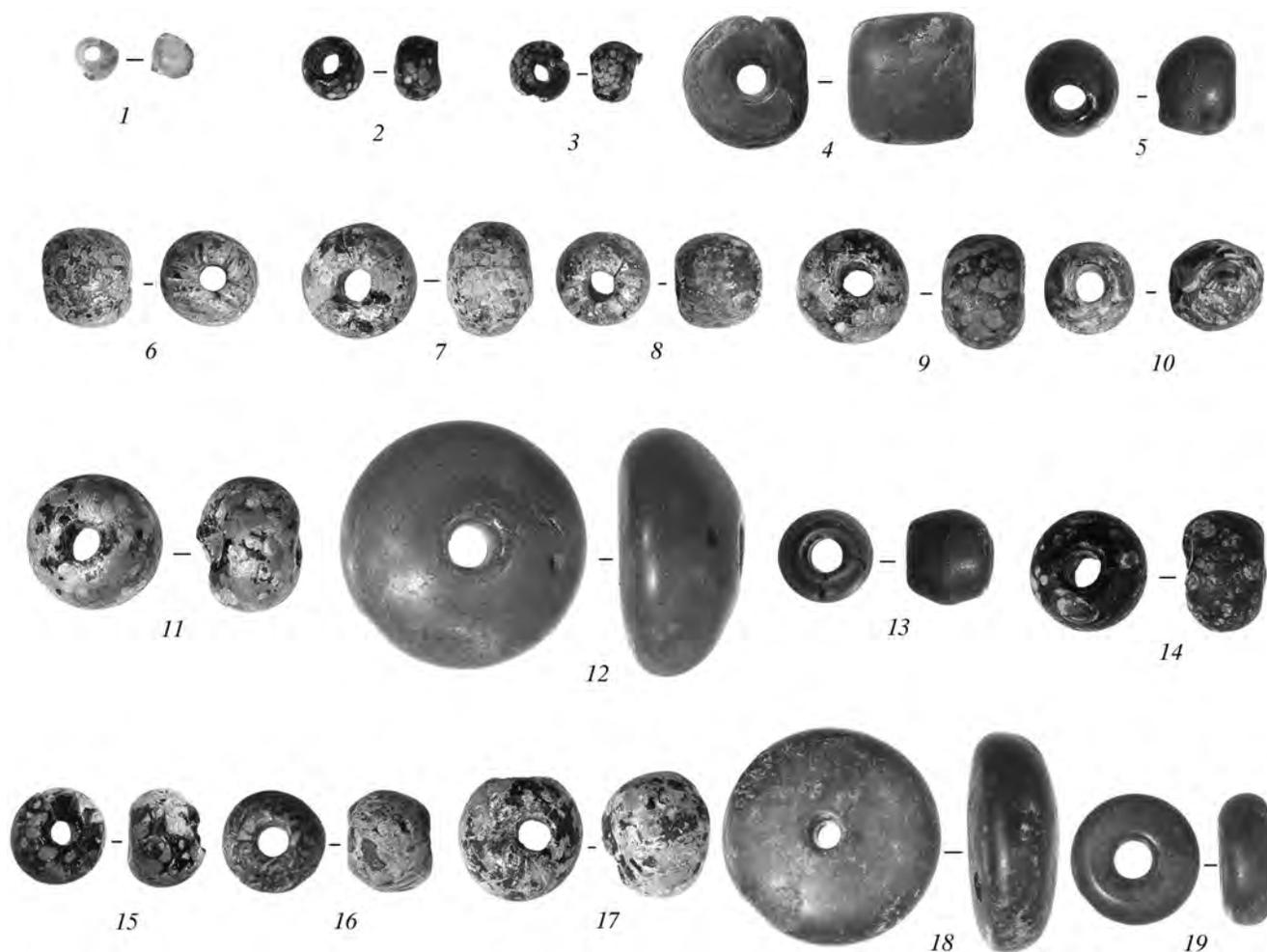

Рис. 7. Бусы из погребения 1 с поселения Мухино 2. 1–3, 5–11, 13–17 – стекло; 4, 12, 18, 19 – янтарь. Фото С.В. Ольховского.

В центральной части северной половины могильной ямы, в районе груди погребенного, было выявлено **первое скопление находок**. Здесь же, как уже говорилось, обнаружены фрагмент грудины, шесть зубов. В этом скоплении лежало металлическое зеркало лицевой стороной вверх; трехрогая металлическая лунница-подвеска; три стеклянные бусины, одна с “золотой” металлической фольгой-прокладкой, две сине-фиолетовые с накладным “крапчатым” декором; фрагмент золотой гладкой обкладки со сгибами, прочерченными чеканом (рис. 4, 1, 3–6, 8; 6, 1, 18; 7, 1–3). В этом скоплении зафиксировано большинство золотых бляшек-аппликаций округлой, треугольной и зигзагообразной форм со штампованным декором и дырочками для нашивания (рис. 4; 6, 8–17). Ближе к северной стенке могилы тоже найдены отдельные золотые бляшки округлой, треугольной и зигзагообразной форм, золотая пронизка в виде трех соединенных трубочек (рис. 4; 6, 3). Также в районе груди, между этим скоплением находок и восточной стенкой мо-

гилы, обнаружен фрагментированный предмет из золотой фольги с рельефным орнаментом, вероятно, фрагмент накладки-лунницы или наконечника ременной гарнитуры (рис. 4, 2).

Второе скопление находок зафиксировано у западной стенки в центральной части могилы (рис. 4). Судя по обнаруженным здесь костям, это было местоположение правой руки. Среди находок этого скопления выявлены остатки какого-то деревянного изделия размерами приблизительно 4×5 см (рис. 4, 12). Здесь же зафиксировано несколько фрагментов разного размера обкладки из золотой фольги с чешуйчатым декором (рис. 4, 9, 11, 13, 15, 16); рядом – металлические заклепки, сохранившиеся на мелких деревянных фрагментах; удлиненная прямоугольной формы пластина из металла и небольшие обломки маленьких пластинок или скоб прямоугольных форм (рис. 4, 17, 18, 22, 23, 34). Немного в стороне, между правой и левой бедренными костями, лежал обломок металлической накладки с двумя штифтами (рис. 4, 14). Возможно

Рис. 8. Момент расчистки участка захоронения – третье скопление находок погребения 1 на поселении Мухино 2 (по: Земцов, 2004).

все эти фрагменты принадлежали какому-то деревянному изделию с металлическими элементами, например шкатулке, обтянутой тонкой обкладкой из золотой фольги с чешуйчатым декором. В этом скоплении также найдены еще три фрагмента зигзагообразных нашивных бляшек из золотой фольги, две золотые пронизи в виде трех соединенных трубочек и зуб от нижней челюсти (рис. 4; 6, 4, 5). Янтарная цилиндрической формы бусина обнаружена под правой бедренной костью погребенного, ниже дна могильной ямы (рис. 4, 47; 7, 4). Чуть дальше, с правой стороны правой большой берцовой кости на мелком фрагменте дерева лежала гладкая без декора золотая пластиночка (24 × 6 мм), прямоугольной формы с дырочками на противоположных концах (рис. 4, 48). Не исключено, что эта пластинка из золота и фрагмент золотой неорнаментированной обкладки со сгибами, найденный в первом скоплении на груди (рис. 4, 5), также относятся к деталям “шкатулки”. Такой “разброс” предметов может отражать интенсивность тафономических процессов.

Третье скопление находок зафиксировано у восточной стенки в центральной части могилы рядом с костями левого запястья и бедренной костью (рис. 4). На костях запястья погребенного был надет металлический браслет (рис. 4, 21; 6, 2). Немного в стороне от браслета найдена одна монохромная из коричневого стекла бусина (рис. 4, 10; 7, 5). С правой стороны левой бедренной кости

(практически между левой и правой бедренными костями) лежали металлические туалетный набор и пинцет на проволочных колечках с закрученными концами (рис. 4, 24, 25; 6, 6, 7; 8). Рядом с ними обнаружены пять стеклянных бусин, лежащих почти в одну линию, в которой чередовались мозаичные и “крапчатые” бусины (рис. 4, 28, 30–33; 7, 6–10; 8). С левой стороны, под углом к левой бедренной кости, выявлены остатки деревянных ножен прямоугольной формы размерами 4 × 15,7 см, внутри которых лежал железный нож длиной 13,8 см (рис. 4, 29; 8). На ножнах зафиксированы фрагменты обкладки из золотой фольги с чешуйчатым декором (рис. 4, 39, 43; 8), подобные золотым обкладкам от “шкатулки”, найденным с правой стороны. Здесь же, в этом скоплении, найдены маленький металлический штифт, похожий на штифты, обнаруженные с правой стороны; несколько мелких металлических фрагментов, вероятно, маленьких пластинок и скоб прямоугольных форм (рис. 4, 19, 26, 27, 38, 40–42). На центральной части ножен находились лежавшие плотно друг к другу три бусины, две из которых стеклянные (с “крапчатым” декором и коричневая монохромная) и одна янтарная диско-конической формы очень большого размера (рис. 4, 35–37; 7, 11–13; 8). Ближе к восточной стенке лежала декоративная накладка-гнездо (?) – округлой формы сердолик в металлическом ободке (рис. 4, 20).

Четвертое скопление находок зафиксировано в южной части могильной ямы, в ногах погребенного. Здесь было восемь аппликаций треугольной формы из золотой фольги без декора с дырочками для нашивания, все они, за исключением одной бляшки, лежали вместе (рис. 4).

Несколько бусин обнаружено в переотложенном состоянии. Стеклянная бусина с “крапчатым” декором найдена южнее третьего скопления (рис. 4, 46; 7, 14); пять бусин, две янтарные дисковидной формы и три стеклянные (из них две с “крапчатым” декором и одна – миллефиори), – в 0,3 м к востоку от могильной ямы, в кротовине (рис. 4, 49–53; 7, 15–19).

О происхождении убора. Итак, в рассматриваемом погребении представлен богатый погребальный инвентарь (рис. 6; 7): многочисленные бляшки-накладки из золотой фольги округлой, треугольной и зигзагообразной форм; золотые пронизи; железный нож в деревянных ножнах, покрытых обкладкой из золотой фольги с чешуйчатым декором; металлические трехрогая лунница, зеркало, туалетный набор, браслет с расплюснутыми окончаниями в виде змеиных головок, пинцет; многочисленные стеклянные, в том числе “крапчатые”, и янтарные бусы и т.д. (подробнее см. Мастыкова, Земцов, 2014).

Мухинское захоронение содержит практически те же предметы, что и женские могилы уже упоминавшегося горизонта Унтерзибенбрунн. Здесь не представлены лишь характерные для таких комплексов парные двупластинчатые фибулы, восходящие к восточногерманской традиции. Это обстоятельство, скорее всего, указывает на северопонтийское происхождение мухинского костюма, где для гуннского времени ему известны параллели – убор без двупластинчатых фибул, но с золотыми бляшками-накладками и пронизками (например: Керчь, гробница 11.1899 г./ингумация 1; склеп 340.1903 г./ингумация 1; склеп 165.1904 г./ингумация 4; склеп 176.1904 г./ингумация 1; Танаис, погр. 10.1981 г. – данное погребение содержало “арбалетную” фибулу с подвязной ножкой) (библиографию см. Мастыкова, 2014).

Женский убор с золотыми аппликациями разных форм типичен для варварской аристократии гуннского времени (конец IV – середина V в.), он распространяется на территории Западной Римской империи, а также в европейском Барбарикуме. Прототипом престижного убора с золотыми аппликациями варварской знати гуннского времени был костюм оседлого эллинизированного населения позднеантичных центров Северного Причерноморья (подробно см. Мастыкова, 2014). Мухинский убор с золотыми бляшками имеет, по всей видимо-

сти, северопричерноморские истоки. Такое предположение кажется наиболее вероятным, поскольку позиция золотых аппликаций в мухинском захоронении аналогична размещению их в костюме понтийского населения (Арсеньева и др., 2001. С. 9, 35) (рис. 4). Возможно, что погребенный в мухинском захоронении был накрыт покрывалом, расшитым золотыми аппликациями, как, например, в известном погребении с Золотой маской на Глинице, в Керчи (Šarov, 2003. S. 39–48; Тайна золотой маски, 2009). Но не исключено, что аппликациями были украшены только детали одежды, как в других погребениях: Керчь, склеп 165.1904 г., ингумация 4 (Шкорпил, 1907. С. 48), Хохфельден (Hochfelden) в Эльзасе (Hatt, 1965. P. 250), Тубурбо-Мажюс (Thuburbo-Majus) в Тунисе (Eger, 2001. S. 349–376) и т.д.

О датировке погребения. Анализ погребального инвентаря позволяет говорить, что данное захоронение принадлежит гуннскому времени. По наличию в этом захоронении стеклянных “крапчатых” бус А.М. Обломский датировал его второй третью V – началом VI в. (2007. С. 79). Эта дата соответствует времени наибольшего распространения данного типа бус – периоды D2/D3, D3 и D3/E, т.е. примерно от 430/440 по 500/510 гг. (Мастыкова, 2004. С. 85; 2009. С. 112–115; Мастыкова, Плохов, 2010. С. 344). Присутствие “крапчатых” бус в мухинском погребении (рис. 7, 2, 3, 7, 9, 11, 14, 15, 17), неизвестных ранее для горизонта Унтерзибенбрунн (период D2), свидетельствует об их появлении уже во второй четверти V в., хотя массово этот тип бус возникает в древностях горизонта Смолин (период D2/D3).

Золотые аппликации (рис. 6, 8–17), обнаруженные в погребении Мухино, характерны для горизонта Унтерзибенбрунн и практически неизвестны в постгуннское время, после середины V в. Из достоверных находок можно назвать лишь дунайское погребение в Бакодпусzte (Bakódpuszte), относящееся скорее всего к заключительной фазе “княжеского” горизонта Смолин – период D2/D3, т.е. 430/440 – 470/480 гг. (Кишш, 1995. Табл. 5).

Сочетание в мухинском погребении “крапчатых” бус и золотых аппликаций позволяет отнести это погребение к концу горизонта Унтерзибенбрунн (период D2: 380/400 – 440/450 гг.) или к началу следующего по времени горизонта Смолин (период D2/D3: 430/440–470/480 гг.) т.е. приблизительно к 430–450 гг.

О погребальном обряде. Погребение 1 с поселения Мухино 2 трудно сравнивать с другими захоронениями этого времени на территории Верхнего Подонья, поскольку оно выделяется по уровню

Таблица 1. Измерительная характеристика посткраниальных останков женского скелета из погребения 1 с поселения Мухино 2

Часть скелета	Номер по Мартину, размер	Измерение, мм
Проксимальная фаланга I луча правой кисти	Длина проксимальной фаланги	42
Правая бедренная кость	6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	25
	7а. Широтный диаметр середины диафиза	20
	9. Верхний поперечный диаметр	32.5
	10. Верхний сагиттальный диаметр	26.5
	10:9 Указатель платимерии	81.54
	6:7а Индекс пиластрии	125
Левая лучевая кость	8. Окружность середины диафиза	77
	5. Ширина нижнего эпифиза лучевой кости	21

богатства инвентаря – погребенный индивид, несомненно, принадлежал привилегированной группе населения. В силу этих причин данное захоронение может по чертам обрядности не совпадать с “рядовыми” погребениями на рассматриваемой территории. В мухинском захоронении, как уже отмечалось выше, скелет плохо сохранился, однако присутствовавшие кости лежали в анатомическом порядке. Местоположение обнаруженных в могиле предметов соответствовало ожидаемому: бусы, лунница, подвеска – в области груди, браслет на запястье и т.д.

Маловероятным представляется предположение А.М. Обломского о том, что мухинское погребение подверглось ритуальному разрушению с расчленением скелета. По его мнению, “подавляющее большинство вещей” при этом было передвинуто. Затем могильная яма была вновь засыпана, а “выше дна и уровня залегания костей были поставлены два лепных сосуда” (Обломский, 2007. С. 77, 78).

Хотелось бы предложить более взвешенную интерпретацию погребального обряда. Рассмотрение антропологического материала не дает оснований для подобных выводов. Человеческие останки представляют все отделы посткраниального скелета и черепа. Находка зубов верхней и нижней челюстей указывает на изначальное присутствие черепа в погребении. То обстоятельство, что зубы верхней и нижней челюстей обнаружены вместе в области груди, позволяет сделать вывод о позе погребенного. Перемещение зубов верхней и нижней челюстей в область грудной клетки зачастую обусловлено приподнятым положением головы погребенного. Отсутствие костей свода черепа и лицевого скелета может свидетельствовать о высокой активности бактерий, разрушивших костную ткань. Как известно, активизация микроорганизмов способствует насыщенности органическими соединениями. Не исключено, что голова покоилась на высоком подголовье (подушка?) с органическим наполнителем.

Термин “расчленение тела” в данном случае не представляется удачным. При экспертизе скелетных останков при описании посмертных манипуляций с телом применяется набор конкретных диагностических признаков (Pearson, 1999), отсутствующих в данном случае. Наличие перемещенных предметов – бусин в кротовине, изолированного зуба в области правой кисти и золотой пронижи к северу от головы – отражает интенсивность тафономических процессов, связанную с активностью мелких млекопитающих – землероев. Тезис об ограблении могилы также не находит подтверждения – здесь присутствует непо потревоженный убор, включающий вещи из золота.

Половозрастное определение. В погребении 1 находились останки женщины в возрасте 20–29 лет. Об этом свидетельствуют очень малые продольные и широтные размеры посткраниального скелета, малая толщина стенок трубчатых костей; слабая стертость эмали на коронках зубов, отсутствие следов недавнего прирастания эпифизов, а также постдефинитивные возрастные изменения.

Морфологическая характеристика. В ходе работы с материалом были проведены морфологические измерения посткраниального скелета (табл. 1).

К сожалению, посмертное разрушение эпифизов длинных трубчатых костей лишает возможности определить продольные размеры и, следовательно, реконструировать длину тела этой женщины. Однако рассмотрение периметров и диаметров диафиза бедренной кости позволяет сделать вывод о ее чрезвычайной миниатюрности. Обращает на себя внимание резкая уплощенность диафиза бедра в медиально-латеральной плоскости. Не исключено, что данная особенность сформировалась под воздействием специфических физических нагрузок, например верховой езды. Однако невозможность наблюдать весь комплекс признаков, запечатлевающийся на скелетах всадников, побуждает к более

осторожным оценкам. Не исключено, что речь идет о врожденной аномалии. Отметим, что наружный костный рельеф, в том числе так называемый пилластр и шероховатая линия бедра, обозначены крайне слабо.

Грацильность скелета из мухинского погребения находит аналогии среди некоторых других женских захоронений той эпохи, когда, по-видимому, сходные конституциональные варианты имели широкое распространение. Сопоставление с ранее обследованными женскими выборками из “элитных плотов” комплекса Клин-Яр помогает выявить наряду со сходством общих скелетных размеров различия по форме. Так, например, по величине окружности в середине диафиза бедренной кости скелет из Мухино близок средним параметрам аланских женщин и в меньшей степени сарматских.

Реконструкция состояния здоровья индивида. Крайне фрагментарная сохранность останков индивида не позволила в полной мере оценить присутствие маркеров физиологического стресса. Но с уверенностью можно утверждать, что отсутствует эмалевая гипоплазия – признак, свидетельствующий о стрессах, перенесенных взрослым человеком в детстве. На основании этого можно предположить, что детство этой женщины было достаточно благополучным и не сопровождалось кратковременными остановками роста.

Состояние зубной системы, вероятно, можно считать в целом удовлетворительным. Из семи описанных коронок зубов только на одном (первом нижнем моляре) отмечено кариозное повреждение диаметром около 1.5 мм. Микроскол эмали на втором нижнем моляре свидетельствует о том, что зубами разгрызались твердые предметы.

Как отмечалось выше, некоторые размеры, определенные для женщины из этого погребения, настолько миниатюрны, что выходят за границы морфологической изменчивости евразийского степного населения раннего железного века (Медникова, 1995). Однако относить эту миниатюрность на счет суммы стрессов детства нет оснований. В целом можно констатировать отсутствие патологических проявлений на женском скелете из погребения 1 с поселения Мухино 2.

Реконструкция особенностей питания. Для воссоздания базовых характеристик обыденной диеты исследуемого индивида был проведен количественный анализ некоторых химических элементов – индикаторов питания. Это медь, цинк и стронций. Такой набор элементов апробирован на многочисленных материалах (Добровольская, 2005). Концентрации определялись методом

Таблица 2. Концентрации химических элементов в образцах скелетных тканей индивида из погребения 1 с поселения Мухино 2 (в ppm)

Образец	Cu	Zn	Sr
Зуб	10.8	63.9	119.9
Гороховидная кость	14315.8	2153.7	125.0

атомной абсорбции в Лаборатории геологии и геохимии ландшафта географического ф-та Московского педагогического гос. университета (определения выполнены кандидатами биол. наук Л.В. Алещукиным и Е.Е. Куликовой). В качестве объектов были выбраны два образца: коронка премоляра и гороховидная кость левой кисти. Плохая сохранность скелетных фрагментов не позволила остановиться на традиционных объектах для подобного анализа (компакте костной ткани длинных трубчатых костей). Полученные результаты представлены в табл. 2.

A priori ожидалось получить результаты, свидетельствующие о значительной контаминации. Как следует из приведенных данных, концентрации меди и цинка в двух объектах кардинально различаются. Отметим, что запястье женщины было украшено металлическим изделием. Несмотря на то что на поверхности гороховидной кости не были заметны медьсодержащие химические соединения, экстремально высокие концентрации меди и цинка свидетельствуют о посмертном загрязнении. Высокая концентрация не вызывает удивления, в то время как аномально высокое содержание цинка в кости требует отдельного обсуждения. В том случае, если археологи располагают свидетельствами о традиции использования бронз со значительными добавками цинка, то можно предположить, что накопление элемента объясняется именно этим. Другое предположение – возможность использования цинковых белил. Однако то обстоятельство, что гороховидная кость входит в состав кисти, существенно уменьшает вероятность второго предположения. В любом случае данные о концентрациях цинка и меди в гороховидной кости не могут быть использованы для реконструкции прижизненных характеристик.

Величина концентрации цинка – маркера употребления животной пищи – в зубных тканях умеренна, поэтому нет оснований предполагать, что в каждодневном рационе этой женщины преобладали животные белки. Умеренно высокая концентрация меди в данном случае не несет в себе информации об особенностях рациона питания.

Таблица 3. Результаты изотопного анализа коллагена костной ткани из погребения 1 с поселения Мухино 2

Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
Человек	-17.67/-17.46	10.51/10.46
Ювенильная особь МРС	-21.15/-21.14	8.05/7.96

Данные о концентрациях стронция широко используются как для реконструкции типа питания, так и для реконструкции ландшафтно-климатических условий жизни индивидов. Безусловно, фрагментарность полученных данных существенно снижает их достоверность, и все же выскажем предположение, что высокие концентрации стронция свидетельствуют о том, что исследованный индивид большую часть своей жизни прожил в условиях достаточно аридных ландшафтов. Возможно, это были южные степи. Вероятность того, что женщина относительно незадолго до смерти проживала в более южных засушливых районах, достаточно велика.

Проведенный изотопный анализ коллагена костной ткани скелетных фрагментов женщины и кости молодого барашка (козленка) из захоронения позволяет построить гипотезы относительно пищевого рациона и среды обитания погребенной. Для выявления воспроизводимости результатов каждый образец выделенного коллагена был использован для повторного анализа. Значения дельта для углерода из образца кости животного (-21.1‰) существенно отличается от аналогичного показателя, определенного для образца человека (-17.6‰). Это расхождение может иметь несколько причин. Во-первых, высокие значения дельта в образце захороненной может быть связано с активным употреблением в пищу растений С4 типа фотосинтеза (просо). Во-вторых, в аридных условиях формируются более высокие показатели дельта углерода тканей растений и животных. Относительно низкие значения дельта по азоту (10.5‰) указывают на умеренную долю белковой пищи в рационе этой женщины. В целом, полученные значения находят прямые аналогии с изотопными показателями, полученными для индивидов из элитных сарматских и аланских захоронений Северного Кавказа (Клин Яр) (Higham et al., 2010. P. 653). Таким образом, показатели изотопного и элементного состава в значительной степени поддерживают гипотезу южного происхождения индивида. Однако эти же результаты не исключают того, что специфика параметров состава костной ткани определялась местным хозяйственным укладом.

Также были проведены исследования (аналитические работы осуществлены во ВСЕГЕИ, Санкт-Петербург, Е.С. Богомоловым) соотношения изотопов стронция Sr 87/86 в эмали зуба погребенной женщины и костной ткани животного из сопровождения этого погребения (табл. 3).

Соотношение изотопов в эмали зуба составляет 0.709642 ± 12 и 0.709737 ± 10 – в костной ткани животного. Выраженные слабые различия в изотопных характеристиках животного и человека могут быть результатом небольших различий в территории их проживания. Основной же вопрос, на который хотелось получить ответ, используя данные об изотопном составе, состоит в том, была ли эта женщина уроженкой Верхнего Дона или же она – недавняя мигрантка из других регионов. Полученные ранее данные о соотношениях изотопов стронция в костной ткани людей и животных с территории Верхнего Дона (Добровольская, Решетова, 2014), дают основание предполагать, что ожидаемая величина составляет 0.71000–0.71100. Величины 0.70960–0.70970 отмечены для индивидов из более южных районов (Афанасьев и др., 2014). Таким образом, есть новые веские основания считать, что по крайней мере детство молодой женщины, погребенной на поселении Мухино 2, проходило вне Верхнедонского региона и скорее всего она была уроженкой юга.

При описании зубной системы был отмечен такой признак, как лопатообразность резцов, а также сходная форма отмечена для верхнего клыка. Как не раз отмечалось одонтологами, частота встречаемости лопатообразных резцов гораздо выше в монголоидных популяциях. Однако использование этого наблюдения в индивидуальной реконструкции требует большой осторожности.

Впрочем, отметим, что эта эпоха ознаменована появлением людей монголоидного облика в Причерноморье и Нижнем Подонье начиная со II в. н.э. (Батиева, 2011. С. 93). Например, было зафиксировано появление людей с монголоидными чертами в группах причерноморского населения V в. (Медникова, Балуева, 2009), что может отражать направление миграций населения в ту эпоху. Так, женщина из погребения 236 Широкой Балки позднеримского времени (III–V вв.) демонстрирует очень высокое и широкое лицо с относительно низким носом, широкими и высокими орбитами, малым назомалярным углом, широким лбом (Медникова, Балуева, 2009. С. 124. Рис. 14). Сочетание больших размеров лицевого скелета с ослабленной горизонтальной профилировкой лица наводит на мысль о монголоидной примеси, причем, вполне закономерной для данного исторического отрезка времени. Эти особенности резко контрастируют

с антропологическим обликом предшествующего населения.

Подведем итоги. Погребение 1 с поселения Мухино 2 сопровождалось богатым инвентарем, типичным для погребений “варварской” знати гуннского времени, что свидетельствует о высоком социальном ранге погребенной. Ее убор более всего тяготеет к культурной традиции оседлого населения позднеантичных центров Северного Причерноморья. По сочетанию предметов погребального инвентаря мухинское захоронение можно датировать последней фазой гуннского периода (430–450-е годы).

Данные антропологической экспертизы показали, что детство этой женщины было достаточно благополучным. Благодаря изотопному и элементному анализам установлено, что в ее рационе питания животные белки не преобладали, но растения типа фотосинтеза С4 (просо) составляли его существенную долю, что может быть интерпретировано как маркер оседлого образа жизни. Этот вывод находит свое дополнительное подтверждение в результатах палеоботанических исследований памятников этого региона (Антипина, Лебедева, 2007. С. 322).

Высокая концентрация стронция в костных образцах свидетельствует о том, что вероятнее всего эта женщина была мигранткой из более южных районов и большую часть своей жизни прожила в условиях достаточно аридных ландшафтов. Для проверки нашей гипотезы были привлечены данные изотопных соотношений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, которые подтвердили мнение о южном происхождении погребенной женщины.

Итак, наблюдения и предположения о происхождении и социальной принадлежности погребенной женщины, сделанные исключительно на археологическом материале, получили свое подтверждение в результатах биоархеологического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.* Структура сельского хозяйства у населения Острой Луки Дона в середине I тыс. н.э. (археобиологическая реконструкция) // Верхнедонской археологический сб. Вып. 3. Липецк: СПб., 2007. С. 313–329.
- Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К.* О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Мат-лы конф. М.: ИА РАН. 2014. С. 312–315.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 274 с.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в до н.э. – IV в н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2011. 158 с.
- Добровольская М.В.* Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 367 с.
- Добровольская М.В., Решетова И.К.* Питание носителей традиций салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком междуречье по данным изотопного анализа // РА. 2014. № 2. 2014. С. 39–47.
- Земцов Г.Л.* Миграционные потоки III–V вв. н.э. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино 2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 108–116.
- Земцов Г.Л.* Отчет о проведении археологических работ в Задонском р-не Липецкой обл. экспедицией Липецкого гос. педагогического ун-та в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2004. Р-1. № 28007.
- Земцов Г.Л.* Липецкий край в III–V веках. Тула: Гриф и К., 2012. 206 с.
- Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Сост. А.П. Бужилова, М.В. Козловская, Г.В. Лебединская, М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 1998. 260 с.
- Кишиш А.* Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура / Ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 79–100.
- Мастыкова А.В.* Глава 7. Стекланные бусы комплекса поселений у с. Замятино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. (Раннеславянский мир; Вып. 6). С. 84–88.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Мастыкова А.В.* “Княжеский” костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 136–150. Цв. вклейка. Рис. XIII–XVII.
- Мастыкова А.В., Земцов Г.Л.* “Княжеское” женское погребение на поселении Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 200–222. Цв. вклейка. Рис. XV–XVII.
- Мастыкова А.В., Плохов А.В.* Датировка и происхождение стекланных бус из могильника у о. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рожд. Е.Н. Носова / Ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 337–357.
- Медникова М.Б.* Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН, РГНФ, 1995. 216 с.
- Медникова М.Б., Балугева Т.С.* Новые данные к краниологии населения полуострова Абрау // Aбраu Antiqua. Результаты комплексных исследований древностей

- полуострова Абрау / Ред. А.А. Малышев. М.: ИА РАН, 2009. С. 108–148.
- Обломский А.М. Глава 2. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. (Раннеславянский мир; Вып. 9). С. 73–132.
- Тайна золотой маски. Каталог выставки / Автор текста и ред. А.М. Бутягин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 204 с.
- Шкорпил В.В. Отчет о работе в Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
- Eger C. Vandalische Grabfunde aus Karthago // Germania. 2001. Bd. 79. H. 1. S. 347–390.
- Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1970. 124 p.
- Hatt J.-J. Une tombe barbare du Ve siècle à Hochfelden (Bas-Rhin) // Gallia. 1965. T. 23. P. 250–256.
- Higham T., Warren R., Belinskij A., Harke H., Wood R. Radiocarbon dating, stable isotope analysis and diet-derived offsets in 14C ages from the Klin-Yar site, Russian North Caucasus // Radiocarbon. 2010. V. 52. № 2-3. P. 653–670.
- Pearson M.P. Archaeology of death and burial. Sutton Publishing Limited, 1999. 250 p.
- Šarov O. Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholz, 2003. S. 35–64.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. (BAR Int. Ser.; 1535). 482 p.
- Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. Bd. 72. 1988. S. 223–304.
- Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 1997. S. 321–392.
- Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen "gentes" im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 2007. S. 55–119.

THE PRIVILEGED FEMALE BURIAL FROM THE SETTLEMENT MUKHINO 2 OF THE HUNS AGE ON UPPER DON: A BIOARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTION

Mariya V. Dobrovolskaya*, **Grigory L. Zemtsov****,
Anna V. Mastykova*, **Mariya B. Mednikova***

*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow
(mk_pa@mail.ru; amastykova@mail.ru; medma_pa@mail.ru)

**Lipetsk State Pedagogical University (grizem@rambler.ru)

The paper considers Burial 1 found at the multilayer settlement Mukhino 2 (Zadonsky District of Lipetsk Oblast) on the left bank of the river Snova not far from its inflow into the Don. The anthropological examination of the skeleton remains has shown that they belonged to a woman 20–29 years old. The burial contains grave goods typical of those of the “barbarian” nobility of the Hun Age which implies a high social status of the buried woman. Her attire corresponds to the cultural tradition of the sedentary population of the late classical centres of the North Black Sea region. Judging from the set of grave goods, the Mukhino burial can be dated to the late period D2 – early period D2/D3 of the “barbarian” European chronology, i.e. ca. AD 430–450. The morphological characteristics of the postcranial skeleton of the buried woman are indicative of her gracility. The skeleton shows a certain similarity with Sarmatian and Alan female samples from the “elite plots” of the Klin-Yar cemetery. The isotopic and elemental analyses show that animal protein was not prevailing in the diet of the buried woman while plants of the photosynthesis type C4 (probably millet) made up a significant part of it which can be interpreted as a marker of sedentary life. This suggestion can be further confirmed by the results of the paleobotanical study of samples from the sites of the entire region. The set of markers revealed by the examination of the skeleton remains is indicative of the southern origin of the buried woman.

Keywords: elite burial, costume with appliqué gold decorations, Hun Age, Upper Don region, North Black Sea region, bioarchaeology, paleobotanics.

REFERENCES

- Afanas'yev G.E., Dobrovolskaya M.V., Korobov D.S., Reshetova I.K., 2014. O kul'turnoy, antropologicheskoy i geneticheskoy spetsifike donskikh alan [On the cultural, anthropological and genetic specifics of the Don Alans]. *Ye.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza: XXVIII Krupnovskiy chteniye: materialy konferentsii [E.I. Krupnov and the development of North Caucasus archaeology: XVIII Krupnov readings: conf. materials]*. Moscow: IA RAN, pp. 312–315.
- Antipina Ye.E., Lebedeva Ye.Yu., 2007. Struktura sel'skogo khozyaystva u naseleniya Ostroy Luki Dona v seredine I tys. n.e. (arkheobiologicheskaya rekonstruktsiya) [Agricultural structure at Don's Ostraya Luka population in the middle of the 1 millennium AD]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [Upper Don archaeological collection]*, 3. Lipetsk; St. Petersburg, pp. 313–329.
- Arsen'yeva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V., 2001. Nekropol' Tanaisa: Raskopki 1981–1995 gg. [Necropolis Tanaisa: Excavations 1981–1995]. Moscow: Paleograf. 274 p.
- Batiyeva Ye.F., 2011. Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoye issledovaniye) [Population of Lower Don region in 9 c. BC – 4 c. AD (paleoanthropological research)]. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN. 158 p.
- Dobrovolskaya M.V., 2005. Chelovek i yego pishcha [Man and his food]. Moscow: Nauchny mir. 367 p.
- Dobrovolskaya M.V., Reshetova I.K., 2014. Pitaniye nositeley traditsiy saltovo-mayatskoy kul'tury v Dono-Donetskom mezhdurech'ye po dannym izotopnogo analiza [Nutrition of the tradition bearers of the Saltovo-Mayaki culture in the Don-Donetsk interfluvium according to the data of an isotopic analysis]. *RA [RA]*, 2, pp. 39–47.
- Eger C., 2001. Vandalische Grabfunde aus Karthago // *Germania*, 79/1, pp. 347–390.
- Godlowski K., 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. 124 p.
- Hatt J.-J., 1965. Une tombe barbare du Ve siècle à Hochfelden (Bas-Rhin) // *Gallia*, 23, pp. 250–256.
- Higham T., Warren R., Belinskij A., Harke H., Wood R., 2010. Radiocarbon dating, stable isotope analysis and diet-derived offsets in 14C ages from the Klin-Yar site, Russian North Caucasus // *Radiocarbon*, 52/2-3, pp. 653–670.
- Istoricheskaya ekologiya cheloveka, 1998. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical ecology of man, 1998. Method of biological researches]. A.P. Buzhilova, ed. Moscow: IA RAN. 260 p.
- Kishsh A., 1995. Opyt issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov alan v Zapadnoy Yevrope i Severnoy Afrike [Experience of the Alans archaeological sites research in Western Europe and Northern Africa]. *Alany: istoriya i kul'tura [Alans; history and culture]*. V.Kh. Tmenov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinsky institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 79–100.
- Mastykova A.V., 2004. Glava 7. Steklyannyye busy kompleksa poseleniya u s. Zamyatino [Glass beads of settlements site near the village Zamyatino]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinsky arkheologicheskyy kompleks gunnskogo vremeni [Don's Ostraya Luka in the ancient times. Zamyatino archaeological site of the Huns age]*. A.M. Oblomsky, comp. Moscow: IA RAN, pp. 84–88. (Rannelslaviansky mir, 6).
- Mastykova A.V., 2009. Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n.e. [Female costume of the Central and Western Ciscaucasia at the end of 4 – the middle of 6 cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.
- Mastykova A.V., 2014. "Knyazheskiy" kostyum s zolotymi aplikatsiyami v epokhu Velikogo pereseleniya narodov ["Princely" costume with golden decoration at the epoch of Great Migration Period]. *KSIA [BCIA]*, 232, pp. 136–150.
- Mastykova A.V., Plokhov A.V., 2010. Datirovka i proiskhozhdeniye steklyannykh bus iz mogil'nika u o. S'yeyzheye [Dating and origin of glass beads from the burial ground at Lake S'yeyzheye]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Yevropy: K 60-letiyu so dnya rozhd. Ye.N. Nosova [Dialogue of cultures and peoples of the medieval Europe: On the 60th anniversary from the Ye. N. Nosov's birthday]*. A.E. Musin, N.V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, pp. 337–357.
- Mastykova A.V., Zemtsov G.L., 2014. "Knyazheskoye" zhenskoye pogrebeniye na poselenii Mukhino-2 gunnskogo vremeni na Verkhnem Donu ["Princely" female burial at the settlement Mukhino-2 of the Huns age on the Upper Don]. *KSIA [BCIA]*, 234, pp. 200–222.
- Mednikova M.B., 1995. Drevniye skotovody Yuzhnoy Sibiri: paleoekologicheskaya rekonstruktsiya po dannym antropologii [Ancient herdsmen of Southern Siberia: paleoecological reconstruction on anthropological data]. Moscow: IA RAN; RGNF. 216 p.
- Mednikova M.B., Baluyeva T.S., 2009. Novyye dannyye k kraniologii naseleniya poluostrova Abrau [New data for craniology of the population of the peninsula Abrau]. *Abrau Antiqua: Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostey poluostrova Abrau*. A.A. Malyshev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 108–148.
- Oblomsky A.M., 2007. Glava 2. Lesostepnoye Podon'ye [Chapter 2. Forest steppe Don region]. *Vostochnaya Yevropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1 millennium AD]*. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomsky, eds. Moscow: IA RAN, pp. 73–132. (Rannelslaviansky mir, 9).
- Pearson M.P., 1999. Archaeology of death and burial. Sutton Publishing Limited. 250 p.
- Šarov O., 2003. Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. C. von Carnap-Bornheim, Hrsg. Neumünster: Wachholz, pp. 35–64.

- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.*, 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR Int. Ser., 1535).
- Shkorpil V.V.*, 1907. Otchet o rabote v Kerchi v 1904 g. [Report on the work in Kerch in 1904]. Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial archaeological committee], 25, pp. 1–66.
- Tayna zolotoy maski: katalog vystavki [Mystery of a golden mask: collection's catalogue], 2009. Avtor teksta i red. A.M. Butyagin. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gos. Ermitazha. 204 p.
- Tejral J.*, 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaunraum // *Archaeologia Austriaca*, 72, pp. 223–304.
- Tejral J.*, 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaunraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaunraum. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski, Hrsg. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, pp. 321–392.
- Tejral J.*, 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen “gentes” im Mitteldonaunraum aus der Sicht der Archäologie // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. J. Tejral, Hrsg. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, pp. 55–119.
- Zemtsov G.L.*, 2003. Migratsionnyye potoki III–V vv. n.e. i Verkhnedonskoy region (na primere poseleniya Mukhino 2) [Migration streams 3–5 cc. AD and Upper Don region (on the example of the settlement Mukhino-2)]. Kontaktnyye zony Yevrazii na rubezhe epoch: materialy arkheol. konf. [Zones of contact in Eurasia between the epochs: proceed. archaeol. conf.]. Samara: Samarsky oblastnoy istoriko-krayevedchesky muzey im. P.V. Alabina, pp. 108–116.
- Zemtsov G.L.*, 2004. Otchet o provedenii arkheologicheskikh rabot v Zadonskom r-ne Lipetskoy obl. ekspeditsiyey Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v 2002 g. [Report on the archaeological works in Zadonsky District Lipetsk Oblast of the expedition of Lipetsk State Pedagogical University in 2002]. *Arkhiv IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, 28007. (In Russian, unpublished).
- Zemtsov G.L.*, 2012. Lipetsky kray v III–V vekakh [Lipetsk region in 3–5 cc.]. Tula: Grif i K. 206 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С НОЖАМИ-КИНЖАЛАМИ В АРЕАЛЕ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2015 г. Я.В. Прасолов

Институт археологии РАН, Москва
(Nordsternlicht@hotmail.com)

Ножи-кинжалы – одна из наиболее необычных и узкоспециализированных форм вооружения эпохи Великого переселения народов в юго-восточной части бассейна Балтийского моря на территории современной Западной Литвы и Калининградской обл. РФ (ареал самбийско-натангийской культуры). Результаты настоящего исследования указывают на то, что получившие в литературе последних лет распространение гипотезы в отношении ножей-кинжалов и перевязей (*baltei Vidgiriai*), предположительно сформировавших в древности функциональный комплекс, а также в отношении владельцев этих артефактов, должны быть кардинально пересмотрены, по крайней мере, для ареала рассматриваемой культуры. В рамках проекта удалось выделить несколько основных типов ножей-кинжалов и их варианты; одновременно было показано, что *baltei Vidgiriai* использовали уже в конце поздней фазы эпохи Римского влияния и тем самым ранее появления “классических” ножей-кинжалов. Сложившиеся представления о комплексах с ножами-кинжалами как о *per definitionem* богатых погребениях профессиональных воинов аллохтонного этнокультурного происхождения с высоким социальным статусом не нашли подтверждения в изученном археологическом материале. Результаты свидетельствуют о том, что ножи-кинжалы были распространенным оружием свободных членов общин самбийско-натангийской культуры.

Ключевые слова: Калининградская область, самбийско-натангийская культура, западные балты, эпоха Великого переселения народов, музей “Пруссия”, ножи-кинжалы, перевязи типа *balteus Vidgiriai*.

В данной статье представлен ряд наблюдений и результатов, полученных в рамках исследовательского проекта, посвященного сравнительному типохронологическому анализу ножей-кинжалов эпохи Великого переселения народов в юго-восточной части бассейна Балтийского моря, а также изучению социоисторических тенденций, приведших к появлению данного вида оружия в указанном ареале.

Возросшая за последние годы интенсивность полевых исследований в Калининградской обл., повторное обнаружение в 1990-е годы значительной части довоенных находок из коллекции Кенигсбергского музея “Пруссия”, а также вновь ставший с недавнего времени возможным доступ к личным архивам довоенных исследователей позволили впервые в истории археологического изучения региона подвергнуть сравнительному анализу рекордно высокое число ножей-кинжалов, а также предметов инвентаря из соответствующих погребальных комплексов.

История изучения. Ножи-кинжалы (“Dolchmesser” в довоенных немецких источниках) – один из

наиболее интересных и одновременно узкоспециализированных видов оружия, появившегося в юго-восточном регионе бассейна Балтийского моря в эпоху Великого переселения народов. Находки ножей-кинжалов происходят почти исключительно с памятников современной Западной Литвы, а также Калининградской обл. РФ, бывших до 1945 г. северной и соответственно центральной частями территории немецкой провинции Восточная Пруссия (Šimėnas, 1996. P. 64–66; Кулаков, Скворцов, 2000. Ил. 5). Таким образом, данные артефакты имели распространение в Нижнем Принеманье, в ареалах западно- и центральнолитовской групп западно-балтской культуры, в Жемайтии, а также в ареале самбийско-натангийской культуры¹, упоминаемой в литературе и как самбийско-натангийская группа западнобалтской культуры (Šimėnas, 1996. P. 41;

¹ Данная культура обычно упоминается в западноевропейской археологической литературе как культура Доллькайм-Коврово (Nowakowski, 1996. P. 13, 14). Приводимое в данной публикации название представляется, однако, более нейтральным и одновременно точным; традиция его использования насчитывает уже около 100 лет.

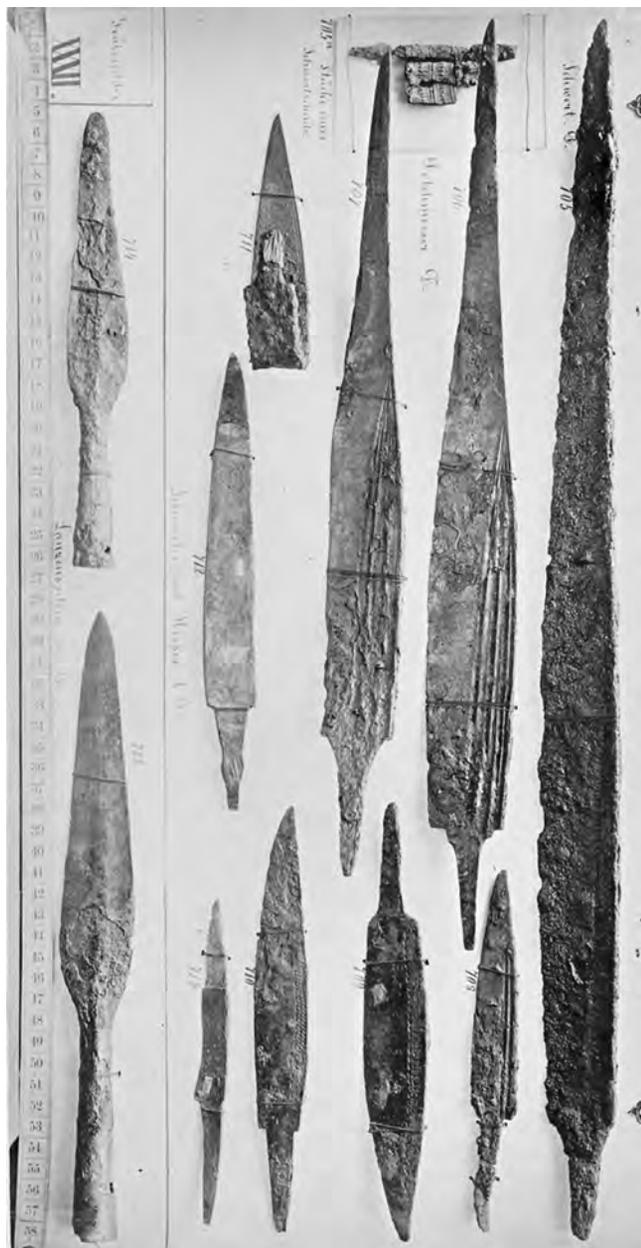

Рис. 1. Характерные экземпляры ножей-кинжалов в фотографическом альбоме берлинской Выставки доисторических археологических находок в Германии, так называемый Берлинский альбом (по: Günther, Voss, 1880. Taf. 14; Königsberg. Provinzial-Museum der physicalish-öconomischen Gesellschaft. Kat. S. 419 u. f. No. 705–715. Carl Günter Photograph. Berlin). Определение и датировка находок приведены согласно указанному источнику: 705 – меч (период D), могильник Тенген; 706, 707 – ножи-кинжалы (период D), могильник Долькайм; 708–713 – ножи (периоды C и D).

Кулаков, Скворцов, 2000. С. 41; Prassolow, 2012. Fig. 21).

Наиболее ранней иллюстрацией существования нескольких вариантов ножей-кинжалов является,

вероятно, фотография, опубликованная в 1880 г. в альбоме берлинской Выставки доисторических археологических находок (рис. 1).

С момента первого упоминания в литературе и до 1945 г. на территории бывшей Восточной Пруссии были сделаны многочисленные находки ножей-кинжалов, входивших в состав инвентаря мужских погребений, датированных согласно хронологии, разработанной О. Тишлером и модифицированной Х. Кемке (Tischler, Kemke, 1902. S. 10–13), периодами C–D. К сожалению, в предвоенный период исследования не было предпринято серьезных попыток ни к созданию каталога этих находок, ни к их сравнительному анализу, ни к разработке соответствующей типологии или же более точной датировки. Точное число найденных до войны ножей-кинжалов остается неизвестным.

Начало следующего этапа в изучении ножей-кинжалов было ознаменовано появлением посвященных этому виду оружия публикаций литовских исследователей уже в послевоенный период (Казкевичюс, 1988; Шименас, 1992; Šimėnas, 1996, 2006). Опубликованный список приблизительно 60 экз. ножей-кинжалов (Šimėnas, 1996. P. 41) включал в себя как довоенные находки, известные на тот момент практически исключительно из старых немецких публикаций и архивных материалов, так и находки, сделанные уже после до 1945 г. в основном на территории Литвы и (в значительно меньшем количестве) в Калининградской обл. РФ.

В 1990-е годы в литовской литературе появились публикации, посвященные еще одному виду артефактов, получившему распространение в регионе в эпоху Великого переселения народов, – портупейм (более верным представляется их обозначение как “перевязей”) *baltei Vidgiriai*, предположительно использовавшимся для ношения ножей-кинжалов (Šimėnas, Gleiznienė, 1990; Astrauskas et al., 1999). Общее число учтенных находок *baltei Vidgiriai* в 6 могильниках на территории Литвы составляло в 1999 г. по меньшей мере 15 (максимально 22) (Astrauskas et al., 1999. P. 144). На сегодня количество находок увеличилось: к 2009 г. *baltei Vidgiriai* были найдены в уже по меньшей мере 12 могильниках Литвы (Bliujienė, Butkus, 2009. Fig. 4).

Богато украшенные металлическими деталями кожаные ремни были идентифицированы как перевязи на основании их расположения в мужских погребениях *in situ* (Šimėnas, 1996. Fig. 22), а свое обозначение они получили по месту первого обнаружения на могильнике Видгиряй в Шилутском р-не Литвы (Шименас, 1992. С. 99; Astrauskas et al., 1999. P. 119; Кулаков, Скворцов, 2000. С. 45).

Литовские исследователи впервые провели сравнительный анализ находок ножей-кинжалов и перевязей *baltei Vidgiriai*: сделаны предварительные выводы о происхождении данных артефактов и, как следствие, об этнокультурном происхождении и социальном статусе их владельцев. Было высказано предположение, что ножи-кинжалы появились в результате взаимного влияния провинциальных римских, германских и кочевнических оружейных традиций на окраинах Римской империи (провинции Паннония и Норик) в середине V в. В соответствии с этой гипотезой ножи-кинжалы попали на юго-восточное побережье Балтийского моря уже в своей полностью сложившейся “классической” форме либо с иноземными воинами, пришедшими на эту территорию, либо же с балтскими воинами, вернувшимися на землю своих предков по окончании так называемых гуннских войн (Šimėnas, 1992. С. 100).

Предполагалось, что и перевязи *baltei Vidgiriai* возникли за пределами рассматриваемого региона (хотя возможность их производства в местной среде и не исключалась полностью). Основанием для такого предположения послужило отсутствие прямых прототипов перевязей в материальной культуре западных балтов предшествующего периода, а также использование при их изготовлении ряда технологических приемов, не характерных для ремесленного производства автохтонного населения (Šimėnas, 1990. Р. 74; Astrauskas et al., 1999. Р. 141). Кроме того, изучение конструктивных особенностей соответствующих воинских погребений с ножами-кинжалами (как с перевязями, так и без них), а также частично реконструируемого погребального обряда выявило ряд особенностей, не известных в локальном контексте, но имеющих близкие аналогии в юго-западных регионах Европы, а также в кочевнических культурах рассматриваемой эпохи (Šimėnas, 1996. Р. 61). Наконец, была высказана гипотеза, согласно которой ножи-кинжалы и перевязи указанного типа образовывали в рассматриваемый период функциональный комплекс, входивший в состав снаряжения воинов-профессионалов (Šimėnas, 1996. Р. 63, 71; Astrauskas et al., 1999. Р. 144).

Завершая краткий обзор публикаций литовских коллег, необходимо указать на появление в литературе последних лет и противоположной точки зрения. Ряд современных исследователей не только считает ножи-кинжалы и перевязи *baltei Vidgiriai* местными изделиями, но и указывает на существование их прототипов в более раннем археологическом материале региона (Bertašius, 2007; Jovaiša, 2007a, b; личное сообщение).

Опубликованные результаты обратили внимание отечественных археологов на аналогичные находки в Калининградской обл. Следствием изучения местных древностей в новом ракурсе стало появление ряда статей, посвященных находкам ножей-кинжалов на территории самбийско-натангийской культуры (Кулаков, Скворцов, 2000; Кулаков, 2006; Kulakov, 2008). К сожалению, полный каталог погребений с ножами-кинжалами – основа последующего сравнительного анализа комплексов, не появился и на этом этапе исследований. Российские археологи были в значительной степени ограничены в своих возможностях как незначительным количеством послевоенных находок ножей-кинжалов, так и в первую очередь исчезновением почти всей коллекции довоенных находок и архивных материалов, хранившихся в кенигсбергском музее “Пруссия” (Reich, Menghin, 2008; Reich, 2009). Еще меньше было известно о находках перевязей *baltei Vidgiriai*: для всего ареала рассматриваемой культуры в литературе была описана единственная находка такого рода (Astrauskas et al., 1999. Р. 135).

Несмотря на это, российские исследователи пришли к выводам, близким таковым их литовских коллег, и даже пошли дальше в своих гипотезах (Кулаков, Скворцов, 2000. С. 41–43; Кулаков, 2006. С. 63). Так, было высказано предположение, что наряду с ножами эльбских германцев прототипами ножей-кинжалов стали римские *gladii*. Место протекания заключительной фазы формирования ножей-кинжалов локализовалось авторами вдали от балтийских берегов – в междуречье рек Дунай и Тиса. При изучении инвентарей соответствующих комплексов в ареале самбийско-натангийской культуры авторам, по их мнению, удалось обнаружить многочисленные индикаторы высокого социального статуса, а также аллохтонной этнокультурной принадлежности погребенных (Кулаков, Скворцов, 2000. Р. 42, 43).

Обобщая опубликованное, необходимо подчеркнуть, что ножи-кинжалы *de facto* рассматривались в литературе как оружие со стандартизованными параметрами (Кулаков, Скворцов, 2000. С. 42, 48. Рис. 10). Такое ошибочное восприятие имеет простое объяснение. Определение ножей-кинжалов, сформулированное в 1988 г. В. Казакавичусом (1988. С. 85) и дополненное В. Шименасом (Шименас, 1992. С. 96, 97; Šimėnas, 1996. Р. 29), несколько устарело. Оно удовлетворяет требованиям для выделения ножей-кинжалов из общей массы клинкового оружия, но не учитывает существование их различных типов. Ни типологический анализ ножей-кинжалов, ни анализ диахронного изменения их параметров до сих пор не проводились.

Исторически сложившаяся в ареале рассматриваемой культуры неблагоприятная ситуация с археологическими источниками коренным образом изменилась в 1990-е годы с обнаружением большей части фондов и архива музея “Пруссия” (Adlung et al., 2005; Reich, Menghin, 2008; Valuev, 2008; Reich, 2009), а также благодаря получению доступа к частным архивам довоенных исследователей бывшей Восточной Пруссии. Состояние источниковедческой базы улучшилось и благодаря значительно возросшему за последние годы числу находок. Впервые стало возможным проведение сравнительного анализа статистически значимого числа ножей-кинжалов в контексте соответствующих погребальных комплексов с применением современных археологических подходов и естественно-научных методов исследования (Прасолов, 2010б; Prassolow, 2012).

Состояние источников. Большинство довоенных находок ножей-кинжалов, а также архивных документов происходит из бывшего кенигсбергского музея “Пруссия” и хранится сегодня в берлинском Музее древней и ранней истории (Museum für Vor- und Frühgeschichte, Schloss Charlottenburg), в Калининградском областном историко-художественном музее (КОИХМ), а также в Музее Вармии и Мазур (Muzeum Warmii i Mazur) в Ольштыне (Польша). Дополнительная информация о рассматриваемых находках и соответствующих погребальных комплексах была обнаружена в частных архивах таких исследователей бывшей Восточной Пруссии, как Р. Гренц, Г. Янкун, К. Энгель (хранятся в Археологическом музее федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, дворец Готторф, Archäologisches Landesmuseum, Schloss Gottorf), М. Шмидехельм (хранится в Институте истории Таллинского ун-та, Tallinna Ülikooli Ajaloo Instituut), Ф. Якобсон (хранится в Латвийском национальном историческом музее в Риге, Latvijas Nacionālais Vestures Muzejs) и М. Ян (хранится в Ин-те археологии Варшавского ун-та, Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego). Ценные данные удалось найти в так называемой Картотеке О. Тишлера в Музее Вармии и Мазур.

В рамках проекта был проведен анализ немногочисленных послевоенных находок ножей-кинжалов с территории самбийско-натангийской культуры, хранящихся в КОИХМ. В архиве Ин-та археологии РАН в Москве автором проработаны отчеты о соответствующих полевых исследованиях. Кроме того, в ознакомительном порядке изучены инвентари погребений с территории современной Литвы, хранящиеся в Литовском национальном музее в Вильнюсе, Lietuvos nacionalinis muziejus, в Историческом

музее Малой Литвы в Клайпеде, Mažosio Lietuvos istorijos muziejus, и в Военном музее им. Витауса Великого в Каунасе, Vytauto Didžiojo karo muziejus. Соответствующие отчеты о проведенных полевых работах были любезно предоставлены автору в архиве Литовского ин-та истории в Вильнюсе, Lietuvos Istorijos institutas. При обращении к уже в основном опубликованным находкам с территории Литвы последние использовались для сравнительного анализа археологического материала рассматриваемой культуры.

Результатом проведенного исследования стало создание первой для ареала культуры информационной базы данных ножей-кинжалов и сопутствующих предметов погребального инвентаря. Разностороннему изучению подверглись до 212 ножей-кинжалов, а также инвентарь 58 отобранных хорошо документированных погребальных комплексов. Остальные ножи-кинжалы – либо случайные находки, или же (значительно чаще) депаспортизованные экземпляры из коллекции музея “Пруссия”. Применение современных методов анализа привело к получению интересных и частично неожиданных результатов (Прасолов, 2010б; Prassolow, 2012). В данной статье рассматриваются в первую очередь социоисторические аспекты проблемы.

Ножи-кинжалы: типология, хронология и территория возникновения. Результаты проведенного исследования соответствующих мужских/воинских погребений поздней фазы эпохи Римского влияния – ранней фазы эпохи Великого переселения народов свидетельствуют о необходимости пересмотра сложившихся в последние десятилетия представлений о ножах-кинжалах. Так, вопреки ожидаемому, ножи-кинжалы в ареале самбийско-натангийской культуры значительно отличаются друг от друга не только по размеру, но и степени выраженности “классических” признаков, присущих наиболее известным экземплярам (рис. 2).

В свете сделанных в рамках проекта наблюдений в отношении гетерогенности ножей-кинжалов представляется целесообразным расширить существующее определение: термин “нож-кинжал” обозначает группу типологически близких форм однолезвийных клинков, различающихся по степени выраженности ряда общих для ее представителей и одновременно специфических по отношению к другим видам клинкового оружия конструктивных особенностей. Внутри группы прослеживается диахроническая тенденция развития от ножеподобных к кинжало- и далее к мечеподобным формам. Ножи-кинжалы имели преимущественно колющую и в меньшей степени режущую функцию. Данные

находки происходят из погребений, датируемых концом IV – второй четвертью VI в.

Ножи-кинжалы характеризуются наличием сужающегося к острию клинка (длиной 14–58 см и шириной у рукояти 2.5–5.2 см), имеющему у более поздних экземпляров вытянутую шилообразную форму. Центр тяжести, выраженный в зависимости от типологической фазы развития клинка в разной степени четко, находится в верхней половине клинка на высоте наибольшего “провисания” линии лезвия. Ширина спинки клинка составляет 0.4–1.2 см, а длина черешка колеблется от 4 до 6.6 см. Короткий черешок фиксировался в органической рукояти (возможно, с помощью клея) без расклепывания его окончания или использования сквозных металлических клепок (рис. 3).

Боковая поверхность клинков ножей-кинжалов лишь в редких случаях оставалась гладкой. У большинства экземпляров она несет на себе либо три выгравированные параллельные друг другу тонкие линии или же гораздо более широкие прокованные “кровостоки”, сходящиеся у большинства экземпляров в одной точке на высоте перехода верхней более широкой половины клинка в его острие. Форма, ширина, протяженность и методика нанесения данных орнаментальных и позднее конструктивных элементов (линий и “кровостоков”) – важные типологические и хронологические признаки. Кроме того, боковую поверхность клинка в большинстве случаев украшает расположенный под описанными линиями/“кровостоками” пуансонный зональный орнамент, состоящий из неполных концентрических кругов с точкой в центре. Спинку ножей-кинжалов на ее прилегающем к рукояти участке часто украшают варианты орнамента разной сложности из выгравированных перекрещивающихся и окаймляющих параллельных линий (рис. 4). Конструкция и внешний вид ножен ножей-кинжалов на сегодня неизвестны за отсутствием соответствующих ар-

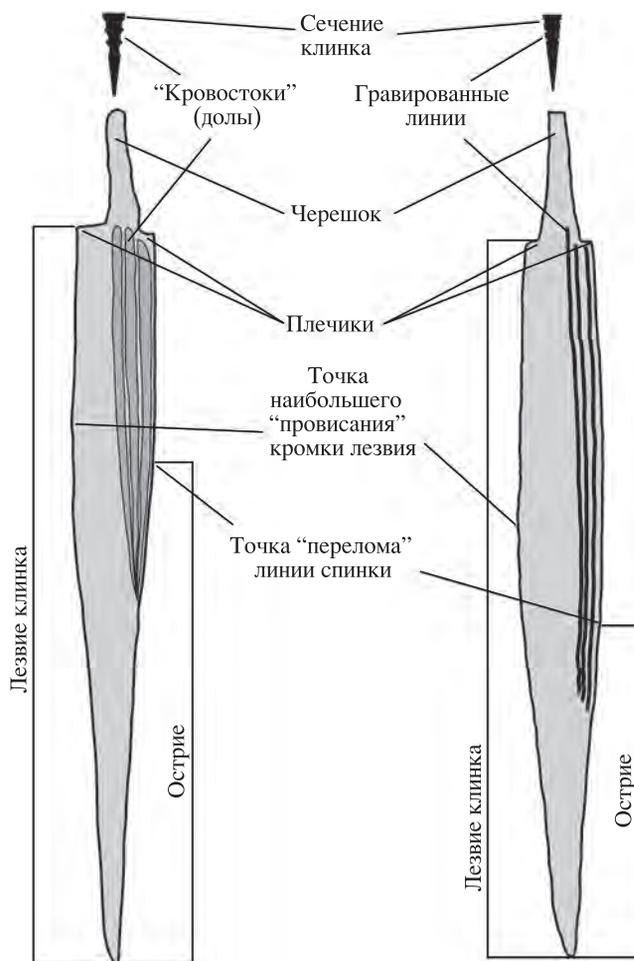

Рис. 2. Основные конструктивные элементы клинка ножа-кинжала.

хеологических находок. Способ ношения ножей-кинжалов малоизучен, на территории Литвы документированы единичные случаи использования перевязей *baltei Vidgiriai*.

Одновременно с этим итоги изучения ножей-кинжалов из ареала самбийско-натангийской культуры

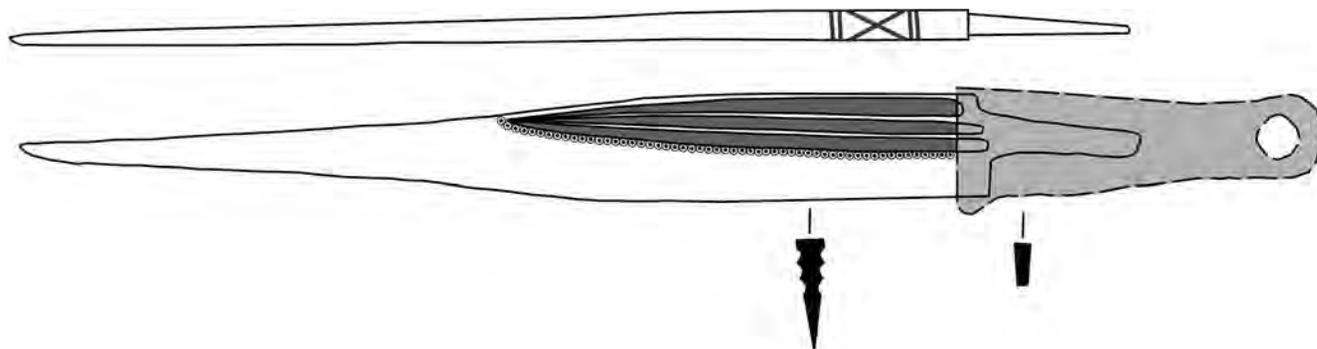

Рис. 3. Реконструкция внешнего вида “классического” ножа-кинжала (вариант 2а) на основании находок в Литве и Калининградской обл. РФ.

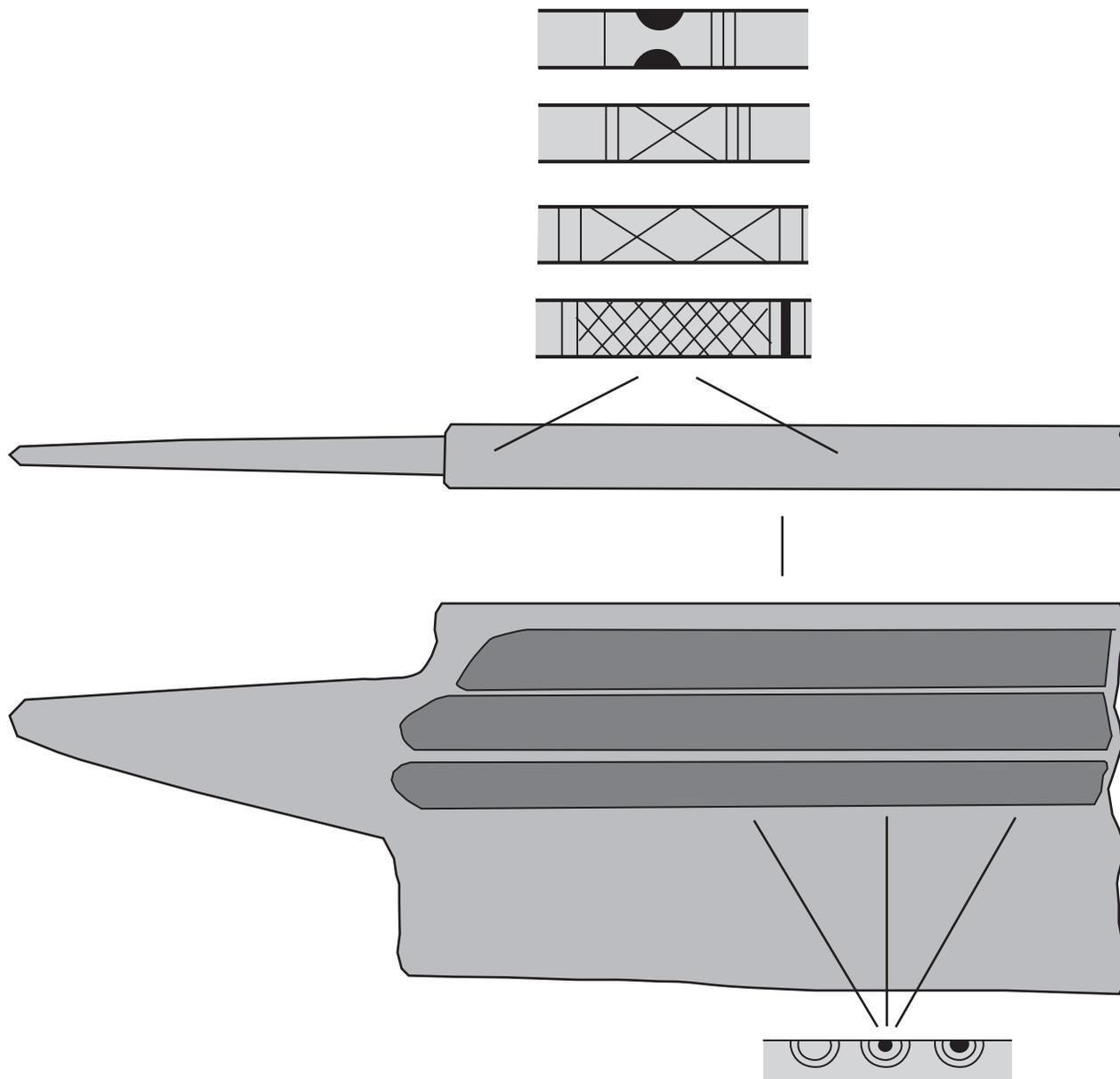

Рис. 4. Варианты орнаментации клинка ножа-кинжала (показан верхний сектор клинка).

позволяют выделить несколько их типов, а также переходных форм и вариантов (рис. 5).

Результаты проведенного сравнительного анализа погребальных инвентарей указывают на то, что непосредственными прототипами ножей-кинжалов вероятнее всего были так называемые (боевые) ножи с горбатой спинкой, часто встречающиеся в ареале рассматриваемой культуры в мужских погребениях начиная с фазы В2–С1а и вплоть до периода D (Jovaiša, 2007b. II. 9, 13; Prassolow, 2009. S. 267; Прасолов, 2010а. С. 129). Несмотря на то что влияние оружейных и военных традиций других культур на становление однолезвийного клинкового оружия западных балтов не может (и

не должно) исключаться, никаких свидетельств явного инокультурного влияния на развитие ножей-кинжалов при анализе археологического материала самбийско-натангийской культуры обнаружить не удалось.

Клинки “ножей с горбатой спинкой” эпохи Римского влияния в ареале культуры практически всегда украшены выгравированным и/или штампованным орнаментом, причем одна из наиболее популярных орнаментальных композиций поздней фазы эпохи Римского влияния состоит из 2–3 параллельных линий, выгравированных в верхней части плоскости клинка вдоль его спинки. Линии берут начало на высоте перехода клинка в черешок и до-

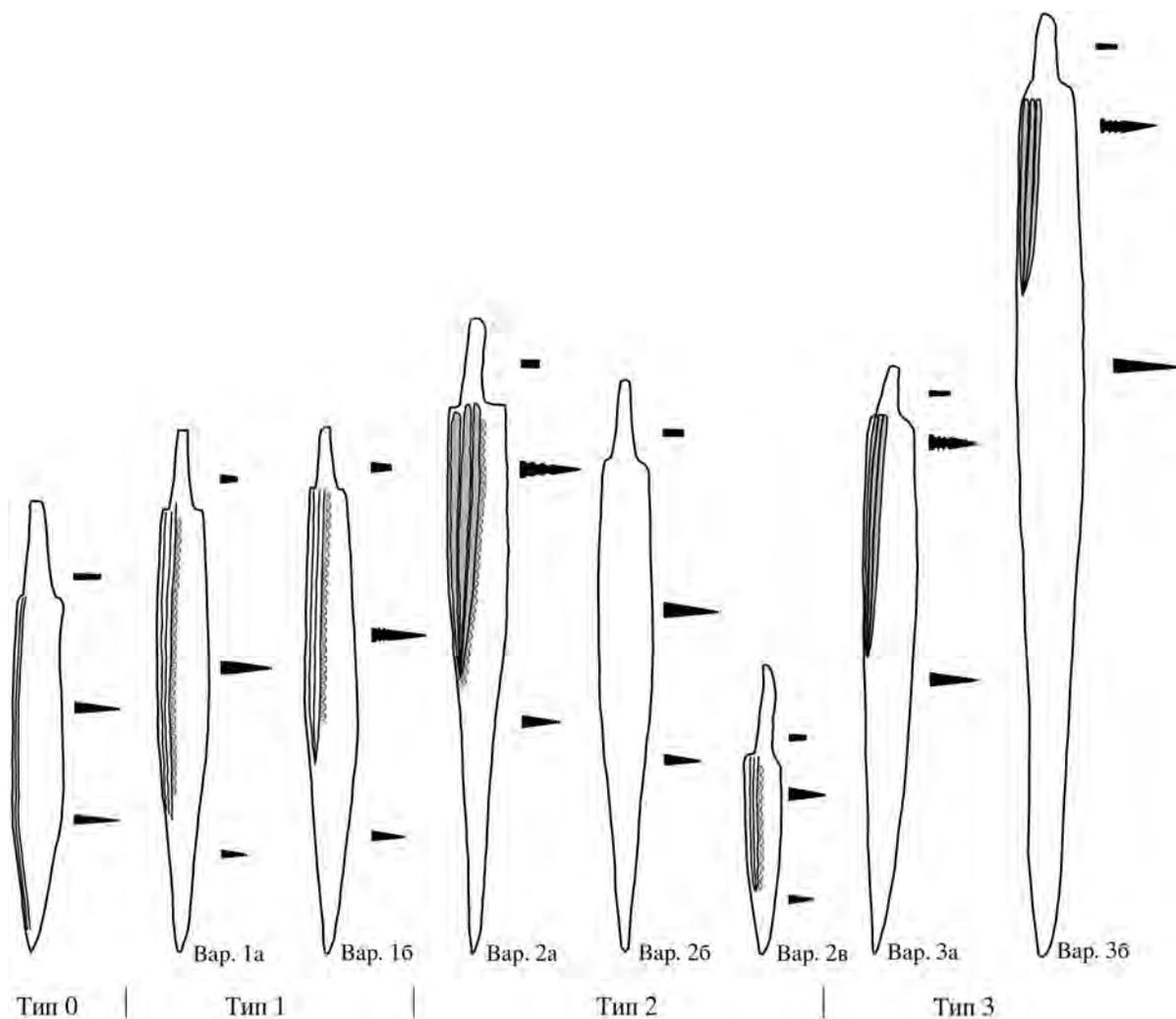

Рис. 5. Типологическая схема ножей-кинжалов.

ходят практически до самого его острия (тип 0)². В конце IV в. соотношение длины орнаментированной зоны к общей длине клинка начинает уменьшаться при одновременном увеличении соотношения длины острия клинка ниже точки “перелома” линии его спинки к общей длине клинка (тип 1, вариант а) (здесь и далее рис. 5). Выгравированные линии типологически (и одновременно хронологически) более поздних экземпляров начинают сходиться приблизительно на высоте упомянутой точки “перелома” и образуют орнаментальную зону, форма которой напоминает таковую самого клинка (тип 1, вариант б).

Длина клинка продолжает увеличиваться, растет и длина его острия, становящегося все более вытянутым. Одновременно с этим увеличивается ширина выгравированных линий, со временем

превращающихся в выполненные уже методом проковки “кровостоки” (долы) – ребра жесткости. В первой трети V в. (приблизительно 420-е годы) ножи-кинжалы приобретают свой “классический” облик (тип 2, вариант а) – этот вариант представлен наибольшим числом известных экземпляров. Вероятно в то же время появляются и два особых варианта ножей-кинжалов, также предварительно относимые к типу 2. Один из них (тип 2, вариант б) включает в себя клинки с теми же пропорциями, что и “классические” экземпляры 2а, но не имеющие “кровостоков”. Второй объединяет миниатюрные ножи-кинжалы (тип 2, вариант в). Оба варианта представлены лишь немногочисленными экземплярами, большинство из которых случайные находки, что осложняет их более точную датировку и функциональный анализ.

Тем не менее можно предположить, что экземпляры варианта 2б – это менее искусно выполнен-

² Подробное описание типов приведено в готовящейся к публикации монографии, посвященной ножам-кинжалам.

ные копии-подражания “классическому” варианту 2а, в то время как миниатюрные ножи-кинжалы (вариант 2в), найденные в погребениях детей и подростков, служили индикатором социального статуса и/или гендерной принадлежности умерших. Одновременно с этим, по меньшей мере, в одном случае миниатюрный нож-кинжал был (по утверждению находчика, впоследствии передавшего артефакты в дар КОИХМ) обнаружен в одном воинском погребении с полноразмерными экземплярами. В данном случае нельзя исключать, что “миниатюра” могла быть бытовым ножом, декорированным в той же манере, что и боевые клинки его владельца, из эстетических (?) соображений.

Завершающая фаза морфогенеза ножей-кинжалов совпадает с переходом эпохи Великого переселения народов из ранней в позднюю фазу. Орнаментальная зона ножей-кинжалов опять становится уже и одновременно короче; у некоторых экземпляров она представлена лишь рудиментарно. Также и на этом этапе возможно выделение двух основных вариантов типа: в то время как ножи-кинжалы варианта 3а сохраняют длину, сопоставимую с таковой “классических” экземпляров, мечеподобные ножи-кинжалы варианта 3б характеризуются наличием клинка значительной длины и ширины и, вероятно, представляют собой прототип местных форм саксов поздней фазы эпохи Великого переселения народов³. Можно предположить, что морфогенез однолезвийного клинкового оружия в местной среде протекал на этой стадии очень динамично, чем, возможно, и объясняется крайне незначительное число известных представителей типа 3. Ножи-кинжалы в ареале самбийско-натангийской культуры исчезают из археологического материала начиная со второй четверти VI в.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что изученный археологический материал не содержит никаких видимых подтверждений неоднократно высказывавшейся в литературе гипотезы о произошедшей в ареале рассматриваемой культуры в середине V в. резкой смене оружейных форм и воинских традиций, которая бы могла выразиться в неожиданном появлении принципиально новых видов оружия.

Ножи-кинжалы представляют собой по крайней мере в ареале данной культуры местную форму оружия, становление которой началось уже в конце

IV в.: ранние формы ножей-кинжалов появляются здесь задолго до конца так называемых «гуннских войн». Наличие ножей-кинжалов в погребении не служит в отсутствие других признаков свидетельством инокультурного происхождения погребенного.

Ношение ножей-кинжалов. С момента первого упоминания *baltei Vidgiriai* в литовских археологических источниках считалось, что перевязи данного типа (рис. 6) современны ножам-кинжалам и, более того, использовались для ношения последних. Эти находки зачастую рассматривали в качестве дополнительного подтверждения инокультурного и/или иноземного происхождения погребенных с ножами-кинжалами. Данное предположение основывается на отсутствии их сопоставимо богато украшенных металлическими деталями и сходных с ними по конструкции прототипов в более раннем археологическом материале региона. Кроме того, качество исполнения перевязей указанного типа представляется некоторым исследователям слишком высоким для того, чтобы допустить их местное происхождение: предполагается, что западнобалтские ремесленники того времени не были знакомы с такими использовавшимися при изготовлении перевязей технологиями, как чернение или горячее золочение (Шименас, 1990. С. 74; Astrauskas et al., 1999. P. 141).

С приведенными утверждениями можно согласиться лишь отчасти. Элементы костюма и украшения высокого профессионального уровня исполнения (фибулы, гривны, браслеты, подвески, пряжки, наконечники ремней и т.д.) широко представлены в инвентаре погребений самбийско-натангийской культуры уже с ранней фазы эпохи Римского влияния. Местные ремесленники обладали квалификацией, требующейся для изготовления металлических деталей перевязей *baltei Vidgiriai*. При этом нельзя исключать, что примером действительно послужили и перевязи Римской империи (Прасолов, 2013).

Возможность существования целиком изготовленных из органических материалов прототипов *baltei Vidgiriai* в изучаемом регионе уже обсуждалась ранее (Jovaiša, 2007b. S.16. П. 15; Prassolow, 2012; Прасолов, 2013. С. 91).

Гораздо более значимым в контексте актуальной дискуссии представляется предположение, что ножи-кинжалы и *baltei Vidgiriai* формировали единый функциональный комплекс. Необходимо подчеркнуть, что данная гипотеза основывается исключительно на результатах изучения воинских погребений в современной Литве (Šimėnas, 1996. Fig. 22) и была адаптирована к реконструируемым

³ В одной из недавних публикаций М. Казанский указал на различия в конструкции ножей-кинжалов и центральноевропейских скрамасаксов периода так называемых гуннских войн. При этом он выдвинул предположение, что некоторые из найденных на территории Дании ножей могли иметь своими прототипами ножи-кинжалы западных балтов (Казанский, 2012. С. 121).

историческим реалиям в ареале самбийско-натангской культуры без надлежащей проверки.

Результаты данного исследования позволяют сделать иные выводы. Ни одна из 212 находок ножей-кинжалов из 39 могильников рассматриваемой культуры не происходит из погребения с перевязью *balteus Vidgiriai* (число находок которых в ареале культуры также уже выросло до 21) (Прасолов, 2013. С. 93; Prassolow, 2013. P. 97). Повторный анализ инвентарей воинских погребений и соответствующей документации в музеях и архивах Литвы показал, что и на этой территории ножи-кинжалы и перевязи встречаются в погребениях лишь в исключительных случаях. При этом в зоне обеих концентратий находок перевязи часто происходят из мужских погребений с “(боевыми) ножами с горбатой спинкой” – находками, типологически более ранними, чем ножи-кинжалы (Astrauskas et al., 1999; Prassolow, 2012. S. 178; Прасолов, 2013. С. 91).

Результаты типологического анализа инвентаря погребений с перевязями *baltei Vidgiriai* позволяют датировать наиболее ранние комплексы этого типа в ареале самбийско-натангской культуры концом IV в. (концом эпохи Римского влияния – началом эпохи Великого переселения народов). Перевязи рассматриваемого типа появляются, судя по всему, ранее “классических” ножей-кинжалов (вариант 2а): для рассматриваемой территории не существует никаких прямых свидетельств того, что ножи-кинжалы и *baltei Vidgiriai* формировали единый функциональный комплекс. Вероятнее всего воины носили ножи-кинжалы на перевязях без металлических элементов или же на поясе. Одновременно можно предположить, что некоторые из многочисленных пряжек, нередко обнаруживаемых в мужских погребениях, – в действительности детали таких перевязей-прототипов с минимумом металлических деталей. Невозможно исключить и вероятность того, что *baltei Vidgiriai* сознательно не помещали в погребения вместе с ножами-кинжалами (Прасолов, 2013. С. 91). Реконструкция таких особенностей погребального обряда выходит, однако, за рамки сегодняшних возможностей археологического исследования.

На настоящий момент очевидно, что в отличие от археологической ситуации на территории Литвы, данные по перевязям *baltei Vidgiriai* в ареале изучаемой культуры не применимы при реконструкции этнокультурного происхождения и социального статуса владельцев ножей-кинжалов.

Происхождение и социальный статус владельцев ножей-кинжалов. Важные наблюдения в отношении этнокультурной принадлежности и соци-

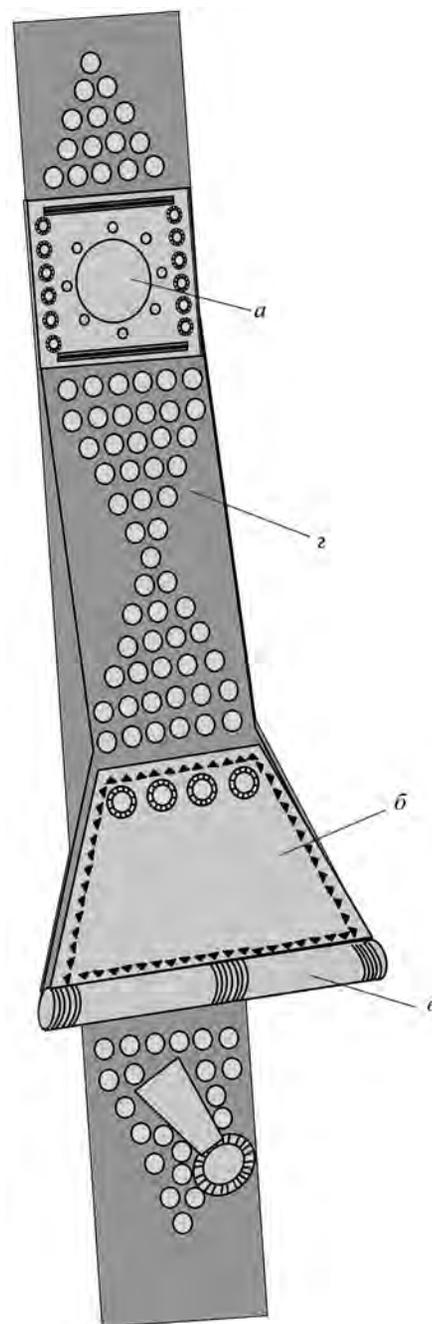

Рис. 6. Схематическое изображение *balteus Vidgiriai*. а–г – наиболее часто встречающиеся детали из металла (бронза или серебро). Реконструкция автора в соответствии с ранее опубликованными данными (Astrauskas et al., 1999) и личными наблюдениями (Прасолов, 2013).

ального статуса владельцев ножей-кинжалов могут быть сделаны на основании результатов анализа инвентаря погребений. В археологической литературе последних лет неоднократно указывалось на то, что комплексы с ножами-кинжалами представляют богатые погребения аллохтонных воинов-профессионалов с высоким социальным статусом.

Однако и эта гипотеза (см. выше) основывается исключительно на результатах изучения археологического материала с территории современной Литвы и требует проверки применительно к особенностям ареала самбийско-натангийской культуры.

В данной связи представляется уместным подчеркнуть различия между археологическими памятниками в Калининградской обл. РФ и на территории Литвы. В отличие от памятников на территории Западной Литвы в случае погребений с ножами-кинжалами в ареале самбийско-натангийской культуры не прослеживаются никаких принципиальных изменений в погребальном обряде. Данные погребения-кремации имеют ту же конструкцию, что и остальные “рядовые” мужские погребения эпохи Римского влияния и Великого переселения народов; какие-либо признаки интенсивного инокультурного влияния отсутствуют.

Предполагаемое в литературе появление в регионе иноземных воинов, так же как и возвращение из походов балтских “дружинников”, должно было бы сопровождаться и появлением погребений с многочисленными импортами, выделяющимися на фоне местной материальной культуры. Однако общее число импортов в погребениях с ножами-кинжалами на рассматриваемой территории (ареал рассматриваемой культуры) на удивление низко. Так, подобные находки входят в состав лишь 12 из 58 отобранных, хорошо документированных погребальных комплексов (Prassolow, 2012. Tab. IX). При этом многие предметы даже из этой немногочисленной выборки к моменту помещения в погребения уже давно вышли из обихода и не могут служить надежным свидетельством аллохтонного этнокультурного происхождения своих последних владельцев. В целом погребения с ножами-кинжалами не выделяются по пропорциональному соотношению числа импортов к местным изделиям на фоне остальных современных им комплексов.

Кроме того, предполагалось, что погребения (с ножами-кинжалами) конных “воинов-профессионалов” в целом характеризуются богатством погребального инвентаря (Шименас, 1992. С. 100; Кулаков, Скворцов, 2000. С. 47, 48; Кулаков, 2012, С. 42). Проведенный анализ показал, что в состав инвентаря погребений с ножами-кинжалами в действительности практически не входили предметы роскоши или иные индикаторы необычно высокого социального статуса погребенных; “богатство” данных погребений в целом сравнимо с таковым остальных современных им мужских погребений с оружием. Более того, при ближайшем рассмотрении представляется возможным выделить по признаку наличия/отсутствия сопровождающих

конских погребений, а также по количеству и ценности предметов погребального инвентаря четыре основные группы (с подгруппами) погребений с ножами-кинжалами, причем различия между этими группами весьма значительны (Prassolow, 2012. S. 190). Тем не менее даже в состав наиболее богатых из данных комплексов не входят предметы с по-настоящему высоким статусным индексом. Так, изделия из золота обнаружены пока только в единичном и при этом очень специфическом случае, не обязательно репрезентативном для рассматриваемого типа погребений⁴.

Таким образом, археологические данные не подтверждают предположения о том, что наличие ножа-кинжала по определению характеризует погребенного как профессионального воина с высоким социальным статусом и иной (относительно населения рассматриваемой культуры) (этно)культурной принадлежностью. Напротив, ножи-кинжалы были, судя по всему, широко распространенным в местной среде “народным” оружием и их обнаружение можно ожидать в большинстве погребений мужчин – свободных членов общин культуры – ранней фазы эпохи Великого переселения народов (Prassolow, 2012. S. 193).

Перспективы исследования. Окончательная оценка социального статуса и роли владельцев ножей-кинжалов в доисторическом обществе рассматриваемой культуры может быть дана только в контексте по возможности максимально полной реконструкции последнего. К сожалению, на настоящий момент предпосылки для проведения такого масштабного исследования отсутствуют, так как пока ни один (!) могильник на территории самбийско-натангийской культуры не изучен полностью. В рамках проведения сравнительного анализа инвентаря погребений с ножами-кинжалами и без них актуально определение соотношения числа погребений с ножами-кинжалами к таковому остальных мужских погребений (как с оружием, так и без него), а также к общему числу погребений на конкретных памятниках. Еще один аспект – изучение закономерностей расположения погребений с ножами-кинжалами и, в частности, возможности образования ими отдельных зон на могильниках.

Исследование роли и социального статуса владельцев ножей-кинжалов в местном обществе не должно ограничиваться изучением только этого вида оружия. Обращение к проблеме распростра-

⁴ На настоящий момент не существует единого мнения о том, похоронены ли в содержащих золотые предметы погребениях могильника Варникам представители самбийско-натангийской культуры или же люди иного этнокультурного происхождения (Кулаков, 2007. С. 341; Скворцов, 2010. С. 197).

нения ножей-кинжалов в юго-восточном регионе бассейна Балтийского моря на принципиально новом уровне станет возможным лишь после всестороннего изучения особенностей погребального обряда, а также структуры местного доисторического общества. Несмотря на значительное увеличение общего числа документированных находок ножей-кинжалов за последние годы во всем Балтийском регионе, границы зон концентраций находок в ареале самбийско-натангийской культуры и на территории современной Литвы практически не изменились (Šimėnas, 1996. P. 41).

Несмотря на определенное сходство между погребениями с ножами-кинжалами в обеих зонах существующие различия слишком велики, чтобы их можно было объяснить лишь региональными различиями. Было бы ошибкой ставить знак тождества между археологическими памятниками указанных территорий и соответственно экстраполировать результаты изучения археологического материала одной из этих зон на другую без надлежащей проверки. На настоящий момент не представляется возможным считать погребенных с ножами-кинжалами в ареале самбийско-натангийской культуры и на территории Литвы членами одного “воинского коллектива”, контролировавшего две географически удаленные области. Вероятнее всего в данном случае фиксируется нашедшее в археологическом материале отражение современных друг другу, но при этом различных социоисторических реалий. Природа и интенсивность контактов между владельцами ножей-кинжалов в обеих зонах распространения данных находок должны быть подробно изучены в будущем.

Автор выражает искреннюю благодарность многочисленным друзьям и коллегам, сотрудникам перечисленных в тексте исследовательских институтов и музеев, благодаря помощи которых стало возможным осуществление проекта в атмосфере неизменного гостеприимства. Особая благодарность бывшему и нынешнему директорам берлинского Музея древней и ранней истории проф. В. Менгину и М. Вемхоффу, ст. науч. сотр. Калининградского историко-художественного музея К.Н. Скворцову и проф. Литовского ин-та истории В. Шименасу за предоставленную информацию и неизменную готовность к обсуждению результатов исследования, а также моим научным руководителям акад. РАН Н.А. Макарову, проф. Й. Калльмеру и К. фон Карнап-Борнхайму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казакевичюс В. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Моклас, 1988. 160 с.

Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // *Stratum plus*. 2012. № 5. С. 111–124.

Кулаков В.И. Комплексы с оружием горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн в Балтии // *Археологія эпохі сярэднявёкуя. Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. 2006. № 12. С. 56–76.

Кулаков В.И. Самбия и Натангия // *Восточная Европа в середине 1-го тыс. н.э.* М.: ИА РАН, 2007. С. 333–357.

Кулаков В.И. Генезис ножей-кинжалов западных балтов (V в. н.э.) // *Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ: Тез. докл. конф.* М., 2012. С. 41, 42.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Боевые клинки из Кляйнкхайде // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2000. № 15. С. 40–52.

Прасолов Я.В. Необычный боевой нож из коллекции музея “Пруссия” // *РА*. 2010а. № 3. С. 126–133.

Прасолов Я.В. Результаты изучения технологии изготовления ножей-кинжалов с территории бывшей Восточной Пруссии // *Lietuvos Archeologija*. 2010б. № 36. P. 183–196.

Прасолов Я.В. К вопросу об использовании перевязей типа *balteus Vidgiriai* на территории самбийско-натангийской группы в IV–V вв. н.э. // *Матер. конф. “Археология Балтийского региона: новые открытия и исследования”*. М.: ИА РАН, 2013. С. 80–96.

Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.: ИА РАН, 2010. 1108 с.

Шименас В. Великое переселение народов и балты // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1990. С. 72–74.

Шименас В. Боевые ножи-кинжалы в Балтийском ареале в V–VI вв. // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1992. С. 96–100.

Adlung P., von Carnap-Bornheim C., Ibsen T., Valujev A. Die Prussia-Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad. Bremen: Hauschild, 2005. 112 S.

Astrauskas A., Gleizienė G., Šimėnas V. Perpetės baltų kraštouse I tūkstantmečio Viduryje // *Archaeologia Litwana*. 1999. № 1. P. 119–144.

Bertašius M. The subject of battle-knife origin in Central Lithuania // *Archaeologia Baltica*. 2007. № 8. P. 231–238.

Bluijienė A., Butkus D. Burials with horses and equestrian equipment on the Lithuanian and Latvian littorals and hinterlands (from the fifth to the eighth centuries) // *Archaeologia Baltica*. 2009. № 11. P. 149–162.

Günther C., Voss A. Photographisches Album der Ausstellung prähistorischer und archäologischer Funde Deutschlands, Section I: Ost- und Westpreußen. Berlin, 1880. 9 S, 22 Taf.

Jovaiša E. Skalvių istorijos šaltiniai: Vėluikių kapinynas // *Istorija*. 2007b. № 68. P. 3–20.

- Jovaiša E.* Krašto priešistorė // Krašto priešistorė. Tauragės kraštas. Istorija, kultūra, meno paminklai / Ed. D. Klajūmienė. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, 2007a. P. 9–44.
- Kulakov V.* The weapon of horizon Sösdala-Untersiebenbrunn in Amberland // *Archaeologia Lituana*. 2008. № 9. P. 25–40.
- Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 1996. 169 S.
- Prassolow J.* Ein einzigartig verziertes Kampfmesser aus der Prussia-Sammlung // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 2009. № 41. S. 263–274.
- Prassolow J.* Dolchmesser aus dem Kaliningrader Gebiet. Typologisch-chronologische Studie zu völkerwanderungszeitlichen Dolchmessern. Unpublished doctoral diss. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 2012. 407 S., 11 Tab., 140 Taf.
- Prassolow J.* Schulterriemen vom Typ *balteus Vidgiriai* im Verbreitungsgebiet der Samländisch-Natangischen Kultur // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 2013. № 45. S. 86–106.
- Reich C.* Verloren geglaubte Geschichte. Die Prussia-Sammlung im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte // Jakobson F. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpreussen / Hrsg. V. Hilbert. Neumünster, 2009. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums (Schleswig); № 9). S. 347–361.
- Reich C., Menghin W.* Die Prussia-Sammlung im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Die archäologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum / *Aestiorum Hereditas*. I / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Olsztyn; Warszawa, 2008. S. 68–97.
- Šimėnas V.* Smailieji kovos peiliai-durklai baltų kraštuose I m.e. tūkstantmečio viduryje // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai / Ed. A. Astrauskas. Vilnius: Žalioji Lietuva, 1996. P. 27–71.
- Šimėnas V.* Etnokultūriniai procesai. Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006. 138 p.
- Šimėnas V., Gleiznienė G.* Conservation of a shoulder strap discovered in a 5th century burial ground at Vidgiriai (Western Lithuania, Lower Reaches of the Nemunas) // ICOM Committee for Conservation. Metal Working Group Newsletter. 1990. № 5. P. 7–10.
- Tischler O., Kemke H.* Ostpreußische Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg i.Pr., 1902. 46 S., 30 Taf.
- Valuev A.* Entdeckungsgeschichte der Inventarbücher und Teile der Sammlungen des Prussia-Museums in Kaliningrad // Die archäologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum. *Aestiorum Hereditas*. I / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Olsztyn; Warszawa, 2008. S. 98–109.

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE RESEARCH ON WARRIORS' BURIALS WITH KNIVES-DAGGERS IN THE SAMBIAN-NATANGIAN CULTURE AREA

Yaroslav V. Prasolov

*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow
(Nordsternlicht@hotmail.com)*

Knives-daggers represent one of the most spectacular and highly specialised Migration Period weapon forms in the south-eastern region of the Baltic Sea Basin: in the territory of modern West Lithuania and in the Kaliningrad region of Russia (former territory of the Sambian-Natangian culture). Current research project results show that the old hypotheses about knives-daggers and shoulder straps (*baltei Vidgiriai*), which until now were believed to form a functional complex, as well as about the former owners of these artefacts should be drastically revised (at least in case of the former Sambian-Natangian culture area). It has become possible to develop a classification of knives-daggers with several major types and their variants; it has been also shown, that *baltei Vidgiriai* were used already at the end of the Late Roman Period and thus appear to be older than the “classical” knives-daggers. Traditional views of the graves with knives-daggers, as *per definitionem* rich burials of professional warriors with a high social status, found no evidence in the examined archaeological material. The results testify that knives-daggers were a common weapon of free members of the communities of the Sambian-Natangian culture.

Keywords: Kaliningrad Oblast, Sambian-Natangian culture, western Balts, Migration Period, museum “Prussia”, knives-daggers, baldrics of type *balteus Vidgiriai*.

REFERENCES

- Adlung P., von Carnap-Bornheim C., Ibsen T., Valujev A.*, 2005. Die Prussia-Sammlung. Der Bestand im Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad. Bremen: Hauschild. 112 p.
- Astrauskas A., Gleiznienė G., Šimėnas V.*, 1999. Perpetės baltų kraštouse I tūkstantmečio Viduryje // *Archaeologia Lituana*, 1, pp. 119–144.
- Bertašius M.*, 2007. The subject of battle-knife origin in Central Lithuania // *Archaeologia Baltica*, 8, pp. 231–238.
- Bluijienė A., Butkus D.*, 2009. Burials with horses and equestrian equipment on the Lithuanian and Latvian littorals and hinterlands (from the fifth to the eighth centuries) // *Archaeologia Baltica*, 11, pp. 149–162.
- Günther C., Voss A.*, 1880. Photographisches Album der Ausstellung prähistorischer und archäologischer Funde Deutschlands, Section I: Ost- und Westpreußen. Berlin. 9 p., 22 Taf.
- Jovaiša E.*, 2007a. Krašto priešistorė // *Krašto priešistorė. Tauragės kraštas. Istorija, kultūra, meno paminklai*. D. Klajūmienė, ed. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, pp. 9–44.
- Jovaiša E.*, 2007b. Skalvių istorijos šaltiniai: Vėluikių kapinynas // *Istorija*, 68, pp. 3–20.
- Kazakevichyus V.*, 1988. Oruzhiye baltских племен II–VIII vv. na territorii Litvy [Weapon of the Baltic tribes of the 2–7 cc. on the territory of Lithuania]. Vil'nyus: Mokslas. 160 p.
- Kazansky M.M.*, 2012. O proiskhozhdenii skramasaksa [On the origin of scramasax]. *Drugaya Rus'. Chud', merya i inii yazysyi* [Different Rus. Chud, Merya and another Iazytsi]. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 111–124. (Stratum plus, 5).
- Kulakov V.*, 2008. The weapon of horizon Sösdala-Untersiebenbrunn in Amberland // *Archaeologia Lituana*, 9, pp. 25–40.
- Kulakov V.I.*, 2006. Kompleksy s oruzhiyem gorizonta Sösdala-Unterzibenbrunn v Baltii [Sites with the weapon from the spectrum Sösdala-Unterzibenbrunn in Baltic states]. *Arkheologiya epokhi syarednevyakoŷya: materyyaly pa arkheologii Belarusi* [Archaeology of the Middle Ages: materials on the Belarus archaeology], 12, pp. 56–76.
- Kulakov V.I.*, 2007. Sambiya i Natangiya [Sambia and Natangia]. *Vostochnaya Yevropa v seredine I-go tys. n.e.* [Eastern Europe in the middle of the 1 millenium AD]. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomsky, eds. Moscow: IA RAN, pp. 333–357.
- Kulakov V.I.*, 2012. Genezis nozhey-kinzhalov zapadnykh baltov (V. v. n.e.) [Genesis of knives-daggers of the western Balts]. *Rol' voyny i voyennogo dela v razvittii drevnikh i srednevekovykh obshchestv: tez. konf.* [Role of war and war craft in the development of the ancient and medieval communities: the thes. of conf.]. T.Yu. Shvedchikova, comp, V.I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 41–42.
- Kulakov V.I., Skvortsov K.N.*, 2000. Boyevyye klinki iz Klyaynkhhayde [Fight blades from Klyaynkhhayde]. *Gistarychna-arkhealogichny zbornik* [Historical archaeological collection], 15, pp. 40–52.
- Nowakowski W.*, 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg-Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 p.
- Prassolow J.*, 2009. Ein einzigartig verziertes Kampfmesser aus der Prussia-Sammlung // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 41, pp. 263–274.
- Prasolov Ya.V.*, 2010a. Neobychny boyevoy nozh iz kollektzii muzeya "Prussiya" [Unusual fighting knife from the collection of museum „Prussia“]. *RA [RA]*, 3, pp. 126–133.
- Prasolov Ya.V.*, 2010b. Rezul'taty izucheniya tekhnologii izgotovleniya nozhey-kinzhalov s territorii byvshey Vostochnoy Prussii [Results of studies of production technology of knives-daggers from the former Eastern Prussia]. *Lietuvos Archeologija*, 36, pp. 183–196.
- Prasolov Ya.V.*, 2013. K voprosu ob ispol'zovanii perevyazey tipa *balteus Vidgiriai* na territorii sambiysko-natangiyskoy gruppy v IV–V vv. n.e. [To the question of using of shoulder-straps of type *balteus Vidgiriai* on the territory of Sambian-Natangian group in the 4th–5th cc. AD]. *Arkheologiya Baltijskogo regiona: materialy konferentsii "Arkheologiya Baltijskogo regiona: novyye otkrytiya i issledovaniya"* [Archaeology of Baltic region: new finds and researches]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 80–96.
- Prassolow J.*, 2012. Dolchmesser aus dem Kaliningrader Gebiet. Typologisch-chronologische Studie zu völkerwanderungszeitlichen Dolchmessern. Unpublished doctoral diss. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. 407 p., 11 Tab., 140 Taf.
- Prassolow J.*, 2013. Schulterriemen vom Typ *balteus Vidgiriai* im Verbreitungsgebiet der Samländisch-Natangischen Kultur // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 45, pp. 86–106.
- Reich C.*, 2009. Verloren geglaubte Geschichte. Die Prussia-Sammlung im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte // *Jakobson F. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpreussen*. V. Hilbert, ed. Neumünster, pp. 347–361. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums (Schleswig), 9).
- Reich C., Menghin W.*, 2008. Die Prussia-Sammlung im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // *Die archäologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum. Aestiorum Hereditas*, I. A. Bitner-Wróblewska, ed. Olsztyn; Warszawa, pp. 68–97.
- Šimėnas V.*, 1990. Velikoye pereseleniye narodov i balty [Great Migration Period and the Balts]. *Arkheologiya*

- istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: tez. dokl. konf. 1989 g. [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: theses of conf. of 1989].* V.V. Sedov, ed. Pskov, pp. 72–74.
- Shimėnas V.*, 1992. Boyevyye nozhi-kinzhaly v Baltiyskom areale v V–VI vv. [Fighting knives-daggers in Baltic area in 5–6 cc.]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli [Archaeology and history of Pskov and Pskov land]*. Pskov, pp 96–100.
- Šimėnas V.*, 1996. Smailieji kovos peiliai-durklai baltų kraštuose I m.e. tūkstantmečio viduryje // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai. A. Astrauskas, ed. Vilnius: Žalioji Lietuva, pp. 27–71.
- Šimėnas V.*, 2006. Etnokultūriniai procesai. Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla. 138 p.
- Šimėnas V., Gleiznienė G.*, 1990. Conservation of a shoulder strap discovered in a 5th century burial ground at Vidgiriai (Western Lithuania, Lower Reaches of the Nemunas) // ICOM Committee for Conservation. Metal Working Group Newsletter, 5, pp. 7–10.
- Skvortsov K.N.*, 2010a. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): Materialy issledovany 2008 g. [Mitino burial ground 5–14 cc. (Kaliningrad Oblast): researches' materials 2008], 1. Moscow: IA RAN. 302 p.
- Skvortsov K.N.*, 2010b. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): Materialy issledovany 2008 g. [Mitino burial ground 5–14 cc. (Kaliningrad Oblast): researches' materials 2008], 2. Moscow: IA RAN. 806 p.
- Tischler O., Kemke H.*, 1902. Ostpreußische Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg i.Pr. 46 S., 30 Taf.
- Valuev A.*, 2008. Entdeckungsgeschichte der Inventarbücher und Teile der Sammlungen des Prussia-Museums in Kaliningrad // Die archäologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum. Aestiorum Hereditas, I.A. Bitner-Wróblewska, ed. Olsztyn; Warszawa, pp. 98–109.

ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

© 2015 г. В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва (kovaloka@mail.ru)

В работе представлены результаты прорезки вала и рва на городище Ростиславль, являющемся остатками одноименного города, упоминаемого в летописях. Благодаря фиксации не только профилей траншеи, которой проводился этот разрез, но также и планов, снятых через каждые 20–30 см, удалось выявить трудноуловимые остатки полностью истлевшей и замещенной материковым грунтом (желтым суглинком) древесины от срубов. Тем самым установлено, что видимый сегодня вал является руинами древо-земляной стены. Такой подход позволил понять, в какой последовательности происходила засыпка грунта внутрь срубов и осыпание этого грунта после того, как древесина сгнивала. В результате удалось установить следы четырех последовательно сменявших друг друга стен, возводившихся на одном и том же месте благодаря перестройкам. Радиоуглеродный анализ угля из-под основания стены и изучение вещей и керамики из пристроек к стене позволили датировать эти этапы фортификационного строительства в пределах конца XIII – XV в. Сформулирована проблема существования и размещения фортификации Ростиславля во второй половине XII – первой половине XIII в.

Ключевые слова: фортификация, вал, ров, древо-земляные стены.

Ростиславль Рязанский – один из “малых городов” Рязанского княжества (согласно Никоновской летописи, основан в 1153 г.), находившийся на его северо-западной границе с Владимиро-Суздальским (позже – Великим Московским) княжеством, на правом берегу р. Ока. В настоящее время – памятник археологии Федерального значения на территории Озерского р-на Московской области, типичное мысовое городище (рис. 1), известное с XIX в. Его упоминали З. Доленга-Ходаковский (Погодин, 1838) и К.Ф. Калайдович (1823), первым идентифицировавший Ростиславль Рязанский с топонимом “Роцислав”, сохранившимся у крестьян окрестных деревень. Исследования городища проводятся экспедицией Института археологии РАН уже более 20 лет (Коваль, 2004; 2011). В их ходе удалось провести полную прорезку всех валов и рвов, имеющих на памятнике (рис. 1) и изучить городище раннего железного века, размещавшееся на самой оконечности мыса, где также были выявлены следы древнерусской фортификации (Коваль, 2003. С. 268. Рис. 6).

Площадка городища (детинца средневекового Ростиславля) размерами 350 × 150 м (2.5 га) располагается на мысу высотой 35–42 м между Окой и глубоким оврагом, впадающим в нее. Мыс сложен известняковым монолитом, перекрытым покровным желтым суглинком мощностью около 10 м. Вал, представляющий собой остатки главной линии обороны детинца Ростиславля, имеет длину 150 м, ширину у основания – 14–16 м, высоту – от 3 до

4.5 м. В валу – два разрыва (проема), разделяющих его на три отрезка длиной 55.52 и 47 м (с запада на восток). Разрыв между центральным и восточным отрезками вала составляет 4.5 м (по линии подножия валов), и именно здесь проходит современная грунтовая дорога внутрь городища. Второй проем, между западным и центральным отрезками вала, был значительно уже (всего 2 м), и при этом его нижняя точка находится на 0.5 м выше уровня основания вала. Размеры ростиславльского вала типичны для большинства древнерусских крепостей XII–XIII вв. (Раппопорт, 1956. С. 114). Перед валом сохранились остатки заплывшего рва шириной до 15 м при современной глубине до 2 м. Бермы между валом и рвом нигде не прослеживаются.

Наиболее ранние сведения об этой оборонительной линии содержатся в анонимной заметке 1841 г., в которой говорится о развалинах “бывшего града Ростиславля”, включавших “три вала или земляных укреплений того города, которым длины 100 сажен. Между ними – два прокопа или прохода” (О древних монастырях..., 1841. С. 483). Это описание довольно точно соответствует донныне сохранившемуся валу¹ с двумя проемами (рис. 1), однако в газетном сообщении 1874 г. фигурировали уже “три насыпных вала, разделенные двумя проходами” (Местные известия..., 1874. С. 40). Доверившись этим описаниям непрофессионалов, А.Л. Монгайт,

¹ 100 сажень – 150 м, если имелась в виду “простая” сажень длиной около 150 см.

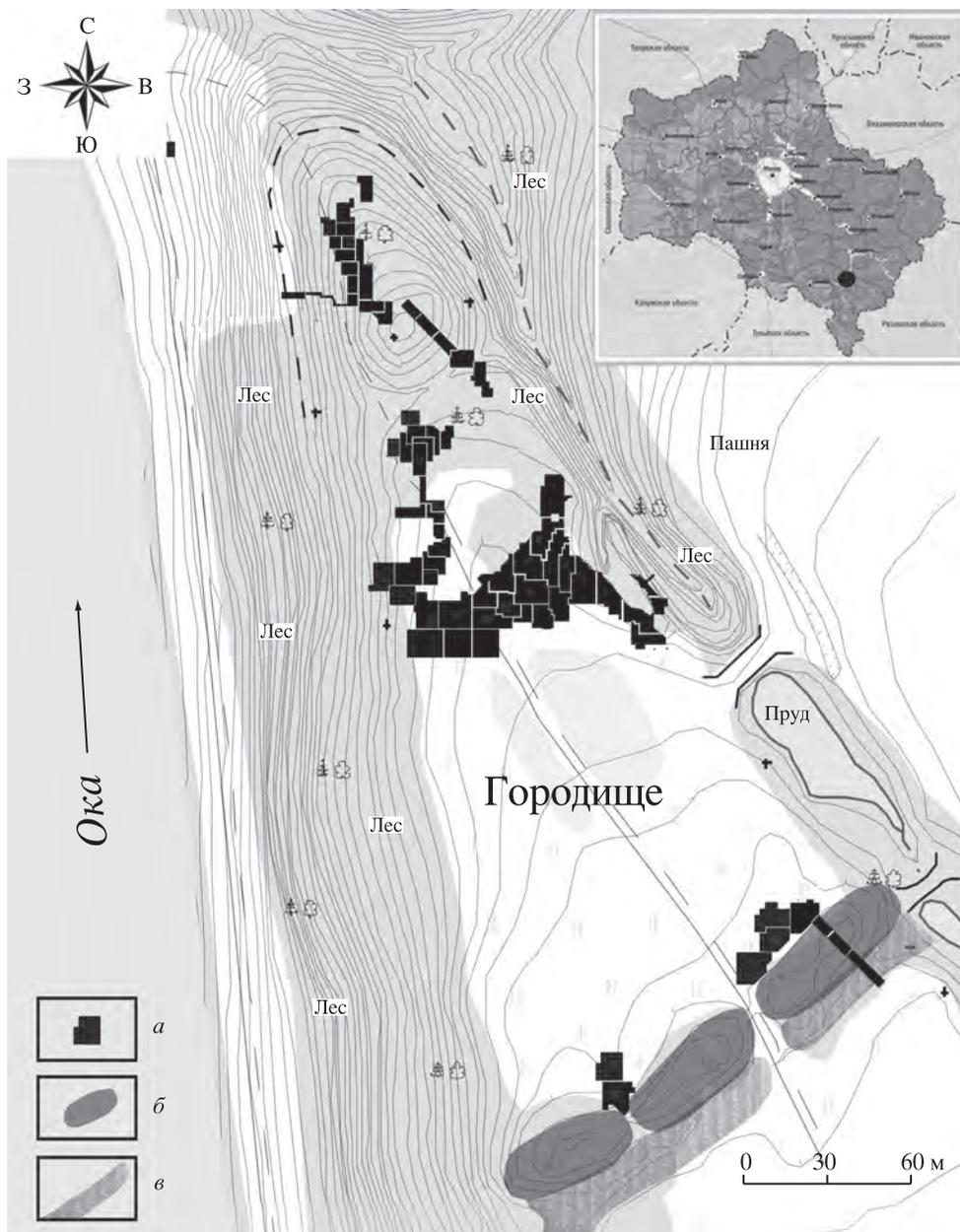

Рис. 1. Городище Ростиславль. План. Условные обозначения: а – раскопы 1994–2012 гг.; б – вал детинца; в – ров.

лично городище не посещавший, пришел к неверному выводу о якобы еще стоявших в XIX в. “трех рядах (выделено мною. – В.К.) валов” (Монгайт, 1961. С. 235). В действительности же никаких трех рядов валов здесь никогда не существовало (Коваль, 2003. С. 266, 267).

Прорезка вала и рва детинца Ростиславля проводилась на протяжении пяти полевых сезонов (2004–2008 гг.) на его восточном отрезке траншеей длиной 31 и шириной 2,83 м (диагональ стандартного квадрата размерами 2×2 м, поскольку раскоп вписан в единую сетку квадратов, принятую на городище). Траншея была выведена на 4 м за край

рва в напольную сторону, а с внутренней стороны вала к ней был прирезан раскоп площадью более 400 м^2 . Траншеей вскрывали отдельными отрезками длиной 6–12 м, на которых после завершения работ проводилось полное восстановление рельефа местности. Такой подход позволил наиболее бережно сохранить существующий рельеф, но продемонстрировал и один существенный недостаток: из-за него не удалось исследовать грунт в центре вала на ширину 1–1,5 м, так как здесь, по соображениям техники безопасности, пришлось оставить бровку (рис. 1). Разборка грунта на всей площади траншеи (более 80 м^2) проводилась горизонтальными пласта-

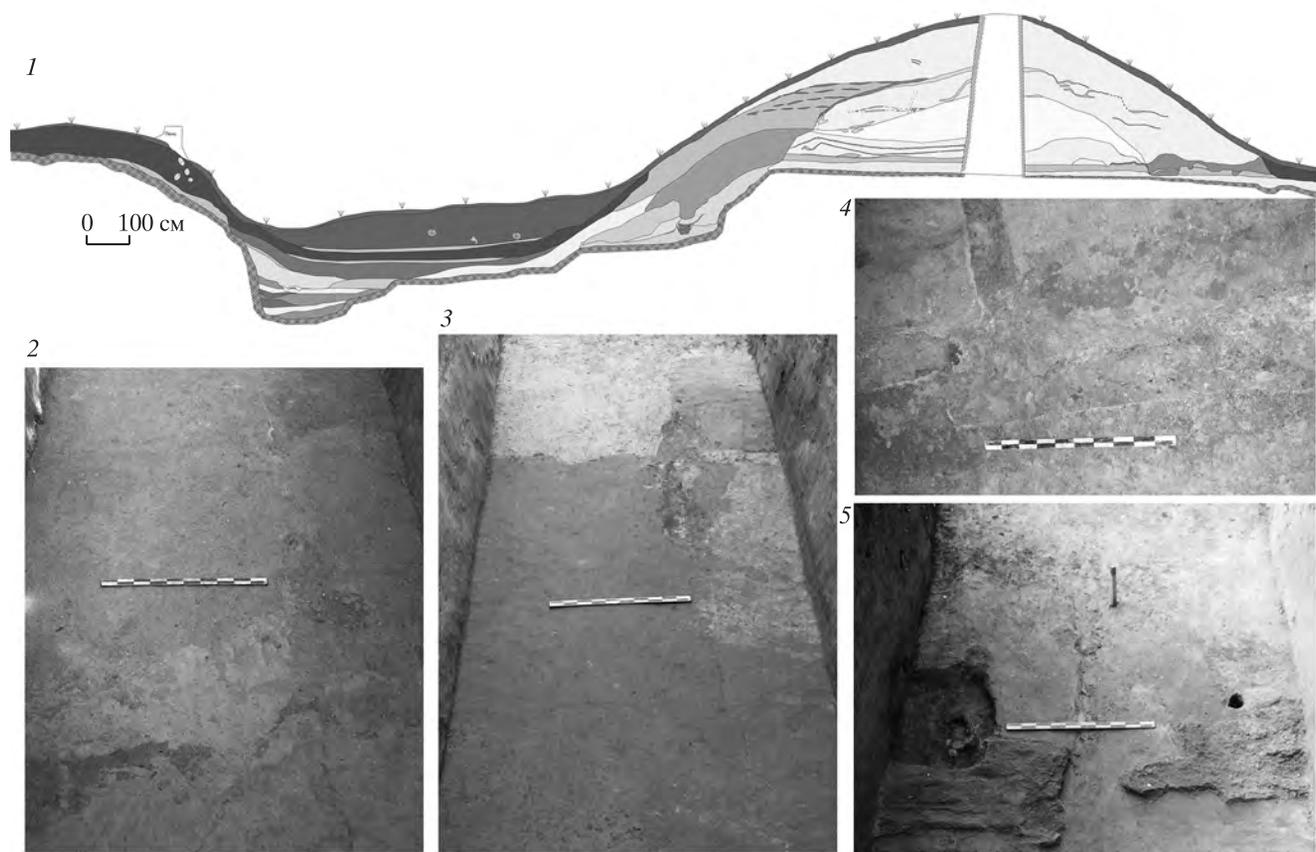

Рис. 2. Чертеж (1) и фото (2–5) разреза вала и рва детинца. 1 – юго-западный профиль траншеи; 2 – зачистка на уровне +90 см (вид с СЗ); 3 – зачистка на уровне –20 см (вид с СЗ); 4 – следы от связей бревен на уровне –160 см (вид с ЮВ); 5 – остатки деревянных полов полых клеток на уровне –20 см (вид с ЮВ).

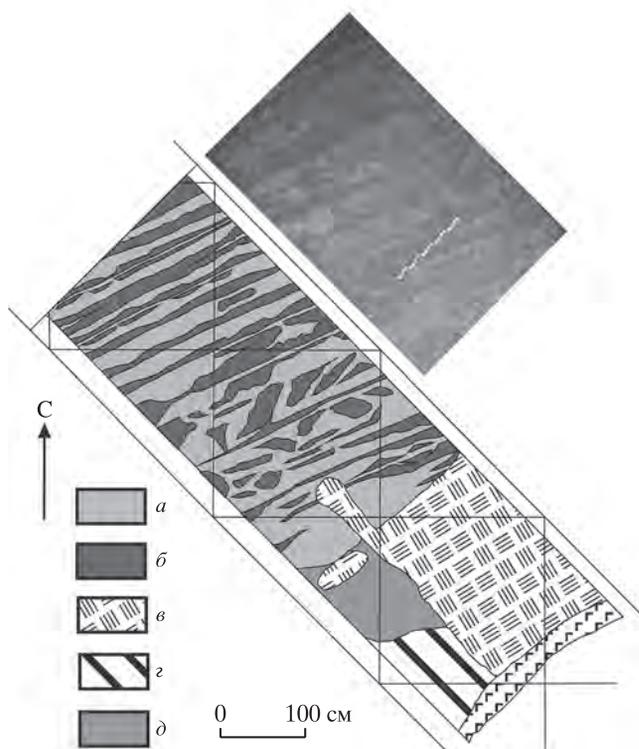

Рис. 3. Зачистка по поверхности древней пашни под валом (чертеж и фото). Условные обозначения: *a* – светло-серый суглинок (подзолистая почва); *b* – серый суглинок (пахотный слой); *v* – желтый суглинок; *z* – светло-коричневый суглинок; *d* – коричневатато-серый суглинок.

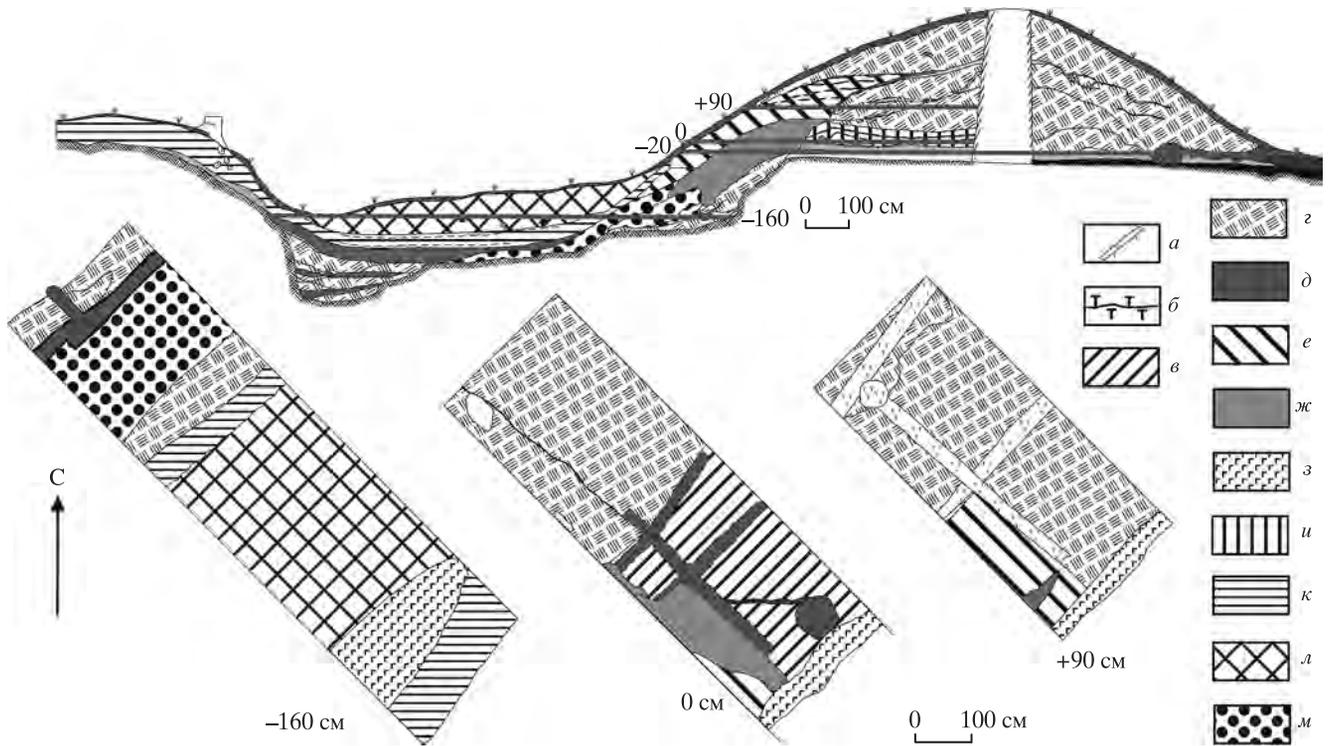

Рис. 4. Зачистки траншеи разреза вала и рва на уровнях -160, 0 и +90 см. Условные обозначения: *a* – следы бревен (желтый суглинок с включениями древесного тлена); *б* – остатки древесного тлена; *в* – коричневато-желтый суглинок; *г* – желтый суглинок; *д* – желтый суглинок в заполнении следов от бревен; *е* – светло-коричневый суглинок; *жс* – коричневатого-серый суглинок; *з* – современный дерн; *и* – желтый суглинок с включениями линз серого суглинка; *к* – серый суглинок; *л* – коричневый суглинок; *м* – желтый суглинок с включениями серого и темно-серого суглинков.

ми толщиной 10–20 см с фиксацией зачинок через каждые 20–30 см. Неравномерность интервалов объясняется плотным (утрамбованным) грунтом, разборка которого оказалась возможной только при помощи кирки, а горизонтальные зачистки по этой же причине не всегда были осуществимы. Тем не менее полученные планы и профили (рис. 2–5) траншеи позволили собрать максимально полную информацию о структуре вала и заполнения рва.

Прежде всего было установлено, что вал состоял практически исключительно из материкового грунта – тяжелого желтого суглинка, в котором встречались лишь незначительные по объему и не всегда ярко выделяющиеся включения грунтов, имевших серый и светло-серый цвет и происходивших из переотложенных почвенных горизонтов. Желтый суглинок в валу не имел никаких существенных отличий от того материкового грунта, в котором был выкопан ров. Отсюда следовал очевидный вывод, что весь грунт был добыт при создании рва. Выявленные в валу прослойки грунта, при всей схожести по цвету и плотности, все же имели некоторые отличия, благодаря которым их удавалось различать. Культурные слои при создании этого сооружения не использовались, но под валом, с его внутренней

стороны, были обнаружены остатки строений с деревянным полом (см. ниже). Кроме того, внутри самого вала были выявлены остатки древесного тлена (светло-коричневого цвета) и ленточные пятна от некогда залегавших в толще суглинка бревен, органическая составляющая которых оказалась полностью растворена и замещена грунтом, по цвету лишь незначительно отличавшимся от окружающего (рис. 2, 2–4; 4, 5, II, III). Но только благодаря им удалось зафиксировать следы деревянных конструкций в виде срубов (“городней”), известных по раскопкам валов в разных городах Руси и часто называемых “внутривальными”. Надо заметить, что такое название уже устарело и вносит путаницу в изучаемый вопрос, поскольку объектом древнего фортификационного строительства были не “валы”², а “древко-земляные стены” – ряды деревянных (как правило, дубовых) срубов, заполненных грун-

² К сожалению, до сих пор из печати выходят сочинения историков фортификации, в которых повторяются устаревшие воззрения о валах как целенаправленно создававшихся оборонительных сооружениях Древней Руси (Носов, 2002). Близких взглядов придерживаются и некоторые археологи, что приводит их к рассуждениям о “насыпных валах” и “внутривальных конструкциях” там, где в действительности обнаружены очевидные остатки древо-земляных стен (Пронин, Соболев, 2012).

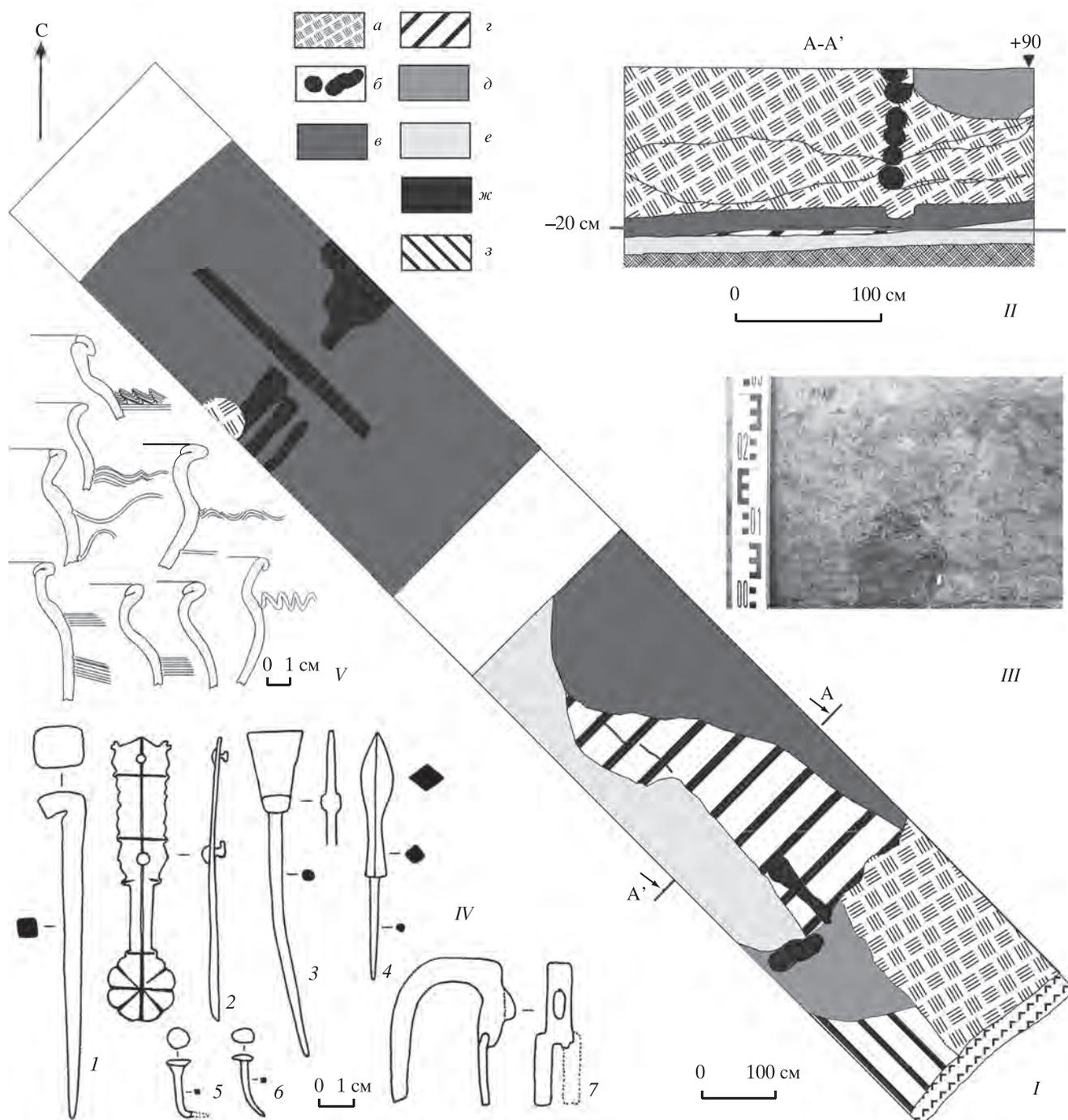

Рис. 5. I – зачистка траншеи разреза вала и рва на уровне -20 см. II – разрез A-A'. III – детали разреза A-A' (фото). IV – железные предметы из слоя на полу клетей: 1 – костьль; 2 – ременная накладка; 3 – писало; 4 – наконечник стрелы; 5, 6 – гвозди; 7 – обломок замка. V – керамика из слоя на полу клетей. Условные обозначения: а – желтый суглинок; б – желтый суглинок в заполнении следов от бревен; в – серый суглинок (пахотный слой); з – серый суглинок с включениями коричневого; д – коричнево-серый суглинок; е – светло-серый суглинок (остатки подзолистой почвы); жс – древесный тлен; з – светло-коричневый суглинок.

том (Моргунов, 2009). К сожалению, в нашем случае установить породу использованной древесины было уже невозможно. Очень важно также то, что ни в валу, ни в заполнении рва не были встречены угли или следы горения, а это значит, что стены Ростиславля (по крайней мере, на исследованном

участке) никогда не горели и разрушались только под действием естественных причин либо при перестройках.

Археологический материал в засыпках городской практически отсутствовал, лишь в верхних прослойках вала были встречены мелкие обломки ке-

рамики и единичные вещевые находки XIV в. (см. ниже). Одна находка начала XV в. происходила из слоя дерна на поверхности вала – серебряная монета, русское подражание золотоордынскому дирхему хана Тохтамышша.

Под остатками древо-земляной стены³ была зафиксирована поверхность древней пашни, предшествовавшей возведению фортификации (рис. 3), изученной методами почвоведения. Это позволило установить, что стена была воздвигнута практически сразу после прекращения распашки (Гольева, 2009. С. 80–87). Пахотный слой (серый суглинок) имел толщину 10–15 см и четкую нижнюю границу, он сформировался, переработав верхнюю часть древнего светло-серого подзолистого горизонта, образовавшегося в смешанном лесу. В пашне было встречено всего пять мелких обломков горшков домонгольской эпохи. Поверх нее была зафиксирована тонкая прослойка угля и золы, которую можно рассматривать в качестве остатков выжигания растительности на месте будущей стройки. По определению д-ра геологических наук А.А. Гольевой, из 12 исследованных образцов угля 6 принадлежали розовцетным, 4 – ольхе и 2 – березе. Радиоуглеродное датирование по собранным углям было проведено в лабораториях Института истории материальной культуры РАН (Г.И. Зайцевой) и Института географии РАН (О.А. Чичаговой) и дало калиброванный возраст образцов в близких по значениям интервалах 1290–1440 гг. (Ле-8701) и 1316–1431 гг. (ИГРАН № 3302). Радиоуглеродное датирование пахотного слоя (по гуминовым кислотам), проведенное в Киевской радиоуглеродной лаборатории (Н.Н. Ковалюхом), дало его абсолютный возраст в пределах от 680 до 1020 гг. (Ки-15473). Таким образом, естественно-научные методы позволили отнести возведение оборонительной стены Ростиславля не ранее, чем к концу XIII в.

Для того чтобы правильно понять причины и последовательность формирования многочисленных прослоек, зафиксированных в разрезе вала и рва, совершенно необходимо учитывать данные об объемах грунта, извлеченного из рва, поскольку каждому из этапов перестройки стены соответствовало расширение и углубление рва, служившего основным источником грунта для засыпки городней, составлявших стену. Таким образом, площадь сечения рва свидетельствует об объеме вынутого из него грунта и может быть сравнима с площадью сечения вала, а еще правильнее – с площадью сечения стены, которая была заполнена этим грунтом (Моргунов, 2009. С. 94). Однако при

этом необходимо учитывать, что в валу мы видим уже руинированные остатки стены, оползшие прослойки грунта, поскольку древние городни либо не сохранились вовсе, либо сохранились фрагментарно. В то же время сам грунт никуда не девался: вначале он попадал в городни, а потом осыпался из них по обе стороны (обратно в ров и на площадку города) либо только в одну из сторон в зависимости от того, как именно происходило разрушение стены в ходе перестройки укреплений. И так, при отсутствии сохранившихся древних сооружений реконструировать размеры некогда стоявших стен можно только путем сравнения по площадям сечения рва и стен, грунтовое заполнение которых сохранилось в виде прослоек земли в валу. Главную сложность при этом составляет выделение этапов возведения и перестроек стен, поскольку каждая из них приводила к расширению рва и уничтожению части старых стен, а значит – и к перемещению значительных масс грунта. При этом часть грунтового заполнения старых городней могла сбрасываться в ров, разравниваться, перемещаться во вновь построенные городни, причем эти перемещения могли происходить не только поперек линии обороны (в напольную сторону или внутрь города), но и вдоль нее, причем не все такие перемещения могут быть достоверно зафиксированы методами археологии.

При всей сложности и неоднозначности трактовки прослоек, сохранившихся в валах и рвах, применяемый подход – единственный логически непротиворечивый способ реконструкции древней фортификации. Приступая к объяснению происхождения различных частей вала Ростиславля, надо признать, что хуже всего сохранились остатки первоначальной стены (этап 1), поскольку ее руины были сnivelированы почти до основания (рис. 6, 1). От этой стены сохранился только самый нижний горизонт засыпки городней толщиной 30–50 см, который в разрезе вала фиксировался в виде залегающего поверх древней пашни плотного массива желтого материкового суглинка, разделенного тонкими прослойками светло-серого суглинка, происходившего из пахотного и почвенного горизонтов (рис. 6, 1). Присутствие заметного количества серого суглинка в нижней части заполнения городней объясняется тем, что в ходе их засыпки на трассе будущего рва в первую очередь срезалась именно почва. По разрезу вала рассматриваемый массив грунтов прослежен на протяжении почти 4.5 м, причем в нижней части этого массива (на уровнях 0 и –20 см)⁴ фиксиру-

³ С этого момента будем употреблять слово “вал” лишь в одном значении – “руины древо-земляной стены”.

⁴ Упомянутые здесь и ниже уровни фиксации связаны с репером раскопа-траншеи, который примерно соответствовал уровню древней дневной поверхности на данном участке. Эти данные включены в публикацию для того, чтобы лучше

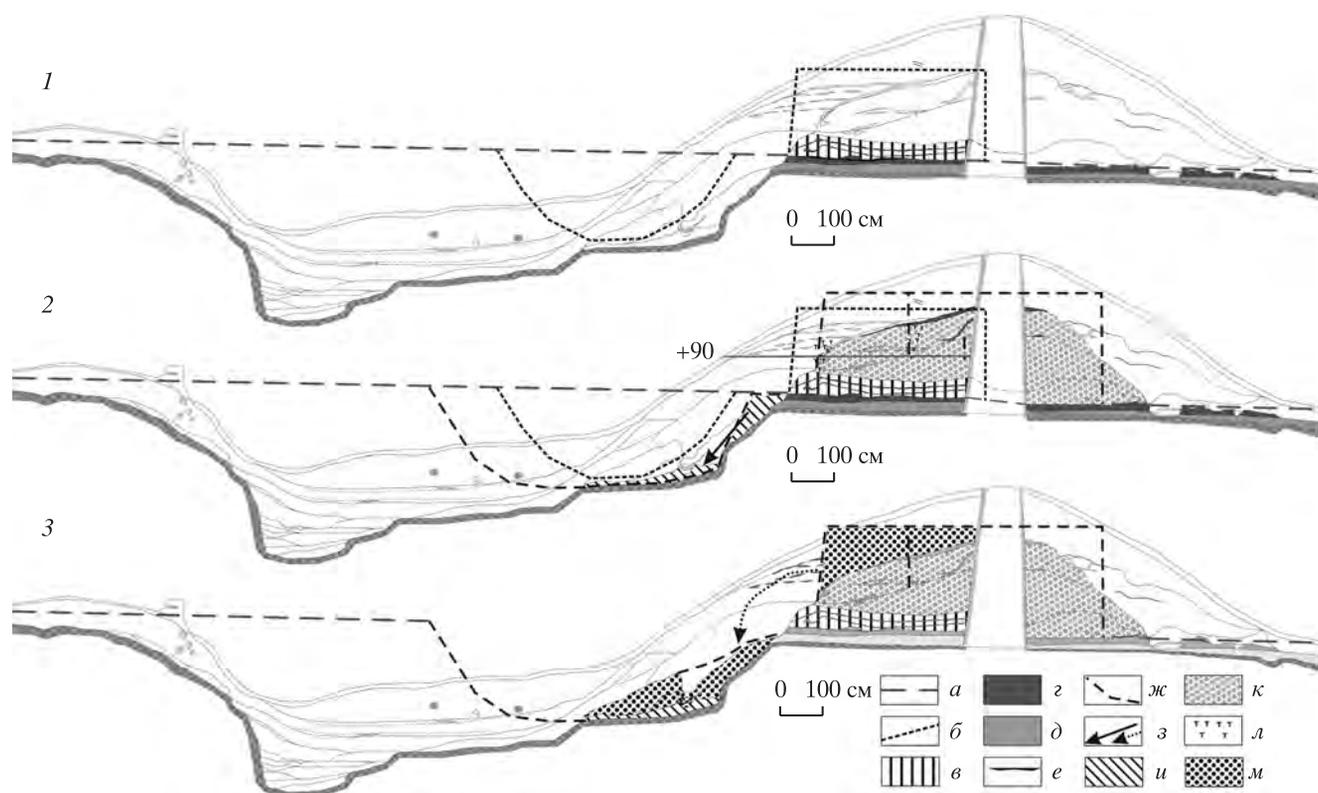

Рис. 6. 1 – реконструкция стены и рва этапа 1. 2 – реконструкция стены и рва этапа 2. 3 – реконструкция процесса разрушения стены этапа 2. Условные обозначения: а – уровень древней дневной поверхности; б – реконструируемые контуры городской стены и рва; в – остатки заполнения городской стены этапа 1 (желтый суглинок с включениями линз серого суглинка); г – пахотный слой (серый суглинок); д – остатки подзолистой почвы (светло-серый суглинок); е – угольно-зольная прослойка поверх пахотного слоя; жс – реконструируемые контуры городской стены и рва на этапе 2; з – направления осыпания грунта; и – материковый желтый суглинок; к – остатки заполнения городской стены этапа 2 (желтый и светло-желтый суглинки); л – древесный тлен; м – желтый суглинок из заполнения городской стены этапа 2, осыпавшийся на дно рва.

вался тлен от бревна, уложенного по линии СЗ–ЮВ (рис. 2, 3; 4). Это бревно отмечает расположение поперечной стены, общей для двух соседних городней. Внешняя сторона ряда городней была уничтожена позднейшими перестройками, а внутренняя в разрез не попала, однако приведенные выше сведения позволяют реконструировать толщину стены этапа 1 (= ширину городней) размером не менее 4.5 м. Столь крупные городни характерны в основном для стен X–XI вв. Например, городни первой линии стены детинца Ярославля, возведенной в XI в., имели размеры 4.8–5.3 × 5.6–5.9 (Археология древнего Ярославля, 2012. С. 41). Городни внешней линии в стене Южного городища Старой Рязани на раннем этапе (середина XII в.) имели стороны длиной 3.5–3.7 м (Стрикалов, 2011. Рис. 8). Правда,

ориентироваться в пространственном размещении различных уровней фиксации. В данной работе упоминаются лишь те имеющиеся в отчетах о раскопках планы, которые содержат наиболее важную информацию для расшифровки назначения и последовательности возникновения различных прослоек и иных конструктивных деталей стены и рва.

при публикации этого материала указывалось, что ранняя стена Южного городища состояла всего из одного ряда городней, но этот вывод был сделан потому, что остатки внешнего ряда городней были интерпретированы в качестве “приспы” к стене. Однако эта приспа (присыпка) по неясной причине имела “подпорную стенку” с “перерубами” высотой до 0.7 м, причем перерубы точно продолжали те линии, по которым проходили поперечные стенки второй линии городней (Стрикалов, 2011. С. 122, 123). Более вероятным представляется, что в действительности здесь размещались две линии городней (причем все они имели общие стенки), но внешний ряд более крупных подквадратных срубов сохранился гораздо хуже, чем второй ряд, состоявший из прямоугольных срубов размерами 3.5 × 1.8–2 м. Худшая сохранность первого ряда городней объясняется тем, что после частичного разрушения ранней стены, при ее возобновлении, новые срубы здесь не ставились, а на месте разрушенных городней первой линии была оставлена осыпь, которая и была принята за приспу. В результате воздей-

ствия внешней среды произошло быстрое разрушение значительной части древесины этих срубов. Близкую ситуацию можно наблюдать в валу южно-русского города Колодяжина, где была четко видна обугленная древесина от сгоревших полых клетей, примыкавших изнутри к линии городней, которые не были затронуты огнем и полностью сгнили, из-за чего при раскопках зафиксировать их вообще не удалось (Моргунов, 2009. С. 80, 81. Рис. 29).

Высота стены первого этапа на Ростиславле не может быть достоверно установлена, однако известно, что даже самые незначительные по размерам стены не могли быть ниже 2 м, поскольку иначе они не служили бы серьезной преградой для пеших и конных воинов (Моргунов, 2009. С. 71, 95–99). Однако для возведения более высокой стены потребовался бы очень большой объем грунта, для которого был бы необходим очень широкий ров. Между тем дно ростиславльского рва демонстрирует ряд “ступенек”, которые явно фиксируют последовательные этапы его расширения и углубления, причем ближайшее и, вероятно, одно из самых ранних лож рва имеет не столь большую глубину, чтобы предполагать изъятие из него значительного объема грунта. Если допустить, что высота городней составляла на первом этапе создания стены около 2 м, то для заполнения грунтом ее городней шириной 4–4.5 м потребовался бы ров шириной 5–6 м и глубиной около 1.5–2 м. При этом между стеной и рвом должна была оставаться ступенька бермы шириной 1–1.5 м (рис. 6, 1). С учетом обязательно устанавливавшихся поверх городней заборол или парапета, общая высота стеновой преграды должна была достигать 3.5 м, а разница отметок между дном рва и верхним краем стены достигала бы тогда 5 м, что делает такую оборонительную линию уже очень серьезным препятствием для нападающих.

К сожалению, нет даже малейших оснований для предположений о том, чем была продиктована необходимость первой перестройки стены, однако видно, что при ней почти весь объем заполнения городней был срезан и на месте прежней стены была выровнена и утрамбована горизонтальная площадка, на которой началось строительство стены этапа 2. При этом внешний бревенчатый панцирь новой стены был несколько сдвинут внутрь площадки (вероятно, не более чем на 0.5–1 м), но толщина стены увеличена почти до 7 м – от заполнения ее городней остались два слоя желтого и светло-желтого суглинка с отдельными тонкими линзами грунтов, происходивших из срезанного где-то пахотного и почвенного горизонтов (рис. 6, 2). При этом очевидно, что основная масса грунта, использованного в стене первого этапа, пошла вторично на засыпку

городней второго этапа. Дном рва, который, вероятно, был незначительно углублен, но заметно (до 8 м) расширен, могла являться ступенька с уплощенным дном, сохранившаяся в правой части разреза рва (рис. 6, 2). Берма между рвом и стеной должна была остаться прежней по ширине – около 1.5 м. О конструкции самой стены сохранились некоторые данные, поскольку на уровне +90 см удалось зафиксировать четкие следы не только поперечного бревна, лежавшего по направлению СЗ–ЮВ, но и двух линий продольных бревен, пересекавшихся с ним и лежавших по направлению СВ–ЮЗ (рис. 2, 2; 4). Следы от продольных бревен городней фиксировались также в профилях траншеи в виде древесного тлена (рис. 6, 2).

Исходя из расстояния между продольными бревнами городней, зафиксированными на уровне +90 см, которое составляло 2.5–2.7 м, можно предположить, что стена второго этапа состояла из трех рядов городней, размеры которых заметно уменьшились по сравнению со срубами первого этапа. В стене Южного городища Старой Рязани во второй половине XII – начале XIII в. максимальный размер сторон городней не превышал 3 м (Стрикалов, 2011. Рис. 9–11). Ширина срубов городней в пределах от 2.2 до 2.8 м была типичной для большинства южнорусских крепостей XI–XIII вв. (Моргунов, 2009. С. 91). Правда, стены многих крепостей Южной Руси состояли только из одного ряда городней (часто с добавлением второй линии полых клетей) при наиболее вероятной высоте 3.5–3.8 м (Моргунов, 2009. С. 91, 95), тогда как стена Ростиславля оказывается значительно более широкой, состоявшей из трех рядов срубов, но при этом заметно более низкой. Представляется наиболее вероятным, что на втором этапе не произошло существенного расширения и углубления рва, так что дополнительный объем материкового грунта, изъятый оттуда для засыпки городней, был невелик. Следовательно, он мог быть использован только для расширения стены, но не для увеличения ее высоты, которая возросла незначительно. Относительно древней дневной поверхности эта высота составила, вероятно, не более 2.5 м, но с учетом заборол и глубины рва общий перепад высотных отметок оборонительной линии составлял в этом случае 6 м.

Отмеченные различия между стенами Ростиславля и южнорусских крепостей можно объяснить тем, что их строители ориентировались на разных противников. Если в Южной Руси крепости были необходимы прежде всего для обороны против степняков, не обладавших осадной техникой и очень редко прибегавших даже к пассивной осаде для взятия города “измором”, то Ростиславль был

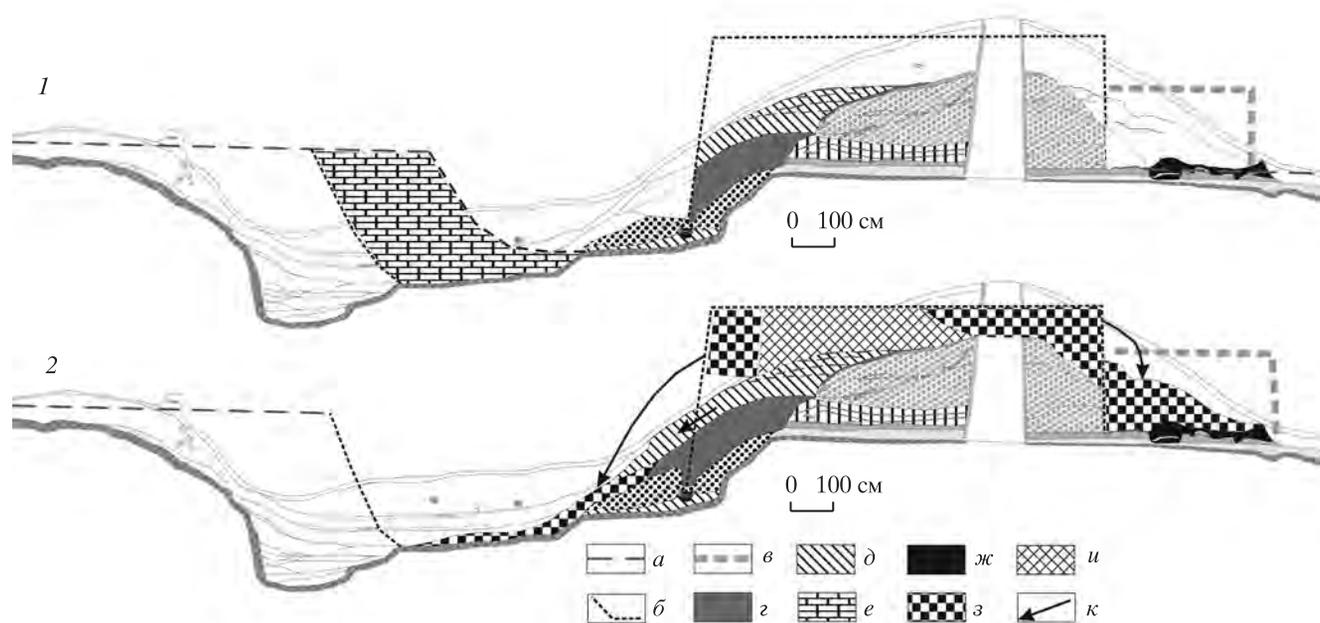

Рис. 7. 1 – реконструкция стены и рва этапа 3. 2 – реконструкция процесса разрушения стены этапа 3. Условные обозначения: *a* – уровень древней дневной поверхности; *b* – реконструируемые контуры городней стены и рва на этапе 3; *v* – реконструируемые контуры пустотелых клеток; *z* – коричнево-серый суглинок; *d* – светло-коричневый суглинок; *e* – материковый суглинок из рва, использованный для засыпки городней этапа 3; *жс* – древесный тлен и культурный слой на полу пустотелых клеток; *з* – желтый суглинок из заполнения городней; *и* – остатки заполнения старых городней, использованные при возведении стены этапа 4; *к* – направления осыпания грунта.

крепостью на пограничье с другими русскими княжествами, чьи воины умели применять камнеметные машины (“пороки”), противостоять которым, видимо, и была призвана мощная стена Ростиславля.

Вероятно, уже вскоре после возведения стены этапа 2 произошли обрушения отдельных участков бермы, одно из которых прочитывается по юго-западному профилю разреза вала и рва (рис. 6, 2). В результате внутренний склон рва приобрел неподобающую ему пологость, а на дне рва отложился оползший материковый грунт. Однако должно было пройти еще какое-то довольно продолжительное время, прежде чем началось разрушение стены этапа 2 (или очередная перестройка, начавшаяся с разборки ее внешних бревенчатых панцирей). В ходе этого разрушения некоторый объем грунта из заполнения первого и второго рядов городней ссыпался в ров, однако основная масса его сохранилась на своем месте, следовательно сохранились и срубные конструкции многих городней (рис. 6, 3).

Вторая перестройка, приведшая к созданию стены этапа 3, была более значительной по масштабам и произошедшим архитектурным изменениям. Прежде всего, был существенно расширен в напольную сторону и несколько углублен ров. Этот этап

фиксируется по ступеньке с почти плоским, слегка наклоненным в напольную сторону дном шириной до 4 м (рис. 7, 1). Благодаря этому расширению была получена большая масса материкового грунта, предназначенного для забутовки городней. Однако она вновь была использована не для увеличения высоты стены, а для наращивания ее толщины, причем это наращивание было проведено в напольную сторону – прием, встречающийся в древнерусской фортификации очень редко. Для этого использовались трехстенные срубы, опущенные почти на самое дно рва предыдущего этапа. Нижняя часть рва уже была частично засыпана, поэтому для срубов были выкопаны специальные канавы шириной 25–40 см: для продольных бревен лицевого панциря стены такая канава была проведена по склону присыпанного рва на глубину до 1 м, а для поперечных – сделаны ступенчатые врезки-канавки в склон рва на глубину (по горизонтали) также около 1 м. Зачистка на уровне –160 см выявила следы от нижних бревен этой конструкции: сама древесина не сохранилась и была замещена желтым суглинком, но по контурам бревен образовались оглеенные белесые прослойки, благодаря которым можно понять, как именно были оформлены узловые точки срубов, имевших общие поперечные стенки (рис. 2, 4; 4). В исследованной поперечной стенке, полностью

попавшей в раскоп, самое нижнее из бревен было врезано не в материк, а в оползший на дно рва материковый грунт, по плотности не отличавшийся от материка. Длина этого бревна составляла около 1.5 м, но все лежавшие выше бревна последовательно возрастали по длине, поскольку уклон стенки рва составлял около 45°. На уровне древней дневной поверхности (рис. 3; 5) длина таких поперечных бревен должна была увеличиваться уже до 3.3–3.6 м, исходя из их следов в древней пашне и выноса их внешних концов до вертикали панцыря стены. Зачистка на уровне –20 см выявила следы продольных бревен, пересекавшихся с ними примерно на линии края старого рва (рис. 5, 1). Это значит, что достигнув уровня древней дневной поверхности, трехстенные срубы становились четырехстенными шириной около 2.5 м, а продольная стенка позволяла надежно связать новый ряд срубов со следующим, проходившим почти по той же самой линии, что и внешний ряд городней предыдущего этапа. Не исключено, что городни предыдущего этапа при этом лишь частично обновлялись, причем их поперечные стенки не заменялись. На это указывает разрез А-А', проведенный как раз через городни внешнего ряда стены этапа 2, на котором видны следы шести венцов сруба без малейших признаков перекопа, который образовался бы при перекладке городней (рис. 5, 2).

Новый внешний ряд городней в стене этапа 3 был зафиксирован не только по следам бревен, но и по разнице в цвете заполнения срубов – на нескольких уровнях была хорошо заметна разница между двумя соседними городнями новопостроенной линии: в то время как северо-восточная городня (в пределах нашей траншеи) была целиком заполнена желтым суглинком, юго-западная оказалась засыпана в нижней части смесью серого и коричневого суглинков, а в верхней – светло-коричневым суглинком (рис. 2, 3; 3; 4; 5, 1). Грунт, которым была забутована эта городня, заметно отличается от материкового, но не является и переотложенным пахотным слоем. Скорее всего сюда попало вторично использованное заполнение городней стены этапа 2, которое под воздействием среды или благодаря каким-то включениям (древесный тлен?) изменило свою первоначальную окраску, или грунт, полученный при подрезке отложений на дне старого рва.

Таким образом, в результате второй перестройки стена осталась почти прежней по высоте (либо повысила ее крайне незначительно), но зато ее толщина увеличилась до 10 м за счет наращивания еще одной, четвертой линии городней, спущенных вниз по склону рва. Тем самым высота внешнего панцыря стены выросла до 4.5 м, а с учетом заборол – до 6.

Наиболее ранние варианты использования трехстенных срубов для облицовки склонов можно видеть в укреплениях Новгородского (Рюрикова) городища IX в. и в стене киевского детинца первой половины X в. (Михайлов, 2009. С. 273–278, 284. Рис. 3, 4). Однако ошибочно было бы думать, что подобный конструктивный прием применялся только на заре русской фортификации. При раскопках Молоховских ворот в Смоленске в древо-земляной стене так называемого земляного или нового большого города, возведенной в 1550–1560-х годах, также были обнаружены трехстенные срубы, использованные здесь для того, чтобы спустить стену по склону глубокого оврага, шедшего перпендикулярно линии обороны, и устроить на его дне воротный проезд (Пронин, Соболев, 2012. Рис. 9–14, 23)⁵. Таким образом, сам строительный прием опускания стен вниз по склону при помощи частично врезанных в него трехстенных срубов был известен русским строителям крепостей на протяжении длительного времени. Возможно, он применялся совсем не так редко, как кажется сейчас, но для обнаружения его следов требуется вскрытие крепостных рвов с поплавковой фиксацией, до недавних пор делавшейся не всегда.

Вероятно, именно в ходе второй перестройки стены к городням был добавлен со стороны площадки городища ряд полых клетей, от которых сохранился след только одного поперечного бревна, уложенного точно по линии поперечных линий городней и впущенного в пахотный слой. Продольные стены этой линии клетей не сохранились, но в нескольких местах удалось зафиксировать древесный тлен от досок пола, настеленных параллельно продольным стенам (рис. 2, 5; 5, 1). Кроме того, на полу постройки сохранился культурный слой, по распространению которого можно судить о ширине клетки, составлявшей, видимо, 3.5–4 м (рис. 7). Стены Южного городища Старой Рязани также имели на нескольких этапах своего существования ряд полых клетей, ширина которых составляла около 3 м (Стрикалов, 2011. Рис. 9, 10). Полые клетки, пристроенные к стене из городней, явно использовались для каких-то хозяйственных целей (раз в них отложились бытовые предметы и керамика)

⁵ Авторы публикации интерпретировали эту конструкцию в качестве “подпорной стенки”, предназначенной якобы для “сдерживания от оползания торца земляного вала” (Пронин, Соболев, 2012. С. 14), причем именно того торца, который был обращен к воротному проему. Сам воротный проход рассматривался ими как разрыв между двумя земляными насыпями, не оформленный никакими дополнительными конструкциями, т.е. подобно тому, как сегодня выглядят проходы в валах на заброшенных городищах, что, разумеется, нелегко для Смоленска XVI в.

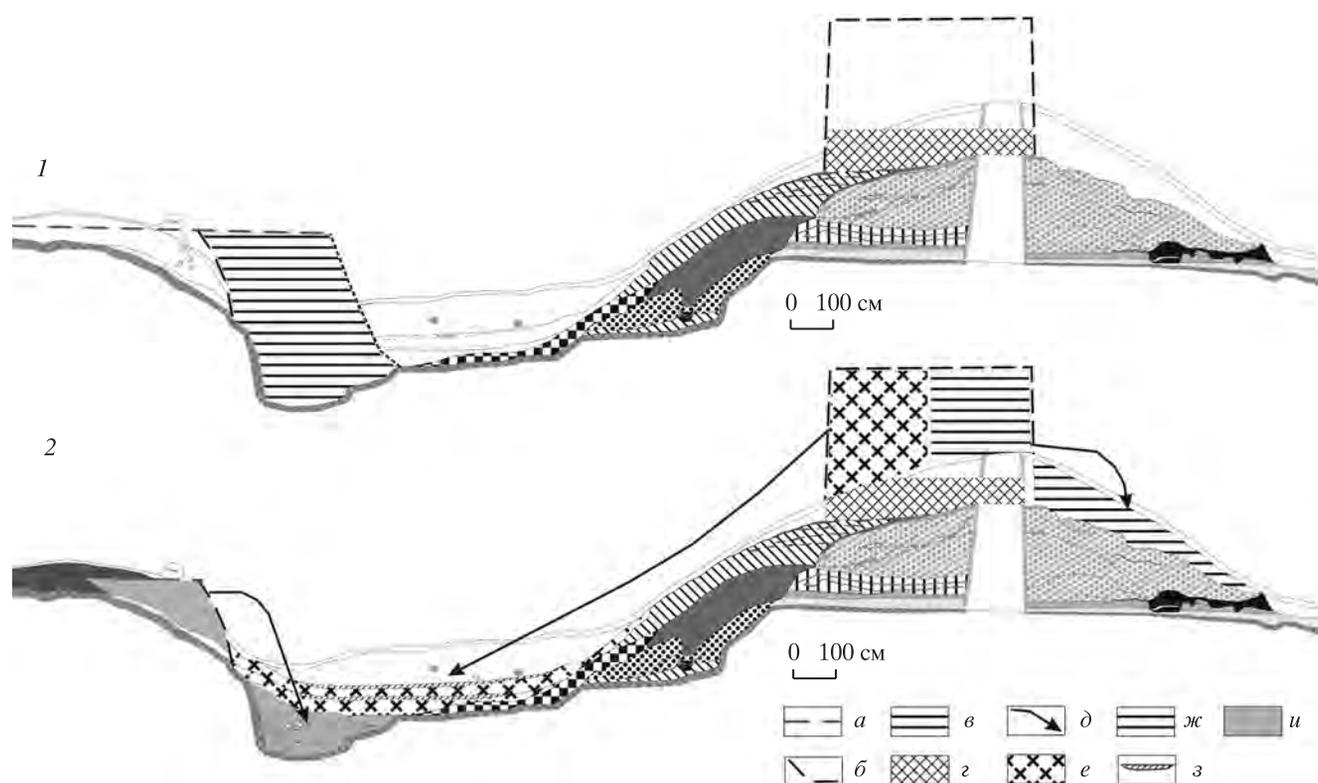

Рис. 8. 1 – реконструкция стены и рва этапа 4. 2 – реконструкция процесса разрушения стены этапа 4. Условные обозначения: *a* – уровень древней дневной поверхности; *б* – реконструируемые контуры городской стены и рва на этапе 4; *в* – материковый суглинок из рва, использованный для засыпки городской стены этапа 4; *г* – остатки заполнения городской стены, использованные при возведении стены этапа 4 (желтый суглинок); *д* – направления осыпания грунта; *е* – желтый суглинок из заполнения городской стены этапа 4, осыпавшийся на дно рва; *ж* – желтый суглинок из заполнения городской стены этапа 4, осыпавшийся в сторону площадки городища; *з* – почвенные горизонты, сформировавшиеся на дне рва; *и* – массив материкового суглинка и почвенного горизонта, обрушившегося на дно рва этапа 4.

жителями большой усадьбы, примыкавшей к стене на площадке городища. Последующие раскопки показали, что эта усадьба принадлежала представителю военно-служилого сословия, на ее площади были найдены многочисленные предметы воинского снаряжения, обломок импортного стеклянного сосуда, книжные застёжки, семь серебряных монет золотоордынской чеканки середины – второй половины XIV в., кресты-тельники и перстни из медных сплавов.

В культурном слое, отложившемся на полу клетей, пристроенных к оборонительной стене этапа 3, обнаружено несколько железных предметов: бронебойный наконечник стрелы, декоративная ременная накладка, писало, дужка от цилиндрического замка, крепежный костыль и два миниатюрных (сапожных) гвоздя (рис. 5, IV, 1–7). Все эти находки свойственны для материальной культуры Ростиславля позднего этапа золотоордынской эпохи, а наличие сапожных гвоздей и отсутствие характерной керамики середины – второй половины XV в. позволяет сузить дату отложения этого слоя

до конца XIV – первой половины XV в. Правда, количество собранной здесь керамики было невелико (66 обломков), и среди них присутствовала стенка красноглиняного белоангобированного горшка, который можно связывать с производством Коломны XV в., поэтому верхняя дата формирования комплекса не может быть установлена очень четко. Однако вся остальная керамика уверенно датируется XIV в. (рис. 5, V), поэтому конец XIV – первая половина XV в. представляется наиболее вероятным периодом отложения этого комплекса. Отсюда следует вывод, что возведение полых клетей и всей стены этапа 3 должно было относиться к несколько более раннему времени; вероятно, к середине – второй половине XIV в.

Третьей (последней) перестройке главной оборонительной линии Ростиславля предшествовало или сопутствовало значительное разрушение фортификаций этапа 3. Прежде всего, оказалась разрушенной четвертая линия городской, опущенная в ров, а грунт из их заполнения ополз на склон рва, практически полностью скрыв внутреннюю стен-

ку и дно рва этапов 1–2 (рис. 7, 2). Одновременно были разобраны стены полых клетей (пятая линия срубов стены), пол которых и отложившийся на нем культурный слой были погребены грунтом, обвалившимся (или сброшенным) из заполнения городней внутренней линии. Для таких тотальных разрушений деревянная стена должна была либо сгореть, либо сгнить. Но поскольку никаких следов углей или иного действия огня здесь не обнаружено, остается предположить, что стена развалилась именно из-за ветхости (или пришла в такое состояние, что требовала перестройки), а это значит, что она простояла довольно продолжительное время, – вероятно, около полувека.

После разборки деревянных облицовок стены этапа 3 и обрушения заполнения городней ее руины приобрели вид вала с довольно пологими склонами. Правда, часть заполнения сгнивших городней, которая не осыпалась по склонам, видимо, могла быть использована для строительства новой стены этапа 4. Нужно сказать, что никаких конкретных ее следов не сохранилось (ни в виде древесного тлена, ни в виде иных конструктивных элементов), и она может реконструироваться только по двум основаниям: наличию рва, выкопанного на самом последнем этапе ремонта фортификации, и сравнению объема грунта, вынутого из этого рва с объемом материкового суглинка, составлявшего последнюю, самую позднюю по времени появлению прослойку в теле вала (рис. 8, 1). Можно предположить, что на выровненной вершине валообразных руин прежней стены была воздвигнута древо-земляная стена шириной до 5 и высотой 3.6–4.0 м, состоявшая из двух рядов городней, для забутовки которых использовались как часть заполнения прежних стен, так и материковый суглинок, вынутый из рва. При этом ров был отодвинут еще далее в напольную сторону, а его ширина доведена до 10–12 м. Новый ров имел глубину более 4 м (от внешнего края) и ширину своей самой глубокой части – около 2 м, причем его внешняя стенка была, видимо, вертикальной. Обнаруженные на дне рва следы от полностью истлевших бревен или плах, лежавших параллельно этой стенке, позволяют допускать возможность того, что она была обшита деревом для того, чтобы предотвратить ее обрушение. Однако отсутствие каких-либо следов крепежа этой конструкции не дает оснований настаивать на такой интерпретации, тем более что бревна могли попасть в ров и по иным причинам. Рвы такого сечения до сих пор не были известны на территории Руси для периода до XVI в., однако это может объясняться не особенностями техники строителей Ростиславльской крепости, а лишь тем, что разрезы рвов древнерусских крепостей проводятся крайне редко и выводы о профилях

рвов строятся всего на нескольких небесспорных примерах. В действительности может оказаться, что рвы, подобные ростиславльскому, существовали и у других городов. Перепад отметок между вершиной стены этапа 4 (с учетом заборол) и дном нового рва мог достигать уже 10 м, т.е. максимального значения за всю историю главной оборонительной линии Ростиславля.

Период функционирования стены этапа 4 неизвестен, но, вероятно, он был достаточно продолжительным (не менее полувека), поскольку ее разрушение произошло скорее всего из-за истлевания древесины срубов, что привело к оползанию грунта как в напольную сторону (на дно рва), так и в сторону площадки городища. В результате этого и сформировался “правильный” полукруглый профиль видимого сегодня вала шириной по основанию 15 и высотой до 4 м (рис. 8, 2). При этом, очевидно, произошло также обрушение внешней стенки рва, поскольку заполнение его самой углубленной части состояло практически из одного материкового суглинка (за исключением придонной части с замыками от поверхностных водных стоков). После первой стабилизации поверхности рва на его дне сформировалась луговая почва, которая была перекрыта наносами, образовавшимися, вероятно, в ходе естественной эрозии руин стены, превратившейся в вал, а поверх этих наносов сформировалась лесная почва (определение А.А. Гольевой), что могло произойти только после того, как жизнь на городище полностью прекратилась, а ров и овраги заросли кустарником, т.е. в XVII–XIX вв. Таким образом, после разрушения стены этапа 4 оборонительные сооружения Ростиславля более не возобновлялись, и в дальнейшем происходило только их постепенное разрушение.

Остается пояснить, что слой гумусированного грунта, перекрывший все эти почвенные образования (рис. 4), имел антропогенное происхождение и был сформирован уже в самом недавнем прошлом: в нем залегали еще не сгнившие стволы деревьев, и была найдена монета 1961 г. Вероятно, его появление связано с какими-то земляными работами на полях, примыкающих к рву, либо сюда был свален большой объем навоза или иного грунта, близкого по цвету.

Разумеется, предложенная реконструкция этапов существования и перестроек стены детинца Ростиславля не может претендовать на исключительную правильность. Вероятно, возможны и несколько иные варианты интерпретации некоторых прослоек и последовательности их возникновения. Однако нет никаких сомнений в том, что вал Ростиславля

представляет собой остатки многократно перестраивавшейся древо-земляной стены.

В заключение хотелось бы вернуться к проблеме датировки исследованной оборонительной линии. Археологический материал свидетельствует, что стена этапа 3 была воздвигнута в середине – второй половине XIV в. Следовательно, стена этапа 4 могла быть выстроена и функционировала уже на протяжении XV в. Если предположить, что стены этапов 1 и 2 стояли хотя бы по 20–30 лет, то время возникновения главной оборонительной линии Ростиславля можно отнести ко второй половине или даже концу XIII в. С одной стороны, такая датировка соответствует имеющимся радиоуглеродным датам, полученным по углю из-под стены, и соотносится с временем, когда Ростиславль превратился в центр удела Рязанского княжества, т.е. приобрел высокий политический статус, которому должна была отвечать мощная фортификация детинца. С другой, если в домонгольскую эпоху стены здесь не было, то не ясно, как мог в то время функционировать этот город. Разумеется, крохотная крепостица-убежище могла размещаться на месте городища раннего железного века на оконечности мыса, но в этом случае вся остальная территория города вместе с построенным в нем храмом и усадьбами оказывалась бы незащищенной. Имеются четыре варианта объяснения подобной ситуации:

1) стена первого этапа была построена еще в середине XII в., т.е. в момент основания города князем Ростиславом Ярославичем Рязанским, а радиоуглеродные даты оказались по неизвестным причинам неверными;

2) стена возникла в конце XIII в., а до этого укрепления детинца состояли из частокола или небольшой древо-земляной стены, следы которых нигде не сохранились, потому что были полностью скрыты позднее; проходили же они по тому месту, где в дальнейшем был вырыт ров.

3) домонгольская оборонительная линия проходила в каком-то ином месте (севернее нынешнего вала), но следы ее еще не обнаружены;

4) в домонгольскую эпоху города с укреплениями тут вообще не существовало, а было крупное сельское поселение с маленьким убежищем на месте городища раннего железного века.

На сегодняшний день ни один из перечисленных вариантов не может быть признан предпочтительным, поскольку все они базируются на чисто логических построениях. При этом у каждого есть очевидные изъяны. Пожалуй, наиболее сомнительным выглядит вариант 3, поскольку трудно допустить, что древо-земляная стена домонгольской эпохи и

ров перед ней могли быть столь сильно сnivelированы, чтобы не оставить никаких следов в рельефе городища. Вариант 4 противоречит всем имеющимся письменным (а теперь уже и археологическим) источникам о домонгольском Ростиславле. Разрешить эту проблему помогут только дальнейшие раскопки городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия / Авт.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
- Гольева А.А. Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля // Археология Подмосковья: Матер. науч. семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 72–88.
- Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1823. 75 с.
- Коваль В.Ю. Детинец Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации и системы фортификации // Кремли России / Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”» / Отв. ред. Н.С. Владимирская, редкол. Е.Б. Гусарова, Ю.Н. Звездина, И.О. Мельникова, Н.В. Рашкован, А.Б. Стерлигов, Л.А. Щенникова. М., 2003 (Матер. и исследов.; Т. XV). С. 256–270.
- Коваль В.Ю. Ростиславлю Рязанскому – 850 лет (10 лет работы Ростиславльской археологической экспедиции) // Археология Подмосковья: Матер. науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. С. 8–11.
- Коваль В.Ю. Фортификация средневекового Ростиславля Рязанского // Археология древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культуругенеза: Тез. докл. Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 37, 38.
- Местные известия о городищах и городках в Рязанской губернии // Рязанские губернские ведомости. 1874. № 10.
- Михайлов К.А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 269–288.
- Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
- Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М.: Наука, 2009. 302 с.
- Носов К.С. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. СПб.: Полигон, 2002. 176 с.

- О древних монастырях, церквах и прочих зданиях, состоящих в Рязанской епархии // ЖМВД. 1841. Ч. 40 (№ 6). 483 с.
- Погодин М.П. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. Т. 1. Кн. 3. М., 1838. С. 1–109.
- Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI – XVII в. у Молоховских ворот. Смоленск: Свиток, 2012. 117 с.
- Раннопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. V / Под ред. Н.Н. Воронина. М.; Л., 1956 (МИА; № 52). 184 с.
- Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосквья: Матер. науч. семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 109–132.

MAIN LINE OF DEFENCE WORKS OF ROSTISLAVL'-RYAZANSKY

Vladimir Yu. Koval

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow (kavaloka@mail.ru)

The article presents the results of the mound and the moat cutting at the fortified settlements Rostislavl' which is the remains of the same name city mentioned in Chronicles. Due to the fixation not only the ditch profiles by which the cut was made but also the plans planed at intervals of every 20–30 cm, it has been managed to find the hard-to-find remains of the completely smoldered and replaced by the subsoil (yellow loam), wood and timber blockings. Thus it has been established that nowadays visible mound is the ruins of a wooden ground wall. Such approach has allowed understanding in which sequence filling the loam inwards the timber blockings and the subsidence of that loam after decaying of the wood were taken place. As the result it was possible to find out the marks of the four successive walls being put up at the same place due to rebuilding. Radiocarbon analysis of coal from under the wall base and studying things and ceramics from the additions to the wall have allowed dating these four stages of fortification building between the end of the 13th–15th cc. The problem of existing and allocation of the fortification of Rostislavl' in the second half of the 12th – the first half of the 13th cc. has been defined.

Keywords: fortification, a bank, a moat, wooden ground walls.

REFERENCES

- Arkheologiya drevnego Yaroslavlya. Zagadki i otkrytiya [Archaeology of ancient Yaroslavl. Mysteries and finds], 2012. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 296 p.
- Gol'yeva A.A., 2009. Pochvennyye issledovaniya srednevekovykh valov Dmitrova, Yaroslavlya i Rostislavlya [Soil researches of medieval banks of Dmitrov, Yaroslavl and Rostislavl]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*, 5. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 72–88.
- Kalaydovich K.F., 1823. Pis'ma k Alekseyu Fedorovichu Malinovskomu ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Ryazanskoj gubernii, s risunkami naydennykh tam v 1822 godu drevnostey [Letters to Aleksei Fiodorovich Malinovskiy about archaeological researches in Ryazan Province with images of the found there in 1822 antiquities]. Moscow. 75 p.
- Koval' V.Yu., 2003. Detinets Rostislavlya Ryazanskogo: problemy interpretatsii i sistemy fortifikatsii [Citadel of Rostislavl-Ryazansky: problems of interpretation and system of fortification]. *Kremli Rossii [Acropolis of Russia]*. N.S.Vladimirskaya, ed. Moscow, pp. 256–270 (Materialy i issledovaniya; XV).
- Koval' V.Yu., 2004. Rostislavlyu Ryazanskomu – 850 let (10 let raboty Rostislavl'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [850 of Rostislavl-Ryazansky (10 years of work of the Rostislavl archaeological expedition)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 8–11.
- Koval' V.Yu., 2011. Fortifikatsiya srednevekovogo Rostislavlya-Ryazanskogo [Fortification of the medieval Rostislavl-Ryazansky]. *Arkheologiya drevnerusskogo goroda XI–XV vv. Problemy istochnikovedeniya, stanovleniya gosudarstvennosti i kul'turogeneza: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Archaeology of ancient city of 11–15 cc. Problems of studying and interpretation of sources, state establishment and cultural genesis: abstracts of the International scientific conference]*. Moscow, pp. 37, 38.
- Mestnyye izvestiya o gorodishchakh i gorodkakh v Ryazanskoj gubernii [Local news about fortified settlements and towns in Ryazan Province], 1874.

- Ryazanskiye gubernskiye vedomosti [Ryazan Province Journal]*, 10.
- Mikhaylov K.A., 2009. Analiz pervykh oboronitel'nykh sooruzheniy Kiyeva i Novgoroda na fone fortifikatsionnykh traditsiy rannesrednevekovoy Yevropy [Analysis of fortified buildings of Kyiv and Novgorod against the fortification traditions of the early medieval Europe]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya [Novgorod and Novgorod land]*. Istoriya i arkheologiya, 23. Veliky Novgorod, pp. 269–288.
- Mongayt A.L., 1961. Ryazanskaya zemlya [Ryazan land]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 400 p.
- Morgunov Yu.Yu., 2009. Drevo-zemlyanyye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vv. [Wooden soil fortifications of the Southern Rus of 10–13 cc.]. Moscow: Nauka. 302 p.
- Nosov K.S., 2002. Russkiye kreposti i osadnaya tekhnika VIII–XVII vv. [Russian forts and siege technique of the 8–17 cc.]. SPb.: Poligon. 176 p.
- O drevnikh monastyryakh, tserkvakh i prochikh zdaniyakh, sostoyashchikh v Ryazanskoy yeparkhii [On the ancient monasteries, churches and other buildings consisted in the Ryazan episcopate], 1841. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del [Journal of the Ministry of Home Affairs]*, ch. 40, №. 6, pp. 470–472.
- Pogodin M.P., 1838. Istoricheskaya sistema Khodakovskogo [Historical system of Khodakovsky]. *Russky istorichesky sbornik [Russian Historical collection]*, t. 1, kn. 3. Moscow, pp. 1–109.
- Pronin G.N., Sobol' V.E., 2012. Oboronitel'nyye ukrepleniya Smolenska kontsa XVI – XVII v. u Molokhovskikh vorot [Fortifications of Smolensk of the end of the 16–17 cc. near the Molokhov gates]. Smolensk: Svitok. 117 p.
- Rappoport P.A., 1956. Ocherki po istorii russkogo voyennogo zodchestva X–XIII vv. [Essays on the history of Russian war architecture of the 10–13 cc.]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and Researches of the archaeology of ancient Rus cities]*, V. N.N. Voronin, ed. Moscow; Leningrad. 184 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, 52).
- Strikalov I.Yu., 2011. Oboronitel'ny kompleks Yuzhnogo gorodishcha Staroy Ryazani v svete novykh issledovaniy [Fortification site of the southern fortified settlement of Staraya Ryazan in terms of new researches]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: materials of the scientific workshop]*, 7. Moscow: IA RAN, pp. 109–132.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПОДКУРГАННЫЕ СЫРЦОВЫЕ ОГРАДКИ XIII–XIV вв. В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ?

© 2015 г. Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва (eziliv@mail.ru)

Статья посвящена так называемым подкурганам сырцовым оградкам, которые составляют многочисленную группу погребальных сооружений золотоордынского времени. Ранее их связывали с кочевниками, перешедшими к оседлости и подвергшимися влиянию оседлого населения золотоордынских городов. Подробное рассмотрение этой категории сооружений позволяет утверждать, что в ее трактовке было много ошибочного. Прежде всего, эти конструкции никак не связаны с кочевническими курганами, а представляют собой холмики от разрушенных и расплывшихся сырцовых построек. Сопоставление различных типов “оградок” с планировкой мавзолеев приводит к выводу, что они представляют собой небольшие сырцовые мавзолеи, расположенные в некрополях на окраинах городов и в степи.

Ключевые слова: средневековье, Поволжье, Золотая Орда, курганы, сырцовые оградки, мавзолеи.

Довольно многочисленную группу погребальных сооружений золотоордынского времени составляют так называемые подкурганые сырцовые оградки. Встречаются они обычно в могильниках, расположенных вблизи крупных золотоордынских городов, но могут быть и далеко в степи в составе курганных групп с типично кочевническими погребениями XIII–XIV вв. Чаще всего погребения с оградками находили при раскопках курганов, поэтому связывают их именно с курганным погребальным обрядом.

Впервые в качестве отдельного типа погребальных сооружений (насыпь типа VII) они были выделены Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966. С. 131). Работа “Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов”, изданная в 1966 г. на самой заре активного изучения золотоордынских древностей, на долгие годы стала классической. В то время погребения с оградками были представлены единичными экземплярами и только в Поволжье. Г.А. Федоров-Давыдов отмечает по одному такому погребению в курганных группах Скатовка 19, Подстепное 2, Калиновка 2, Калиновка 30, Старица 1, Максютново 4 (1966. С. 131). В настоящее время погребальные комплексы с сырцовыми оградками насчитываются десятками, если не сотнями, и их ареал значительно расширился. Прежде всего это район Нижнего Поволжья, в частности, могильники вокруг Царевского городища, такие как некрополь Царев, Зубовский, Маляевка, Бахтияровка, Ленинск I (Яворская, 1999. С. 250, 251; Мыськов, 2003), Абганерово (Дьяченко и др., 1995). В Астраханской обл. раскопан могильник

“301 км” (Шнадштейн, 1990), в котором оградки представлены большим разнообразием типов (рис. 1, 1–7; 2). Известны такие памятники в Заволжье и на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 62; Кригер, 1986. С. 121).

В последние годы большой массив погребений с сырцовыми оградками был исследован в Западном Казахстане в могильниках Караултобе I, Мокринский I, Жалпактал (рис. 1, 8–18) (Кригер, Марыксин, 2008; Марыксин, 2009, 2010, 2011, 2012а, б). В степном Предкавказье также выделяются погребальные сооружения из сырцового кирпича, близкие по планировке к оградкам Нижнего Поволжья. Наиболее полный обзор их приводится в работах Е.И. Нарожного, Н.А. Охонько (2007. С. 31) и В.А. Бабенко (2012. С. 193). Судя по описаниям, сырцовые оградки были найдены А. Фирковичем в середине XIX в. на территории Пятигорья, Г.Н. Прозрителевым в начале XX в. у с. Кугульта, П.С. Рыковым в 1929 г. в Яшкульском р-не Калмыкии и Е.И. Крупновым в 1948 г. в Нижне-Акташском курганном могильнике в Кабардино-Балкарии. При работе с отчетами В.Н. Чхаидзе (2010) обнаружил в профиле бровки одного из курганов могильника Балабинский I, раскопанного в Ростовской обл. в 1976 г., остатки сырцового сооружения, большая часть которого была разрушена техникой.

Сырцовые оградки довольно многочисленны, но подробно описывать их не имеет смысла, так как конструкция их однотипна. Чаще всего это квадратные или круглые в плане сооружения, стенки которых сложены из сырцов различного формата.

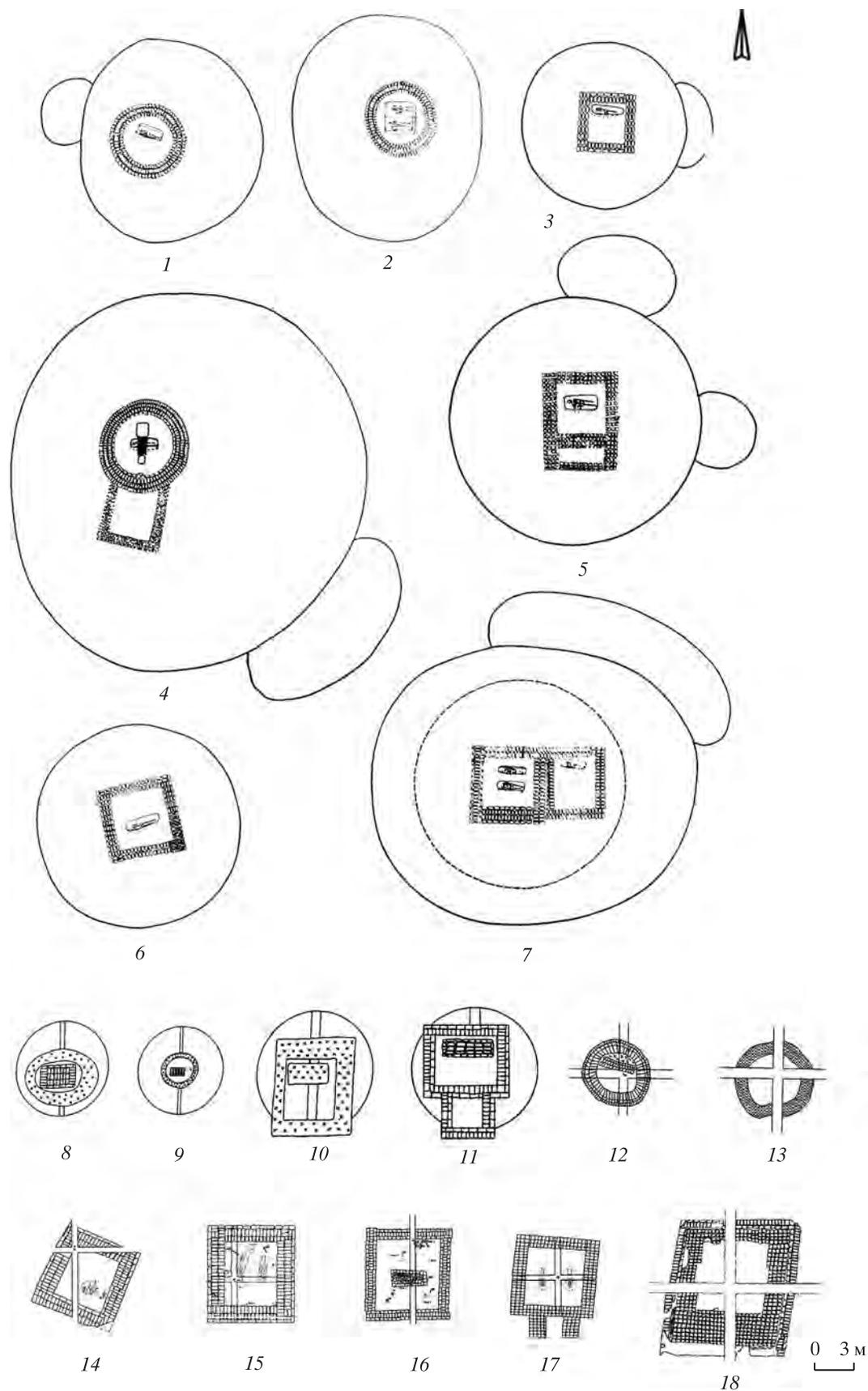

Рис. 1. Сырцовые ограды. 1–7 – могильник “301 км” в Астраханской обл.; 8–13 – могильник Караултобе I в Западном Казахстане; 14–18 – могильник Мокринский I в Западном Казахстане (по: Шнадштейн, 1990; Кригер, Марьксин, 2008).

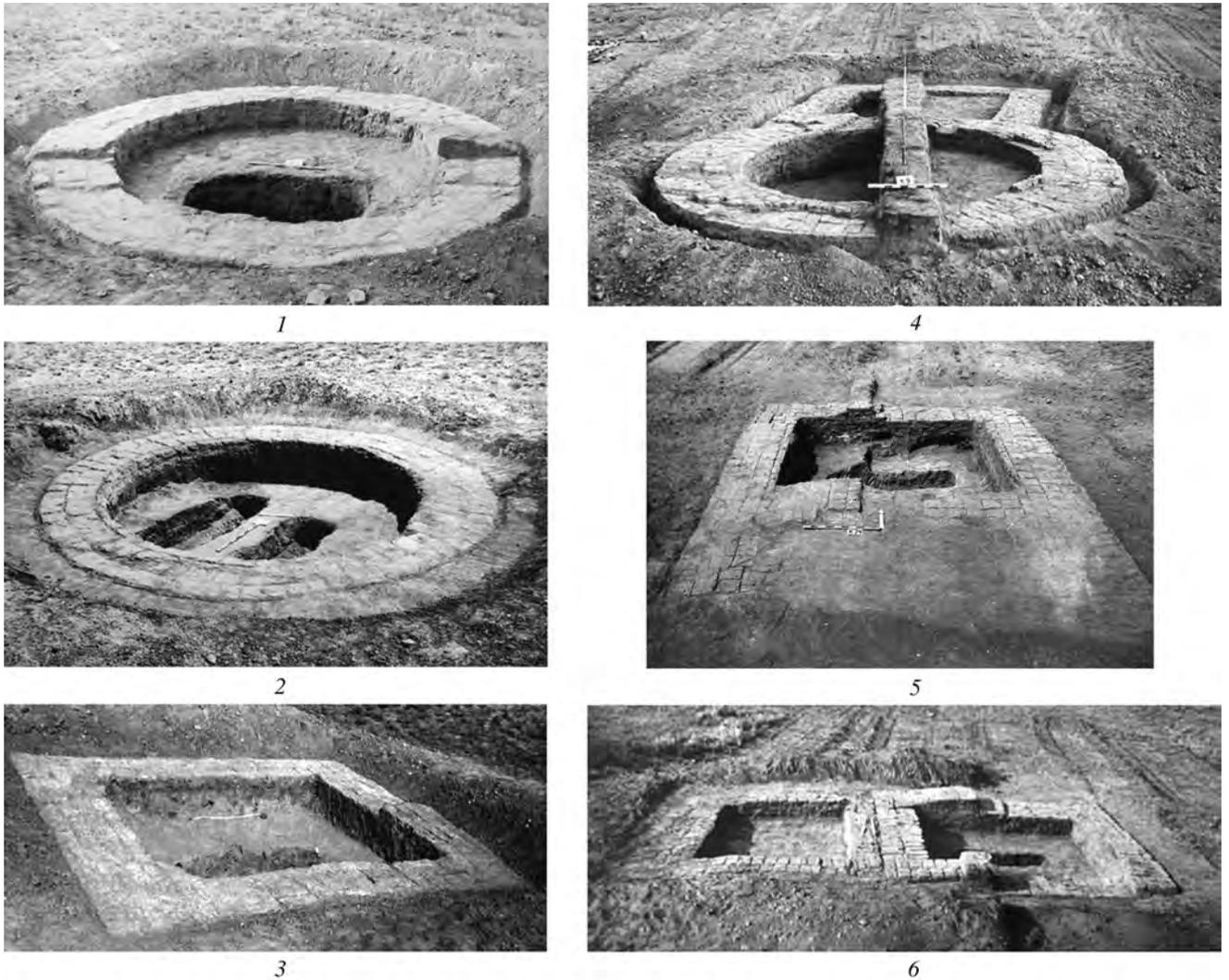

Рис. 2. Сырцовые оградки в могильнике “301 км” в Астраханской обл. 1, 2 – круглые в плане; 3 – квадратная в плане; 4–6 – сложной планировки (по: Шнадштейн, 1990).

Бывают оградки и более сложной формы. Подробно типы планировки будут рассмотрены ниже.

Большинство исследователей, изучая подкурганные оградки, не анализировали их как архитектурные сооружения, а рассматривали их только с точки зрения погребального обряда. Только А.И. Ракушин попытался создать классификацию оградок, выделив 12 типов (1993). В свою очередь среди этих типов автор выделяет три этапа генезиса погребальных сооружений, которые, по его мнению, свидетельствуют о распространении ислама среди кочевнического населения. Классификация А.И. Ракушина, а еще более его генетические разработки были подвергнуты критике Е.П. Мыськовым (2003. С. 224, 225). Этот исследователь считает, что оградки являются погребальными памятниками оседлого населения Золотой Орды, а типы соору-

жений, относимые А.И. Ракушиным к разным этапам, существовали.

Кроме соображений, высказанных Е.П. Мыськовым, следует также отметить, что классификация А.И. Ракушина представляется плохо разработанной и чересчур громоздкой, а выделение признаков не всегда обоснованным. Все таксоны в этой классификации названы типами, что не верно. Следуя общей форме плана сооружения, можно было выделить две группы построек: круглые и квадратные (прямоугольные) в плане, а уже внутри них выделять типы. Также неправомерно смешение деревянных сооружений и собственно сырцовых. Сырцовые сооружения могут иметь различную конструкцию: плоские “площадки”, полностью вымощенные сырцовым кирпичом, и “оградки”, сооружения, имеющие стенки, возвышающиеся над уровнем древнего горизонта. Одним из признаков

выделения типов для А.И. Ракушина был материал, которым вымощено пространство внутри оградки. Этот признак также не определяющий с точки зрения архитектурно-конструктивных особенностей. И, наконец, представляется неверным выделение в отдельный тип двух независимых оградок, найденных в одном кургане. Наличие двух оградок, скорее всего, свидетельствует о одновременности их возведения.

Был предложен другой вариант классификации (Дворниченко, Зиливинская, 2006; Зиливинская, 2009). В курганах зафиксированы и конструкции из дерева, поэтому они также включены в нее. Были выделены группы сооружений, выполненных из различного материала: сырца и дерева. Каменные сооружения, распространенные в золотоордынское время на Южном Урале, не рассматривались, однако в принципе их включение также возможно. Сырцовые сооружения делятся на два отдела: площадки и оградки. Основным признаком, по которому выделяются типы, – форма сооружения в плане. При наличии пристроев к основному объему сооружения выделяются подтипы. В настоящей работе рассматриваются только сырцовые оградки.

Этот отдел представлен наибольшим многообразием типов памятников. Оградки обычно складывались из сырцовых кирпичей разного формата. Толщина кладки составляла от 2 до 5 рядов кирпичей. Прослеженная высота кладки оградок в некоторых случаях достигала шести–восьми слоев кладки. Пространство внутри оградки могло быть обмазано глиной или выложено сырцовым кирпичом. Внутри оградки часто находят надгробия типа “мастаба” или “сагона”, но может быть и простое погребение в яме.

Тип 1 – круглая в плане оградка. Такие сооружения известны в могильниках Зубовка, Бахтияровка, Царев, Маляевка VI в Волгоградской обл. (Мамонтов, 1992; Кригер, 1986; Мыськов, 1989, 2003), в могильнике “301 км” в Астраханской обл. (Шнадштейн, 1990), на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 46), в Западном Казахстане (Кригер, Марыксин, 2008).

Подтип 1А – круглая в плане оградка с квадратным пристроем. Такая оградка была найдена в могильнике “301 км” (Шнадштейн, 1990). Погребение находилось внутри круглой оградки, а квадратное сооружение было пустым.

Тип 2 – восьмиугольная (многоугольная) в плане оградка. Первоначально такими оградками считались два сооружения из могильника Кривая Лука (Дворниченко, Зиливинская, 2006; Зиливинская, 2009). Анализ их планировки и совершенной строи-

тельной техники привел к выводу, что это пирамидальные мавзолеи.

Тип 3 – квадратная (прямоугольная, близкая к квадрату) в плане оградка. Наиболее часто встречающийся тип, известен в могильниках Зубовка, Абганерово, Царев, Маляевка VI в Волгоградской обл. (Мамонтов, 1992; Дьяченко и др., 1993; Мыськов, 1989, 1990, 2003), в могильнике “301 км” в Астраханской обл. (Шнадштейн, 1990), на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 46).

Подтип 3А – квадратная в плане оградка с квадратным пристроем меньшего объема. Такие сооружения известны на Южном Урале, в Западном Казахстане (Иванов, Кригер, 1988. С. 46; Кригер, Марыксин, 2008).

Подтип 3Б – квадратная в плане оградка с пристроенными выступающими стенками, т.е. как бы с квадратным пристроем без передней стенки. Конструкции известны в Западном Казахстане (Марыксин, 2010, 2012а).

Тип 4 – прямоугольная в плане оградка – зафиксирован в могильниках Зубовка, Абганерово, Царев (Мамонтов 1992; Дьяченко, Блохин, Шинкарь, 1993; Мыськов 1990), Мокринский I в Западном Казахстане (Марыксин, 2010, 2012а).

Подтип 4А – прямоугольная в плане оградка, разделенная поперечной стенкой на две части: большую, квадратную в плане, и меньшую, прямоугольную. Погребение располагается в большей части, а меньшая остается пустой. Подтип 4А возник, скорее, не из типа 4, а из типа 3, т.е. к квадратной оградке было пристроено еще одно “помещение”. Такой план имеет, например, сооружение в могильнике “301 км” (Шнадштейн, 1990. С. 25–27).

Подтип 4Б – такого же плана, как 4А, но меньшее “помещение” не имеет передней стенки (Ракушин, 1993. С. 170).

Как уже упоминалось, в настоящее время нет единого мнения о происхождении погребальных сооружений в виде сырцовых площадок и оградок золотоордынского времени.

Традиция сакрализации пространства вокруг захоронения путем сооружения оградок памятников уходит корнями в глубокую древность. В Центральной Азии оградки вокруг погребений возникают еще в эпоху бронзы. В скифское время они приобретают функции чисто поминальных сооружений, т.е. сакральным становится пространство не вокруг могилы предков, а посвященное их памяти (Овчинникова, 2000. С. 15). Широкое распространение получают оградки в погребально-поминальных обрядах тюрок. Для погребального

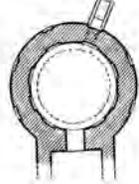
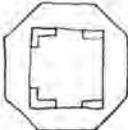
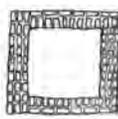
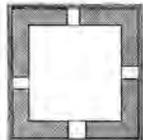
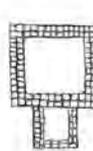
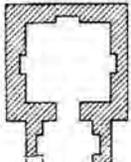
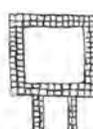
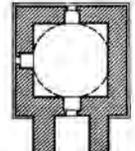
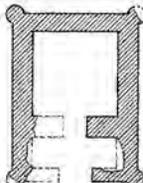
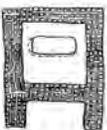
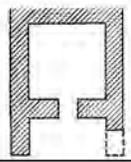
Оградки	Мавзолеи
1 	
1 А 	
2 	
3 	
3 А 	
3 Б 	
4 	
4А 	
4 Б 	

Рис. 3. Классификация сырцовых оградок (типы 1–4) и сопоставление их планировки с мавзолеями (по: Дворниченко, Зиливинская, 2006).

обрядя алтайских тюрок VI–VII вв. характерны захоронения под плоскими каменными выкладками и внутри каменных колец (Могильников, 1981. С. 32, 33). В это же время в Туве известны округлые каменные выкладки и поминальные сооружения типа курганов и каменных оградок. Тюрки-туго также сооружали округлые каменные выкладки и квадратные и прямоугольные оградки. Памятники такого рода известны на огромной территории, включающей Алтай, Монголию, Северный Китай, Киргизию, Северный и Восточный Казахстан (Кызласов, 1969. С. 23; Могильников, 1981. С. 34). Эти оградки носили чисто поминальный характер и не содержали погребений. Интересно, что в Туве был открыт поминальный деревянный храм в виде восьмигранной юрты (Кызласов, 1969. С. 33; Могильников, 1981. С. 35). В курганах кимаков по периметру сооружались прямоугольные или круглые каменные оградки (Могильников 1981. С. 43. Рис. 26, 2).

Очень ярко представлена традиция сооружения оградок вокруг погребений в Туве. Погребальные памятники культуры чаатас VI–IX вв. представляют собой квадратные или шестиугольные в плане мавзолеи, стенки которых уложены из плоских каменных плит. Само погребение перекрыто площадкой из плитняка. Снаружи эти сооружения окружены менгирами. Погребальные памятники рядового населения имеют сходную конструкцию, но без менгиров (Кызласов, 1981. С. 47. Рис. 28). Курганы с круглыми плоскими вымостками и оградками, но уже круглой формы продолжают существовать в тухтатской (IX–X вв.) и аскизской (X–XIV вв.) культурах (Кызласов, 1981. С. 55. Рис. 33, 191). На Южном Урале в XII–XIV вв. выделяются две группы курганов. В восточную группу входят курганы с каменными насыпями и кольцевыми выкладками, а в западную – земляные курганы, в которых часто присутствуют оградки из сырцового кирпича (Иванов, Кригер, 1988. С. 45–54).

Вполне логичным кажется предположение об общетюркском влиянии на сложение золотоордынских погребальных памятников. В первую очередь это относится к деревянным юртообразным сооружениям. Что касается так называемых оградок, здесь ситуация несколько иная. Необходимо отметить, что планировка большинства типов оградок имеет аналогии среди синхронных им по времени мавзолеев, исследованных в городах Золотой Орды и вообще в мусульманских странах (рис. 3).

Тип 1. В городах Золотой Орды также существовали круглые в плане мавзолеи, например среди построек Маджара (Зиливинская, 2010. С. 55, 56; 2011. С. 151, 152; Зиливинская, Васильев, 2012.

С. 88–90). Круглые в плане постройки широко распространены среди башенных мавзолеев Азербайджана (Усейнов и др., 1963. С. 145; Бретаницкий, 1966. С. 110–115, 180–185) и Малой Азии (Hillenbrand, 1994. P. 306–308, 541, 542; Stierlin, 1998. P. 50). Подтип 1А представлен теми же круглыми в плане мавзолеями, но с выступающим за пределы основного объема порталом. Такие мавзолеи есть в Иране (Hillenbrand, 1994. P. 529) и Средней Азии (Пугаченкова, 1958. С. 292–298).

Тип 2. В пределах Золотой Орды многогранные мавзолеи известны на Северном Кавказе, в Маджаре, Масловом Куте, между станциями Эссентуки и Белый Уголь (Палимпсестова, Рунич, 1974; Зиливинская, 2010. С. 55, 56; 2011. С. 151, 152; Зиливинская, Васильев, 2012. С. 88–90), а также в западных районах Золотой Орды – в Крыму и Поднепровье (Палимпсестова, Рунич, 1974; Засыпкин, 1927. С. 124–126; Ельников, 2013. С. 128).

Многогранные в плане башенные мавзолеи имели широкое распространение в разных мусульманских странах. Наиболее известные здания этого типа в Азербайджане – следующие мавзолеи: Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани Момине-хатун (XII в.); в с. Ханега; Гюлистан в с. Джуга (XII–XIII в.); в с. Дермичлер (XIV в.) и др. (Усейнов и др., 1963. С. 80–104, 127–162; Бретаницкий, 1966. С. 96–199). Широчайшее распространение получили башенные мавзолеи в Малой Азии в сельджукское время. В качестве примера можно привести Денер Кюмбет в Кайзери (XIII в.), мавзолеем Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худаент Хатун Тюрбеи в Нигде (XIV в.) и др. (Stierlin, 1998. P. 50–53; Hillenbrand, 1994. С. 306–311, 540–542). Происходят мавзолеи этого типа из Ирана (Hillenbrand, 1994. P. 283–286, 527–529).

Круглыми или многоугольными в плане могут быть и пирамидальные (конические) мавзолеи, широко распространенные в Западном и Центральном Казахстане с VIII–IX вв. вплоть до современности (Пугаченкова, 1949; Ажигали, 2002. С. 226–231; Кожа, 2011). Д.В. Марыксиным была найдена “подкурганная ограда” нового типа. Сырцовые стенки ее ступенчато сужаются кверху (Марыксин, 2011. С. 221–226). Вполне возможно, что это сооружение представляет собой квадратный в плане пирамидальный мавзолей.

Тип 3. Квадратные в плане мавзолеи с одним помещением найдены в городах Золотой Орды. К этому типу относятся следующие мавзолеи: на Мечетном городище (Баллод, 1923. С. 23–27); № 1 и 2 на Водянском городище (Егоров, 1980); № 1 и 2 на VIII раскопе Селитренного городища (Федоров-

Давыдов и др., 1976. С. 62–68); Малый Кешене на Урале (Боталов и др., 1995).

Мавзолеи квадратного плана широко распространены в Средней Азии. К этому типу относятся мавзолей дочери Исхак-ата в Фудине под Карши (XI в.), Мир Сеид Бахром в Кермине (Маньковская, 1971. С. 40, 41), Ярты-гумбез возле городища Серахс (XIII в.), Худай-Назар-овлия возле Байрам Али (X–XII вв.) (Пугаченкова, 1958. С. 286, 310–313), Араб-Ата в селении Тим (X в.) (Пугаченкова, 1963), Халифа Ерекен в Миздархане (IX–X вв.), мавзолеем Фахраддина Рази в Куня Ургенче, Средний мавзолей Узгента (Якубовский, 1930. С. 45; Засыпкин, 1948. С. 45–63).

Подтипы 3А и 3Б по планировке напоминают квадратные в плане сооружения с выступающим порталом. В Золотой Орде к этому типу относятся следующие мавзолеи: № 4 на VIII раскопе Селитренного городища (Федоров-Давыдов и др., 1977. С. 52–58. Рис. 31); Монастырский погреб, Церковь св. Николая и Ханская усыпальница, а также № 1–4 в Болгаре (Аксенова, 2001); № 3 в Мохше (Алихова, 1973. С. 234, 235); Хусейн бека и Тура хана в Башкирии (Калимуллин, 1956. С. 5, 6, 13, 14); мавзолеи в Маджарах, известные по рисункам; № 2 и № 5 возле Эссентуков (Ртвеладзе, 1969. С. 263, 264; Палимпсестова, Рунич, 1974) и др.

Тип 4 не типичен для планировки мавзолеев, так как они всегда имеют купольное перекрытие, которое требует квадратного или близкого к квадрату плана. Однако мавзолеем 2 на Водянском городище имел довольно вытянутые пропорции (Егоров, 1980).

Подтип 4А. На сходство планировки оградок типа 4А с двухкамерными мавзолеями указывал А.И. Ракушин (1993. С. 173). Такие мавзолеи обычно состоят из двух помещений: основного, где совершаются захоронения, и комнаты для оплакивания. По-персидски они называются “гур-хана” и “зиорат-хана”. Подобную планировку имеют следующие мавзолеи: № 3 на Водянском городище (Егоров, 1980); в Ахтубинском р-не Астраханской обл. (Шнадштейн, 1990. С. 14–17. Рис. 10); № 4 и 5 в Мохше (Алихова, 1973. С. 234–236); № 2 и 3 у пос. Тепляри в Оренбургской обл. (Попов, 1971. С. 141–143); № 1 на городище Жайык (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005) и № 3 у Эссентуков (Палимпсестова, Рунич, 1974). Мавзолеи в Ахтубинском р-не и у Эссентуков имели по углам трехчетвертные колонны.

Мавзолеи, напоминающие по планировке оградки типа 4Б, также известны в Золотой Орде. Это мавзолеи Атчергат в Казахстане (Боталов, Гарусто-

вич, Яминов, 1995. С. 148–150), № 1 возле Ессентуков (Палимпсестова, Рунич, 1974) и № 1 в Солхате (Крамаровский, 1985). Точные аналогии этому типу планировки в других регионах не известны. Здания этого типа напоминают двухкамерные беспортальные мавзолеи, только у них отсутствует фасадная стена. Возможно, широкий айван также мог служить своеобразным помещением для оплакивания (зиорат-ханой).

Таким образом, так называемые подкурганные сырцовые оградки по своей планиграфии идентичны мусульманским мавзолеям как в городах Золотой Орды, так и в других странах мусульманского Востока. Представляется, что сходство это отнюдь не случайно. На связь сырцовых оградок с городской мусульманской культурой указывали многие исследователи. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что оградки появляются в кочевнической среде как результат влияния золотоордынских погребальных обрядов, принятых в городах (1966. С. 202). Исследуя могильники окрестностей Царевского городища, Е.П. Мыськов пришел к выводу, что большая часть памятников с оградками оставлена представителями оседлого населения Золотой Орды, а не группами кочевников, связанных с традициями городской культуры (Мыськов, 2003. С. 223). Исследователь считает, что сама идея возведения построек из кирпича могла зародиться только в умах людей, связанных с городским строительством.

Пытаясь примирить различные точки зрения и не решаясь полностью отвергнуть авторитетное и уже устоявшееся мнение Г.А. Федорова-Давыдова, ранее предпринималась попытка связать золотоордынские сырцовые оградки одновременно с погребальными и поминальными оградками тюркских народов и мусульманскими мавзолеями (Дворниченко, Зиливинская, 2006. С. 289; Зиливинская, 2009. С. 136). В процессе дальнейшего изучения этих сооружений взгляд на них несколько изменился. Рассмотрим, что же представляют собой “подкурганные сырцовые оградки”.

Прежде всего необходимо выяснить, имели ли эти сооружения курганную насыпь. Понятие “курган” рассматривается в археологическом значении, т.е. как специально сооруженная насыпь над одним или несколькими погребениями (Брей, Трамп, 1990. С. 128, 129). Впервые оградки были обнаружены при раскопках курганных могильников, часто расположенных в степи, далеко от поселений. Поэтому они рассматривались как курганы, содержавшие в насыпи сырцовые конструкции.

При раскопках многих оградок в насыпи “курганов” часто находят обломки обожженных кирпичей, известкового раствора, алебастровой обмазки

и изразцов. Присутствие их в кургане с трудом поддается объяснению, но вполне естественно на месте разрушенных мавзолеев. Противники гипотезы о наличии перекрытий у данных погребальных памятников говорят о том, что внутри оградок и вокруг них нет мощных завалов сырцового кирпича. Но при раскопках небольших сырцовых мавзолеев в городах Золотой Орды явно выраженные завалы также часто не наблюдались (например, на XIII раскопе Селитренного городища). “Курганы”, в которых были найдены “оградки”, являются не курганами, а просто расплывшимися сырцовыми постройками. Большое количество таких холмиков, оставшихся от самопроизвольно разрушившихся сырцовых мазаров и разобранных кирпичных мавзолеев, было исследовано в окрестностях Селитренного городища и на самой его территории (Гончаров, Рудаков, 2004). Высота их обычно не превышает 0.3–0.5 м. Кстати, публикуя “оградки” могильника Маляевка VI в северо-западном пригороде Царевского городища, Е.П. Мыськов также не называет раскапываемые возвышенности курганами, а именует их холмами (1989). Процесс постепенного превращения сырцовых построек в небольшие холмики можно наблюдать на некрополях XVIII–XIX вв., например в Западном Казахстане (рис. 4).

Следует также отметить, что все “впускные” погребения, найденные в “курганах с оградками”, прослеживались только с уровня материка, т.е. это были грунтовые могилы, которые не были впущены в “насыпь”, а оказались под ней после разрушения построек. Это отмечает, в частности, Е.В. Шнадштейн (1990. С. 12, 14, 17, 19), пребывая при этом в полной уверенности, что исследованный ею памятник представляет собой курганную группу. В 2013 г. пришлось быть свидетелем раскопок “кургана” с оградкой на могильнике Жалаптал в Западном Казахстане. После полного снятия “насыпи кургана” и расчистки сооружения на уровне материка раскопщики обнаружили большое количество “впускных погребений”. Естественно, возник вопрос, куда именно были впущены эти погребения. Судя по стратиграфии, это были грунтовые погребения, окружавшие квадратную в плане конструкцию. Под “насыпь” они попали гораздо позднее.

Наличие оградки в курганной насыпи можно объяснить общетюркскими традициями. Но тогда непонятно, зачем в сооружении, перекрытом насыпью, нужно мостить пол сырцовым кирпичом или обмазывать глиной. В могильнике Мокринский I одна из оградок была снаружи покрыта слоем известкового раствора, т.е. оштукатурена (Марыксин, 2011. С. 221). Трудно объяснить также возведение

Рис. 4. Некрополь Карашугтыл в прикаспийских Каракумах XVIII–XX вв. (по: Ажигали, 2002).

внутри оградок надгробий типа мастаба или сагона, кстати говоря, чисто мусульманских. Наружная и внутренняя отделка, надгробия более естественны для сооружений, имеющих перекрытие, а не предназначенных для засыпки землей.

Пытаясь ликвидировать это противоречие, ряд исследователей выдвигали гипотезу о том, что оградки некоторое время стояли открыто, посещались родственниками, которые могли совершать там какие-то обряды (вероятно, зиорат), а потом их перекрывали насыпью (Дворниченко и др., 1978; Васильев, 2006. С. 212). Этнографически такие погребальные обряды никак не прослеживаются, и логичнее было бы предположить образование “кургана” естественным путем.

Курганной версии также противоречит отсутствие вокруг “курганов с оградками” кольцевых ровиков. Ровиков или нет вообще или, как в большинстве “курганов” могильника “301 км”, они представляют собой ямы подовальной в плане формы с одной стороны “насыпи” (Шнадштейн, 1990). Эти ямы не были ровиками, а скорее служили для добычи глины, из которой изготавливались сырцовые кирпичи.

Вообще, раскопки могильника “301 км” – это пример того, насколько сильными бывают стереотипы в сознании исследователей. Весь могильник воспринимался как курганная группа и копался по методике, принятой для раскопок курганов. В результате в курганах были найдены погребения под насыпями и сырцовые “оградки” самых разных форм. В одном “кургане” находились остатки кирпичного двухкамерного мавзолея, декорированного

изразцами, а еще в нескольких “курганах” – горн для обжига кирпичей, печь для отжига извести, землянки и хозяйственные ямы (Шнадштейн, 1990). Д.В. Марыксин также пишет о том, что “один из курганов [могильника Мокринский I] представлял собой кирпичеобжигательную печь” (2010. С. 312). Воистину, иногда вспоминается XIX в., когда курганом назывался любой холм и археологи занимались “разрытием курганов”.

Совершенно очевидно, что “курганная группа 301 км” представляла собой некрополь, центром которого был большой кирпичный мавзолей. Кирпичи для его возведения изготавливались на месте, здесь же отжигалась известь для изготовления раствора. Строители мавзолея временно проживали в землянках. На некрополе вокруг большого мавзолея были построены маленькие, сырцовые.

Далее рассмотрим, что же представляли собой сами сырцовые оградки. Л.В. Яворской было высказано осторожное предположение, что оградки вообще могли служить основаниями не дошедших до нас купольных сооружений типа “тюрье” или “гумбез” (1999. С. 251). Удивительно, что эта гипотеза долгое время не получала никакого развития. При изучении оградок бросается в глаза довольно значительная толщина их стен. Стены всегда сложены в несколько рядов кирпичей, и толщина их может достигать 1 м. Совершенно не понятно, зачем нужны столь мощные стены в постройке, которая предназначена для того, чтобы быть засыпанной землей. В то же время возведение купола требует достаточной толщины стен. Остатками перекрытия, вероятно, является “накидка из сырцовых

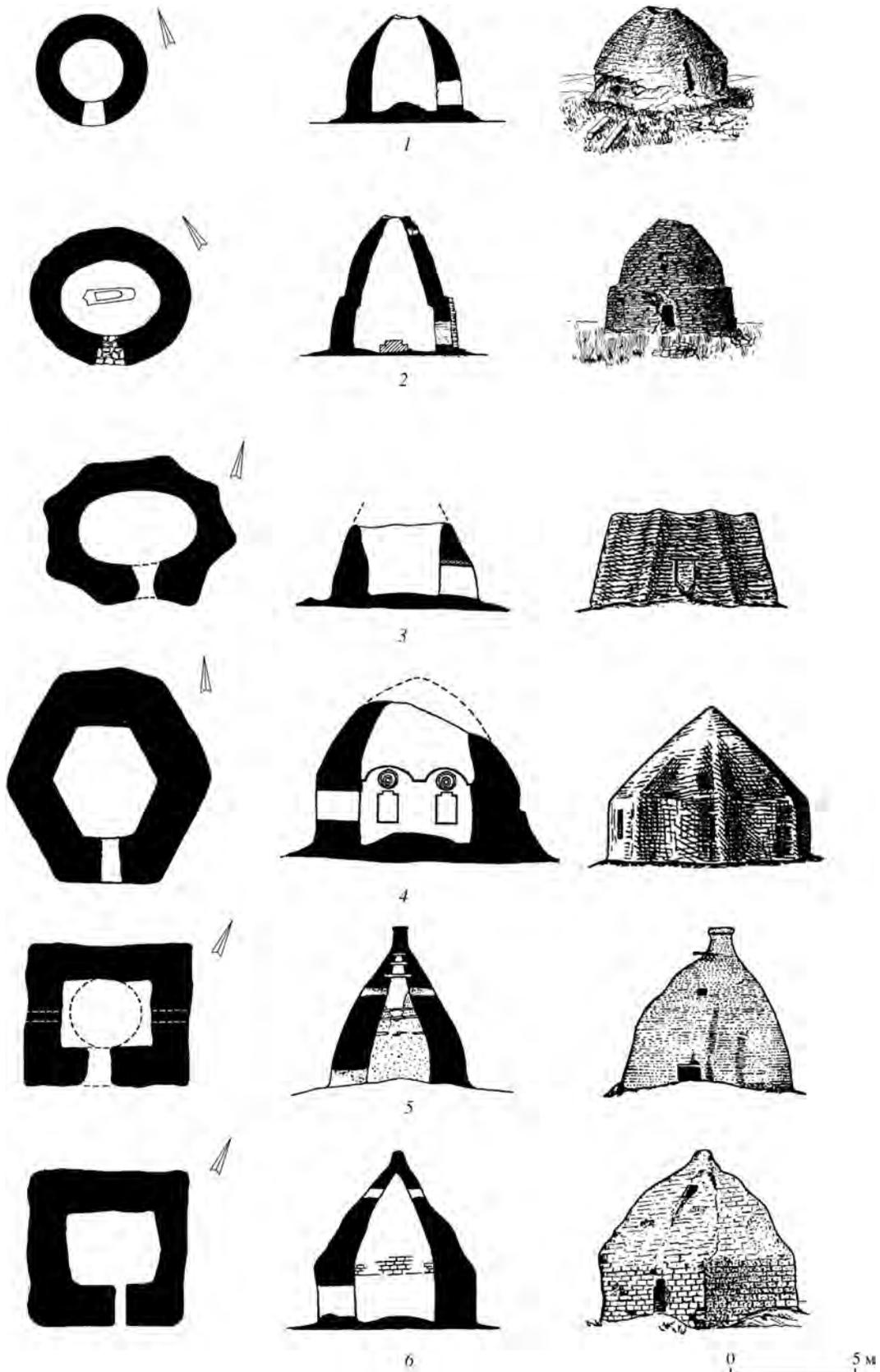

Рис. 5. Сырцовые мавзолеи некрополей Западного Казахстана. 1, 2 – круглые в плане; 3, 4 – многогранные; 5, 6 – квадратные в плане (по: Ажигали, 2002).

1

2

3

4

5

Рис. 6. Сырцовые мавзолеи некрополей Западного (фото автора) и Центрального Казахстана (по: Хабдулина и др., 2011). 1, 3 – сельские некрополи Кызылординской обл.; 2 – некрополь Абат Байтак в Актюбинской обл.; 4 – мавзолей Абай; 5 – мавзолей Агаш Бадайык № 1.

1

2

3

4

5

6

Рис. 7. Мавзолеи XIX в. Западного Казахстана с высоко расположенным входом (лазом). 1 – Омар-Тур; 2 – Мамышказган; 3 – Нурмагамбет; 4 – некрополь Уали; 5 – некрополь Ешкикурган; 6 – некрополь Сисем-Ата (фото М. Калменова).

кирпичей и плит” внутри круглых оградок типа А2 по А.И. Ракушину (1993. С. 170, 171). Именно так обычно выглядит купол, провалившийся внутрь помещения.

В пользу того, что оградки представляют собой небольшие сырцовые мавзолеи свидетельствует прежде всего полная идентичность их планировки с большинством типов мавзолеев. Если не принимать это обстоятельство во внимание, создается двойственная ситуация: сооружения одного и того же плана, раскопанные в городах, считаются мавзолеями, а исследованные в степи – подкурганными оградками.

Этой версии противоречит отсутствие входных проемов у большинства круглых или квадратных в плане сооружений. Можно было бы предположить, что это бескурганные погребения в оградках типа “торткулак”, хорошо известных в Западном Казахстане (Ажигали, 2002. С. 280–292). Но торткулаки всегда четырехугольные (прямоугольные и квадратные), что сразу исключает из их числа все круглые оградки. Круглыми в плане на казахстанских некрополях бывают только сырцовые мавзолеи (рис. 5; 6). Кроме того, при разрушении оградок без перекрытия в центре образовавшегося холмика должно быть понижение так же, как и по краям. Золотоордынские погребальные сооружения представлены “курганами” в бытовом значении этого слова, т.е. холмами без понижения в центре.

Отсутствие “входов” в сырцовые мавзолеи, от которых остались только замкнутые периметры стен, можно легко объяснить, если обратиться к данным этнографии. Многие небольшие мавзолеи степных некрополей Западного Казахстана имеют не вход, а небольшой лаз, расположенный достаточно высоко от земли (рис. 7). Исследователи обычно имеют дело только с нижней частью стен, поэтому лаз этот оказывается уже разрушенным.

Как уже упоминалось, отделка стен и полов, а также наличие надгробий также характерно для мавзолеев как архитектурных сооружений и не находит объяснения при сооружении курганной насыпи. Тем не менее зачастую исследователи трактуют остатки мавзолеев со всеми присущими им признаками как “подкурганые оградки”. Яркий пример такого странного восприятия – публикация мавзолея в Новопавловском могильнике (Нарожный, Охонько, 2007). Здание представляло собой большой (11 × 8.6 м) мавзолеем с хорошо выраженным мощным порталом и входом, который вел в усыпальницу (рис. 8). Пол помещения был вымощен сырцовым кирпичом. Не совсем понятно, как сооружение такого плана вообще можно называть оградкой, так как оно ничего не огораживает.

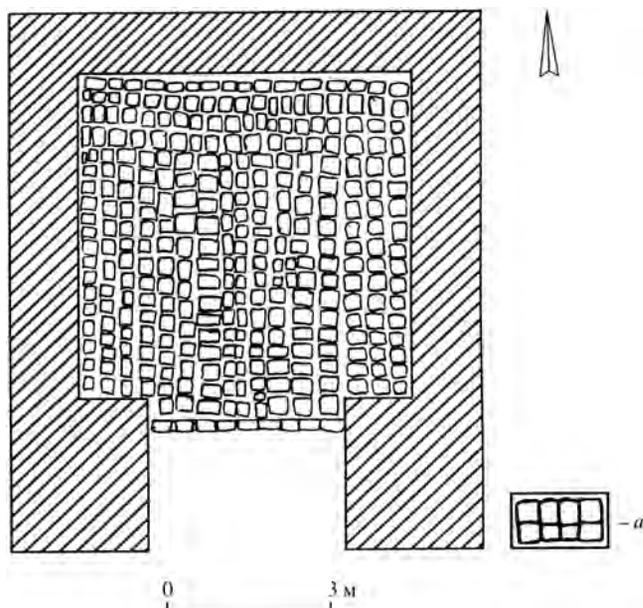

Рис. 8. “Сырцовая подкурганная оградка” в Новопавловском могильнике. Условное обозначение: а – сырцовый кирпич (по: Нарожный, Охонько, 2007).

Е.И. Нарожный и Н.А. Охонько пишут о том, что сооружение в Новопавловке нельзя считать мавзолеем, так как мавзолеем возводился над землей, а не под курганной насыпью (2007. С. 27). Это довольно странный вывод, так как большинство исследуемых архитектурных объектов археологи вынуждены выкапывать из земли. Если следовать этой логике, то все они находятся под курганами.

Публикуя погребальные сооружения из могильников Ставрополя В.А. Бабенко по традиции, на всякий случай, называет их оградками, хотя потом приходит к выводу, что они имели перекрытие и, следовательно, были мавзолеями (2013. С. 205, 206).

Таким образом, “подкурганые сырцовые оградки” – это археологический миф, от которого следует отказаться. Если рассматривать большую часть “оградок” как мавзолеев, то количество мемориальных памятников Золотой Орды удвоится. Конечно, существует ряд конструкций, которые нельзя однозначно интерпретировать как мавзолеи. К ним относятся сырцовые площадки, довольно тонкие (два ряда кирпичей) стенки, огораживающие большое пространство в могильниках “301 км” и Мокринский I (Шнадштейн, 1990; Марьксин, 2010) и некоторых других. Однако искать пути к пониманию назначения этих сооружений нужно в золотоордынских городах и городских некрополях, а не в кочевнических курганах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Гылым, 2002. 654 с.
- Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 200–217.
- Алихова А.Е.* Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–238.
- Бабенко В.А.* Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Донецк: Изд-во Донец. нац. ун-та, 2012. С. 193–231.
- Байпаков К.М., Смағұлов Е.А., Ахатов Ф.А.* Ортағасалық Жайық қала жұрты. Средневековое городище Жайык. The Medieval Jaiyk Site. Алматы: Stedo, 2005. 222 с.
- Баллод Ф.В.* Приволжские “Помпеи”. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 132 с.
- Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф.* Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа, 1995. С. 148–165.
- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Бретаницкий Л.С.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.: Вост. лит., 1966. 368 с.
- Васильев Д.В.* Статистический анализ золотоордынских захоронений в подкурганых оградках // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2006. № 1–2. С. 208–220.
- Гончаров Е.Ю., Рудаков В.Г.* Некрополи Селитренного городища и его окружи (предварительные итоги исследований) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез. докл. Волгоград, 2004. С. 285–289.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., Малиновская Н.В., Паромов Я.М.* Отчет о раскопках курганов в Черноярском и Енотаевском р-нах Астраханской обл. в 1978 г. // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 8538, 8538б.
- Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д.* Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2006. С. 281–303.
- Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А.* Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области / Ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Перемена, 1995. С. 78–90.
- Егоров В.Л.* Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. № 1. С. 74–90.
- Ельников М.В.* Охоронні дослідження золотоордынського міста “Кінські Води” // Старожитності ліво бережного подніпро’я. Київ; Полтава, 2013. С. 126–135.
- Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
- Засыпкин Б.Н.* Архитектура Средней Азии. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948. 158 с.
- Зиливинская Э.Д.* К вопросу о формировании погребальных сооружений населения городов Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 119–140.
- Зиливинская Э.Д.* Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2010. С. 52–69.
- Зиливинская Э.Д.* Еще раз о мавзолеях Маджара // От палеолита до средневековья / Ред. В.Л. Егоров. М., 2011. С. 149–156.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.* Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 83–93.
- Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.
- Калимуллин Б.Г.* Архитектурные памятники Башкирии. Вып. 1. Уфа, 1956. 50 с.
- Кожя М.* Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Мат. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы; Актобе, 2011. С. 259–264.
- Крамаровский М.Г.* Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 г. // Архив ИА Украины. 1985. № 1985/94.
- Кригер В.А.* Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 56–68.
- Кригер В.А., Марыксин Д.В.* Могильник Караултобе I (к вопросу о захоронениях в сырцовых оградках) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С. 194–208.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 90 с.
- Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. Тухятская культура древних хакасов (IX–X вв.). Аскизская культура (средневековые хакасы X–IV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981 (Археология СССР). С. 54–59, 200–208.
- Мамонтов В.И.* Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей / Ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1992. С. 27–43.

- Маньковская Л.Ю.* Архитектурные памятники Кашкада-рыи. Ташкент: Фан, 1971. 112 с.
- Марыксин Д.В.* Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 246–273.
- Марыксин Д.В.* Археологический комплекс времен Золотой Орды Мокринский I // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Мат-лы конф. Астрахань: Изд. дом “Астраханский университет”, 2010. С. 312–317.
- Марыксин Д.В.* Новые погребения в сырцовой оградке на территории Западного Казахстана // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Мат-лы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Астрахань, 2011. С. 221–226.
- Марыксин Д.В.* Комплекс сырцовых оградок у аула Айдархан // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012а. № 1. С. 111–119.
- Марыксин Д.В.* Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Изв. Самарского научного центра РАН. 2012б. Т. 14. № 3. С. 243–248.
- Могильников В.А.* Тюрки. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981 (Археология СССР). С. 29–45.
- Мыськов Е.П.* Отчет о раскопках могильника Царев, проведенного Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 14226, 14227.
- Мыськов Е.П.* Отчет о раскопках могильника Царев, проведенного Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15669.
- Мыськов Е.П.* Погребальные сооружения с кирпичными оградками могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2003. С. 216–236.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А.* Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7 / Ред. С.Н. Савенко. Армавир; Ставрополь, 2007. 176 с.
- Овчинникова Б.Б.* Культурные трансляции в центрально-азиатском регионе расселения древних тюрков в I тысячелетии нашей эры // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Мат. конф. Казань, 2000. С. 7–30.
- Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П.* О Ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. № 2. С. 229–238.
- Попов С.А.* Тайны пятимаров: очерки по древней и средневековой истории Оренбургских степей. Челябинск: Южно-Уральск. кн. изд-во, 1971. 191 с.
- Пугаченкова Г.А.* К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Тр. ЮТАКЭ. Вып. 1. Ашхабад, 1949. С. 57–77.
- Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Тр. ЮТАКЭ; Т. 6). 492 с.
- Пугаченкова Г.А.* Мавзолей Араб-ага. (Из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.) // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 2. Ташкент: Фан, 1963. 118 с.
- Ракушин А.И.* Подкурганые кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье // Археологические вести. Саратов, 1993. С. 170–175.
- Ртвеладзе Э.В.* Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА. 1969. № 4. С. 262–267.
- Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А.В.* История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963. 640 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М.* Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище в Астраханской обл. в 1976 г. // Архив ИА РАН. 1976. Р-1. № 6168.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т.* Отчет о раскопках Селитренного городища в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6687, 6687а.
- Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А., Калдырбаев М.С., Сакенов С.К., Свиридов А.Н.* Культурные памятники Тенгиз-Коргалжинской впадины. Астана, 2011. 208 с.
- Чахидзе В.Н.* Погребальное сооружение XIV в. с сырцовой оградкой в Ростовской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Магас, 2010. С. 359–362.
- Шнаидштейн Е.В.* Археологические памятники Астраханской области. Астрахань, 1990. 80 с.
- Яворская Л.В.* Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. С. 242–267.
- Якубовский А.Ю.* Развалины Ургенча // Изв. ГАИМК. Т. 6. Вып. 2. Л., 1930. 68 с.
- Hillenbrand R.* Islamic Architecture. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1994. 645 p.
- Stierlin H.* Turkey from the Selcuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.

WHAT ARE UNDERBARROW MUDBRICK ENCLOSURES OF THE 13th–14th cc. IN THE LOWER VOLGA REGION?

Emma D. Zilivinskaya

*Russian Academy of Sciences Institute of Ethnology and Anthropology,
Moscow (eziliv@mail.ru)*

The article deals with the so-called underbarrow mudbrick enclosures making up a fairly large body of funeral structures of the Golden Horde time. They have been linked to settled nomads influenced by the sedentary population of the Golden Horde cities. This assumption, however, seems to be untrue. These heavily shrunk mudbrick structures are by no means connected with nomads' barrows and by layout are akin to mausoleums. It seems likely therefore that they were small mudbrick mausoleums situated in cemeteries on the outskirts of the cities and on the steppes.

Keywords: the Middle Ages, Volga region, the Golden Horde, barrows, mudbrick enclosures.

REFERENCES

- Aksenova N.D.*, 2001. Arkheologicheskoye izucheniye mavzoleyev Yugo-vostochnoy i yuzhnoy chastey goroda Bolgara [Archaeological examination of mausoleums of the South-Eastern and Southern parts of the city Bulgar]. *Gorod Bolgar: Monumental'noye stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroystvo* [The city of Bulgar: monumental constructions, architecture and redevelopment]. G.A. Fedorov-Davydov, ed. Moscow: Nauka, pp. 200–217.
- Alikhova A.E.*, 1973. Mavzolei goroda Mokshsi-Narovchata [Mausoleums of Moksha-Narovchat town]. *SA [SA]*, 2, pp. 226–238.
- Azhigali S.E.*, 2002. Arkhitektura kochevnikov. Fenomen istorii i kul'tury Yevrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona) [Architecture of nomads. Phenomenon of history and culture of Eurasia (sites of Aral-Caspian region)]. Almaty: Gylym. 654 p.
- Babenko V.A.*, 2012. Pogrebeniya epokhi Zolotoy Ordy v syrtsovykh ogradkakh na territorii Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Burials of the Golden Horde epoch in raw fences on the territory of Central Ciscaucasia]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya* [European steppes in Middle Ages], 11. Donetsk: Izdatel'stvo Donetsk. nats. univ., pp. 193–231.
- Ballod F.V.*, 1923. Privolzhskiyе "Pompei" [Privolzhsky "Pompei"]. Moscow; Petrograd: Gos. izdatel'stvo. 132 p.
- Baypakov K.M., Smaǵlov Ye.A., Akhatov F.A.*, 2005. Ortaǵasalyq Zhayq kala zhūrty. Srednevekovoye gorodishche Zhayyq [Ортағасалық Жайық қала жұрты. Medieval Zhaiyq fortified settlement]. Almaty: Credo. 222 p.
- Botalov S.G., Garustovich G.N., Yaminov A.F.*, 1995. Novyye materialy po mavzoleyam Zaural'ya i Tsentral'nogo Kazhstana [New material on mausoleums of Trans-Urals and Central Kazakhstan]. *Naslediye vekov. Okhrana i izucheniye pamyatnikov arkheologii v Bashkortostane* [Heritage of centuries. Rescue and studying of archaeological sites in Bashkortostan], 1. Ufa, pp. 148–165.
- Bretanitsky L.S.*, 1966. Zodchestvo Azerbaydzhana XII–XV vv. i yego mesto v arkhitekture Perednego Vostoka [Architecture of Azerbaijan of 12–15 cc. and its place in the architecture of Western Asia]. Moscow: Vostochnaya literatura. 368 p.
- Brey U., Tramp D.*, 1990. Arkheologichesky slovar' [Archaeological Dictionary]. Moscow: Progress. 368 p.
- Chkhaidze V.N.*, 2010. Pogrebal'noye sooruzheniye XIV v. s syrtsovoy ogradkoy v Rostovskoy oblasti [Funeral building of 14 c. with raw fence in Rostov Oblast]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza: XXVI "Krupnovskiyе chteniya" po arkheologii Severnogo Kavkaza: tez. dokl.* [Problems of chronology and periodization of archaeological sites and cultures of the Northern Caucasus: XXVI "Krupnov readings" on the archaeology of the Northern Caucasus: reports' theses]. Magas: Arkheologichesky tsentr im. Ye.I. Krupnova, pp. 359–362.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., Malinovskaya N.V., Paramov Ya.M.*, 1978. Otchet o raskopkakh kurganov v Chernoyarskom i Yenotayevskom rayonakh Astrakhanskoy oblasti v 1978 g. [Report on the excavations of burial grounds in Chernoyarsk and Yenotayevsk Districts of Astrakhan Oblast in 1978]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of IA RAN], R-1, 8538, 8538b. (In Russian, unpublished).
- Dvornichenko V.V., Zilivinskaya E.D.*, 2005. Srednevekovyye pogrebal'nyye sooruzheniya iz mogil'nika Krivaya Luka v Astrakhanskoy oblasti [Medieval burial build-

- ing from the burial Krivaya Luka in Astrakhan Oblast]. *Nizhnevolzhsky arkheologichesky vestnik [Lower Volga Archaeological Bulletin]*, 7. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gos. universiteta, pp. 281–303.
- D'yachenko A.N., Blokhin V.G., Shinkar' O.A., 1995. Arkheologicheskiye issledovaniya u s. Abganerovo Oktyabr'skogo rayona Volgogradskoy oblasti [Archaeological researches near village Abganerovo Oktyabrsky District Volgograd Oblast]. *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya v Volgogradskoy oblasti [Archaeological and Ethnographical researches in Volgograd Oblast]*. B.F. Zhelezchikov, ed. Volgograd: Peremena, pp. 78–90.
- Fedorov-Davydov G.A., Bulatov N.M., Guseva T.V., Yegorov V.L., Yablonsky L.T., 1977. Otchet o raskopkakh Selitrennogo gorodishcha v 1977 g. [Reports on excavations of Selitrennoye fortified settlement in 1977]. *Arkhiv IA RAN [Archive of IA RAN]*, R-1, 6687, 6687a. (In Russian, unpublished).
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov [Nomads of Eastern Europe under the power of the Golden Horde khans]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 276 p.
- Fedorov-Davydov G.A., Yegorov V.L., Yablonsky L.T., Bulatov N.M., 1976. Otchet Povolzhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh na Selitrennom gorodishche v Astrakhanskoy oblasti v 1976 g. [Reports on excavations of Selitrennoye fortified settlement in Astrakhan Oblast in 1977]. *Arkhiv IA RAN [Archive of IA RAN]*, R-1, 6168. (In Russian, unpublished).
- Goncharov Ye.Yu., Rudakov V.G., 2004. Nekropoli Selitrennogo gorodishcha i yego okrug (predvaritel'nyye itogi issledovaniya) [Necropolises of Selitrennoye settlement and its neighborhood]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya: I Mezhdunar. Nizhnevolzhskaya arkheol. konf.: tez. dokl. [Problems of Lower Volga Archaeology: I Int.l Lower Volga archaeol. conf.: reports' theses]*. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gos. universiteta, pp. 285–289.
- Hillenbrand R., 1994. *Islamic Architecture*. N. Y.: Columbia Univ. Press. 645 p.
- Ivanov V.A., Kriger V.A., 1988. Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) [Burial grounds of Kipchak period on the Southern Ural (12–14 cc.)]. Moscow: Nauka. 92 p.
- Kalimullin B.G., 1956. Arkhitekturnyye pamyatniki Bashkirii [Architectural sites of Bashkiria], 1. Ufa: Bashchkiyskoye knizhnoye izdatel'stvo. 50 p.
- Khabdulina M.K., Kozhamzharov K.T., Yarygin S.A., Kaldyrbayev M.S., Sakenov S.K., Sviridov A.N., 2011. Kul'tovyye pamyatniki Tengiz-Korgalzhinskoy vpadiny [Gult monuments of the Tengiz-Korgalzhin depression]. Astana. 208 p.
- Kozha M., 2011. Monumental'nyye drevnetyurkskiye sooruzheniya Kazakhstana [Monumental ancient Turks constructions of Kazakhstan]. *Aralo-Kaspiysky region v istorii i kul'ture Yevrazii: materialy konf.i, posvyash. 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan [Aral-Caspian region in history and culture of Eurasia: Proceed. devoted to 20th anniv. of the Independence of the Republic of Kazakhstan]*. Almaty; Aktobe, pp. 259–264.
- Kramarovskiy M.G., 1985. Otchet o polevykh issledovaniyakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Stary Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiyey Gosudarstvennogo Ermitazha v 1985 godu [Report on the field researches on the settlement of medieval Solkhat (Crimea, Stary Krym)]. *Arkhiv Instituta arkheologii Ukrainy [Archive of IA of the Ukraine]*, 1985/94. (In Russian, unpublished).
- Kriger V.A., 1986. Srednevekovyye kochevniki Zavolzh'ya [Medieval nomads of trans-Volga region]. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Nizhnego Povolzh'ya [Ancient and Medieval history of Lower Volga region]*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, pp. 56–68.
- Kriger V.A., Maryksin D.V., 2008. Mogil'nik Karaultobe I (k voprosu o zakhoroneniyyakh v syrtovykh ogradkakh) [Barrow Karaultobe I (on the problem of burials in raw fences)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Problems of History and Archaeology of Western Kazakhstan]*, 1, pp. 194–208.
- Kyzlasov L.R., 1969. *Istoriya Tuvy v sredniye veka [History of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow: Izdatel'stvo Mosk. universiteta. 90 p.
- Kyzlasov L.R., 1981. Askizskaya kul'tura (srednevekovyye khakasy X–IV vv.) [Askiz culture (medieval Khakas people of 10–14 cc.)]. *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya [Eurasian steppes in Middle Ages]*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 200–208. (Arkheologiya SSSR).
- Kyzlasov L.R., 1981. Drevnekhakasskaya kul'tura chaatas VI–IX vv. [Ancient Khakassian culture Chaatas 6–9 cc.]. *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya [Eurasian steppes in Middle Ages]*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 46–52. (Arkheologiya SSSR).
- Kyzlasov L.R., 1981. Tyukhtyatskaya kul'tura drevnikh khakasov (IX–X vv.) [Tyukhtyata culture of ancient Khakas people (9–10 cc.)]. *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya [Eurasian steppes in Middle Ages]*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 54–59 (Arkheologiya SSSR).
- Mamontov V.I., 1992. Kurganny mogil'nik Zubovka [Burial ground Zubovka]. *Drevnosti Volgo-Don'skikh stepey [Antiquities of Volga-Don steppes]*. V. I. Mamontov, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gos. univ., pp. 27–43.
- Man'kovskaya L.Yu., 1971. Arkhitekturnyye pamyatniki Kashkadar'i [Architectural sites of Qashqadaryo]. Tashkent: Fan. 112 p.
- Maryksin D.V., 2009. Mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy Mokrinsky I (po materialam rabot 2008 goda) [Barrow Mokrinsky I of the Golden Horde epoch (on the materials of works of 2008)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Problems of History and Archaeology of Western Kazakhstan]*, 1, pp. 246–273.

- Maryksin D.V., 2010. Arkheologichesky kompleks vremen Zolotoy Ordy Mokrinsky I [Archaeological site of the Golden Horde period, Mokrinsky I]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problemy, poiski, otkrytiya: materialy III Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii* [Archaeology of the Lower Volga region: problems, searches, finds: Proceed. of III Int. Lower Volga region archaeol. conf.]. Astrakhan': Astrakhansky univ., pp. 312–317.
- Maryksin D.V., 2011. Novyye pogrebeniya v syrsovoy ogradke na territorii Zapadnogo Kazakhstana [New burials in a raw fence on the territory of Western Kazakhstan]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na yevraziyskom prostranstve: materialy V Mezhdunar. konf., posv. pamyati G.A. Fedorova-Davydova* [Dialogue between urban and steppe cultures on the Eurasian territory: Proceed. V Int. conf. devoted to the memory of G.A. Fedorov-Davydov]. Astrakhan': Astrakhansky univ.; Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani, pp. 221–226.
- Maryksin D.V., 2012a. Kompleks syrsovykh ogradok u aula Aydarkhan [Site of raw fences near aul Aydarkhan]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Problems of History and Archaeology of Western Kazakhstan], 1, pp. 111–119.
- Maryksin D.V., 2012b. Ob odnom tipe syrsovykh ogradok Zapadnogo Kazakhstana [On one type of raw fences of Western Kazakhstan]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceed. of Samara scientific Centre of RAN], t. 14, no 3, pp. 243–248.
- Mogil'nikov V.A., 1981. Tyurki. Kimaki [Turks. Kimeks]. *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian steppes in Middle Ages]. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 29–45. (Arkheologiya SSSR).
- Mys'kov Ye.P., 1989. Otchet o raskopkakh mogil'nika Tsarev, provedennogo Volgo-Akhtubinskim otryadom arkheologicheskoy ekspeditsii Volgogradskogo pedinstituta v 1989 g. [Report on the excavations of barrow Tsarev done by Volga-Akhtubinsk group of archaeological expedition of Volgograd Pedagogical Institute in 1989]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of IA RAN], R-1, 14226, 14227. (In Russian, unpublished).
- Mys'kov Ye.P., 1990. Otchet o raskopkakh mogil'nika Tsarev, provedennogo Volgo-Akhtubinskim otryadom arkheologicheskoy ekspeditsii Volgogradskogo pedinstituta v 1990 g. [Report on the excavations of barrow Tsarev done by Volga-Akhtubinsk group of archaeological expedition of Volgograd Pedagogical Institute in 1990]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of IA RAN], R-1, 15669. (In Russian, unpublished).
- Mys'kov Ye.P., 2003. Pogrebal'nyye sooruzheniya s kirpichnymi ogradami mogil'nika Malyayevka VI u severozapadnogo prigoroda Tsarevskogo gorodishcha [Burial building with brick fences of the barrow Malyayevka VI at the northern-west suburbs of Tsarev settlement]. *Nizhnevolzhsky arkheologichesky vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], 6. Volgograd: Izdatel'stvo Volgograd. gos. univ., pp. 216–236.
- Narozhny Ye.I., Okhon'ko N.A., 2007. Novopavlovsky mogil'nik XIV v. v sisteme yevraziyskikh drevnostey [Novopavlovsk barrow of 14 c. in the system of Eurasian antiquities]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and researches on the Northern Caucasus archaeology], 7. S.N. Savenko, ed. Armavir; Stavropol'. 176 p.
- Ovchinnikova B.B., 2000. Kul'turnyye translyatsii v tsentral'no-aziatskom regione rasseleniya drevnikh tyurkov v I tysyacheletii nashey ery [Cultural translations in Central-Asian region of ancient Turks settlement in I millennium AD]. *Askizskie drevnosti v srednevekovoy istorii Yevrazii: materialy konf.* [Askiza antiquities in medieval history of Eurasia: Proceed.]. G.N. Belorybkin, K.A. Rudenko, eds. Kazan': muzey Respubliki Tatarstan, pp. 7–30.
- Palimpsestova T.B., Runich A.P., 1974. O Yessentukiyskikh mavzoleyakh i stavke Uzbek-khana [On the Yessentuki mausoleums in the headquarter of Uzbek-khan]. *SA [SA]*, 2, pp. 229–238.
- Popov S.A., 1971. Tayny pyatimarov: ocherki po drevney i srednevekovoy istorii Orenburgskikh stepey [Secrets of pyatimars: essays on ancient and medieval history of Orenburg steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo. 191 p.
- Pugachenkova G.A., 1949. K probleme vozniknoveniya shatrovykh mavzoleyev Khorasana [On the problem of appearance of tent mausoleums of Khorasan]. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Transactions of the Southern-Turkmenistan archaeological complex expedition], 1. Ashkhabad, pp. 57–77.
- Pugachenkova G.A., 1958. Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma [Ways of development of the Southern Turkmenistan architecture of the time of slavery and feudalism]. Moscow: IA RAN. 492 p. (Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii, 6).
- Pugachenkova G.A., 1963. Mavzoley Arab-ata. (Iz istorii arkhitektury Maverannakhra IX–X vv.) [Mausoleum of Arab-ata. (From the history of Mawarannahr architecture 9–10 cc.)]. Tashkent: Fan. 118 p. (Iskusstvo zodchikh Uzbekistana, 2).
- Rakushin A.I., 1993. Podkurgannyye kirpichnyye sooruzheniya zolotoordynskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'ye [Under burial ground brick constructions of the Golden Horde period in Nizhny Povolzh'ye]. *Arkheol. vesti* [Archaeological News]. Saratov, pp. 170–175.
- Rtveladze E.V., 1969. Dva mavzoleya zolotoordynskogo vremeni v rayone Pyatigor'ya [Two mausoleums of the Golden Horde period in the area of Pyatigorye]. *SA [SA]*, 4, pp. 262–267.
- Shnadshteyn Ye.V., 1990. Arkheologicheskiye pamyatniki Astrakhanskoj oblasti: Putevoditel' po pamyatnikam arkheologii Akhtubinskogo rayona [Archaeological sites of Astrakhan Oblast: Guides to the archaeology of Akhtubinsk District]. Astrakhan'. 80 p.

- Stierlin H.*, 1998. Turkey from the Selcuks to the Ottomans. Köln: Tashen. 238 p.
- Useynov M.A., Bretanitsky L.S., Salamzade A.B.*, 1963. Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana [History of Azerbaijan architecture]. Moscow: Gosstroyizdat. 640 p.
- Vasil'yev D.V.*, 2006. Statistichesky analiz zolotoordynskikh zakhroneny v podkurgannykh ogradkakh [Statistical analysis of the Golden Horde burials in under burial grounds fences]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Problems of History and Archaeology of Western Kazakhstan]*, 1-2, pp. 208–220.
- Yakubovsky A.Yu.*, 1930. Razvaliny Urgench [Remains of Urgench]. Leningrad: Sotsekgiz. 68 p. (Izvestiya Gos. akademii istorii material'noy kul'tury, t. 6, vyp. 2).
- Yavorskaya L.V.*, 1999. Osobennosti pogrebal'nogo obryada v nekropolyakh okrestnostey Tsarevskogo gorodishcha (opyt statisticheskoy obrabotki) [Characteristics of funeral rite in necropolises of the neighborhoods of Tsarev fortified settlement (experience of statistical processing)]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i Srednevekov'ya [Archaeology of Volga-Ural region in the Early Iron Age and Middle Ages]*. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgograd. gos. univ., pp. 242–267.
- Yegorov V.L.*, 1980. Mavzolei Vodyanskogo gorodishcha [Mausoleums of Vodyansk settlement]. *SA [SA]*, 1, pp. 74–90.
- Yel'nikov M.V.*, 2013. Okhoronni doslidzhennyya zolotoordynskogo mista "Kinski Vodi" [Rescue researches of the Golden Horde settlement "Veshnie Vodi"]. *Starozhitnosti livo berezhnogo podnipro'ya [Antiquities of Left-bank Dnieper region, Ukraine]*. Kiev; Poltava, pp. 126–135.
- Zasyplin B.N.*, 1927. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Architectural sites of Crimean Tatars]. *Krym [Crimea]*, 2, pp. 113–168.
- Zasyplin B.N.*, 1948. Arkhitektura Sredney Azii [Architecture of Middle Asia]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii arkhitektury SSSR. 158 p.
- Zilivinskaya E.D.*, 2009. K voprosu o formirovaniy pogrebal'nykh sooruzheny naseleniya gorodov Nizhnego Povolzh'ya v zolotoordynskoye vremya [On the problem of formation burial buildings of the population of the cities of the Lower Volga region in the Golden Horde period]. *Vestnik Moskov. univ. Ser. 8. Istoriya [Bulletin of MSU. Ser. 8. History]*, 2, pp. 119–140.
- Zilivinskaya E.D.*, 2010. Zolotoordynskiye mavzolei Severnogo Kavkaza [Golden Horde mausoleums of Northern Caucasus]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Golden Horde Civilization]*, 3. I.M. Mirgaleyev, ed. Kazan': Institut istorii AN Respubliki Tatarstan, pp. 52–69.
- Zilivinskaya E.D.*, 2011. Yeshche raz o mavzoleyakh Madzhara [One more time on the mausoleums of Majar]. *Ot paleolita do srednevekov'ya [From Paleolithic to Middle Ages]*. V.L. Yegorov, ed. Moscow: Istorichesky fakul'tet Moskov. gos. univ., pp. 149–156.
- Zilivinskaya E.D., Vasil'yev D.V.*, 2012. Mavzolei Madzhara v opisaniyakh i risunkakh XVIII veka [Mausoleums of Majar in the descriptions and images of 18 c.]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2 (50), pp. 83–93.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ РАННЕСАРМАТСКИХ КУРИЛЬНИЦ

© 2015 г. А.С. Скрипкин

Волгоградский государственный университет (anatoly.skripkin@volsu.ru)

Статья посвящена редко встречаемому типу курильниц кубической формы из погребальных памятников раннесарматской культуры. В Волго-Донском регионе известно всего три случая нахождения таких курильниц в погребениях II–I вв. до н.э. Этот тип курильниц широко распространяется в более позднее время, начиная с середины II в. н.э., в погребениях позднесарматской культуры. Контекст находок ранних кубических курильниц позволяет предполагать, что миграции кочевников в район Волго-Донских степей в ранне- и позднесарматское время совершались с близкой исходной территории.

Ключевые слова: курильницы, раннесарматская культура, позднесарматская культура, центральноазиатские аналогии.

Глиняные курильницы – одна из распространенных находок в погребениях всех трех сарматских культур. В каждой из них: ранне-, средне- и позднесарматской присутствуют различные типы курильниц, но преобладает какой-либо один, наиболее типичный для конкретной культуры.

В 1977 г. в волгоградском Заволжье, у районного центра пос. Быково, руководимой мной экспедицией была раскопана группа курганов. В небольшом кургане 9 высотой 0,38 м и диаметром 16 м было обнаружено одиннадцать погребений, два из которых относились к бронзовому веку, остальные девять впускных погребений – к раннесарматской культуре. Раннесарматская их принадлежность, кроме сопутствующего инвентаря, определяется еще и следующими признаками: использование более раннего кургана под кладбище, кольцевое расположение могильных конструкций вокруг центра кургана. В среднесарматское время такая система расположения захоронений уже не встречается, в это время преобладают погребения под индивидуальной курганной насыпью.

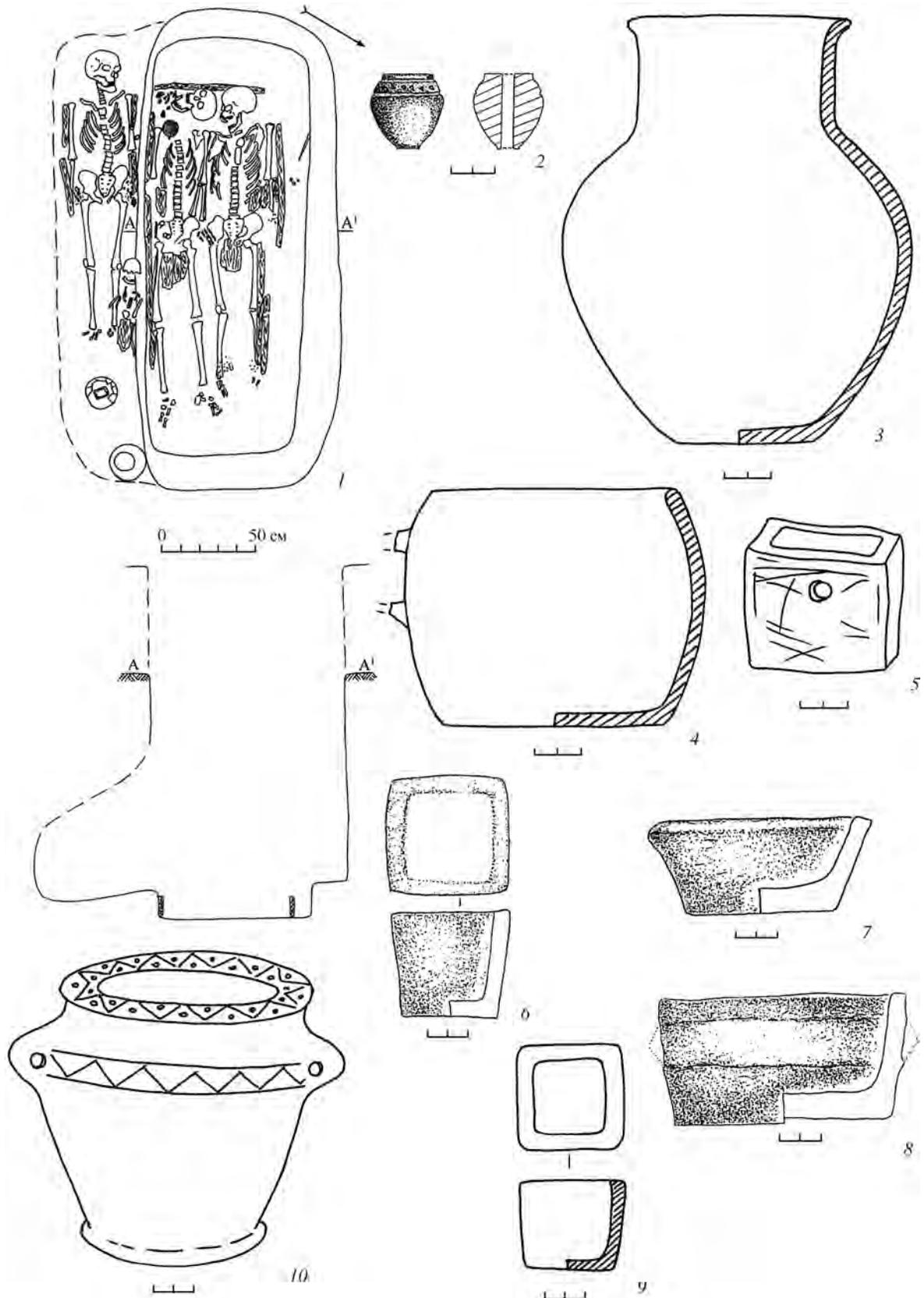
Все девять раннесарматских погребений были близки между собой по времени сооружения, об этом свидетельствует тот факт, что могильные ямы не нарушали друг друга. Кроме того, во входную яму погр. 7 было впущено еще два погребения, одно детское и другое – двух взрослых, которые не нарушали друг друга, что свидетельствует о последовательном подзахоронении в ограниченное время. Набор глиняной посуды, среди которой был унгентарий, наличие железных кинжалов с серповидным навершием, разного типа железных пряжек дает возможность отнести все сарматские погребения

из кургана 9 к позднему пласту раннесарматской культуры, датируемому II–I вв. до н.э.

Особый интерес для нас представляет погр. 7. Оно было совершено в подбойной яме и, как было отмечено выше, через некоторое время в его входную яму было впущено парное захоронение взрослых людей (погр. 8), а затем и ребенка (погр. 2). В подбое (погр. 7) были захоронены женщина и ребенок, они лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, с некоторым отклонением к югу (рисунок, 1). В погребении найдены: у локтя левой руки женщины – глиняное пряслице (рисунок, 2); у кистей рук – стеклянные бусы в количестве 16 штук; в ногах – глиняный лепной горшок (рисунок, 3) и глиняный лепной сосуд с широким горлом и отбитой в древности петлевидной ручкой (рисунок, 4), в котором находилась курильница кубической формы¹ из темно-серой глины с круглым отверстием в одной из боковых стенок. Размеры курильницы 5,5 × 6 см (рисунок, 5). Ориентировка погребенных не характерна для раннесарматской культуры, она объясняется подчиненностью погр. 7 круговой системе расположения сарматских захоронений в кургане.

Форма курильницы, обнаруженной в этом погребении, не типична для раннесарматской культуры. Она практически отсутствует и в памятниках среднесарматской культуры. В междуречье Волги и Дона в погребениях среднесарматской культуры, среди выявленных А.А. Глуховым 58 целых куриль-

¹ “Курильница кубической формы” – это условное название. Так, курильница из быковского погребения имела форму близкую к кубу. У других курильниц, относимых к этому типу, стенки могли несколько сужаться ко дну.

Курильницы кубической формы в раннесарматских погребениях: 1 – план и разрез погр. 7 кург. 9 Быковского могильника; 2–5 – вещи из погр. 7 кург. 9 Быковского могильника; 6–8 – курильницы из погр. 7 кург. 22 Ливенцовского VII могильника; 9, 10 – курильницы из погр. 8 кург. 2 могильника Котлубань II.

ниц, только одна имела кубическую форму (Глухов, 2005. С. 30, 31). Широкое распространение такая форма курильниц получает только в позднесарматское время. Так, мной на начало 80-х годов прошлого века в позднесарматских памятниках Нижнего Поволжья было учтено 34 курильницы, из которых 28 имели кубическую форму (Скрипкин, 1984. С. 30). К настоящему времени в Волго-Донском регионе, кроме быковской курильницы, мне известно еще две находки аналогичных курильниц в раннесарматских погребениях. Кубическая курильница вместе с курильницами других форм была обнаружена в кург. 22, погр. 7 курганного могильника Ливенцовский VII, расположенного на террасе Мертвого Донца в Ростовской области (рисунок 6–8) (Илюков, 2003. С. 278. Рис. 2, 2; Глебов, 2010. С. 141. Рис. 4, 2). Другая, такой же формы курильница в комплексе с большой орнаментированной курильницей, происходит из курганного могильника Котлубань II в Волгоградской области, кург. 2, погр. 8 (рисунок 9, 10) (Глухов, Скрипкин, 1999. С. 125, 126. Рис. 5, 10).

Ситуация, в которой была найдена кубическая курильница в быковском погребении, аналогична находке курильницы такой же формы в ливенцовском комплексе. Обе они располагались внутри других сосудов, видимо, специально изготовленных для этих целей. В котлубанском погребении две курильницы находились раздельно. Курильница большего размера представляла собой лепной толстостенный сосуд с двумя ручками-петельками, украшенный по верхнему широкому краю зигзагообразной линией с круглыми углублениями по центру образованных треугольников. Этот элемент украшения станет характерным для крупных курильниц, часто находимых вместе с курильницами меньшего размера, в погребениях среднесарматской культуры. Видимо, котлубанское погребение наиболее позднее из трех названных. Нахождение парных курильниц, когда зачастую одна курильница ставилась в другую, получает достаточно широкое распространение в среднесарматское время (Глухов, 2005. С. 30). Таким образом, можно считать, что обычай помещать в погребение парные курильницы с постановкой одна в другую зарождается еще на заключительном этапе раннесарматской культуры.

В.П. Глебов обратил внимание на ряд черт ливенцовского погребения, отличающих его от сарматских погребальных комплексов этого времени: сводчатая форма ямы, северо-восточная ориентировка погребенного. Он считал, что форма ямы ливенцовского погребения находит аналогии в Средней Азии, где достаточно рано появляются и кубические курильницы. Однако, по мнению

В.П. Глебова, расхождение во времени ливенцовского и среднеазиатских погребений в “сводчатых ямах” не позволяет установить между ними прямой связь (Глебов, 2010. С. 141, 142).

Я все же считаю, что Средняя Азия не причастна к появлению кубических курильниц в раннесарматских погребениях Волго-Донского региона. Небольшие сосудики с четырехугольным устьем и плоскими стенками известны в тесинских памятниках (Пшеницына, 1992. С. 233. Рис. 93, 23; Кузьмин, 2011. С. 198. Табл. 43, 1–4) и памятниках таштыкской культуры Минусинской котловины (Кызласов, 1960. Рис. 15, 3; 29, 9; Вадецкая, 1992, С. 241. Рис. 97, 56). Обращают на себя внимание находения в раннесарматских погребениях II–I вв. до н.э. отдельных категорий вещей, известных в тесинских памятниках, датирующихся близким временем. Это в первую очередь пряжки из гагата, в деталях совпадающие с тесинскими (Скрипкин, Шинкар, 2010. С. 130–142. Рис. 4, 6; Кузьмин, 2011. С. 268. Табл. 41, 34); поясные бронзовые рамчатые пряжки с геометрическим орнаментом; так называемые ложковидные застёжки, которые считаются типичными именно для погребальных памятников тесинского этапа. В сарматских погребениях появление этих вещей – явная инновация. В раннесарматских памятниках Волго-Донского региона, как и в тесинских, достаточно много и других весьма схожих предметов материальной культуры, на что обратила внимание еще М.Н. Пшеницына в своей кандидатской диссертации. Здесь и там в одинаковой мере встречаются костяные проколки и игольники, железные восьмерковидные пряжки, миниатюрные копии бронзовых котлов, железные шилья, берестяные короба (Пшеницына, 1975). Ранее тесинские памятники относили или к заключительному этапу тагарской культуры, или к переходному периоду между тагарской и таштыкской культурами. В последнее время стали выделять самостоятельную тесинскую культуру (Кузьмин, 2011). Думаю, что в разработке проблем хронологии тесинских памятников следует активнее привлекать сарматские параллели в материальной культуре.

Вообще в сарматских памятниках II–I вв. до н.э. появляются вещи, не только находящие аналогии в енисейских древностях, но и в ряде других памятников, располагавшихся в пределах обширного центральноазиатского региона и соседних с ним территорий. Это, например, мечи, в оформлении которых прослеживается влияние китайской традиции в изготовлении клинкового оружия. В волго-донских степях появляются погребения в деревянных колодах, отдельные из которых в деталях повторяют формы тувинских колод гунно-сарматского време-

ни. Ажурные поясные пряжки со сценами борьбы животных, найденные в сарматских погребениях, находят аналогии в памятниках Забайкалья и Ордоса. Мной уже неоднократно высказывалось мнение о том, что эти новые явления в сарматских памятниках связаны с миграционными процессами, охватившими евразийское степное пространство в связи с военной активизацией хунну, начиная с первой половины II в. до н.э. (Скрипкин, 1992. С. 3–10; 2000. С. 17–40).

Хочу обратить внимание на одну деталь. Появление кубических курильниц в раннесарматских погребальных комплексах совпадает, кроме перечисленных инноваций, с притоком нового населения, носителей длинноголового европеоидного типа, который хорошо фиксируется на краниологической мужской выборке (Балабанова, 2010. С. 72, 73). Вместе с этим, в волго-донских сарматских погребениях II–I вв. до н.э. несколько возрастает доля северной ориентировки погребенных. При господствующей традиционной ориентировке в южный сектор, северный сектор ориентировок в отдельных местах указанного региона составляет существенный процент (Сергацков, Шинкарь, 2003. С. 165–178). Новый этнический компонент кардинально не изменил состав населения, в волго-донских степях в количественном отношении продолжало преобладать предшествующее местное кочевое население, носители брахикранного краниологического типа. Внедрение новых элементов в погребальную практику сарматов II–I в. до н.э. также не привело к существенному ее изменению. Новый тип курильниц кубической формы, являясь важной деталью погребального обряда, также не получил широкого распространения.

Здесь напрашивается очевидное сравнение с позднесарматской культурой, миграционное происхождение которой общепризнано. Только намеченные в раннесарматское время новые элементы в погребальном обряде и материальной культуре получают широкое распространение в памятниках позднесарматской культуры. Долихокранный тип составляет большинство населения этой культуры, а вместе с мезокранами является подавляющим (более 85%) (Балабанова, 2010. С. 72. Табл. 3). Северная ориентировка погребенных становится ведущей (около 68%) (Мошкова, 2009. С. 93). С существенным увеличением веса этих признаков в памятниках позднесарматской культуры кубические курильницы становятся ведущим типом находок этой категории.

Это сравнение позволяет сделать предположение о близости исходной территории миграций в донно-волго-уральские степи во II–I вв. до н.э. и в

середине II в. н.э. Первая из них оказала определенное влияние на раннесарматскую культуру, что позволяет выделить заключительный этап этой культуры; вторая – привела к формированию позднесарматской культуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-11-34008а/В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М.А.* Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010. № 2. С. 67–77.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 236–246 (Археология СССР).
- Глухов А.А.* Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград: Волгогр. научн. изд-во, 2005. 240 с.
- Глухов А.А., Скрипкин А.С.* Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. С. 118–155.
- Глебов В.П.* Курильницы раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III междунар. Нижневолж. археолог. конф. (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Изд. дом “Астраханский университет”, 2010. С. 136–142.
- Илюков Л.С.* Сарматские погребения из кургана 22 Ливенцовского VII могильника // НАВ. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во: ВолГУ, 2003. С. 277–282.
- Кузьмин Н.Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Изд-во Айсинг, 2011. 456 с.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха. М.: Изд-во МГУ, 1960. 198 с.
- Мошкова М.Г.* Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. И.М. Гарскова. М.: Вост. лит., 2009. С. 21–162.
- Пишеницына М.Н.* Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н.э. (тесинский этап) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975. 28 с.
- Пишеницына М.Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 224–235 (Археология СССР).
- Сергацков И.В., Шинкарь О.А.* Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли //

- НАВ. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 165–178.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Изд-во Саратовского ГУ, 1984. 149 с.
- Скрипкин А.С. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах Алтайского и Доно-Уральского регионов в последние века до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археолог. семинара). Ч. II / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Изд-во Новочеркасского музея истории донского казачества, 1992. С. 3–10.
- Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 17–40.
- Скрипкин А.С., Шинкарь О.А. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // РА. 2010. № 1. С. 130–142.

ON ONE TYPE OF EARLY SARMATIAN INCENSE CUPS

Anatoly S. Skripkin

Volgograd State University (anatoly.skripkin@volsu.ru)

The article is devoted to a rare type of cubic shape incense cups in burial sites of the early Sarmatian culture. In Volga-Don region there are only three cases of finding incense cups of a cubic shape in the early Sarmatian burials of the 2nd – 1st centuries BC. This type of incense cups is known widely in later period in the late Sarmatian culture burials beginning with the middle of the 2nd century AD. The context of the finds of the early Sarmatian period seems to indicate that migrations of nomads into the steppes of the Volga-Don region in the early and late Sarmatian period had practically the same territory as their starting point.

Keywords: an incense cup, the early Sarmatian culture, the late Sarmatian culture, the Central Asian analogues.

REFERENCES

- Balabanova M.A., 2010. Novyye dannyye ob antropologicheskom tipe sarmatov [New data on the anthropological type of Sarmatians]. *RA*, 2, pp. 67–77.
- Glebov V.P., 2010. Kuril'nitsy rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya II–I vv. do n.e. [Incense cups of the early Sarmatian culture of Nizhny Podonye of II–I cc. BC]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problemy, poiski, otkrytiya. Materialy III mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii [Archaeology of the Lower Volga region: problems, searches and finds. Materials of III International archaeological conference]*. D.V. Vasil'yev, ed. Astrakhan': Izdatel'sky dom "Astrakhansky universitet", pp. 136–142.
- Glukhov A.A., 2005. Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e. [Sarmatians of the interfluvium of Volga and Don in I – first half of II cc. AD]. Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo. 240 p.
- Glukhov A.A., Skripkin A.S., 1999. Savromato-sarmatskiye pogrebeniya iz kurganov v rayone poselka Kotluban' [Savromats-Sarmatians burials from the barrows in the district of the village Kotluban']. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Nizhnem Povolzh'ye [Historical and Archaeological researches in the Lower Volga region]*, 3. B.F. Zhelezchikov, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 118–155.
- Il'yukov L.S., 2003. Sarmatskiye pogrebeniya iz kurgana 22 Liventsovskogo VII mogil'nika [Sarmatians burials from the barrow 22 Liventsovsky VII cemetery]. *Nizhnevolzhsky arkheologichesky vestnik [Lower Volga Archaeological Bulletin]*, 6. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 277–282.
- Kuz'min N.Yu., 2011. Pogrebal'nyye pamyatniki khunnosyan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Yeniseya. Tesinskaya kul'tura [Burial sites of Huns-Xianbei period in steppes of the Middle Yenisei. Tesinsky culture]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Aysing". 456 p.
- Kyzlasov L.R., 1960. Tashtykskaya epokha [Tashtyk epoch]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 198 p.
- Moshkova M.G., 2009. Analiz sarmatskikh pogrebal'nykh pamyatnikov II–IV vv. n.e. [Analysis of Sarmatian burial sites of II–IV cc. AD]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii, IV. Pozdnesarmatskaya kul'tura [Statistical processing of burial sites in Asian Sarmatia, IV. Late Sarmatian culture]*. I.M. Garskova, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 21–162.
- Pshenitsyna M.N., 1975. Kul'tura plemen Srednego Yeniseya vo II–I vv. do n.e. (tesinsky etap): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Culture of tribes of the Middle Yenisei in II–I cc. BC (Tesinsky stage): abstract

- of a thesis ...candidate of history sciences]. Leningrad. 28 p.
- Pshenitsyna M.N.*, 1992. Tesinsky etap [Tesinsky stage]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppe zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]. M.G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 224–235.
- Sergatskov I.V., Shinkar' O.A.*, 2003. Rannesarmatskiye pogrebeniya s severnoy orientirovkoj v bassejne Ilovli [Early Sarmatian burials with northern orientation in the Ilovlya basin]. *Nizhnevolzhsky arkheologichesky vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], 6. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 165–178.
- Skripkin A.S.*, 1984. Nizhneye Povolzh'ye v pervyye veka nashey ery [Lower Volga region in the first centuries of AD]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. 149 p.
- Skripkin A.S.*, 1992. K probleme istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh paraleley v kul'turakh Altayskogo i Dono-Ural'skogo regionov v posledniye veka do n.e. [On the problem of historical interpretation of the archaeological parallels in the culture of Altai and Don-Ural regions in the late centuries BC]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarsky mir. (Materialy III-go arkheologicheskogo seminar)*. [Antique Civilization and the Barbarian World (Materials of III Archaeological seminar)], II. B.A. Rayev, ed. Novochoerkassk: Izdatel'stvo Novochoerkasskogo muzeya istorii donskogo kazachestva, pp. 3–10.
- Skripkin A.S.*, 2000. Novyye aspekty v izuchenii istorii material'noy kul'tury sarmatov [New aspects in history studying of material culture of the Sarmatians]. *Nizhnevolzhsky arkheologichesky vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], 3. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. pp. 17–40.
- Skripkin A.S., Shinkar' O.A.*, 2010. Zhutovky kurgan No. 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'ye [Zhutovsky barrow № 27 of the Sarmatian period in Volga-Don interfluve]. *RA*, 1, pp. 130–142.
- Vadetskaya E.B.*, 1992. Tashtykskaya kul'tura [Tashtyk culture]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppe zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]. M.G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 236–246.

АЛАНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2015 г. В.Д. Березуцкий*, А.П. Медведев**

*Воронежский государственный педагогический университет
(berezyski1@rambler.ru)

**Воронежский государственный университет

В статье публикуется погребение в катакомбе, открытое в кургане у с. Лосево Павловского р-на Воронежской обл. По обряду и сопровождающему инвентарю оно практически идентично Т-образным катакомбам Нижнего Подонья IV в. н. э. Погребение могло принадлежать алану, уцелевшему после гуннского погрома и откочевавшему на север в глубинные районы лесостепного Подонья.

Ключевые слова: Великое переселение народов, Средний Дон, аланы, курган, катакомба, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь.

В 2010 г. экспедицией Воронежского государственного педагогического университета исследован курган № 3 в могильнике у с. Лосево Павловского р-на Воронежской обл. Памятник находится на высоком мысу правого берега р. Битюг, на расстоянии 3.5 км к северо-западу от окраины села. В курганный группу входили шесть насыпей. До начала раскопок курган № 3 имел насыпь полусферической формы диаметром 24 м и высотой 0.4 м (рис. 1). В кургане открыто единственное погребение, совершенное в катакомбе. Вокруг нее располагался выкид в виде широкого кольца размерами 6.8 × 7.5 м, толщиной 0.1–0.2 м, плавно сползающий в сторону камеры.

Находки в насыпи. На глубине 2-го штыка обнаружены разбросанные почти по всей площади насыпи раздробленные кости животных и черепки битой посуды. Последняя представлена 10 фрагментами: верхом гончарного горшка с сильно отогнутым наружу венчиком, украшенным по плечикам горизонтальными круговыми линиями, а поверх них – косыми оттисками зубчатого штампа (рис. 2, 1); венчиком другого гончарного сосуда без орнамента (рис. 2, 2); частью ручки гончарного кувшина (рис. 2, 3); придонной частью гончарного сосуда (рис. 2, 4); стенками красноглиняной амфоры (рис. 2, 5) и кувшина (рис. 2, 6).

В 2.5 м к востоку от камеры, у края могильного выкида обнаружено скопление железных изделий (рис. 1, 1):

Фрагменты железных удил, изготовленных из прямоугольного в сечении прута (рис. 2, 7–11). Со-

хранилось одно звено удила длиной 15.2 см (рис. 2, 7), другие представлены кольцевыми окончаниями не менее чем от двух экземпляров (рис. 2, 8–11). Их внешний диаметр 2.5–3.0 см, внутренний – 1.5–1.7 см.

Железное изделие неясного назначения в виде изогнутой пластины длиной 3.6 см, шириной до 1.5 см, толщиной 2 мм (рис. 2, 12).

Железный наконечник стрелы (?) длиной 3.7 см (рис. 2, 13), плоский, листовидный, с коротким прямоугольным в сечении черешком.

Железный стержень с заостренными концами из овального в сечении прута длиной 3.6 см и толщиной до 0.5 см (рис. 2, 14).

Железный гвоздик с остатками дерева длиной 1.7 см (рис. 2, 15).

Бронзовое изделие в виде гвоздика с округлой шляпкой не более 1 см в длину и толщиной около 0.1 см (полностью окислилось).

В северо-западном секторе кургана на глубине 0.45 м от нулевой отметки встречена бронзовая ажурная бронзовая бляха (рис. 1, 2). Внутри ее круглой рамки диаметром 3.8 см находится звездообразная фигура с 13 лучами-треугольниками, а в центре – круглое отверстие диаметром 1.8 см (рис. 2, 16). С внутренней стороны к бляхе припаяна вогнутая дужка. Аналогии этой находке нам неизвестны.

Погребальное сооружение – катакомба Т-образной формы (рис. 3). Входная шахта овальной формы размерами 1.1–1.2 × 2 м ориентирована длин-

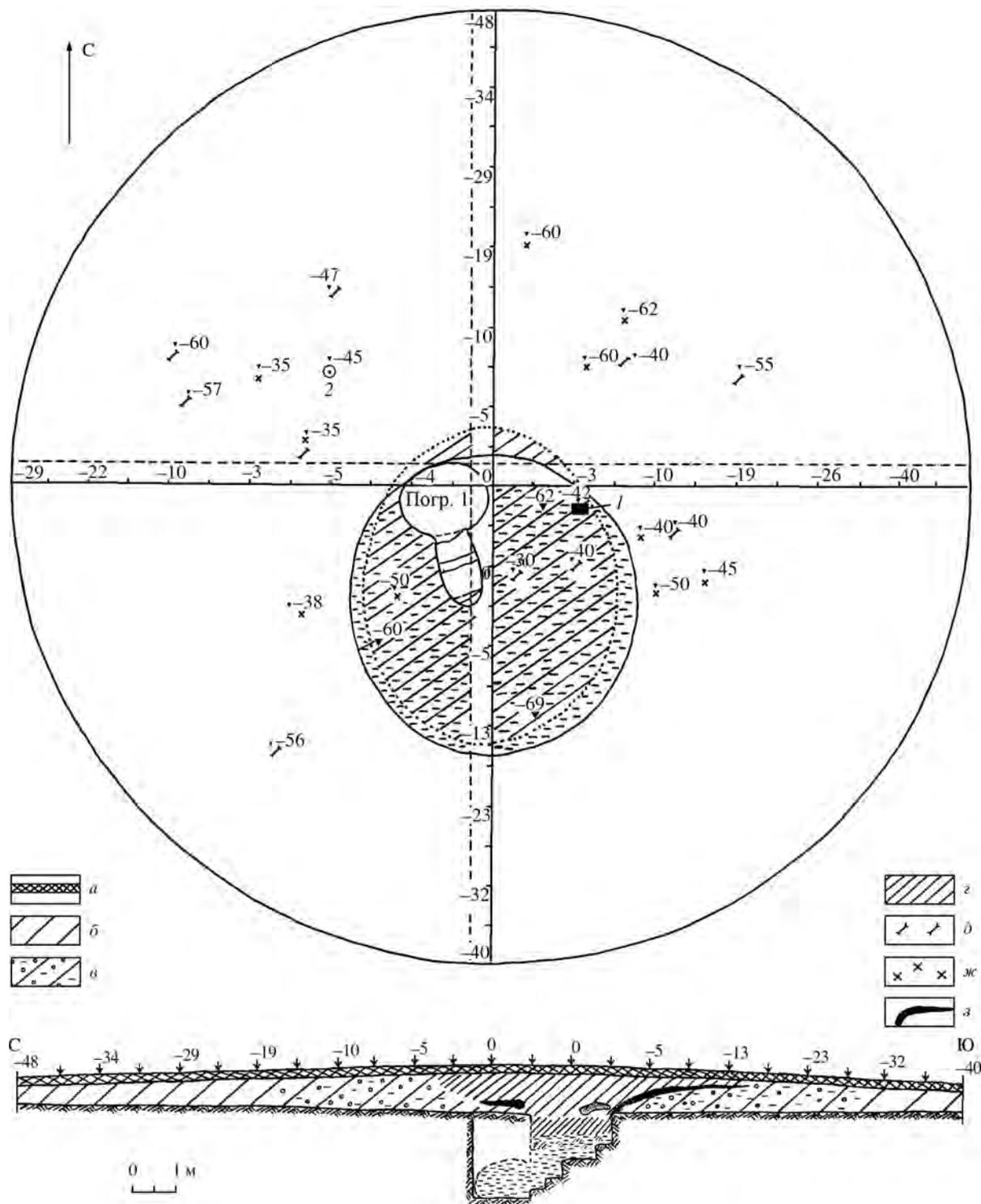

Рис. 1. План и профиль кургана 3 у с. Лосево: 1 – скопление фрагментов железных изделий, 2 – бронзовая бляха. Условные обозначения: а – старопашотный слой, б – чернозем, в – мешаный слой чернозема и суглинка с меловой крошкой, г – жирный чернозем, д – кости животных, е – фрагменты керамики, жс – могильный выкйд.

ными сторонами по линии ЮЮВ–ССЗ. Она имела неоднородное заполнение: на глубину 0.60–0.65 м от уровня материка заполнена жирным черноземом; ниже шел перемешанный слой чернозема с

глинистыми включениями толщиной 0.5 м; с глубины 1.10–1.15 м и до дна шахта забита плотной материковой глиной. На дне имелись четыре ступеньки. С севера к шахте примыкала камера оваль-

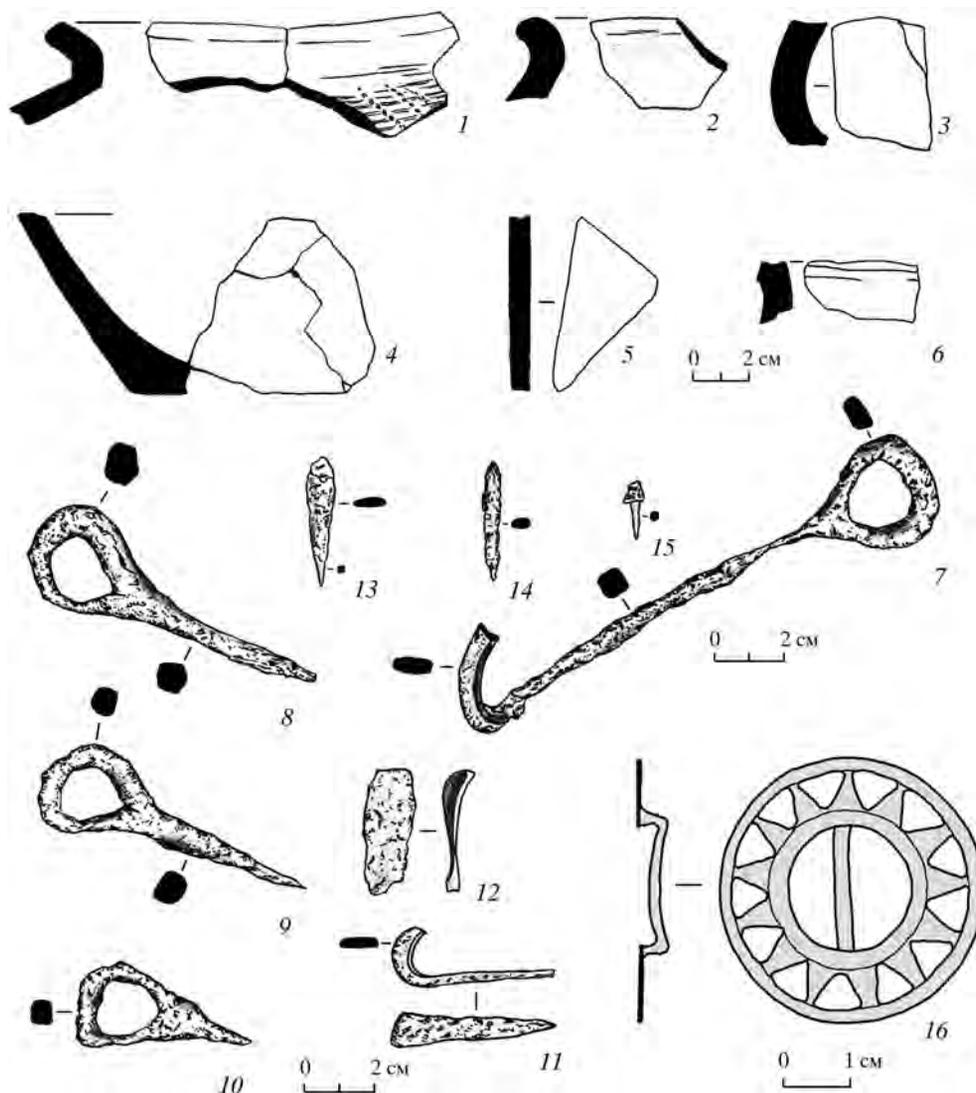

Рис. 2. Находки из насыпи кургана 3 у с. Лосево: 1–6 – фрагменты посуды, 7–11 – фрагменты удил, 12 – изделие, 13 – наконечник стрелы, 14 – стержень, 15 – гвоздик, 16 – бляха (1–6 – глина, 7–15 – железо, 16 – бронза).

ной формы размерами 1.6×2.5 м. Пол залегал на 2.1 м ниже уровня материка. Свод камеры просел, о чем свидетельствовал провал материковой глины в северной ее части. Высота входа в камеру около 1 м. Перед входом в камеру чуть выше последней ступеньки в забутовке обнаружен рог оленя (рис. 3, 1). В.В. Килейников провел трасологический анализ находки и обнаружил, что на окончании одного из ответвлений имеются продольные следы, свидетельствующие о том, что рог был искусственно заострен (рис. 4, 1). Он мог использоваться в качестве одного из инструментов для рытья катакомбы.

Погребение. На полу камеры лежал вытянуто на спине скелет мужчины 30 лет, головой на ЗЮЗ, руки вытянуты вдоль туловища (рис. 3). У скелета отсутствовал череп, но сохранилась нижняя че-

люсть, которая найдена на 0.3 м выше уровня пола. Правая рука потревожена: плечевая кость оказалась развернутой под прямым углом к позвоночнику; у кистей отсутствовали некоторые фаланги.

Сопровождающий инвентарь. Слева от погребенного вдоль северной стенки камеры в один ряд были поставлены пять сосудов (рис. 3, 2–6):

Сосуд 1 – кубышка с зооморфной ручкой, изготовленная на гончарном круге (рис. 5, 1). Венчик плавно отогнут наружу, горло широкое, тулово приземистое, дно плоское. Над верхним прилепом ручки имеется выступ с плоско срезанным верхом, поперек которого нанесена бороздка, а ниже – два налепа. Сосуд изготовлен из глины серо-коричневого цвета, по тулову нанесены лощением вертикаль-

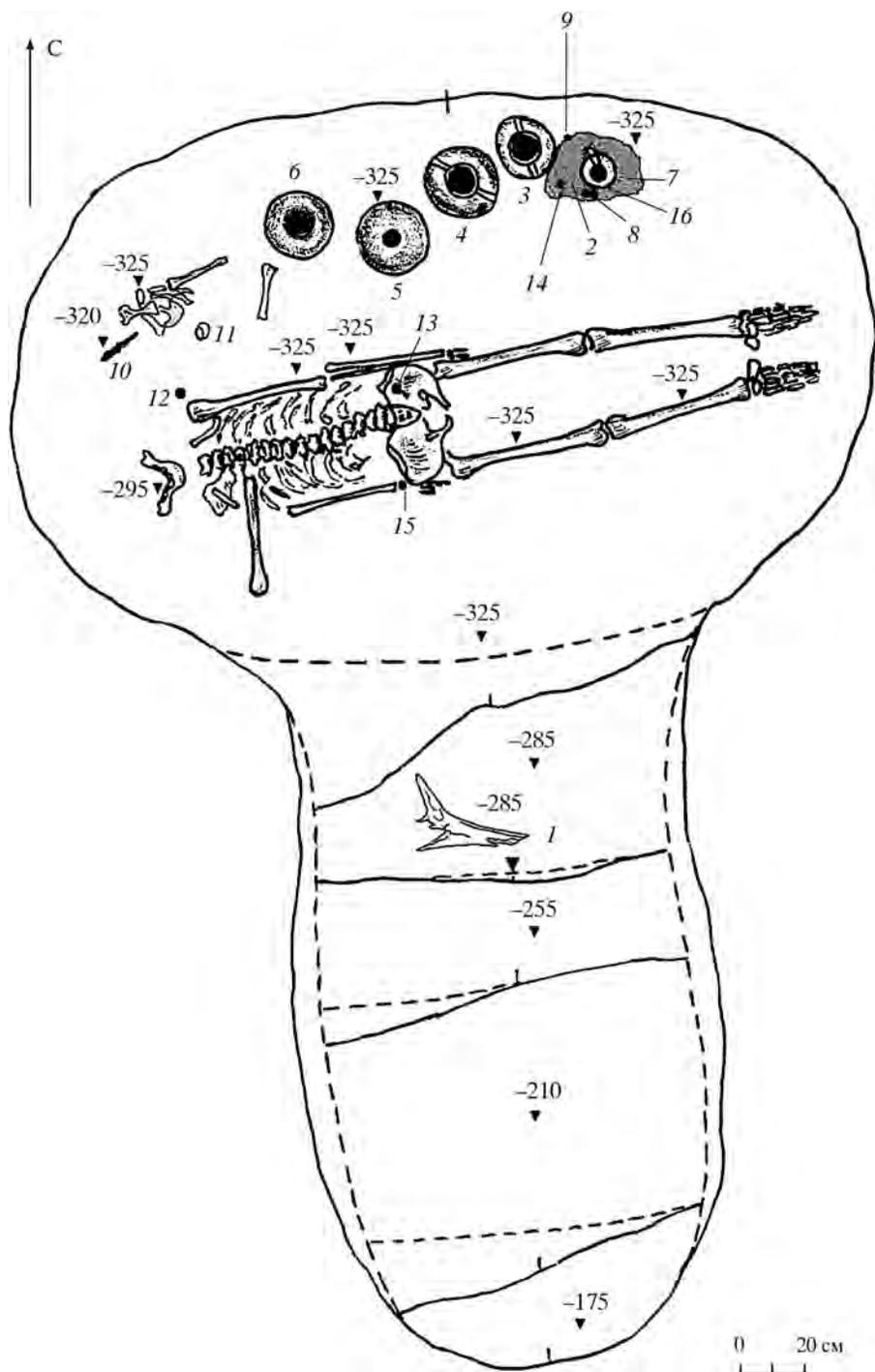

Рис. 3. План и разрез погребения в кургане 3 у с. Лосево: 1 – рог оленя, 2–6 – сосуды, 7 – ткань, 8, 9 – накладки, 10 – кости мелкого животного, 11 – нож, 12 – подвеска, 13, 14 – пряжки 1 и 2, 15 – бусина, 16 – изделие (2–6 – глина, 7 – шелк, 8, 9 – серебро, 11, 12 – железо, 13, 14 – бронза, 15 – стекло, 16 – золото).

ные полосы. Кубышка стояла на шелковой ткани малинового цвета (рис. 3, 7).

Сосуд 2 – гончарный двуручный кувшин из светло-коричневой глины (рис. 5, 2). Горло почти цилиндрическое, с расширением в верхней части. Тулово шаровидное, переходящее в плоское дно без

закраины. Изготовлен из глины светло-коричневого цвета, поверхность серого цвета.

Сосуд 3 – гончарный двуручный кувшин (рис. 5, 3). Нижняя часть второй ручки утрачена в древности. Сосуд имеет короткое раструбное горло, шаровидное тулово и плоское дно. Ручки зооморф-

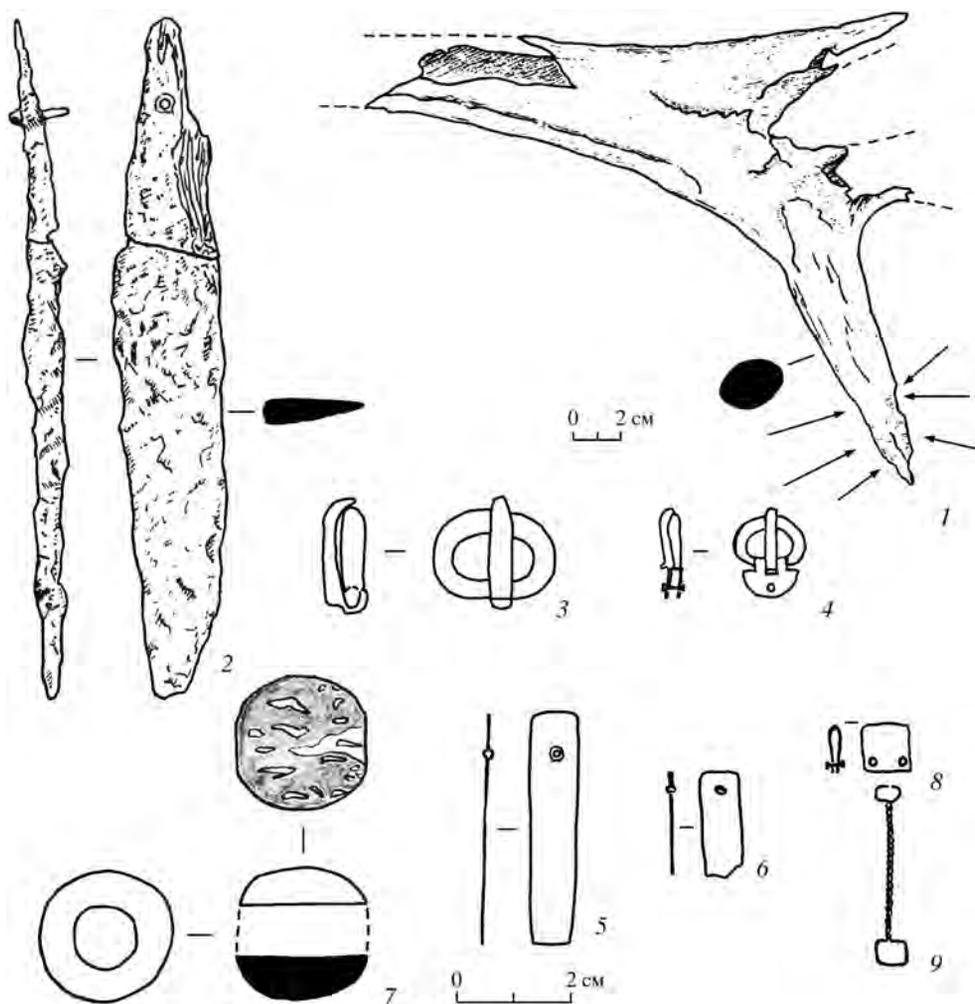

Рис. 4. Сопровождающий инвентарь из погребения в кургане 3 у с. Лосево: 1 – рог оленя, 2 – нож, 3, 4 – пряжки 1 и 2, 5, 6 – накладки, 7 – бусина, 8, 9 – изделие (2 – железо, 3, 4 – бронза, 5, 6 – серебро, 7 – стекло, 8, 9 – золото).

ные, возможно, представляли собой стилизованное изображение коня с седлом, переданным поперечным налепом. Кувшин изготовлен из серой глины, поверхность серого цвета со следами лощения. В верхней части тулова нанесены два пояса из тройных прочерченных перекрещивающихся линий, расположенных между горизонтальными бороздками.

Сосуд 4 – узкогорлый гончарный кувшин без ручки с биконическим туловом (рис. 5, 4). Изготовлен из глины серого цвета, его поверхность покрыта черным лощением. В месте перехода горла в тулово имеется валик. На днище кувшина – концентрические окружности от подставки. Изготовлен из глины серого цвета, его поверхность покрыта черным лощением.

Сосуд 5 – лепной горшок с прямым цилиндрическим горлом, вытянутым яйцевидным туловом и плоским дном (рис. 5, 5). На горле местами замет-

ны вертикальные расчески. Цвет глины оранжевый, в тесте есть примесь шамота.

Слева от головы погребенного лежали кости неполного скелета мелкого животного: ноги, фрагмент таза (палеозоологические исследования не проводились) (рис. 3, 11).

Вместе с костями животного найден железный нож (рис. 3, 10). Он имеет широкое лезвие и черешок для крепления деревянной рукояти, от которой сохранились остатки тлена и железный гвоздик (рис. 4, 2).

У левого плеча находилась железная подвеска (рис. 3, 12). Она разрушилась от окисления. Представляла собой небольшой полый шарик из железа диаметром 5–7 мм, подвешенный на двух перевитых проволоочках.

Две серебряные накладки (рис. 3, 8, 9) находились на шелковой ткани. Они изготовлены из тон-

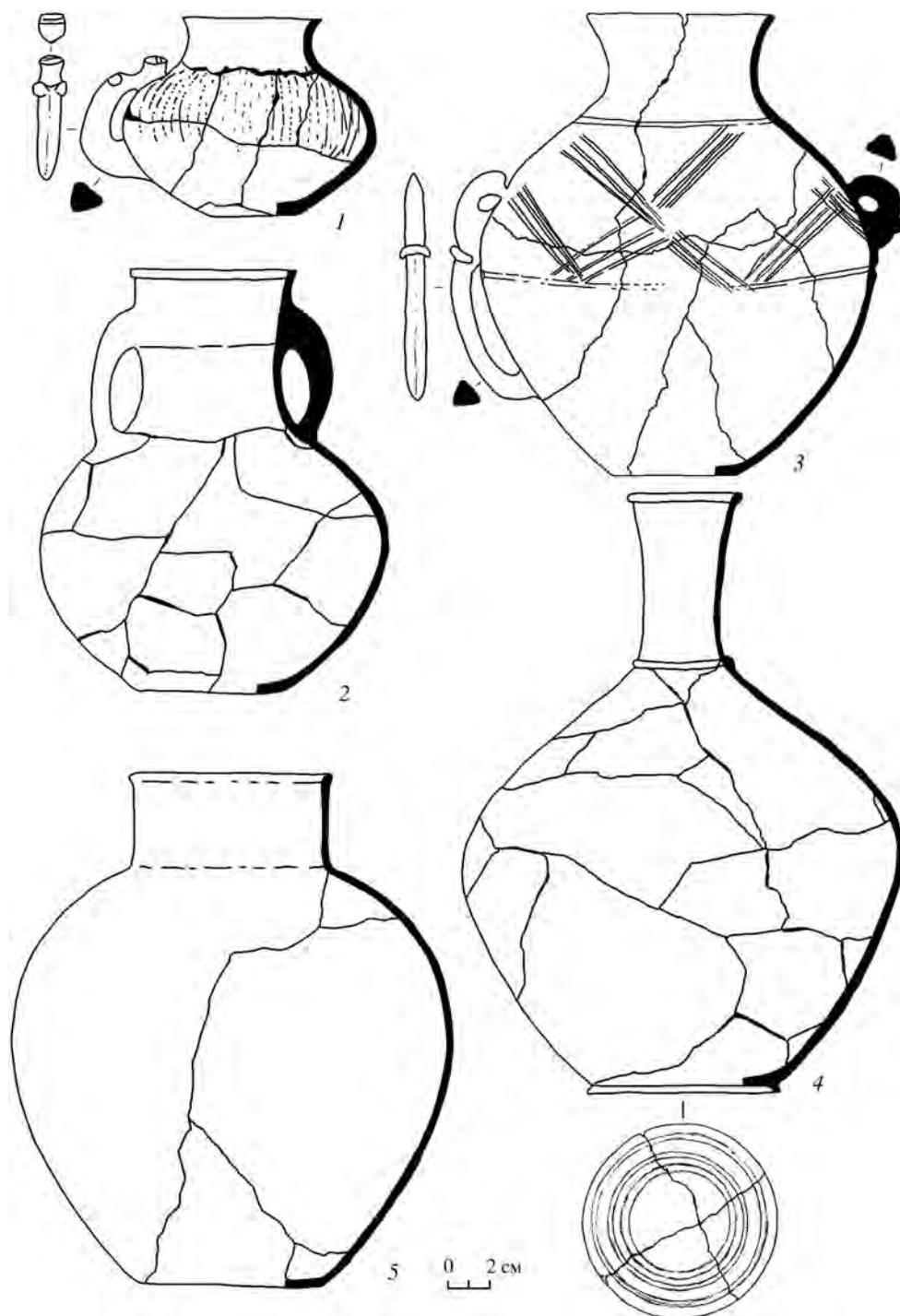

Рис. 5. Посуда из погребения в кургане 3 у с. Лосево.

ких серебряных пластин, концы которых отломаны в древности (рис. 4, 5, 6). На каждой из них имелось по одному отверстию с остатками заклепок. Размеры лучше сохранившейся накладки (рис. 4, 5): ширина 0,7 см, длина 3,8 см, толщина не более 0,5 мм. Скорее всего это остатки наконечников ремней.

На левой части таза погребенного находилась бронзовая поясная пряжка 1 (рис. 3, 13). Рамка овальной формы размерами 1,4 × 2 см, слегка утолщается в месте наложения подвижного язычка (рис. 4, 3). Язычок массивный, его конец заходит за край рамки, а основание срезано в виде уступа.

Бронзовая пряжка 2 находилась на шелковой ткани (рис. 3, 14). Ее рамка овальной формы слегка утолщается в месте наложения язычка (рис. 4, 4). Пряжка имеет накладку полукруглой формы из тонкой свернутой вдвое медной пластинки на одной заклепке. Размеры пряжки 0.9×1.2 см, длина язычка 1.2 см.

Крупная бочонковидная бусина из непрозрачно-черного стекла найдена у правой тазовой кости (рис. 3, 15). Бусина имеет накладной полихромный декор в виде беспорядочно расположенных пятнышек белого, зеленого и желтого цвета (рис. 4, 7). Ее размеры 2.1×2.2 см, диаметр отверстия 1 см. В нем сохранился коричневый тлен от ремешка.

Золотое украшение располагалось на шелковой ткани (рис. 3, 16) и состояло из двух частей: небольшой накладки, свернутой из тонкой золотой пластинки 0.8×0.9 мм с двумя гвоздиками для скрепления с кожей или тканью (рис. 4, 8), и двух перевитых проволочек длиной 3.2 см с двумя прямоугольными обоймицами на концах (рис. 4, 9).

Шелковая ткань малинового цвета (рис. 3, 7) лежала на полу катакомбы под сосудом 1. При расчистке от соприкосновения с воздухом ее фрагменты быстро разрушались, но размеры определены довольно точно: 0.2×0.3 м. Возможно, ткань была сложена в несколько слоев.

По типу погребального сооружения, обряду и сопровождающему инвентарю публикуемый комплекс принадлежит кругу катакомбных погребений Северного Кавказа и Нижнего Дона рубежа древности и средневековья. На это указывает прежде всего погребальное сооружение в виде Т-образной катакомбы под курганной насыпью (Абрамова, 1997. С. 97, 104, 112; Габуев, Малашев, 2009. С. 73, 146). Не менее показателен набор керамического инвентаря, среди которого есть типы сосудов, аналогичные северокавказской керамике III–IV вв. Это кубышка и кувшин-двуручник с характерным зооморфным оформлением ручек. Традиция украшать верхние части ручек кувшинов и кружек вертикальными отростками известна на Северном Кавказе в III–IV вв. (Абрамова, 1997. С. 108–112. Рис. 67, 2, 3, 9; 69, 3, 7, 14; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 100, 3). Кувшины-двуручники также являются характерным элементом керамического комплекса памятников Центрального Кавказа с III в. (Абрамова, 1997. Рис. 6, 16; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 22, 7; 43, 7). Эти памятники принято связывать с так называемыми кавказскими аланами (Абрамова, 1997. С. 137).

В настоящее время весьма представительная серия (свыше 100) подкурганых катакомбных погребений, аналогичных северокавказским, открыта на Нижнем Дону (Безуглов, 2008. С. 286). По месту

и времени нижнедонские катакомбные погребения связываются с аланами-танаитами Аммиана Марцеллина (Безуглов, 1990. С. 85–86). Публикуемое погребение, скорее всего, также принадлежало одному из алан-танаитов. С нижнедонскими катакомбами погребение у с. Лосево сближают тип погребального сооружения (Т-образная подкурганная катакомба), меридионально ориентированная входная шахта со ступеньками, овальная камера к северу от входной шахты, положение погребенного перпендикулярно длинной оси шахты, его западная ориентировка, наличие остатков мясной заупокойной пищи вместе с железным ножом, преобладание в керамическом комплексе гончарной посуды, среди которой присутствуют характерные типы сосудов с зооморфными ручками.

Время появления этого погребения на Среднем Дону, на несколько сот километров выше основного ареала обитания алан-танаитов, позволяют уточнить некоторые находки. Бронзовая пряжка 1 обладает основными диагностическими признаками поясной гарнитуры группы IV – овальная рамка, утолщающаяся в месте наложения прямого, довольно массивного язычка, конец которого загнут за край рамки, а основание имеет характерный уступ (Малашев, 2000. С. 196, 203. Рис. 1, II, II). Такие пряжки получают распространение со второй половины IV в. н. э., они известны в памятниках развитой черняховской культуры ступени С3 (Гороховский, 1988. С. 42–44), но встречаются и в начале гуннского времени (Габуев, Малашев, 2009. С. 125). Бусина многоцветного стекла относится к так называемым крапчатым. Ранее этот тип бус датировался широко, в пределах I–IV вв. (Алексеева, 1975. С. 57, 58. Табл. 12, 71–86). Сейчас диапазон их бытования сужен до гуннского времени (Мастыкова, 2009. С. 112–114. Рис. 115, 15–18)¹. Золотые украшения, близкие найденному, известны на Северном Кавказе с начала IV по VI в. (Казанский, 1995. С. 238–256). Таким образом, по сочетанию этих находок, а также по выразительному набору керамики и обряду, не утратившему раннеаланские черты, погребение у с. Лосево, скорее всего, могло быть совершено в конце IV – начале V в. н. э.

Аммиан Марцеллин сообщает о том, что “гунны, пойдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе” (Амм. Марс., XXXI.3.1)². Сейчас достаточно

¹ Авторы выражают признательность д-ру ист. наук А.В. Мастыковой за ценные консультации по украшениям из публикуемого погребения.

² Перевод А. Алеманя (2003. С. 75).

хорошо изучено западное направление миграции алан в эпоху Великого переселения народов, маркируемое и некоторыми археологическими находками (Maćczyńska, 2005. С. 247–255). Вполне вероятно, что публикуемое погребение могло принадлежать алану-танаиту, уцелевшему после гуннского погрома и откочевавшему на север. Таким образом, открытое у с. Losevo катакомбное погребение, возможно, указывает на еще одно направление передвижения ранних алан в глубинные районы Среднего Подонья, еще не затронутые гуннским вторжением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 94 с. (САИ; вып. Г1-12).
- Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
- Безуглов С.И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцелина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, 1990. С. 85–87.
- Безуглов С.И.* Курганные катакомбные погребения поздне-римской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии / Ред. Р.М. Мунчаев. М.: Таус, 2008. С. 284–301.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
- Казанский М.* Могилы алано-сарматских вождей 4 в. в понтийских степях // МАИЭТ. 1995. Вып. 4. С. 238–256.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременной гарнитуры позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Maćczyńska M.* La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Aix-en-Provence: Éditions de l'Association Provence Archéologie, 2005. P. 247–255.

ALANS BURIAL OF THE MIGRATION PERIOD ON MIDDLE DON

Valery D. Berezutsky*, Alexander P. Medvedev**

*Voronezh State Pedagogical University (berezutski1@rambler.ru)

** Voronezh State University (APM1950@yandex.ru)

The article considers a catacomb burial discovered near the village of Losevo in Pavlovsk district of Voronezh Oblast. As far as funeral rite and grave goods are concerned, the burial is almost identical to T-shaped catacombs of the 4th century AD found in the Lower Don region. It could belong to an Alan who survived after the Hunnish disaster and migrated northwards – to interior regions of the forest-steppe Don region.

Keywords: the Migration Period, the Middle Don region, Alans, burial mound, catacomb, funeral rite, grave goods.

REFERENCES

- Abramova M.P.*, 1997. Ranniye alany Severnogo Kavkaza III–V vv. n.e. [Early Alans of the Northern Caucasus of III–V cc.]. Moscow: IA RAN. 165 p.
- Alekseyeva Ye.M.*, 1975. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the Northern Black Sea region]. Moscow: Nauka. 94 p.
- Aleman' A.*, 2003. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh [Alans in ancient and medieval writing sources]. Moscow: Menedzher. 608 p.
- Bezuglov S.I.*, 1990. Alany-tanaity: ekskurs Ammiana Martsellina i arkheolo-gicheskiye realii [Alans-tanaits: excursus of Ammianus Marcellinus and archaeological realia]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.* [Historical and Archaeological researches in Azov and on Nizhny Don in 1989], 9. V.Ya. Kiyashko, ed. Azov: Izdatel'stvo Azovskogo istoriko-arkheologicheskogo i paleontologicheskogo muzeya-zapovednika, pp. 85–87.
- Bezuglov S.I.*, 2008. Kurgannyye katakombnyye pogrebeniya pozdnerimskoy epokhi v niznedonskikh stepyakh

- [Barrow catacomb burials of the late Roman time in Nizhny Don steppes]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [Problems of Modern Archaeology]. R.M. Munchayev, ed. Moscow: Taus, pp 284–301.
- Gabuyev T.A., Malashev V.Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Sites in the Central districts of the Northern Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Kazansky M., 1995. Mogily alano-sarmatskikh vozhdey 4 v. v pontiyskikh stepyakh* [Graves of Alan-Sarmatian leaders of 4 c. in Pontic steppes. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archaeology, History and Ethnography of Tauria], 4, pp. 238–256.
- Mączyńska M., 2005. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations. La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Aix-en-Provence: Éditions de l'Association Provence Archéologie, pp. 247–255.*
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennoy garnitury pozdnesarmatskogo vremeni* [Periodization of the belt set of the late Sarmatian period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbors on Don]. Yu.K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232.
- Mastykova A.V., 2009. Zhensky kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n.e.* [Female costume of Central and Western Ciscaucasus at the end of IV – the middle of VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

НАБОРНЫЕ ПОЯСА КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ПАМЯТНИКА СТЕПУШКА I

© 2015 г. А.А. Тишкин, С.С. Матренин, А.Л. Кунгуров

*Алтайский государственный университет, Барнаул
(tishkin210@mail.ru)*

В статье публикуются результаты комплексного изучения находок наборных поясов эпохи Великого переселения народов из могильника булан-кобинской культуры Степушка I, полностью раскопанного в 2010 г. в Онгудайском р-не Республики Алтай. Анализируемая коллекция состоит из металлических пряжек, блях, колец-подвесов, распределителя и наконечника ремня. Данные изделия были зафиксированы *in situ*, что позволило реконструировать разные по конструкции наборные пояса, в том числе редкие модификации. Проведенный сравнительный анализ обнаруженных ремненных гарнитур позволил определить их относительную хронологию в рамках сянбийско-жужанского времени (II–V вв.), а также выделить узкие периоды бытования некоторых изделий в пределах IV–V вв. Полученные вещественные материалы оказались информативным источником для археологического датирования, а также выделения региональных и хронологических особенностей оформления наборных поясов у кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов. Результаты сравнительного изучения поясов из могильника Степушка I подтверждают, что развитие пряжек и блях у населения булан-кобинской культуры происходило под воздействием центральноазиатской моды ремненных гарнитур и имело определенное своеобразие по сравнению с эволюцией снаряжения народов Европы. Это отразилось в разной длительности бытования морфологических признаков изделий и несовпадении относительной хронологии похожих предметов.

Ключевые слова: Алтай, кочевники, сянбийско-жужанское время, булан-кобинская культура, наборный пояс, хронология, реконструкция.

Наборный пояс – это ремень из кожи, оснащенный гарнитурой функционального и декоративного назначения (пряжки, бляхи, распределители, наконечники, кольца и некоторые другие детали). Перечисленные изделия изготавливались главным образом из металла, но изредка использовались разные материалы. Судя по археологическим данным, наборные пояса в снаряжении кочевников Центральной и Северной Азии появились в начале I тыс. до н.э. На протяжении всего времени бытования оформление их имело ярко выраженную этнокультурную окраску. Данное обстоятельство определяет исключительную важность такой части костюмного комплекса в качестве источника для проведения необходимых исторических реконструкций.

Изучению наборных поясов кочевников Азии эпохи Великого переселения народов отведено скромное место в научных работах современных исследователей, что, по-видимому, обусловлено плохой сохранностью органической основы и “невыразительностью” гарнитур, представленных преимущественно корродированными железными предметами.

На материалах Алтая обозначенная проблематика была затронута В.Н. Добжанским (1990), который предложил схематичные графические реконструкции двух наборных поясов из могильников Балыктыюль и Кок-Паш. В книге “Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь” (Соенов, Эбель, 1992) содержится выборочное описание сильно фрагментированных железных деталей от поясов из некрополя Верх-Уймон. Поясные гарнитуры из погребального комплекса Кок-Паш отдельно рассматривались А.С. Васютиным и в обобщенном виде опубликованы в монографии “Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.)” (Бобров и др., 2003). Наблюдения по поводу конструкции некоторых поясов сянбийского времени из могильника Улуг-Чолтух I сделаны А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяковым (2004). Необходимо отметить, что на сегодняшний день имеется большое количество вещественных источников из других памятников Алтая II–V вв., которые до сих пор не введены в научный оборот и никаким образом не анализировались. Актуальна постановка вопроса о разнообразиях наборных

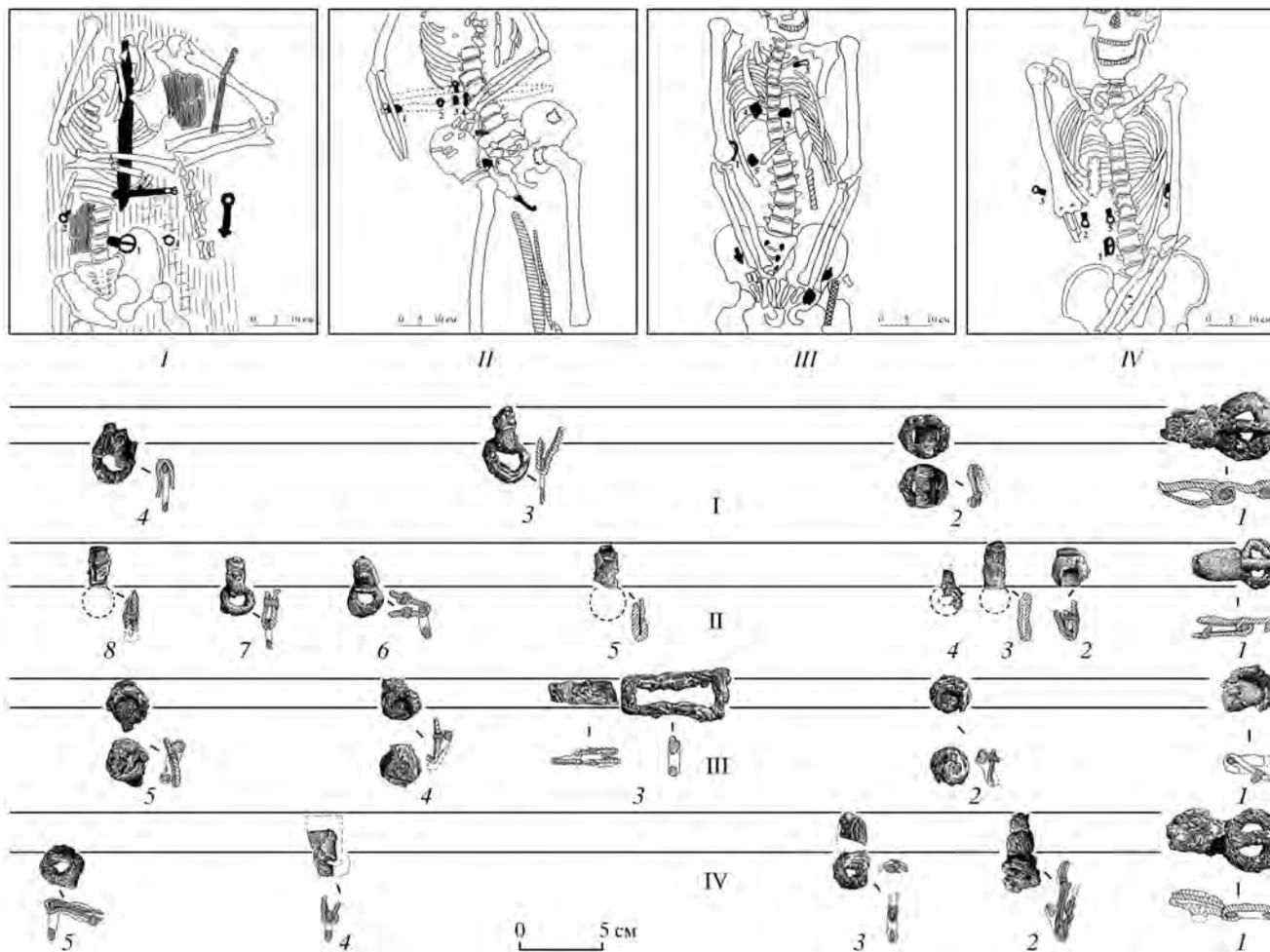

Рис. 1. Железные детали наборных поясов, обнаруженные при исследованиях памятника Степушка I (здесь и далее на рисунках расположение номеров предметов соответствуют зафиксированному *in situ* порядку размещения металлических деталей от пряжки до окончания с учетом того, что во всех случаях ремни застегивались на левую сторону). Схемы расположения предметов в погребениях и поясные гарнитуры в развертке: I – к. 5 (1 – пряжка, 2–4 – бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами); II – к. 6 (1 – пряжка; 2, 3, 5–8 – бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами; 4 – бляха с неподвижным кольцом); III – к. 9 (1 – пряжка; 2, 4, 5 – бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами; 3 – распределитель); IV – к. 15 (1 – пряжка; 2–5 – бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами).

поясов населения Азии рассматриваемого периода, а также изучение общих, особенных и единичных деталей их оформления на основе имеющегося корпуса археологических материалов.

В представленном контексте большую научную ценность имеют полностью или частично сохранившиеся наборные пояса, обнаруженные в результате раскопок курганной группы Степушка I в 2010 г. (Тишкин и др., 2011, 2012а, б, 2013а, б; Тишкин, Матренин, 2013а, б). Выявленный памятник располагался в черте одноименного (ныне нежилого) селения в Онгудайском р-не Республики Алтай, на третьей надпойменной террасе правого берега Урсула. Он попадал в зону строительства автодороги, идущей от 651-го километра Чуйского тракта по горному урочищу к долине

Катуни. По плану строительства крупный погребально-поминальный комплекс булан-кобинской культуры оказался разделен на две части, которые получили соответствующие обозначения Степушка I и Степушка II. Эти объекты были полностью исследованы экспедициями двух государственных университетов: Алтайского (г. Барнаул) и Горно-Алтайского (г. Горно-Алтайск).

Характеристика источников. В составе археологического памятника Степушка I зафиксировано восемь курганов, в которых найдены наборные пояса разной степени сохранности. Последовательная расчистка погребений с оставлением на месте всех артефактов до и после извлечения человеческих костей позволила установить порядок размещения поясных деталей *in situ* (от пряжки до окончания

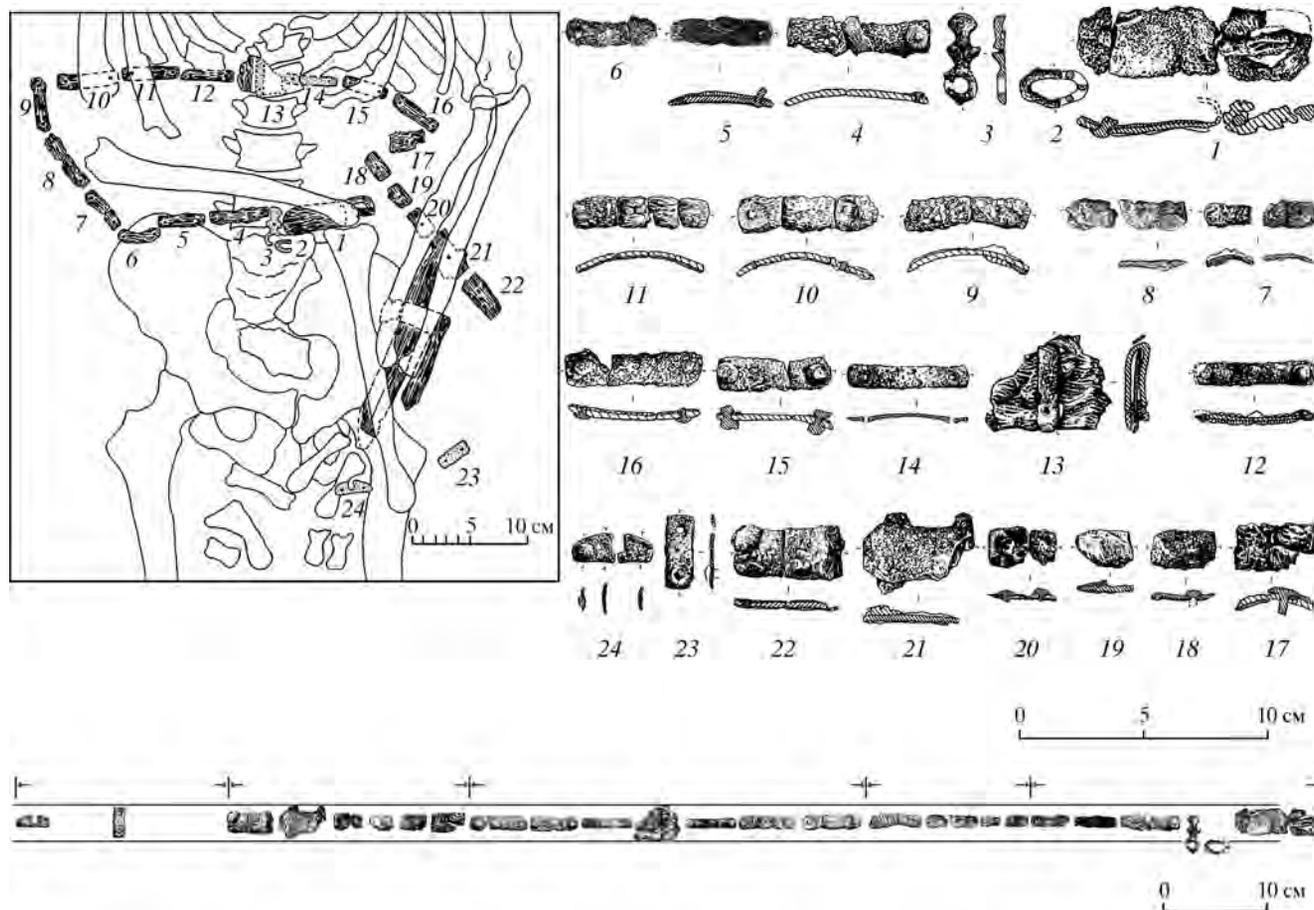

Рис. 2. Металлические детали наборного пояса из кургана 13 памятника Степушка I. Схема расположения предметов в погребении и поясные гарнитуры в развертке. 1 – пряжка; 2 – кольцо-подвес; 3 – бляха-накладка с неподвижным кольцом; 4–12, 14–16, 17–24 – бляхи-накладки; 13 – бляха-полуобойма. 1, 4, 5–12, 15–22 – железо; 2, 3, 14, 23, 24 – бронза; 13 – бронза, кожа.

ремня). Вся полученная коллекция в настоящий момент хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Ниже приводится описание обнаруженных комплектов, их графические изображения и реконструкции (рис. 1–5).

Курган 5. Железные детали пояса располагались в районе “живота” обезглавленного воина. Размещение артефактов свидетельствовало о том, что ремень был надет на погребенного после его смерти. В состав наборного пояса входили следующие детали: пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольно-овальной формы (рис. 1, I: 1) и три бляхи-накладки в виде полуобоймы с кольцами, находившимися по бокам и на спине, примерно на равном удалении относительно друг друга (рис. 1, I: 2–4). Длина участка пояса между “крайними” металлическими бляхами составляла 63 см, ширина кожаного ремня предположительно была не менее 2. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону. Зафиксированные показатели и находки позволили представ-

вить графическую реконструкцию обнаруженного наборного пояса (рис. 5А, 1).

Курган 6. Железная поясная гарнитура обнаружена чуть выше тазовых костей подростка 12.5–13 лет (половозрастные определения сделаны заведующей кабинетом антропологии Алтайского государственного университета, канд. ист. наук С.С. Тур). Наборный пояс включал пряжку с подвижным язычком и подвижным щитком прямоугольно-овальной формы (рис. 1, I: 1), шесть блях-полуобойм с подвижными кольцами (по паре по бокам; положение двух экз. точно не установлено) (рис. 1, I: 2, 3, 5–8) и бляху из прямой пластины с неподвижным кольцом на правом боку (рис. 1, I: 4). Ширина пояса составляла не менее 3 см. Судя по тому, что все бляхи лежали кольцами “вверх”, пояс был надет на умершего человека в перевернутом виде. На основании полученных вещественных материалов выполнена его графическая реконструкция (рис. 5А, 2).

Курган 9. Железная ременная гарнитура лежала в области грудной клетки мужчины 35–40 лет.

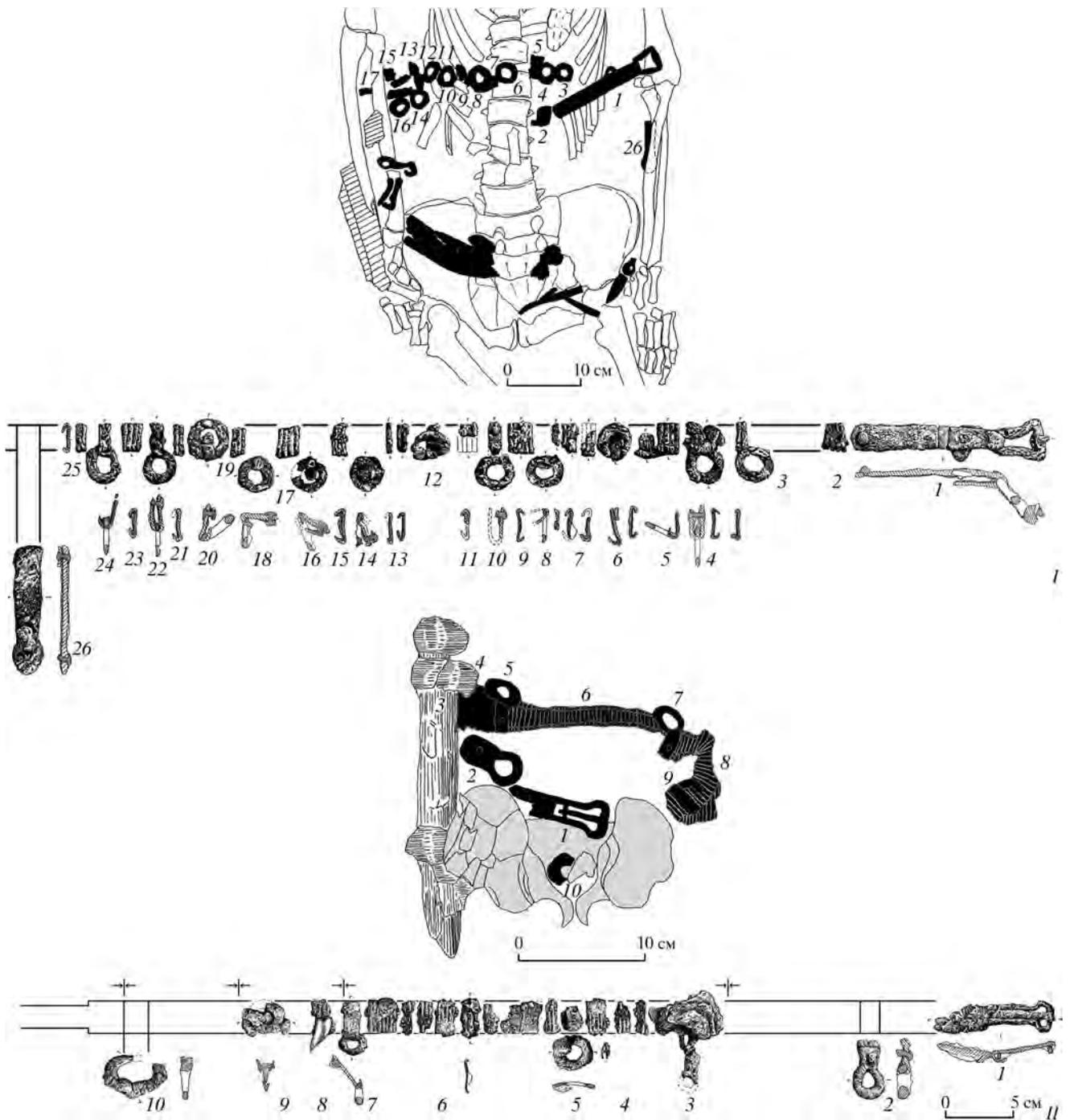

Рис. 3. Железные детали наборных поясов, обнаруженные при исследовании памятника Степушка I. Схемы расположения предметов в погребениях и поясные гарнитуры в развертке. I – к. 17 (1 – пряжка; 2, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25 – бляхи-зажимы; 3, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24 – бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами; 26 – наконечник подвесного ремня); II – к. 21 (1 – пряжка; 2 – кольцо-блок; 3 – накладка; 5, 7, 9 – бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами; 4, 6, 8 – бляхи-зажимы; 10 – кольцо-подвес).

Наборный пояс состоял из пряжки с утраченным подвижным язычком, с овальной рамкой и прямоугольным щитком-полуобоймой (рис. 1, III: 3), трех блях-полуобойм с кольцами (рис. 1, III: 2, 4, 5), распределителя с вогнуто-трапециевидным

приемником и прямоугольно-овальным щитком-полуобоймой (рис. 1, III: 3). Ремень имел ширину не менее 2,7 см. Обнаруженные детали позволили выполнить графическую реконструкцию всего комплекта (рис. 5А, 4).

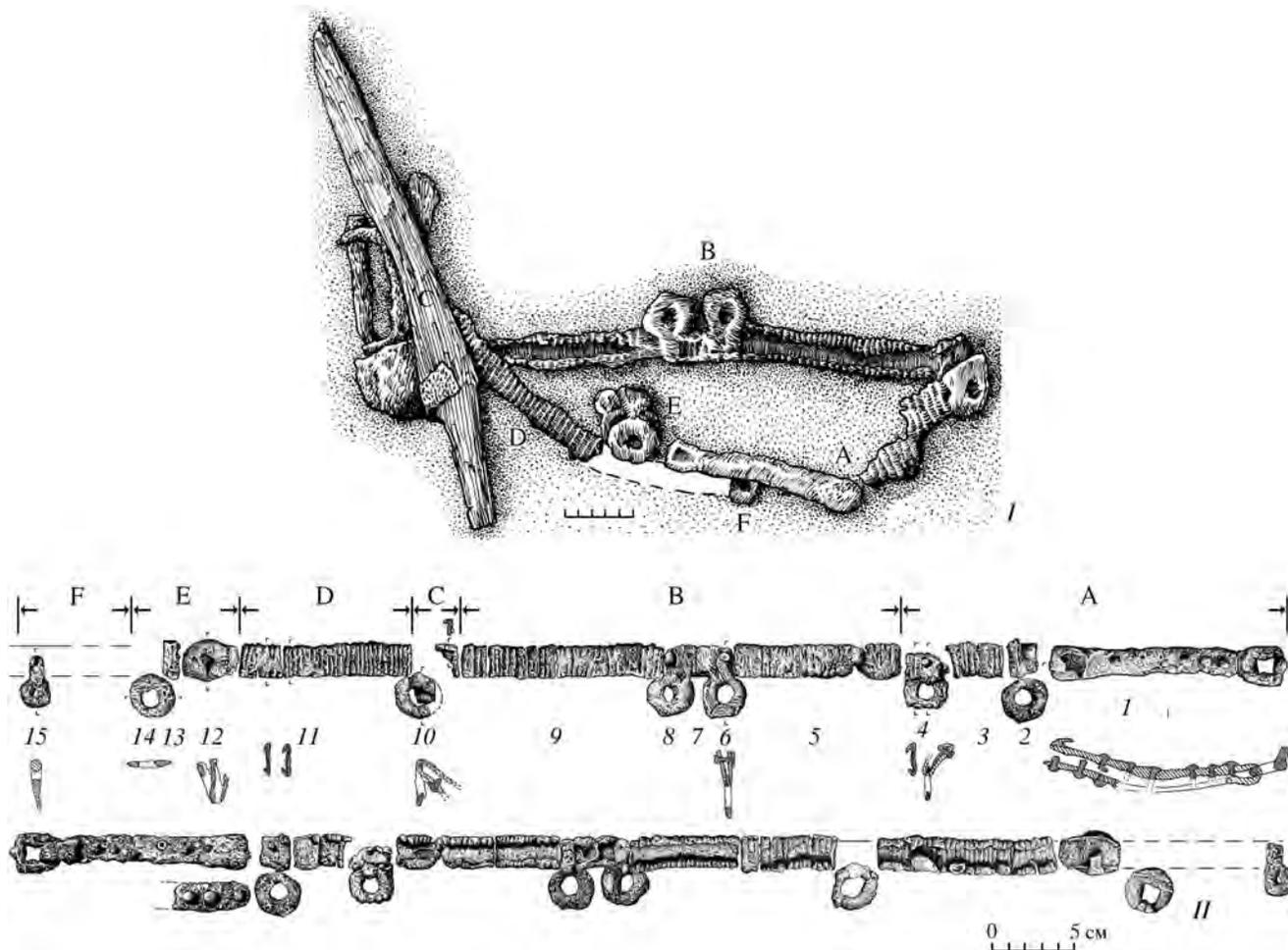

Рис. 4. Железные детали наборного пояса из кургана 19 памятника Степушка I. Схема расположения предметов в погребении (I) и поясная гарнитура в развертке (II). 1 – пряжка; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14 – бляхи-полуобоймы с кольцами; 3, 5, 7, 9, 11, 13 – бляхи-зажимы; 15 – бляха с неподвижным кольцом (на схеме расположения гарнитур латинскими буквами обозначены фрагменты поясного набора, изъятые из погребения монолитами).

Курган 13. Наборный пояс состоял из большого количества металлических изделий, зафиксированных в районе нижней части “живота” мужчины, который умер в возрасте около 50 лет. Найден следующий набор гарнитуры: железная пряжка с подвижным язычком с арочной рамкой и щитом-полуобоймой прямоугольно-овальной формы (рис. 2, 1); бронзовое кольцо-подвес, которое крепилось с помощью узкого ремешка, сложенного в петлю (рис. 2, 2); бронзовая бляха-накладка “секировидной” формы с неподвижным кольцом и шпеньковым креплением (рис. 2, 3); бляхи-накладки (11 железных и 1 бронзовая) вытянуто-прямоугольной формы, фиксировавшиеся на ремне в горизонтальном положении с помощью железных или бронзовых шпеньков (рис. 2, 7–12, 15, 16); бронзовая бляха-полуобойма вытянуто-прямоугольной формы, размещавшаяся на поясе в вертикальном положении (рис. 2, 13); железные бляхи-накладки из прямой пластины пря-

моугольной (рис. 2, 17–20), шестиугольной (рис. 2, 21) и трапециевидной (рис. 2, 22) форм с шпеньковым креплением; бронзовые бляхи-накладки из прямой пластины с прямоугольным (рис. 2, 23) и вытянуто-овальным абрисом (рис. 2, 24) вертикальной и горизонтальной схем крепления. Общая длина пояса составляла не менее 110 см, ширина – в пределах 3.6. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону. Зафиксированные сведения легли в основу представленной реконструкции (рис. 5Б, 5).

Курган 15. Железные детали наборного пояса расчищены выше тазовых костей в области “живота” умершего мужчины 35–40 лет. Пояс имел подвижно-язычковую пряжку с овальной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольно-овальной формы (рис. 1, IV: 1), четыре бляхи-полуобоймы с кольцом (рис. 1, IV: 2–4): одну спереди на правой половине, две по бокам, одну спереди на левой половине. Ширина пояса составляла не менее 4 см,

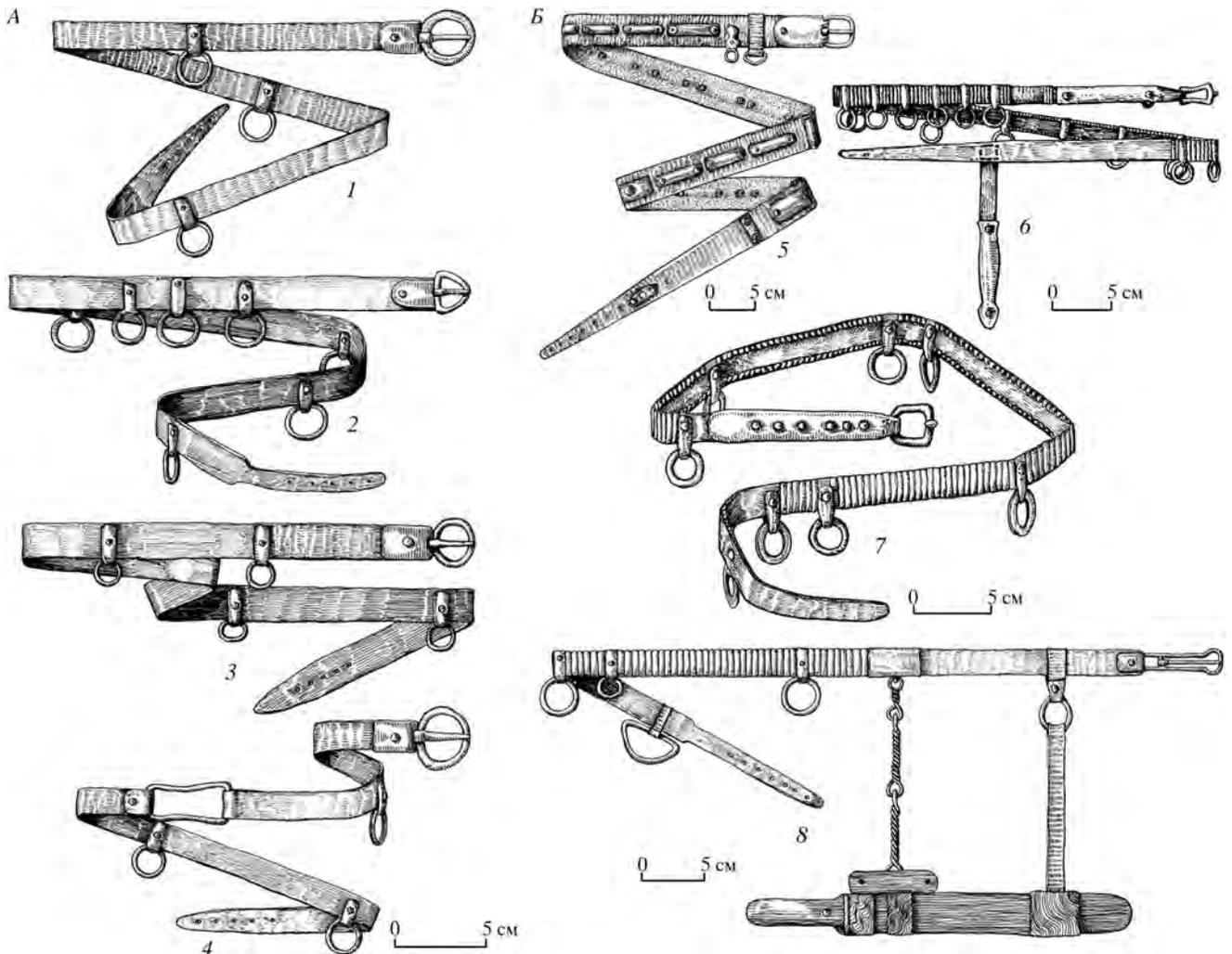

Рис. 5. Реконструкция наборных поясов из памятника Степушка I. А: 1 – к. 5; 2 – к. 6; 3 – к. 15; 4 – к. 9; Б: 5 – к. 13; 6 – к. 17; 7 – к. 19; 8 – к. 21.

длина его от пряжки до “крайней” металлической бляхи – 80. Ремень застегивался на левую сторону. Имеющиеся находки и их расположение в погребении обеспечили возможность выполнения графической реконструкции (рис. 5А, 3).

Курган 17. Наборный пояс выявлен в 14 см выше тазовых костей юноши 15–16 лет (рис. 3, I). В комплект входили следующие железные детали: пряжка с неподвижным шпеньком, с трапециевидной рамкой и щитком-полуобоймой вытянуто-прямоугольной формы (рис. 3, I: 1); 13 блях-полуобойм с кольцами спереди, по бокам и на спине (рис. 3, I: 3, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24); не менее 53 блях-зажимов (рис. 3, I: 2, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25), расположенных вплотную друг к другу на разных участках пояса; наконечник подвесного ремня (рис. 3, I: 26). Ширина кожаной основы составляла не менее 2 см, протяженность металлических деталей гарнитуры от дужки пряжки до “край-

ней” металлической бляхи – 73 см. Общая длина ремня, который застегивался на левую сторону, вероятно, была более 1 м. Материалы, полученные в ходе раскопок, позволили осуществить реконструкцию наборного пояса (рис. 5Б, 6).

Курган 19. В погребении мужчины 35 лет обнаружен наиболее хорошо сохранившийся поясной комплект (Тишкин и др., 2012а, б; Тишкин, Матренин, 2013а, б). Его металлические детали зафиксированы в 10 см выше тазовых костей человека. Найдено большое количество железных изделий, расположение которых четко передавало контур истлевшего кожаного ремня, некогда опоясывавшего тело покойного (рис. 4, I). Реконструируемый наборный пояс (рис. 5Б, 7) включал в себя следующие элементы: пряжку с неподвижным шпеньком и щитком-полуобоймой вытянуто-трапециевидной формы (рис. 4, II: 1); 7 блях-полуобойм с кольцами (пара – на спине по центру, 2 – на пра-

вом, а 3 – на левом боку) (рис. 4, II: 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14); не менее 167 блях-зажимов, расположенных вплотную друг к другу на спине и по бокам (рис. 4, II: 3, 5, 7, 9, 11, 13); бляху с неподвижным кольцом (рис. 4, II: 15). Протяженность металлической гарнитуры (с учетом щитка пряжки) составляла 68–73 см. Общая длина пояса не превышала 120 см. Ширина кожаной основы была 1,9–2 см с незначительным сужением окончания, продеваемого в пряжку. Обращает на себя внимание, что на всем протяжении пояса бляхи-полуобоймы лежали кольцами “вверх”. Такое нестандартное положение свидетельствует о том, что пояс первоначально был надет на погибшего воина в перевернутом виде. В дополнение к этому следует отметить, что рядом с поясом находился боевой нож в ножнах, ориентированный острием вверх, к голове человека (рис. 4, I). В погребении ремень, скорее всего, был расстегнут.

Курган 21. Железные детали наборного пояса зафиксированы в области таза ребенка 5–6 лет (рис. 3, II). Они состояли из следующих изделий: пряжка с подвижным язычком на вертлюге, Т-образной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольной формы (рис. 3, II: 1); кольцо-блок с трапециевидным щитком (рис. 3, II: 2); накладка, соединенная с витой цепочкой, к которой подвешивались ножны боевого ножа (рис. 3, II: 3); 3 бляхи-полуобоймы с кольцами (рис. 3, II: 5, 7, 9); бляхи-зажимы (не менее 58 экз.) в виде узких вертикально-ориентированных пластин, образующих почти сплошную металлическую “ленту” на участке спины (рис. 3, II: 4, 6, 8); кольцо-подвес овальной формы (рис. 3, II: 10). Общая длина пояса – не менее 70 см, ширина – 2, ширина окончания ремешка – 1,5. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону. На основании полученных материалов выполнена графическая реконструкция наборного пояса (рис. 5Б, 8).

Сравнительный анализ ремennых гарнитур. Гарнитуры реконструированных наборных поясов – достаточно информативный источник для археологического датирования. В этом плане рассмотрим изделия, обнаруженные на памятнике Степушка I, по категориям.

Пряжки. Большинство наборных поясов (курганы 5, 6, 9, 15) застегивались с помощью подвижно-язычковых пряжек с овальной рамкой и щитком-полуобоймой (рис. 1, I: 1; II: 1; III: 1; IV: 1). Период бытования таких пряжек в булан-кобинской культуре определяется в широких рамках от второй половины II – начала III до V в. включительно. В погребальных комплексах Алтая эпохи Великого переселения народов уже учтено не менее 20 по-

хожих изделий, датирующихся преимущественно III–IV вв. (Матренин, 2013. С. 231, 232).

Подвижно-язычковая пряжка с арочной рамкой и прямоугольно-овальным щитком-полуобоймой от наборного пояса из кургана 13 (рис. 2, I) представляет собой редкий образец ремennых застежек кочевников Алтая III–V вв. (Матренин, 2013. С. 232). Наиболее схожий (но не идентичный) железный экземпляр с прямоугольным длинным щитком найден в позднекокельском комплексе V в. Усть-Хадынных III (к. 21) в Западной Туве (Панкова, 2003. Рис. 4, II). Близкая по оформлению уздечная пряжка найдена в тюркской ограде второй половины V – первой половины VI в. на могильнике Кудыргэ, Восточный Алтай (Илюшин, 2000. Рис. II, I).

Бесщитковая пряжка с Т-образной рамкой и подвижным язычком на цельной вертлюге из кургана 21 (рис. 3, II: 1) обнаруживает разновременные аналогии в снаряжении кочевников “западной” и “восточной” частей степного пояса Евразии. У кочевников восточноевропейских степей такие пряжки использовались в среднесарматское время (во второй половине I – начале II в.) и на начальной фазе позднесарматского периода (во второй половине II – первой половине III в.) (Симоненко, 2004. С. 145; Медведев, 2004. С. 91, 92. Рис. 1, 53; Труфанов, 2004. Рис. 4, I, 3–10; 5; Малашев, 2000. Рис. 3Б, 2, 3; 5А, 3; Зайцев, Мордвинцева, 2004. С. 182. Рис. 8, 37, 38). Похожие экземпляры найдены на территории Тувы в позднем погребении улуг-хемской культуры некрополя Аймырлыг XXXI, а также в памятниках кокельской культуры III–V вв. (Дьяконова, 1970. Табл. XII, 24, 33, 47; Николаев, 2000. Рис. 3, 2; 4, 2, 5). Сходство с поясными гарнитурами европейского облика не является основанием для удреждения пряжек из могильника Степушка I до II в. Начальный период использования таких изделий носителями булан-кобинской культуры Алтая приходится на III в. (Матренин, 2013. С. 233, 234).

Поясные пряжки из курганов 17 и 19 с подвижным шпеньком на рамке трапециевидной формы, оснащенные щитком-полуобоймой, имеют ограниченный ареал, связанный с Алтае-Саянской горной страной. Центром их широкого применения была Тува. Они известны в памятниках кокельской культуры второй половины III в. (Вайнштейн, Дьяконова, 1966. Табл. XIII, 17; Вайнштейн, 1970. Рис. 100, I; Дьяконова, 1970. Табл. XI, 35–38, 41, 58; XII, 30, 32, 48; Памятники..., 2010. С. 34). На Среднем Енисее аналогичная пряжка найдена в могильнике Староозначенская переправа I (Тетерин, 1999. Рис. 2, 12). Похожие по конструкции изделия из цветного металла представлены в таштыкском склепе I Изыхского чаатаса, который относится к более

позднему времени (не ранее VI в.) (Вадецкая, 1999. С. 122. Рис. 64. Табл. 90). Населением Алтая рассматриваемые пряжки могли быть заимствованы от кочевников Тувы на рубеже III–IV вв. (Тишкин и др., 2012б; Матренин, 2013. С. 234, 235).

Бляхи. В состав большинства наборных поясов входили железные бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом (суммарно 38 экз.). В Центральной Азии наиболее ранние (но в сущности единичные) находки таких изделий известны у населения Юго-Восточного Забайкалья в погребениях конца I – начала III в. могильника Зоргол I (Яремчук, 2005. Рис. 96, 5). Позднее в этом регионе они встречаются в сянбийских захоронениях второй половины III – IV в. на могильнике Дурой I, а также в погребениях бурхотуйской культуры IV–VI вв. (Кириллов и др., 2000. Рис. 81, 4, 18–20; Зюзин, 2008. С. 168, 169). Ранние (II в. н.э.) экземпляры таких блях связаны с Тувой, где они найдены в могильниках Бай-Даг II и Аймырлыг XXXI, но наиболее многочисленны такие находки в погребальных памятниках кокэльской культуры III–V вв. (Вайнштейн, Дьяконова, 1966. Табл. XIII, 12, 22; Дьяконова, 1970. Табл. XI, 13–24, 47; XII, 5–7, 23–28; Николаев, 2000. Рис. 3, 4, 12; Панкова, 2003. Рис. 4, 6–8; 6, 6). Относительная хронология железных блях-полуобойм с кольцом определяется периодом со II по V в. (с предпочтением начала их активного использования с конца II – начала III в.). На Алтае такие ременные гарнитуры массово представлены в булан-кобинских погребениях II–V вв. из могильников Карбан I, Тыткескень VI, Бике I, Улита, Айрыдаш I, Улуг-Чолтух I, Белый-Бом II, Булан-Кобы IV, Яломан II, Верх-Уймон, Кок-Паш, Дялян (обзор аналогий см. Тишкин, Матренин, 2013а. С. 209, 210).

Железные бляхи в виде прямой или слегка согнутой пластины прямоугольной и трапециевидной форм, найденные в кургане 13, обнаруживают многочисленные аналогии в сянбийских памятниках Юго-Восточного Забайкалья конца I–IV в. (Яремчук, 2005. Рис. 96, 6; 97, 4, 7; 99, 1, 2, 5–7, 10; 100, 2–4; 101, 2–7; 103, 1–4; Зюзин, 2008). С сянбийским наследием связано присутствие данных предметов в снаряжении племен бурхотуйской культуры (Асеев и др., 1984. Табл. XXV, 7, 11; XXVI, 3; Литвинцев, 2006. Рис. 38, 7). В Туве подобные бляхи-накладки сравнительно редки: в могильнике Аймырлыг XXXI (I – начало III в.), а также в более поздних памятниках кокэльской культуры (III–V вв.) (Дьяконова, 1970. Табл. XII, 9; Панкова, 2003. Рис. 4, 10; Памятники..., 2010. С. 61, 65; Данченко, Нестеров, 1989. Рис. 2, 11).

Имеющиеся вещественные источники демонстрируют факт предпочтительного распространения таких железных блях-накладок на территории Алтая под влиянием материальной культуры сянби в период их максимального усиления в Центральной Азии во второй половине II – начале III в. Широкое использование железных поясных блях описываемой конструкции на Алтае прекращается с появлением памятников тюркской культуры. Возможность “доживания” таких деталей гарнитур до второй половины V – начала VI в. демонстрирует факт обнаружения похожих изделий в ритуальной ограде на могильнике Кудыргэ (Илюшин, 2000. Рис. V, 10).

Железные вытянуто-прямоугольные бляхи малого размера из кургана 13 в Центральной Азии встречаются крайне редко. С полной уверенностью можно назвать несколько экземпляров из Тувы, которые происходят из некрополя Аймырлыг XXXI (I – начало III в.). Похожие изделия обнаружены в поздних некрополях I в. н.э. Кия 13 в Восточном Забайкалье. На Алтае они найдены в могильниках Айрыдаш I, Булан-Кобы IV, Кок-Паш, Дялян, Верх-Уймон, Яломан II (Соенов, Эбель, 1992. Рис. 31, 39; Тетерин, 1995. Рис. 76; Бобров и др., 2003. Рис. 12, 41, 42; 13, 7, 23; 15, 34). У кочевников Алтая данные бляхи получают широкое распространение с III в. Верхний хронологический горизонт бытования их в булан-кобинской культуре соответствует V в. (Тишкин, Матренин, 2013а).

Железные бляхи-зажимы, входящие в состав наборных поясов из курганов 17, 19 и 21, обнаруживают точные аналогии в позднесянбийских погребениях Юго-Восточного Забайкалья (вторая половина III–IV в.), а также в захоронениях бурхотуйской культуры IV–VI вв. (Асеев и др., 1984. Табл. XXI, 24; Зюзин, 2008. С. 168, 169). Подобные изделия происходят из материалов верхнеобской культуры V – начала VI в. Тимирязевского курганного могильника I в Томском Приобье (Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 10, 4; 11, 5; 13, 12). Имеющиеся археологические источники демонстрируют факт предпочтительного появления таких блях в ареале позднесянбийской общности кочевников. Относительная хронология блях-зажимов у населения булан-кобинской культуры определяется IV–V вв. На Алтае они зафиксированы в погребальных комплексах Булан-Кобы IV, Белый-Бом II, Кок-Паш, Айрыдаш I.

Железные бляхи-накладки с неподвижным кольцом из курганов 6 и 19 датируются в широких хронологических рамках от II до V в.

Бронзовые бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы небольшого размера из кургана 13 обнаруживают сходство с ременными гарнитурами

из памятников эпохи Великого переселения народов разных регионов. Среди них отметим когуреские погребения IV–VI вв., курганы верхнеобской культуры в Томском Приобье конца IV – начала VI в., погребальные комплексы джетысарской культуры Восточного Приаралья IV–V вв., кочевнические захоронения гуннского круга конца IV–V в. в степях Центрального Казахстана и Северного Причерноморья, погребения мазунинской культуры Среднего Прикамья второй половины III–V в. (Генинг, 1979. Рис. А, 9; Б, 6; Ж, 17, 18; Беликова, Плетнева, 1983. С. 27, 29, 30. Рис. 42, 7; 49, 5; Засецкая, 1994. Табл. 34, 7; 46, 5; Левина, 1996. Рис. 129, 9, 10, 14; 133, 1; Останина, 1997. Рис. 11, 18, 19, 21, 38; 23, 14–18; 24, 10; 25, 2; 28, 3; 30, 17; Zhang Xue-Yan, 2004. Fig. 1, 1; Бобров, Худяков, 2005. Рис. 25). Похожие изделия известны в более раннее время (I–III вв.) у населения центральноевропейского Барбарикума (Малашев, 2007. Рис. 2, 4). Приведенные аналогии дают основания предполагать, что на территории Алтая похожие изделия могут датироваться второй четвертью I тыс. (скорее всего IV в.). Важно обратить внимание, что на поясе из Степушки I данные бляхи крепились как в вертикальном, так и в горизонтальном положении, что подчеркивает самобытную (местную) конструкцию.

Бронзовая бляха-накладка овальной формы из кургана 13 по своим морфологическим признакам относится ко II–V вв. (с большой вероятностью датировки в интервале III–IV вв.). Бронзовая бляха-накладка “секировидной” формы из прямой пластины с неподвижным кольцом из того же объекта имеет сходство с поясными деталями гарнитуры, найденной в погребении кокзельской культуры на могильнике Кожээлиг-Хову 58-V (погребение под задернованной западиной) в Западной Туве (Грач, 1960. Рис. 35). Стилистически они напоминают собой металлические бляхи-нашивки из памятников сяньби II–III вв. во Внутренней Монголии (Могильник Саньдаовань..., 2004. Рис. 11, 4). Не исключено, что в булан-кобинской и кокзельской культурах данные бляхи являются поздними подражаниями сяньбийским образцам и датируются не ранее III в., а, вероятнее всего, ближе к середине–второй половине обозначенного столетия. Бронзовая бляха-накладка из кургана 13, которая имеет корпус из плоской пластины, сложенной в полуобойму, в морфологическом отношении обнаруживает близость с ременными наконечниками, широко представленными у поздних сарматов (вторая половина II – первая половина III в.), у племен Среднего Прикамья (с рубежа III–IV вв.) и реже у населения Верхнего Приобья (не ранее II в.), “кокзельцев” Тувы (не ранее III в.), кочевых народов Северного Китая (конец IV – первая треть VI в.), когуреских племен

(IV–V вв.) (Троицкая, 1979. Табл. XXIV, 10; Данченко, Нестеров, 1989. Рис. 3, 3; Останина, 1997. Рис. 29, 13; 32, 1; 34, 17; 35, 20; 36, 19; 67, 24; Малашев, 2000. С. 210; Zhang Xue-Yan, 2004. Fig. 5, 2–5, 10; Гао Фэн, 2006. С. 62; Малашев, Яблонский, 2008. С. 57). Единственный экземпляр такого наконечника на Алтае обнаружен в кургане 227 могильника Балыктыюль, датирующемся концом II – первой половиной III в. (ближе к середине столетия) (Сорокин, 1977. Рис. 5, 15). Нижняя дата данных блях в рамках булан-кобинской культуры может быть определена не ранее III в. Вопрос о верхнем хронологическом рубеже бытования подобных изделий в булан-кобинской культуре остается пока открытым. Стоит заметить, что в памятниках тюрок Алтая второй половины V–XI в. они не найдены.

Железный наконечник подвесного ремня из кургана 17, выполненный из прямой монолитной пластины язычковидной формы, которая фиксировалась к ремню с помощью шпеньков, представляет собой редкий образец в поясных гарнитурах кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов. “Пробные” экземпляры накладных наконечников ремней с креплением в виде шпеньков известны в позднехуннских памятниках I – начала II в. Наконечник ремня из Степушки I обнаруживает сходство с бронзовыми наконечниками-подвесками у поздних сарматов, у которых они появляются в первой половине–середине III в. (Малашев, 2000. С. 210. Рис. 6Д, 1). Похожие наконечники и накладки из цветного металла имеются в памятниках Прикамья второй половины–конца III–V в. (Генинг, 1979. Рис. А, 13; Г, 11; Д, 17, 22–23; Останина, 1997. Рис. 51, 34), а также найдены в булан-кобинских могильниках Айрыдаш I и Кок-Паш. Нижняя дата язычковидных наконечников ремней для территории Алтая – III в. Самые поздние экземпляры относятся к концу IV – первой половине V в.

Железный распределитель ремней с вогнуто-трапециевидным приемником и подвижным щитком-полуобоймой из кургана 9 имеет аналогии в материалах кокзельской культуры Тувы конца III – IV в. (Дьяконова, 1970. Табл. XI, 30, 31, 39; XII, 35). Распределители с одним или двумя свободно вращающимися щитками найдены в памятниках фоминской культуры (III – первая половина IV в.) Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау (Ширин, 2003. Табл. XI, 4, 5; XII, 2; XXV, 2–4; LXVI, 3, 4). На Алтае они обнаружены в погребениях некрополей Белый-Бом II, Булан-Кобы IV, Кок-Паш, Яломан II, Дялян, датирующихся IV–V вв.

Кольца-подвесы представлены железным (к. 21) и бронзовым (к. 13) экземплярами (рис. 2, 2; 3, II: 10). К поясу они могли крепиться с помощью

кожаной петли, пришитой или свободно двигающейся по ремню. Подобные гарнитуры известны в булан-кобинских памятниках II–V вв. За пределами Алтая они наиболее многочисленны в кокэльской культуре Тувы III–V вв.

Итак, металлические детали наборных поясов из погребений курганов 5, 6, 9 и 15 курганной группы Степушка I часто встречаются в памятниках булан-кобинской культуры II–V вв. Аналогии поясам из курганов 17 и 19 зафиксированы в погребальных комплексах Алтая IV–V вв. из некрополей Кок-Паш и Булан-Кобы IV (к сожалению, данные экземпляры полноценно не опубликованы). По составу гарнитур им близок наборный пояс из кургана 21, археологический возраст которого определяется IV в. Оригинальный наборный пояс из кургана 13 датируется III–IV вв. Таким образом, на основе вещественных источников из курганной группы Степушка I удалось реконструировать несколько вариантов наборных поясов населения булан-кобинской культуры, в том числе редкие (курганы 17, 19, 21) и ранее не известные (курган 13) модификации, а также получить ценные наблюдения для воссоздания облика частично сохранившихся поясов из других памятников булан-кобинской культуры.

В заключение стоит отметить, что погребальный комплекс Степушка I – один из базовых археологических памятников сяньбийско-жужанского времени Алтая, материалы которого имеют большое значение для разработки региональной периодизации кочевых культур Северной Азии эпохи Великого переселения народов.

Авторы благодарны Н.Н. Николаеву, предоставившему возможность познакомиться с частью археологической коллекции хуннуско-сяньбийского времени могильника Аймырлыг XXXI, которая хранится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Выражаем также признательность Е.В. Ковычеву (Чита) за работу с неопубликованными материалами могильника Кия 13. К сожалению, захоронения данного памятника были потревожены древними грабителями. В связи с этим нет полной уверенности, что все эти железные изделия представляют собой детали поясных наборов.

Работа выполнена при поддержке гранта Минобрнауки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским гос. ун-том (проект № 2013-220-04-129).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 243 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. С. 80–199.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. I. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 194–199.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Мат-лы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970. С. 7–79.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Наука, 1966. С. 185–291.

Гао Фэн. Северо-вэйские погребения на шоссе в городе Датун провинции Шанси // Вэньу. 2006. № 10. С. 51–71 (на кит. яз.).

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Мат-лы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 73–150.

Данченко Г.П., Нестеров С.П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской котловины (сравнительный анализ) // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 94–103.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. 164 с.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Мат-лы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.

- Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И.* Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 174–204.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.
- Зюзин А.В.* Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дуруй-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008. С. 168–169.
- Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. С. 157–169.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И.* Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Вост. лит., 1996. 396 с.
- Литвинцев А.Ю.* Комплекс археологических памятников в пади Кирпичной // Зап. Нерчинского краеведч. музея. Вып. 2. Нерчинск, 2006. С. 46–48.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-н/Д.: Терра, 2000. С. 194–232.
- Малашев В.Ю.* Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культуры (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М.: Вост. лит., 2008. 365 с.
- Матренин С.С.* Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4/1 (80). С. 228–237.
- Медведев А.П.* Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 86–94.
- Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци // Открытие и исследование сяньбэйских могильников во Внутренней Монголии. Пекин, 2004. С. 16–54 (на кит. яз.).
- Николаев Н.Н.* Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 70–85.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ, 1997. 326 с.
- Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: ЭликСис, 2010. 252 с.
- Панкова С.В.* Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. 2003. № 11. С. 92–106.
- Симоненко А.В.* Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 134–173.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Сорокин С.С.* Погребения эпохи “великого переселения народов” в районе Пазырыка // Археологический сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 18. Л.: Аврора, 1977. С. 57–67.
- Тетерин Ю.В.* Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. С. 131–135.
- Тетерин Ю.В.* Центральнo-азиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. С. 56–65.
- Тишкин А.А., Матренин С.С.* Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2013а. № 4/1 (80). С. 204–213.
- Тишкин А.А., Матренин С.С.* Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // КСИА. 2013б. Вып. 231. С. 59–71.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Женские metallические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. С. 420–431.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Боевые ножи кочевников Алтая эпохи “великого переселения народов” (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012а. С. 59–65.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монгол. гос. ун-та, 2012б. С. 116–120.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Кенотафы сяньбийско-жужанского времени могильника Степушка-I // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013а. С. 232–238.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентифи-

- кации культуры евразийских гуннов. Челябинск: ЮУрГУ, 2013б. С. 258–279.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 4. С. 160–170.
- Ширин Ю.В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Яремчук О.А.* Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.
- Zhang Xue-Yan.* Types and Relative Questions of Koguryo Iron Belt Decorations // Research of China's Frontier Archaeology. Beijing, 2004. P. 258–272.

THE BELTS OF THE ALTAI NOMADS DECORATED WITH PLATES OF THE MIGRATION PERIOD FROM THE SITE STEPUSHKA I

Aleksey A. Tishkin, Sergey S. Matrenin, Artur L. Kungurov

Altai State University, Barnaul

(tishkin210@mail.ru; matrenins@mail.ru; artur.kungurov@mail.ru)

The article provides with the results of the complex examination of the belts' finds with decorated panels of the Migration Period from the barrow of the Bulan-Kobinsk culture Stepushka I excavated completely in 2010 in Ongudaysky District of the Republic Altai. The analyzed collection consists of metal buckles, plates, hanger rings, and a belt distributor and a belt tip. These makes were found *in situ* which helped to reconstruct different constructions of the belts with decorated plates as well as their unique modifications. The comparative analysis of the found belt sets allowed identifying their relative chronology under the Xianbei-Rouran period (2nd–5th cc. AD) and also finding narrow periods of existing of some makes under 4th–5th cc. The received materials has proved to be an informative source for archaeological dating and also finding regional and chronological features of the ornamenting of belts with decorated plates in nomads of Altai in the Migration People period. The results of the comparative examination of the belts from the barrow Stepushka I confirm that the development of the buckles and plates among the population of the Bulan-Kobinsk culture was under the influence of the centralized fashion of the belt sets and had its uniqueness in comparison with the evolution of the munitions of the European peoples. This has been reflected in different duration of the existence of the morphological attributes of makes and dissimilarity of the relative chronology of similar objects.

Keywords: Altai, nomads, the Xianbei-Rouran period, the Bulan-Kobinsk culture, a belt decorated with plates, chronology, reconstruction.

REFERENCES

- Aseyev I.V., Kirillov I.I., Kovychev Ye.V.*, 1984. Kochevniki Zabaykal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebeniy) [Nomads of Transbaikal in Middle Ages (on the materials of burials)]. Novosibirsk: Nauka. 201 p.
- Belikova O.B., Pletneva L.M.*, 1983. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. [Sites of Tomsk the Ob region in 5–8 cc. AD]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomsk. univ. 243 p.
- Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.*, 2005. Voennoye delo syan'biyskikh gosudarstv Severnogo Kitaya IV–VI vv. n.e. [Warcraft of Xianbei states of Northern China 4–6 cc. AD]. *Voennoye delo nomadov Tsentral'noy Azii v syan'biyskuyu epokhu* [Warcraft of nomads of Central Asia in Xianbei period]. Novosibirsk: Novosib. gos. univ., pp. 80–199.
- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A.*, 2003. Vostochny Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai in the Great Migration Period 3rd–7th cc.]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 224 p.
- Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S.*, 2004. Nabornyye poyasa kochevnikov Edigana v syan'biysky period [Belts with decorated plates of nomads of Edigan in Xianbei period]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and adjacent territories], t. X, ch. I. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, eds. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, pp. 194–199.
- Danchenok G.P., Nesterov S.P.*, 1989. Dva pogrebeniya gunno-sarmatskoy epokhi iz Aymyrlygskoy kotloviny (sravnitel'ny analiz) [Two burials of Hun-Sarmatian ep-

- och from Aymyrlyg basin (comparative analysis)]. *Metodicheskiye problemy rekonstruktsiy v arkhologii i paleoekologii [Methodical problems of reconstruction in archaeology and paleoecology]*. Yu.P. Kholuyshkin, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 94–103.
- Dobzhansky V.N., 1990. Nabornyye poyasa kochevnikov Azii [Belts with decorated plates of Asian nomads]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosib. univ. 164 p.
- D'yakonova V.P., 1970. Bol'shiye kurgany-kladbishcha na mogil'nike Kokel' (po rezul'tatam raskopok za 1963, 1965 gg.) [Big barrow-cemeteries at burial ground Kokel' (on the results of the excavations in 1963, 1965)]. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii, III. Materialy po arkhologii i antropologii mogil'nika Kokel' [Transactions of Tuva complete archaeological ethnographic expedition, III. Materials on the archaeology and anthropology of the burial ground Kokel']*. Leningrad: Nauka, pp. 80–209.
- Gao Fan, 2006. Severo-veyskiye pogrebeniya na shosse v gorode Datun provintsii Shansi [Northern Wei burials at the highway in Datong of the province Shaanxi]. *Ven' u [Wen Wu]*, 10, pp. 51–71. (In Chinese).
- Gening V.F., 1979. Khronologiya poyasnoy garnitury I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov Prikam'ya) [Chronology of the belt decorated with plates set of the I millennium AD (on the materials of the Kama region burials)]. *KSIA [BCIA]*, 158, pp. 96–106.
- Grach A.D., 1960. Arkheologicheskiye issledovaniya v Kara-Khole i Mongun-Tayge (polevoy sezon 1958 g.) [Archaeological researches in Chara-Khol and Mongun-Tayga (field season 1958)]. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii, I. Materialy po arkhologii i etnografii Zapadnoy Tuvy [Transactions of Tuva complete archaeological ethnographic expedition, I. Materials on the archaeology and anthropology of the burial ground Kokel']*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 73–150.
- Ilyushin A.M., 2000. Mogil'nik Kudyrge i voprosy drevneturkskoy istorii Sayano-Altaya [Burial Kudyrge and problems of ancient Turkic history of Sayano-Altai]. *Pamyatniki drevneturkskoy kul'tury v Sayano-Altaye i Tsentral'noy Azii [Sites of ancient culture in Sayan-Altai and Central Asia]*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosib. univ., pp. 157–169.
- Kirillov I.I., Kovychev Ye.V., Kirillov O.I., 2000. Darasunsky kompleks arkhologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoye Zabaykal'ye [Darasun complex of archaeological sites]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 176 p.
- Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletiyе do n.e. – I tysyacheletiyе n.e. [Ethnocultural history of Eastern Cisurals of the I millennium BC]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Litvintsev A.Yu., 2006. Kompleks arkhologicheskikh pamyatnikov v padi Kirpichnoy [Complex of archaeological sites in Kirpichnaya pad]. *Zapiski Nerchinskogo krayevedcheskogo muzeya [Commentaries of Nerchinsk local history museum]*, 2. Nerchinsk, pp. 46–48.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of the late Sarmatian period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmats and their neighbors on the Don]*. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232.
- Malashev V.Yu., 2007. Arkheologicheskiye pamyatniki yuzhnoural'skikh stepey vtoroy poloviny II – IV v. n.e.: pozdnesarmatskaya ili gunno-sarmatskaya kul'tury (veshchevoy kompleks) [Archaeological sites of Southern Ural steppes of the second half of 2–4 cc. AD: late Sarmatian or Hun-Sarmatian culture (material complex)]. *RA [RA]*, 3, pp. 111–121.
- Malashev V.Yu., Yablonsky L.T., 2008. Stepnoye naseleniye Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoye vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka-10 [Steppe population of Southern Cisural area in late Sarmatian period: on the materials of the barrow Pokrovka -10]. Moscow: Vostochnaya literatura. 365 p.
- Matrenin S.S., 2013. Kompleksny analiz poyasnykh pryazhek kochevnikov Altaya syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni (po materialam mogil'nika Stepushka-I) [Complex analysis of an Altai nomad's buckles from Xianbei-Zhuzhan period (on the materials of the barrow Stepushka-I)]. *Izvestiya Altay. gos. univ. [Proceed. of Altai State Univ.]*, 4/1(80), pp. 228–237.
- Medvedev A.P., 2004. Periodizatsiya i khronologiya sarmatskikh pamyatnikov na Srednem i Verkhnem Donu [Periodization and chronology of Sarmatian sites on the Middle and Upper Don]. *Sarmatskiye kul'tury Yevrazii: Problemy regional'noy khronologii [Sarmatian cultures of Eurasia: Problems of the regional chronology]*. Krasnodar: Firma NSS, pp. 86–94.
- Mogil'nik San'daovan' v aymake Chayukhoutsy, 2004 [Barrow Xian Dao wan in aimak Chayouhouqi]. *Otkrytiye i issledovaniye syan'beyskikh mogil'nikov vo Vnutrenney Mongolii [Discovering and research of Xianbei barrows in Inner Mongolia]*. Pekin, pp. 16–54. (In Chinese).
- Nikolayev N.N., 2000. Poyasnyye nabory mogil'nika Kokel' [Belt sets from the barrow Kokel']. *Mirovozzreniye. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura: k 60-letiyu M.L. Podol'skogo [Worldview. Archaeology. Rituals. Culture: on the 60 anniversary of M.L. Podol'sky]*. A. Nikitin, S. Pankova, eds. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPb gos. univ., pp. 70–85.
- Ostanina T.I., 1997. Naseleniye Srednego Prikam'ya v III–V vv. [Population of the Middle Kama region in 3–5cc.]. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurt. instituta istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya RAN. 326 p.
- Pamyatniki kokel'skoy kul'tury Tuvy, 2010. Materialy i issledovaniya [Sites of the Kokel' culture of the Republic Tuva, 2010. Materials and researches]. St. Petersburg: ElikSis. 252 p.
- Pankova S.V., 2003. Pogrebeniya serediny I tys. n.e. v Zapadnoy Tuve [Burials of the middle of the I millennium AD in Western Tuva]. *Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]*, 11, pp. 92–106.
- Shirin Yu.V., 2003. Verkhneye Priob'ye i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n.e. (pogrebal'nyye

- pamyatniki fominskoy kul'tury) [The Upper Ob region and foothills of Kuznetsk Altai at the beginning of the 1 millennium AD (burial sites of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'. 288 p.
- Simonenko A.V., 2004. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and periodization of Sarmatian sites of the Northern Black Sea region]. *Sarmatskiye kul'tury Yevrazii: Problemy regional'noy khronologii [Sarmatian cultures of Eurasia: Problems of regional chronology]*. Krasnodar: Firma NSS, pp. 134–173.
- Sorokin S.S., 1977. Pogrebeniya epokhi "velikogo pereseleeniya narodov" v rayone Pazyryka [Burials at the epoch of "the Great Migration Period" in the district of Pazyryk]. *Arkheologichesky sbornik Gos. Ermitazha [Archaeological Collection of the State Ermitage]*. Leningrad: Avrora, 18, pp. 57–67.
- Soyenov V.I., Ebel' A.V., 1992. Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni [Ground burials of the Hun-Sarmatian epoch on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysky gos. pedagog. institut. 116 p.
- Teterin Yu.V., 1995. Poyasnyye nabory gunno-sarmatskoy epokhi Gornogo Altaya [Belt sets of the Hun-Sarmatian epoch of Gorny Altai]. *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya [Problems of rescue, research and exploitation of the cultural heritage of Altai]*. Barnaul: Izdatel'stvo Altay. gos. univ., pp. 131–135.
- Teterin Yu.V., 1999. Tsentral'no-aziatskiye elementy tashtykskogo kostyuma (po materialam gruntovykh mogil) [Central Asian elements of Tashtyk costume (on the materials of phreatic graves)]. *Yevraziya: kul'turnoye naslediye drevnikh tsivilizatsiy, 2. Gorizonty Yevrazii [Eurasia: cultural heritage of the ancient civilizations, 2. Horizons of Eurasia]*. Novosibirsk: Novosib. gos. univ., pp. 56–65.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., 2013a. Poyasnyye blyakhi syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni iz mogil'nika Stepushka-I v Tsentral'nom Altaye [Belt plates of Xianbei-Zhuzhan epoch from the burial Stepushka-I in Central Altai]. *Izvestiya Altay. gos. univ. [Proceed. of Altai State Univ.]*, 4/1(80), pp. 204–213.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., 2013b. Voinskoye pogrebeniye rannezhuzhanskogo vremeni na mogil'nike Stepushka-I v Tsentral'nom Altaye [Warrior's burial of the early Zhuzhan period at the burial ground Stepushka-I in Central Altai]. *KSIA [BCIA]*, 231, pp. 59–71.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2011. Zhenskiye metallicheskiye ukrasheniya iz pogrebeniy syan'biyskogo vremeni na Altaye (po materialam issledovaniya pamyatnika Stepushka-I) [Female metal jewelry from the burial of Xianbei period in Altai (on the materials of the research of the site Stepushka-I)]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana [Problems of Kazakhstan Archaeology]*, 3. Almaty: Izdatel'stvo IA im. A.Kh. Margulana MON RK, pp. 420–431.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2012a. Boyevyye nozhi kochevnikov Altaya epokhi velikogo pereseleeniya narodov (po materialam mogil'nika Stepushka-I) [Fight knives of nomads of Altai of the Great Migration Period (on the materials of the burial Stepushka-I)]. *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Yevrazii [History and culture of the medieval people of the steppe Eurasia]*. Barnaul: Izdatel'stvo Altay. univ., pp. 59–65.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2012b. Naborny poyas syan'biyskogo vremeni iz mogil'nika Stepushka-I v Tsentral'nom Altaye [Belt with decorated plates of the Xianbei period from the barrow Stepushka-I in Central Altai]. *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]*. Ulan-Bator: Izdatel'stvo Mongol. gos. univ., pp. 116–120.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2013a. Kenotafy syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni mogil'nika Stepushka-I [Cenotaphs of Xianbei-Zhuzhan epoch of the barrow Stepushka-I]. *Sovremennyye resheniya aktual'nykh problem yevraziyskoy arkheologii [Modern solutions of the relevant problems of Eurasian archaeology]*. Barnaul: Izdatel'stvo Altay. univ., pp. 232–238.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2013b. Stepushka-I – pamyatnik kochevnikov Altaya syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni [Stepushka-I – the site of nomads of Altai of the Xianbei-Zhuzhan epoch]. *Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury yevraziyskikh gunnov [Problems of origin and identification of the Eurasian Huns culture]*. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural. gos. univ., pp. 258–279.
- Troitskaya T.N., 1979. Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'ye [Kulay culture in Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: Nauka. 124 p.
- Trufanov A.A., 2004. Pryazhki rannikh provintsial'no-rimskikh form v Severnom Prichernomor'ye [Buckles of the early provincial Roman forms in Northern Black Sea region]. *RA [RA]*, 4, pp. 160–170.
- Vadetskaya E.B., 1999. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri [Tashtyk epoch in ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburg. vostokovedeniye. 440 p.
- Vaynshteyn S.I., 1970. Raskopki mogil'nika Kokel' v 1962 g. (pogrebeniya kyzylganskoy i syyn-churekskoy kul'tur) [Excavations of the barrow Kokel' in 1962 (burials in Kizilgan and Syn-Chureksk culture)]. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, III. Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel' [Transactions of Tuva complete archaeological ethnographic expedition, III. Materials on the archaeology and anthropology of the burial ground Kokel']*. Leningrad: Nauka, pp. 7–79.
- Vaynshteyn S.I., D'yakonova V.P., 1966. Pamyatniki v mogil'nike Kokel' kontsa I tysyacheletiya do nashey ery – pervykh vekov nashey ery [Sites in the barrow Kokel' of the end of the 1 millennium BC – the first centuries AD]. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Transactions of Tuva complete archaeological ethnographic expedition.]*, II. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 185–291.
- Yaremchuk O.A., 2005. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii: dis. ... kand.

- Istor. nauk [Barrow Zorgol-I – the site of Hun-Xianbei epoch of the steppe Daur: dis. PhD]. Chita. 296 p.
- Zasetskaya I.P., 1994. Kul'tura kочевников yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv. n.e.) [Culture of nomads of the southern Russian steppes in Hun epoch (the end of 4–5 cc. AD)]. St. Petersburg: Ellips Ltd. 224 p.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. Varvarskiye pogrebeniya Kryma II v. do n.e. – I v. n.e. [Barbarians burials of the Crimea of the 2 c. BC – 1 c. AD]. *Sarmatskiye kul'tury Yevrazii: Problemy regional'noy khronologii: dokl. V mezhdunar. konf. "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [Sarmatian cultures of Eurasia: Problems of regional chronology: reports of the V int. conf. "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Krasnodar: Firma NSS, pp. 174–204.
- Zhang Xue-Yan, 2004. Types and Relative Questions of Koguryo Iron Belt Decorations. *Research of China's Frontier Archaeology*. Beijing, pp. 258–272.
- Zyuzin A.V., 2008. Predmety vooruzheniya iz syan'biyskogo mogil'nika Duroy-I v Vostochnom Zabaykal'ye [Items of military equipment from Xianbei barrow Duroy-I in the Eastern Trans-Baikal]. *Etnokul'turnaya istoriya Yevrazii: sovremennyye issledovaniya i opyt rekonstruktsy* [Ethnocultural history of Eurasia: modern researches and reconstructions' experience]. Barnaul: Azbuka, pp. 168–169.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ДАНЬСЛАВЛЕ УЛИЦЕ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

© 2015 г. А.А. Евтеев*, О.М. Олейников**

**Научно-исследовательский институт и
Музей антропологии им. Д.Н. Анучина (МГУ им. М.В. Ломоносова),
(evteandr@gmail.com)*

*** Институт археологии РАН, Москва (olejnikov1960@yandex.ru)*

Досланский раскоп располагался в северной части Неревского конца Великого Новгорода, в 2–5 м к западу от бывшей ц. Дмитрия Солунского на Дослане улице. Культурный слой здесь датируется концом XI – XX в. В конце XI в. произошло деление территории по улице Дослане на участки под городские усадьбы. Удалось проследить четыре двора с сооружениями, которые можно соотнести с ледниками. В начале XIII в. изучаемая территория запустела. Возобновление усадеб произошло в XIV в. В восточной части раскопа прослежена прицерковная территория, огороженная частоколом с кладбищем XIV–XIX вв. Были исследованы костные останки из 136 погребений. Общая краниологическая выборка составила 57 черепов. Средний возраст смерти в группе – 33.4 года: у мужчин – 36.2 года, у женщин – 31.2. Реконструированная длина тела мужчин колеблется в пределах 166–169 см, женщин – 153–157 см. В серии высок процент встречаемости травм черепа и посткраниального скелета, а также болезней суставов и позвоночника. Также высок процент маркеров физиологического стресса, общее состояние зубочелюстной системы плохое. По всем системам антропологических признаков наблюдаются существенные отличия между погребенными разных хронологических периодов, особенно резко выраженные между выборками XVI и XVII вв.

Ключевые слова: Великий Новгород, ц. Дмитрия Солунского на Дослане улице, усадьбы XII–XIV вв., прицерковное кладбище, палеоантропология, краниология, палеопатология.

В 2011 г. Новгородским хоздоговорным отрядом Новгородской археологической экспедиции Института археологии Российской академии наук (ИА РАН) осуществлялись исследования в относительно мало изученном археологами районе средневекового Новгорода – на окраине северной части Софийской стороны (рис. 1). В 50–90-х годах XX в. здесь проводились лишь наблюдения за строительными работами, позволившие приблизительно воссоздать картину средневековой уличной сети.

Раскоп Досланский площадью 750 м² располагался на ул. Даньславля, 17, в 2–5 м к западу от бывшей ц. Дмитрия Солунского на Дослане улице (рис. 2). Улица Дослани (Даньславля) впервые упоминается в Новгородской первой летописи под 6850 (1342) г. (2000. С. 355). До конца XV в. она называлась улицей “Даньславля” (Новгородская..., 2000. С. 370, 384, 386, 407). На ней находились ц. Мины и Дмитрия Солунского. По названию последней в некоторых источниках улица называлась Дмитриевской. В XVI в. на Дослане улице насчи-

тывалось более 100 дворов. На северной ее стороне располагались в основном усадьбы ремесленников-кожевников, рабочие инструменты которых были обнаружены в постройках XV–XVI вв. (рис. 3).

Полное описание северной стороны Дослани сохранилось в составе Писцовой книги Новгорода 1582/83 г. (Майков, 1911. С. 21–33). При работе с этим описанием следует иметь в виду одну особенность формуляра описания этой части улицы. После того, как была описана северная сторона Дослани с 23 дворами, располагавшимися между Волховом и Пробойной улицей, в Писцовой книге идет описание двух маленьких улочек – Корильской и Вороньей, располагавшихся к северу от нее, но в податном отношении относившихся к Дослане; лишь после этого было продолжено описание северной стороны Дослани от Пробойной улицы к Окольному городу (Майков, 1911. С. 29–33). Однако в Писцовой книге это продолжение не было выделено особым заголовком, что часто вводило исследователей в заблуждение. Определение этого отрывка как от-

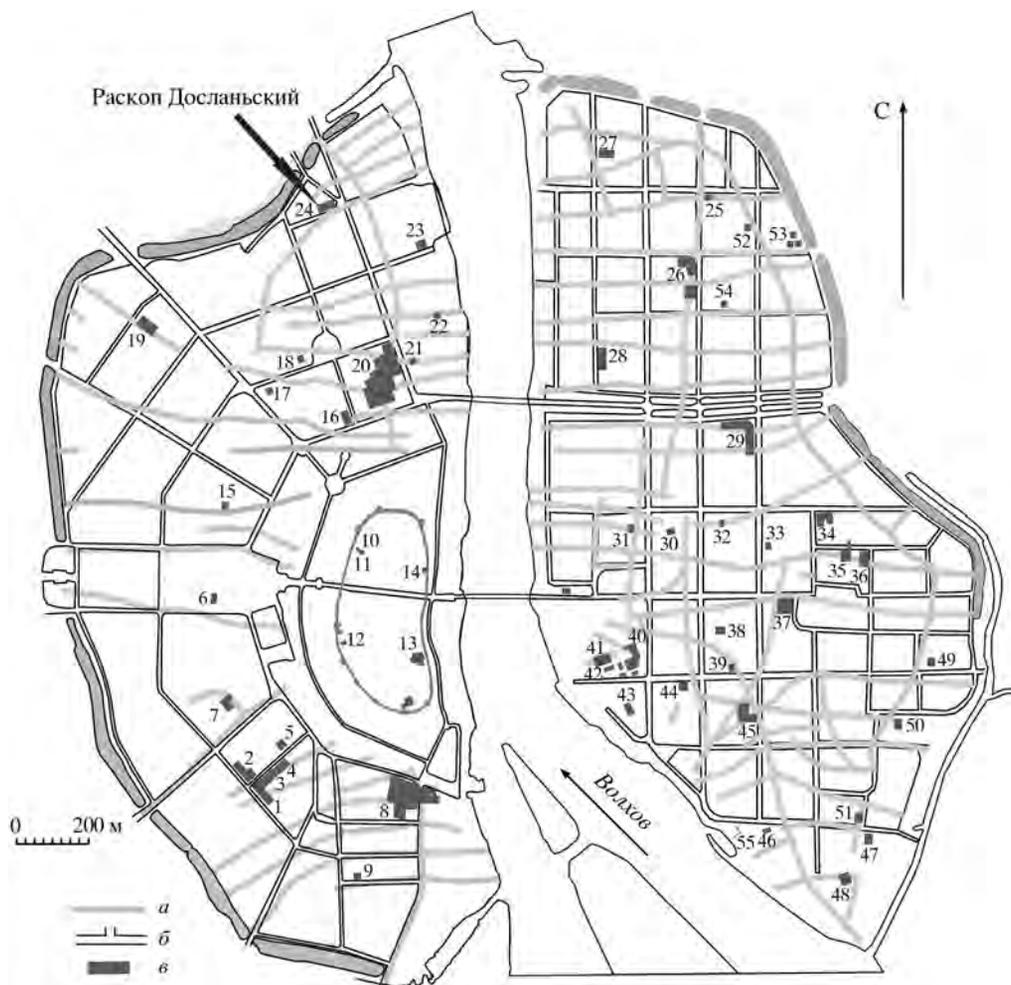

Рис. 1. Великий Новгород 2011. Ситуационный план раскопа Досланский. Условные обозначения: *a* – древние улицы; *б* – современные улицы; *в* – археологические раскопы.

носящегося к северной части Дослани однозначно доказывается как формуляром Писцовой книги, так и сопоставлением описания отдельных дворов этой части улицы с упоминаниями их в составе оброчной книги Новгорода 1582/83 г. (Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., 1929. С. 150, 161, 163). Границей описания Вороньей улицы и продолжения Дослани служат дворы на церковной земле ц. Дмитрия Солунского.

Теоретически можно было бы определить, какие именно дворы в конце XVI в. располагались на территории раскопа, однако уровень современной изученности Писцовой книги 1582/83 г. пока не позволяет этого сделать. Поэтому сейчас можно лишь констатировать, что к территории раскопа могли относиться дворы, описанные в Писцовой книге начиная с дворов ц. Дмитрия Солунского и расположенные непосредственно после них (Майков, 1911. С. 29, 30). Большинство из них имело довольно маленькие размеры, поэтому, учитывая значительную

площадь раскопа, в качестве кандидатов следует рассматривать как минимум 15 дворов Писцовой книги, из которых 6 были дворами церковнослужителей, 4 – помещичьими, а 5 – дворами тяглых посадских людей (у одного из них указана ремесленная специальность – овчинник).

Церковь Дмитрия Солунского на Дослане улице впервые упоминается в Новгородской первой летописи под 6898 (1390) г. как погибшая от пожара. В дальнейшем она неоднократно горела и отстраивалась вновь (Новгородская первая летопись, 2000. С. 384, 386). Ее местоположение определяется на основании письменных и картографических источников. В Семисоборной росписи и в Описи 1617 г. указывается, что церковь находилась в конце Дослани улицы (Янин, 1976. С. 113), а Роспись 1615 г. помещает ее на Дмитриевскую улицу (Анкудинов, 2008. С. 376).

В оброчной книге 1582/83 г. упоминается топоним “Дмитриевское буевище” (“На Дмитриевском

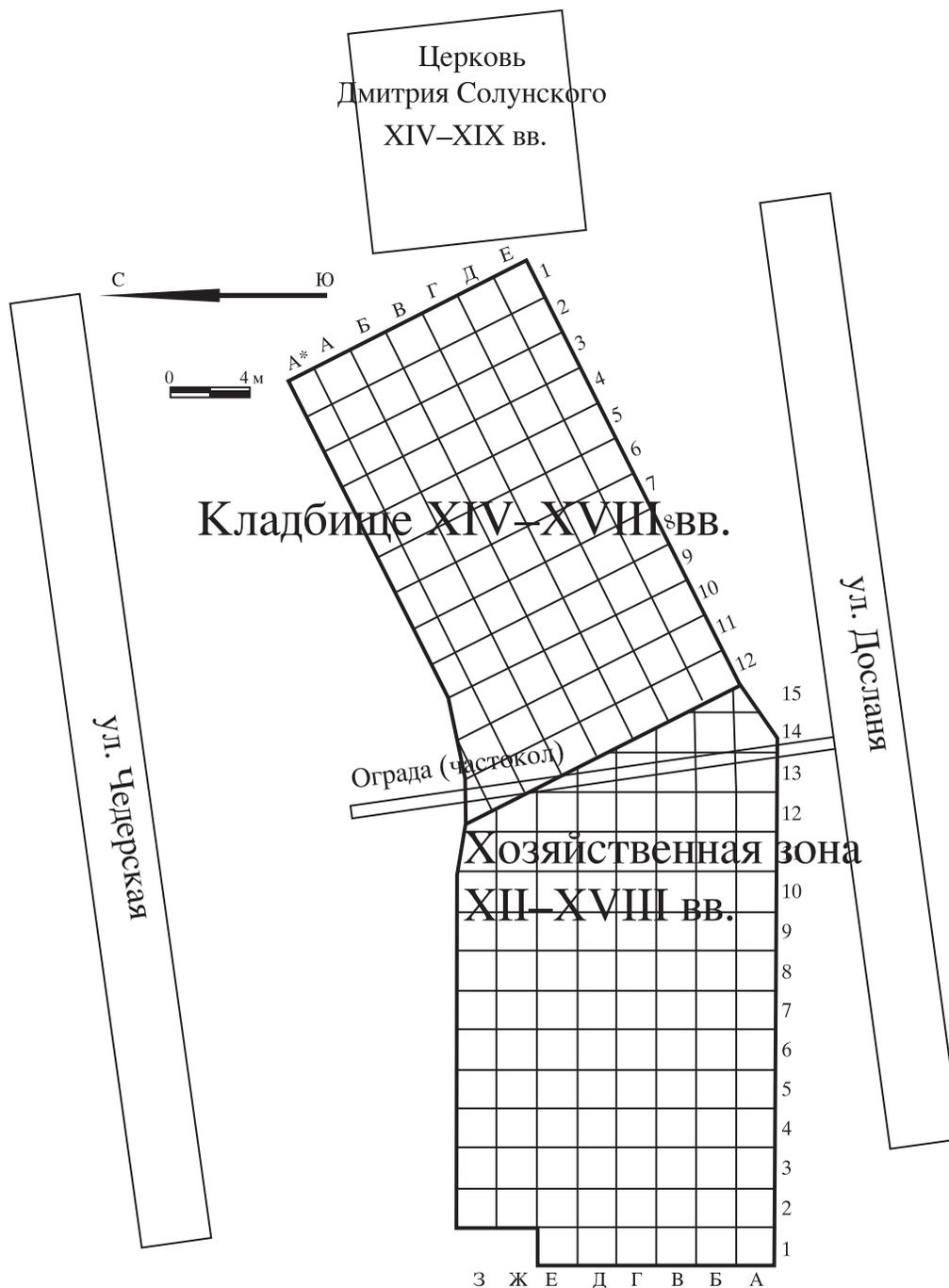

Рис. 2. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланский. Ситуационный план с предположительным расположением улиц и ц. Дмитрия Солунского.

буевиши Васильевской двор Тимофеева кожевника, а прозвище Дежа, на оброке за златоустовским дьячком за Михалком Ивановым, оброку пополтины”) (Лавочные книги..., 1930. С. 161). Возможно, это связано с топографической ситуацией местоположения ц. Дмитрия Солунского. В числе значений термина “буевище (бувище, буище)” – возвышенное, открытое кругом место, а также место внутри церковной ограды, кладбище, могильник (Даль,

1995. С. 138). Это хорошо соотносится с топографией исследуемого участка, поэтому нельзя исключать, что раскоп располагался именно на Дмитриевском буевище.

Церковь Дмитрия Солунского показана на всех планах Новгорода XVII – первой половины XIX в. (Янин, 1999. С. 110–112, 123, 130, 132, 133, 135, 139–142, 145, 146, 151. Рис. 1–3; 14; 21; 23; 24; 26; 30–33; 36; 37; 42). В 1847 г. по указу Святого Синода

Рис. 3. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланский. Находки из слоев XIV–XV вв. 1–4 – ножи сапожные; 5 – нож; 6 – оселок; 7 – подковка сапожная врезная с шипом; 8 – шило; 9, 10 – шипы ледоходные сапожные. 1–5, 7–10 – железо; 6 – камень.

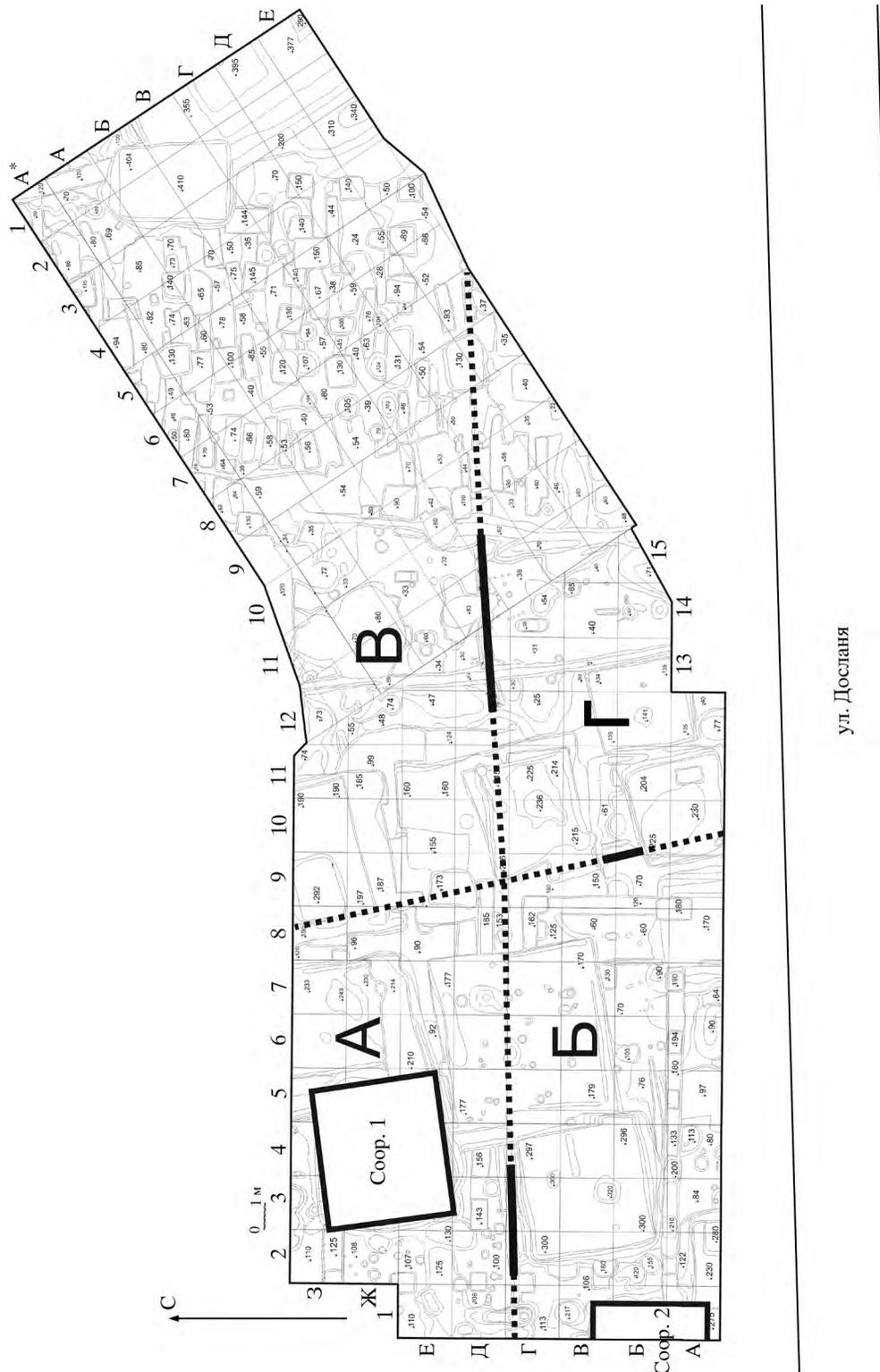

Рис. 4. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланский. План материка с указанием сооружений XII – начала XIII в.

обветшавшая ц. Дмитрия Солунского была разобрана, ее материал был использован на строительство часовни, сторожки и ограды у ц. Пантелеймона.

В современной топографии города место церкви Дмитрия Солунского приходится на развилку ул. Великой и Бредова-Звериной.

На исследуемом участке мощность культурного слоя составила 1–1.5 м: это темно-коричневая и коричневая углистая супесь, сильно перемешанная в XIX–XX вв. огородами и планировочными работами. Непотребоженные слои сохранились на материке, состоящем из слоев песка и супеси. Почти вся поверхность материка прорезана хозяйственными и столбовыми ямами XII–XX вв. Вещевая коллекция раскопа насчитывает 621 индивидуальную находку из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Массовые находки представлены обширной коллекцией керамики (около 100 000 фр.), костей домашних и диких животных, птиц и рыб, обрезков кожи.

При относительно небольшом по масштабам Новгорода культурном слое его изучение дало богатый материал о времени первоначального освоения, заселения и топографии этой части города начиная с конца XI в. Благодаря всестороннему изучению культурного слоя ранний период освоения северной части Неревского конца средневекового Новгорода реконструируется следующим образом.

В конце XI – начале XII в. исследуемая территория была поделена частоколом на усадьбы. Прослежены четыре усадьбы, две из которых (“Б” и “Г”) выходили на ул. Дослания (Даньславля) и имели площадь более 250 м². Усадьбы “А” и “В”, примерно таких же размеров, примыкали к северной стороне усадеб Б и Г. По всей видимости, севернее раскопа проходила еще одна улица, предположительно, Чедерская, которая шла параллельно ул. Дослания, располагаясь в 30 м от последней (рис. 2). Впервые Чедерская улица упоминается в письменных источниках в 1535/36 гг. В XVI в. вдоль нее располагались около 30 дворов, в которых проживали в основном ремесленники-кожевники.

В западной части исследуемой территории на усадьбах А и Б были вырыты большие прямоугольные ямы, которые можно соотнести с ледниками (рис. 4). Площадь их превышала 25 м², они были углублены в материк на 1.7–2.5 м. Стены ледника были выложены плахами, укрепленными столбами, расположенными в углах ямы. Эти хозяйственные ямы были вырыты в песке, который выполнял роль дренажа для влаги, образующейся от таяния льда в ледниках. На усадьбах В и Г следов построек XII – начала XIII в. зафиксировано не было. Обнаружены

только столбовые и частокольные ямы этого периода. Следует отметить, что исследуемый участок Неревского конца средневекового Новгорода является наиболее высоким и характеризуется отметкой 27 м в Балтийской системе высот, что на 10 м выше уровня воды в Волхове.

В предматериковых слоях и в заполнении хозяйственных ям XII – начала XIII в. обнаружено множество вещей, характеризующих хозяйство и быт жителей данного района средневекового Новгорода: фрагменты амфор трапезундской и хиосской групп¹, костяные двусторонние цельные и наборные гребни, ключи от навесных замков, пиррофиллитовые пряслица, конические свинцовые грузики от вертикального ткацкого станка, пуговицы грушевидные бронзовые, ладейные заклепки. В слое начала XII в. обнаружена печать вислая малая свинцовая, на лицевой стороне которой изображен лик святого с усами, бородой и курчавыми волосами в точечном нимбе (Св. Феодор?); на оборотной стороне – шестиконечный крест в точечном ободке. К домонгольскому периоду следует отнести и крест-энколпион рельефно-черневый бронзовый, завершение ветвей – закругленное с парными выступами-слезками. На лицевой стороне – изображение Богоматери (?), на оборотной – четырехконечный крест с лучами, отходящими из средокрестия (рис. 5, 1).

В заполнении подвалов XII – начала XIII в. обнаружены предметы культа и украшения (рис. 5, 1–12). Среди них – наперсная иконка с изображением Св. Георгия, отлитая из латуни (Cu – 84%; Pb – 5.5%; Zn – 7.2%; Sn – 3.3%)². Иконка сохранилась в виде оплавленного фрагмента круглого медальона диаметром 4.3 см с рельефным изображением на лицевой стороне иконографического сюжета “Чуда Георгия о змие” (рис. 5, 2). На оборотной стороне не прослеживаются признаков рельефной композиции.

Существуют два аналогичных предмета, описанных в научной литературе “как амулеты-змеевики с изглаженной змеевидной композицией”. Первый был обнаружен в Великом Новгороде на Кировском раскопе в слое начала XII в. (1116–1134 гг.) (Седова, 1981. С. 66. Рис. 24). Второй, по сообщению М.Д. Полубояриновой, – на Болгарском городище (Николаева, Чернецов, 1991. С. 74). На лицевой стороне –

¹ Определение фрагментов амфор произведено канд. ист. наук И.В. Волковым.

² Исследование состава металла проведено в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН на сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV, оснащенный энергодисперсионным рентгеновским спектрометром Energy-450 (аналитик – канд. геол.-минералог. наук Н.В. Трубкин).

конная фигура воина-победителя, едущего вправо. Воин с нимбом, безбородый, вонзает копье в пасть змея, лежащего у ног коня. Лицо воина обращено прямо к зрителю. Изображение всадника весьма умело вписано в окружность, обрамленную узким рельефным бортиком в виде жгута. По мнению исследователей, змеевидная композиция была намеренно уничтожена. А.В. Чернецов отнес негативное отношение к змеевидной композиции к единичному случаю (Николаева, Чернецов, 1991. С. 6). Факт избирательного уничтожения подобной композиции на трех змеевиках с изображением Георгия на лицевой стороне ставит под сомнение наличие на этих памятниках змеевидной композиции. Скорее, данный тип памятников следует рассматривать не как амулеты-змеевики, а как круглые бронзовые иконки с изображением Св. Георгия.

В заполнении той же постройки была обнаружена иконка-вставка односторонняя круглая бронзовая с изображением креста (рис. 5, 3). К домонгольскому периоду относятся находки фрагментов ближневосточных стеклянных браслетов, бусин из стекла, янтаря и сердолика (рис. 5, 6–9, 11, 12). В нижней части заполнения сооружения 2 обнаружен фрагмент бронзовой подвески-амулета “топорик” со шпорцей и круглым отверстием на лезвии II типа (Макаров, 1992. С. 44) (рис. 5, 10).

В начале XIII в. изучаемая территория запустела. Можно предположить, что этот процесс связан с мором 1216 г. Лишь в начале XIV в. исследуемая территория была поделена частокколами на участки. В западной части раскопа прослежены две усадьбы, примыкающие к ул. Дослания (усадьба Б) и Чедерская (?) (усадьба А), каждая площадью более 400 м². В восточную часть раскопа попала западная часть прицерковной территории, огороженная мощным частокколом. Можно предположить, что уже в начале XIV в. это место использовалось под прицерковное кладбище. Обнаруженные в ходе исследований

погребения были поделены на группы по глубине залегания в материке, сохранности костных останков, относительной хронологии и датируемым находкам на останках и в заполнении могильных ям. Из выделенных могильных групп были отобраны образцы дерева от гробов и костей погребенных для радиоуглеродного датирования³. Проведенное исследование позволило отнести образцы к середине XIV – концу XVIII в. Используя относительную хронологию погребений и датировку гробов, полученную с помощью радиоуглеродного датирования, удалось разделить обнаруженные 136 могил по векам начиная с XIV (рис. 6). Следует так же отметить, что пространство между церковной оградой и кладбищем, ширина которого не превышала 5 м, было занято, по всей видимости, наземными прицерковными постройками, от которых сохранились только хозяйственные и столбовые ямы.

В слоях и заполнении ям XIV–XV вв. были обнаружены вещи, характеризующие хозяйство и быт жителей этого района средневекового Новгорода. Собрана большая коллекция медных и серебряных монет этого периода; также обнаружены грузики от вертикального ткацкого станка – каменные и конические свинцовые; пуговицы бронзовые шаровидные с петлей; перстни-печатки и предметы культа; две свинцовые вислые печати. Первая (рис. 5, 13) относится к большому разряду анонимных печатей владычных наместников новгородского архиепископа. Она оттиснута уже известными матрицами. По Своду древнерусских печатей получила № 499-7. На лицевой стороне – изображение сложного восьмиконечного креста на подножии; концы креста – с копьевидными завершениями. На оборотной стороне – изображение Богоматери Оранты в полный рост. По сторонам буквы М–Θ. Размеры печати – 2.55 × 2.65 см, толщина – 0.25 см. Вес – 7 г.

Вторая печать (рис. 5, 14) оттиснута новыми, еще не описанными матрицами. Атрибутировать ее пока не удалось, но относить следует, вероятно, к церковной сфрагистике. На лицевой стороне – изображение архангела в полный рост, с жезлом в левой руке. На оборотной – неразборчивое изображение, вероятно, Вседержителя на престоле (?). Размеры печати – 3 × 2.8 см, толщина – 0.3 см. Вес – 13.01 г⁴.

В заполнении подполья дома XV в. обнаружены фрагменты двух бронзовых наперсных иконок с по-

←
Рис. 5. Великий Новгород 2011. Раскоп Досланийский. Находки из слоев XII–XV вв. 1 – крест-энколпион; 2 – наперсная односторонняя иконка (фр.); 3 – иконка-вставка; 4 – печать вислая малая; 5 – бусина; 6 – бусина шаровидная желтая полупрозрачная (фр.); 7 – бусина шаровидная светло-зеленая прозрачная; 8 – бусина цилиндрическая спиралевидная синяя; 9 – браслет крученный темно-коричневый с желтой перевитью непрозрачный (фр.); 10 – подвеска-амулет топорик (фр.); 11 – бусина сферическая усеченная дважды; 12 – бусина 14-гранная; 13, 14 – вислые печати; 15 – иконка-вставка; 16 – иконка нательная односторонняя; 17 – матрица (фр.); 18 – наперсная иконка. 1–3, 10, 15–18 – бронза; 4, 13, 14 – свинец; 5 – белый металл; 6–9 – стекло; 11 – янтарь; 12 – сердолик.

³ Радиоуглеродное датирование семи деревянных и костных образцов выполнено в Киевской Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии НАНУ Н.Н. Ковалюхом.

⁴ Определение вислых печатей производилось чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуковым.

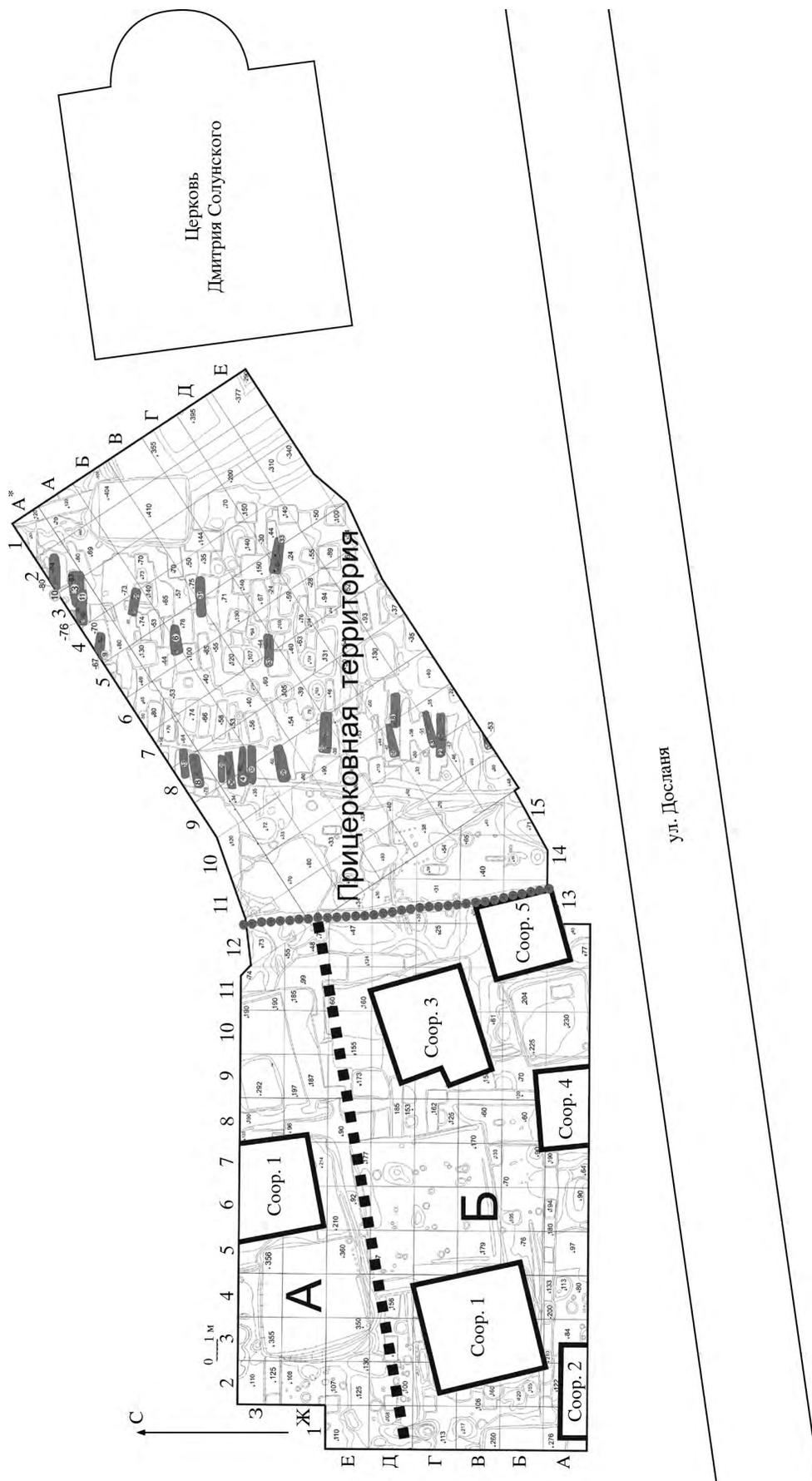

Рис. 6. Великий Новгород 2011. Раскоп Дослаевский. План материка с указанием потреблений и сооружений XIV в.

ясным изображением святителя Николая. Иконки имеют следы производственного брака.

Одна из них (рис. 5, 18) имеет форму квадрата со сторонами 4,6 см при толщине 0,04–0,5 см. На верхней грани – небольшая петля, расположенная перпендикулярно плоскости иконы. Предмет отлит в односторонней форме по оттиску готовой модели, один образец которой хранится в фондах Новгородского музея-заповедника (Гормина, 2005. С. 18. Ил. 10). Поясной образ Св. Николая, выполненный в высоком рельефе, занимает все поле лицевой стороны иконы. Композиция заключена в плоскую орнаментированную рамку, повторяющую контуры находки. Святитель предстает благословляющим, с непокрытой головой, с закрытым Евангелием. Левая рука, поддерживающая Евангелие, прикрыта омофором, что подчеркивает священное назначение книги, возлагаемой на престол в алтаре храмов. Черты лица, как и трактовка всего образа, переданы весьма реалистично. Лик – спокоен и аскетичен. Нимб – в виде широкой сплошной линии. По сторонам лика надписи “НИК” и “ОЛА”, выполненные славянскими буквами.

Обнаружение в одной постройке XV в. двух бракованных наперсных иконок указывает на их местное изготовление по оттиску на глине готовой модели.

В траншее под газопровод, проходящей в 10 м к северу от раскопа, в слое с керамикой XV в. обнаружена иконка-вставка бронзовая киотчатой формы с изображением святого (рис. 5, 15). Еще одна напольная иконка, круглая односторонняя с поясным изображением двух святых, бронзовая со следами производственного брака, обнаружена в заполнении хозяйственной ямы XV в. (рис. 5, 16).

Фрагмент бронзовой матрицы (конструктивно – щипцы?) с изображением соколиной охоты (рис. 5, 17) обнаружен в заполнении постройки XV в. (усадебная Б, соор. 2).

В слоях XVI в. обнаружены отходы производства кирпича, размеры которого составляли 4,5–5,5 × 12–13 × 24,5–26 см.

В восточной части раскопа в глубоких ямах XX в. было обнаружено большое количество перезахороненных человеческих костей, собранных в XX в. во время строительства новой дороги и прокладки городских коммуникаций на месте разобранных ц. Дмитрия Солунского и расположенного вокруг нее прищепового кладбища XIV–XIX вв.

Материалы и методика палеоантропологической части исследования. Были исследованы костные останки из 136 погребений, обнаруженных в раскопе. Из 120 датированных погребений только

13 представляют период XVIII в., периоды XIV–XV, XVI и XVII вв. представлены приблизительно поровну – соответственно, 33, 42 и 32 погребениями. При этом сохранность наиболее ранних погребений хуже, чем средняя по могильнику, а наилучшей сохранностью отличаются погребения XVII–XVIII вв. Полные или частичные измерения посткраниального скелета возможны в 65% погребений, всего же были измерены 36 мужских и 35 женских костяков. Черепа, пригодные для измерений, есть лишь в 16% погребений. Также были исследованы 34 черепа из переотложенного материала, общая краниологическая выборка, таким образом, составила 30 мужских и 27 женских черепов. Нужно учитывать, что в краниологической серии численно преобладают индивиды поздних периодов – XVI–XVIII вв. Как правило, один из отделов черепа был разрушен, поэтому средние значения по разным краниометрическим признакам подсчитаны для существенно отличающегося набора индивидов.

Палеопатологическая часть исследования проводилась по программе А.П. Бужиловой (1995; 1998), согласно методическим рекомендациям Д. Ортнера (Ortner, 2003).

Анализируя и используя для сравнения полученные данные о частоте патологических изменений костной ткани, необходимо учитывать плохую сохранность и неполноту многих костяков: значительная часть погребений была представлена частью (приблизительно половиной) скелета, сохранность губчатых костей почти всегда плохая. Черепа из погребений в подавляющем большинстве фрагментированы и представлены неполностью, иногда лишь нижней челюстью. Эти обстоятельства учитывались при подсчете процента встречаемости тех или иных патологий в серии.

Определение пола проводилось с учетом формы тазовых костей, особенностей черепа и, в меньшей степени, других костей (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Phenice, 1969; White, Folkens, 1999). Для индивидов младше 25 лет возраст определялся по состоянию зубной системы (Ubelaker, 1978) и степени скелетной зрелости (Пашкова, 1963), старше 25 лет – ушковидной поверхности тазовой кости (Lovejoy et al., 1985), степени облитерации швов черепа (Meindl, Lovejoy, 1985), трансформации лобкового симфиза (Brooks, Suchey, 1990). Состоянию зубной системы (Brothwell, 1981) и суставных поверхностей (Rogers, Waldron, 1995) придавалось меньшее значение из-за их общего плохого состояния в данной выборке. Нужно отметить, что в связи с плохой сохранностью и фрагментарностью материала примерно у четверти погребений определение пола и возраста было сильно затруднено.

Таблица. Средние значения краниометрических признаков в выборке из даньславльского некрополя

Признак	Мужчины			Женщины		
	N	X	S	N	X	S
1. Продольный диаметр	27	182.9	6.4	19	174.9	3.1
8. Поперечный диаметр	27	145.7	5.7*	16	140.9	4.0
8/1	26	79.6	4.1	17	80.6	2.9
17. Высотный диаметр	24	139.2	4.5	16	130.8	3.4
45. Скуловая ширина	18	133.6	5.9	11	126.0	5.4
48. Верхняя высота лица	23	70.2	3.3	19	64.9	3.5
46. Средняя ширина лица	22	97.2	5.1	17	94.1	3.1
55. Высота носа	22	50.1	2.7	21	46.4	3.1
54. Ширина носа	22	25.0	1.9	21	24.1	1.9
51. Ширина глазницы	23	41.0	2.2	20	39.5	1.8
52. Высота глазницы	22	32.5	2.0	20	31.5	2.2
77. Назомалярный угол	24	138.8	6.8	18	140.4	5.7
ZM. Зигмаксиллярный угол	22	126.2	5.1	16	130.2	5.2
SC. Симогическая ширина	24	9.7	2.0	19	9.8	2.7
SS. Симогическая высота	24	5.0	1.3	19	4.0	0.9
MC. Максиллофронтальная ширина	23	21.3	2.6	19	21.9	2.8
MS. Максиллофронтальная высота	23	9.9	1.3	19	8.6	1.2
75(1). Угол выступания носа	12	28.4	9.3	10	24.2	7.2

* Жирным шрифтом выделены стандартные отклонения, выходящие за пределы средних (Алексеев, Дебец, 1964).

Измерения черепа и посткраниального скелета проводились согласно программе Р. Мартина (Martin, 1928) в редакции В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебца (1964; Алексеев, 1966). Величина измерительных признаков черепа оценивалась согласно рубрикации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебца (1964), продольные размеры костей скелета – Д.В. Пежемского (2011), коэффициенты полового диморфизма краниологических признаков – А.А. Евтеева (2008). Прижизненная длина тела реконструировалась с использованием ряда формул (Алексеев, Дебец, 1966; Пежемский, 2011; Cerny, Komenda, 1982; Sjøvold, 1990; Feldezman, Fountain, 1996; Vercellotti et al., 2009) на основании средних значений длины бедренной кости или длин бедренной и большеберцовой костей.

Характер развития рельефа длинных костей в местах прикрепления мускулатуры оценивался по системе В.Н. Федосовой (1986) в переработке М.Б. Медниковой (1998). Помимо основных (1–3) использовались промежуточные значения баллов (1.5 и 2.5). Развитие рельефа полностью или частично было определено на 32 мужских и 30 женских скелетах.

Палеоантропологическая серия из некрополя Даньславльского раскопа: общая характеристика. Половозрастной состав выборки характеризуется малым числом детских погребений (16 индивидов, около 12%), что связано с сохранностью материала и не

отражает реальный уровень детской смертности. Пол и возраст удалось определить у 100 взрослых индивидов. Ярко выражена тенденция к преобладанию женщин среди умерших в молодом возрасте – 13–35 лет – 37% (мужчин в этом возрасте – 19%) и мужчин – в зрелом возрасте – 35–55 лет – 24% (женщин – 12%). При этом в возрастной категории старше 55 лет преобладают женщины – 6% (мужчины – 2%). Эта тенденция проявляется и в соотношении средней продолжительности жизни двух полов: при среднем для выборки возрасте в 33.4 года продолжительность жизни мужчин составила 36.2 года, женщин – 31.2. Общая продолжительность жизни подтверждает тот факт, что у населения Новгородской земли этот демографический показатель был существенно снижен по сравнению с другими восточнославянскими группами (Бужилова, 1995).

Для мужской части краниологической серии (таблица) характерна крупная высокая суббрахиальная черепная коробка, лицо средней величины. Размеры грушевидного отверстия – средние, ближе к малым, орбиты относительно низкие. Горизонтальная профилировка – резкая, переносы выступают очень сильно. Симогическая ширина – большая, дакриальная – средняя, а обе соответствующие высоты попадают в категорию очень больших величин. Угол выступания носа – большой.

Морфологический тип женщин выборки в целом соответствует мужскому, однако высота лица очень

близка к малой, а носовой указатель – на границе больших величин, тогда как мужчинам серии свойственна хорошо выраженная мезоринность. Величина коэффициентов полового диморфизма значимых признаков – средняя или чуть выше средней. Стандартные отклонения целого ряда признаков выходят за пределы средних значений.

Из-за малочисленности материала провести прямое сопоставление краниологических выборок разных хронологических периодов невозможно. Однако были отмечены существенные отличия морфологического облика погребенных на разных участках некрополя, вполне вероятно связанные с отличиями населения разных периодов. Это необходимо учитывать при дальнейшем анализе полученных средних значений.

Согласно рубрикации размеров длинных костей мужчин, в исследуемой выборке длины плечевой, лучевой, локтевой, бедренной и большеберцовой костей попадают в категорию средних величин признака, ближе к верхней границе категории (за исключением размеров большеберцовой кости). Реконструированная длина тела мужчин, согласно большинству формул, колеблется в пределах 166–169 см (в подсчетах использованы данные не менее чем по 26 индивидам), женщин – 153–157 см (не менее чем по 24 индивидам). Первая цифра несколько превышает полученную для серии XII–XVI вв. из раскопок А.В. Арциховского, как и сельских словен новгородских из Хрепле, и приближается к более типичным значениям для населения древнерусских городов (Бужилова, 1995).

В целом нужно констатировать слабое развитие мышечного рельефа в исследованной группе, единственное исключение – верхняя часть плечевой кости, где прикрепляется в основном мускулатура пояса верхних конечностей. Половой диморфизм выражен достаточно хорошо, исключение – элементы рельефа большеберцовой и локтевой костей, где половые отличия снижены или практически отсутствуют. Последнее, вероятно, связано со слабым общим развитием рельефа этих костей. Своеобразной особенностью женской части выборки является усиление развития рельефа верхней части левой плечевой кости. Похожее обстоятельство отмечено в выборках Хрепле и вятичей московских, но не в новгородской серии из раскопок А.В. Арциховского (Бужилова, 1995. С. 88). На других костях и в мужской части выборки такое явление не отмечено, а значит есть основания считать его неслучайным и связанным с какими-то особенностями физических нагрузок, свойственных именно женскому населению. Число травматических повреждений скелета и черепа в серии достаточно велико: 19.1 и 13% со-

ответственно. Травмы посткраниального скелета – переломы костей предплечья, переломы ребер, компрессионные переломы позвоночника – отмечены у 25% мужчин и 15% женщин. Из семи случаев травм черепа (27.3% в мужской выборке) лишь один был отмечен у женщины (3.3%); все они так или иначе связаны с выражением агрессии – повреждениями свода черепа и переломами передних зубов.

Относительно велик процент встречаемости болезней суставов, которыми в той или иной степени страдали более половины взрослых, входивших в исследованную группу, включая подростков. В большинстве случаев поражениям оказались подвержены сразу несколько суставных поверхностей скелета. Завышено число случаев повреждений суставов ключицы и лопатки (59.3% от общего числа случаев, у мужчин – 70.8%). В женской части выборки снижено как общее число случаев, так и число пораженных суставных поверхностей. Два маркера интенсивных физических нагрузок, энтезопатии и изменения костной ткани в области *impression ligamenti costoclavicularis* (ключица), также часто встречаются в серии: значительно чаще у мужчин, чем у женщин. Энтезопатии отмечены на костях верхних конечностей преимущественно в местах прикрепления мускулатуры пояса верхних конечностей. Суммируя данные о развитии мышечного рельефа, распределении болезней суставов и энтезопатий, можно высказать предположение об увеличении нагрузок на пояс верхних конечностей, что отмечалось для населения Новгорода и ряда других древнерусских городов (Бужилова, 1995). Повреждения межпозвоночных суставов в той или иной степени отмечены более чем у половины индивидов, причем чаще всего хорошо выражены. Наиболее частые варианты поражения нескольких позвонков, наличие позвоночных грыж и остеофитов (крупные и многочисленные, горизонтально ориентированные), значительно число случаев платиспондиллии и макропороза. Половой диморфизм резко выражен: 73% у мужчин против 45 – у женщин, интенсивность изменений у последних слабее. Следы периостита большеберцовых костей отмечены с равной частотой у мужчин и женщин – около 8%. Маркер эпизодического стресса *Cribra orbitalia* был зафиксирован исключительно у женщин, детей и подростков. Тем не менее его общий процент встречаемости превышает полученный ранее показатель для населения Новгорода – 12.7% против 4.4 (Бужилова, 1995. С. 69,70) и в целом достаточно высок по сравнению с группами северной части ареала восточных славян. Общее состояние зубочелюстной системы очень плохое. По таким показателям, как процент случаев прижизненной утраты зубов (около 60% индивидов), одонтогенно-

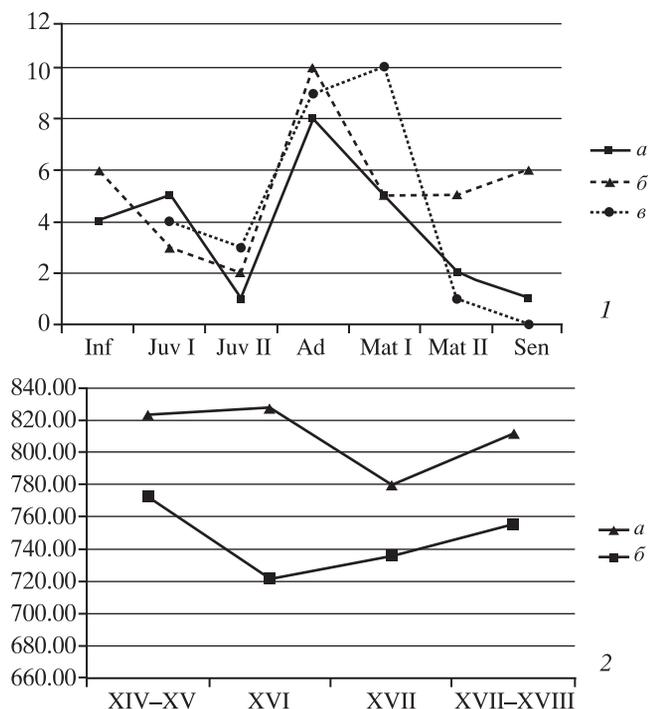

Рис. 7. Отличия погребенных разных хронологических периодов. 1 – распределение погребенных по возрастным категориям: Inf – 0–12 лет, Juv I – 13–20 лет, Juv II – 20–25 лет, Ad – 25–35 лет, Mat I – 35–45 лет, Mat II – 45–55 лет, Sen – старше 55 лет; по оси ординат – число индивидов соответствующей возрастной категории. Условные обозначения: а – XIV–XV вв.; б – XVI в.; в – XVII в. 2 – суммарная длина бедренной и большеберцовой костей, мм. Условные обозначения: а – мужчины; б – женщины.

го остеомиелита (около 30%), сильной стертости зубов мужчины и женщины исследованной выборки практически не отличаются друг от друга. Однако у женщин на 20% выше частота кариеса (63 и 43%) и на 30 – реже зубной камень (54 и 81%). Частота встречаемости эмалевой гипоплазии очень высока (около 60%) и одинакова у обоих полов, которые, вероятно, в равной мере страдали от неблагоприятных факторов в детском возрасте. Сопоставляя полученные данные с разбросом значений встречаемости патологических изменений в группах древнерусского городского населения (Бужилова, 1995. С. 65), нужно отметить специфику исследуемой выборки. Процент встречаемости эмалевой гипоплазии – максимальный из всех сравниваемых групп, то же самое можно сказать про число травм черепа. Существенны межполовые отличия: процент встречаемости кариеса и одонтогенного остеомиелита у мужчин Даньславльского некрополя близок к минимуму, тогда как у женщин – к максимуму или превышает его. Такое соотношение нетипично: как правило, процент встречаемости этих двух патологий выше у мужчин (Бужилова, 1995).

Характерная особенность выборки – большое число детей, подростков и молодых индивидов с резко выраженными нарушениями суставов, патологиями позвоночного столба, депрессией костной ткани в местах прикрепления мышц. Среди индивидов юношеского возраста (15–25 лет), у которых встречаются перечисленные выше патологии, лишь один – мужского пола. Возвращаясь к интерпретации характерной для выборки высокой смертности женщин молодого возраста, можно предположить, что в данном конкретном случае это результат не столько осложнений при деторождении, сколько тяжелых условий жизни в целом (см. Rüttimann, Loesch, 2012).

Хронологическая динамика антропологических особенностей погребенных. По всем использованным в данной работе системам признаков наблюдаются существенные отличия между выборками разных хронологических периодов: XIV–XV вв.; XVI в.; XVII и XVII–XVIII вв.

Для индивидов из выборки XIV–XV вв. была свойственна низкая продолжительность жизни – 31.3 года (взрослые обоих полов), особенно по сравнению с группой XVI в. (рис. 7, 1). Своеобразием выборки можно считать высокую смертность молодых девушек: все пятеро умерших в возрасте 13–19 лет – женского пола. Реконструированная средняя длина мужчин – выше среднего, женщины выборки наиболее высокорослые, половой диморфизм по длине тела несколько снижен (рис. 7, 2). В этой группе наблюдается максимальное число случаев сильно выраженных патологий суставов, а также максимальное число пораженных суставных поверхностей. Состояние зубочелюстной системы – наилучшее практически по всем признакам, но на фоне этого резко увеличено число утрат зубов задолго до смерти, причем у относительно молодых индивидов.

Выборка XVI в. отличается от других существенным повышением числа индивидов зрелого и старческого возраста (рис. 7, 1), продолжительность жизни (36.2 года) заметно превышает средние по выборке показатели смежных хронологических периодов. Длина тела мужчин – максимальная среди всех периодов, но при этом женщины – самые низкорослые. Можно отметить наличие в мужской части выборки двух очень крупных индивидов, рост которых существенно превышал 180 см, а мышечный рельеф был развит очень сильно. Резко увеличено число травм посткраниального скелета, в том числе много травм у женщин, в частности отмечены три случая переломов костей предплечья. Максимальна частота встречаемости одонтогенного остеомиелита, кариеса, и зубного камня. Однако важно пом-

нить, что выборка XVI в. в среднем значительно “старше” трех других. Периостит берцовых костей встречается реже, чем в любой другой период.

В выборке XVII в. лишь один индивид старше 45 лет, средняя продолжительность жизни в группе составляет 31,6 лет (рис. 7, 1). Она выделяется и по реконструированной длине тела: у мужчин на 5–6 см меньше, чем в другие периоды. Отличия между выборками XVI и XVII вв. по продолжительности жизни и длине бедренной кости статистически достоверны, согласно критерию Манна-Уитни. Женщины не повторяют этой тенденции, поэтому половой диморфизм снижен. В частности, ключица у женщин даже несколько длиннее, чем у мужчин. При небольшом числе травм посткраниального скелета наблюдается всплеск травматизма черепа, также резко завышено число случаев патологий височно-нижнечелюстного сустава. Проявления болезней суставов и позвоночника встречались примерно с той же частотой, что и в XVI в., несмотря на разницу в среднем возрасте. При этом максимально выражена концентрация этих патологий на костях пояса верхних конечностей, а средняя степень износа позвоночника выше, чем в предыдущем столетии. Практически все случаи искривленной формы диафизов длинных костей (рахит) относятся к XVII в., а также даже на общем высоком фоне возрастает частота эмалевой гипоплазии. Число случаев прижизненной утраты зубов и зубного камня сходно с группой XVI в., процент других патологий зубной системы несколько снижен.

Выборка XVII–XVIII вв. относительно малочисленна, но определенно можно сказать, что она отличается от группы непосредственно предшествующего периода. Реконструированная длина тела – на границе средних и выше среднего значений. В целом частоты большинства патологий и маркеров стресса в этой группе согласованно снижаются на фоне выборки XVII в., наблюдается некоторое снижение частоты эмалевой гипоплазии.

Выборкам всех четырех периодов свойственны такие черты, как высокая смертность женщин молодого возраста, сильная степень износа позвоночника и суставных поверхностей, встречающаяся даже у подростков, плохое состояние зубной системы и очень высокая частота эмалевой гипоплазии. Таким образом, условия жизни населения всех этих периодов были достаточно тяжелыми.

Останки новгородцев, обретенные в ходе археологических работ, были перезахоронены по православному обычаю на Ермолинском городском кладбище. Инициаторами перезахоронения выступили археологи. Организацию перезахоронения взяла на себя новгородская строительная компания ЗАО

“СУ-5” при содействии Администрации Великого Новгорода, Новгородской Епархии и Комитета культуры Новгородской области.

Авторы статьи выражают благодарность за консультацию по тексту Писцовых книг Великого Новгорода И.Ю. Анкудинову.

Авторы выражают признательность чл.-корр. РАН А.П. Бужиловой за помощь и консультации в процессе работы над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 250 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Анкудинов И.Ю.* Роспись новгородских церквей 1615 г. // Новгородский исторический сб. Вып. 11 (21). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 392 с.
- Бужилова А.П.* Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН–РГНФ, 1995. 189 с.
- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 87–146.
- Гормина Н.В.* Христианские древности. Художественный металл XI–XIX веков в собрании Новгородского музея-заповедника. Путеводитель по выставке. М.: Северный паломник, 2005. 104 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1995. Т. 1. 800 с.
- Евтеев А.А.* Проблема полового диморфизма в краниологии: Дис. ... канд. биол. наук. М.: МГУ, 2008. 230 с.
- Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. / Предисловие и ред. С.В. Бахрушина. М.: Изд-во РАНИОН, 1930. 174 с.
- Майков В.В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 307 с.
- Макаров Н.А.* Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. № 2. С. 41–56.
- Медникова М.Б.* Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 33–86.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 124 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Паишкова В.И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 153 с.
- Пежемский Д.В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности рекон-

- струкции телосложения: Дис. ... канд. биол. наук. М.: МГУ, 2011. 326 с.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 193 с.
- Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (osteологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 104–116.
- Янин В.Л. “Семисоборная роспись” Новгорода // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 108–117.
- Янин В.Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1999. 158 с.
- Brooks S., Suchey J.M. Skeletal age determination based on the Os Pubis: a comparison of the Acsadi–Nemeskeri and Suchey–Brooks methods // Human Evolution. 1990. № 5. P. 227–238.
- Brothwell D.R. Digging up bones. Ithaca: Cornell University Press, 1981. 208 p.
- Cerny M., Komenda S. Reconstruction of body height based on humerus and femur lengths // Second Anthropological Congress of Hrdlicka A. Prague: Universitas Carolina, Pragensis. 1982. P. 475–479.
- Feldesman M.R., Fountain R.L. “Race” specificity and the femur/stature ratio // American Jr. Physical Anthropology. 1996. № 100. P. 207–224.
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ileum: a new method for the determination of adult skeletal age at death // American Jr. Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 1–28.
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. 2-e Bd. Kraniologie. Osteologie. Jena: Verlag Von Gustave Fischer, 1928. 754 p.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // American Jr. Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.
- Ortner D.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. San Diego: Academic Press, 2003. 645 p.
- Phenice T.W. A newly developed method of sexing the Os Pubis // American Jr. Physical Anthropology. 1969. № 30. P. 297–302.
- Rogers J., Waldron T. A field guide to joint disease in archaeology. Chichester: John Wiley and Sons, 1995. 119 p.
- Rüttimann D., Loesch S. Mortality and morbidity in the city of Bern, Switzerland, 1805–1815 with special emphasis on infant, child and maternal deaths // Homo. 2012. № 63 (1). P. 50–66.
- Sjøvold T. Estimation of stature from long bones utilizing the line of organic correlation // Human Evolution. 1990. № 5. P. 431–447.
- Ubelaker D.H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Taraxacum, 1978. 116 p.
- Vercellotti G., Agnew A.M., Justus H.M., Sciulli P.W. Stature estimation in an early medieval (XI–XII c.) Polish population: Testing the accuracy of regression equations in a bioarchaeological sample // American Jr. Physical Anthropology. 2009. № 140. P. 135–142.
- White T.D., Folkens P.A. Human Osteology. San Diego: Academic Press, 1999. 688 p.

ARCHAEOLOGICAL AND PALEOANTHROPOLOGICAL RESEARCHES ON DAN'SLAVL' STREET IN VELIKY NOVGOROD

Andrei A. Evteev*, Oleg M. Oleynikov**

* Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology (Lomonosov Moscow State University),
(evteandr@gmail.com)

**Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow (olejnikov1960@yandex.ru)

The Doslan' excavation was situated in the northern part of the Nerev end of Veliky Novgorod in 2–5 m to the west of former church of Dmitry Solunsky in Doslan' street. The cultural layer here is dated back to the end of the 11th – 20th cc. At the end of the 11th c. the dividing of the territory on Doslan' street into lands for city's manors happened. Four courtyards with additions, which can be identified as icehouses, have been traced. In the beginning of the 13th c. the studied territory was desolated. The renovation of the manors started in the 14th c. In the eastern part of the excavation the church territory has been traced fenced by a stockade with a cemetery of the 14th – 19th cc. The bones' remains from 136 burials have been studied. Total cranio-logical series contains 57 skulls. An average age of death in the group: 33.4 years for men and 31.2 years for women. The reconstructed stature for men varies from 166 to 169 cm, for women – from 153 to 157 cm. In the sample the percentage of skulls and postcranial skeleton injuries and also joints and spine diseases are high. The percentage of markers of physiological stress is also high. The condition of dentofacial system is poor. Significant differences between the buried of different chronological periods are observed in all systems of anthropological characteristics especially pronounced between series from the 16th and 17th cc.

Keywords: Veliky Novgorod, the church of Dmitry Solunsky in Doslan street, manors of the 12th–14th cc., a church cemetery, paleoanthropology, craniology, paleopathology.

REFERENCES

- Alekseyev V.P.*, 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Methods of anthropological researches]. Moscow: Nauka. 250 p.
- Alekseyev V.P., Debets G.F.*, 1964. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranio-metrics. Methods of anthropological researches]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Ankudinov I.Yu.*, 2008. Rospis' novgorodskikh tserkvey 1615 g. [Paintings of Novgorod churches in 1615]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical collection]*, 11(21). SPb.: Dmitry Bulanin, pp. 367–382.
- Brooks S., Suchey J.M.*, 1990. Skeletal age determination based on the Os Pubis: a comparison of the Acsadi–Nemeskeri and Suchey – Brooks methods. *Human Evolution*, 5, pp. 227–238.
- Brothwell D.R.*, 1981. Digging up bones. Ithaca: Cornell University Press. 208 p.
- Buzhilova A.P.*, 1995. Drevneye naseleniye (paleopatologicheskiye aspekty issledovaniya) [Ancient population (paleopathological aspects of a research)]. Moscow: IAN; RGNF. 189 p.
- Buzhilova A.P.*, 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical ecology of man. Methods of biological researches]*. Moscow: Stary sad, pp. 87–146.
- Cerny M., Komenda S.*, 1982. Reconstruction of body height based on humerus and femur lengths. *Second Anthropological Congress of Hrdlicka A.* Prague: Universitas Carolina, Pragensis, pp. 475–479.
- Dal' V.I.*, 1995. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], 1. Moscow: Terra. 800 p.
- Fedosova V.N.*, 1986. Obshchaya otsenka razvitiya komponenta mezomorfii po osteologicheskim dannym (osteologicheskaya metodika) [General estimate of the development of the mesomorphy component on the osteological data (osteological methodology)]. *Voprosy antropologii [Problem of anthropology]*, 76, pp. 104–116.
- Feldesman M.R., Fountain R.L.*, 1996. "Race" specificity and the femur/stature ratio. *American Journal of Physical Anthropology*, 100, pp. 207–224.
- Gormina N.V.*, 2005. Khristianskiye drevnosti. Khudozhestvennyy metall XI–XIX vekov v sobranii Novgorodskogo muzeya-zapovednika. Putevoditel' po vystavke [Christian antiquities. Artistic metal of 11–19 cc. in the collection of Novgorod museum preserve]. Moscow: Severny palomnik. 104 p.
- Lavochnyye knigi Novgoroda Velikogo 1583 g. [Shop books of Veliky Novgorod in 1583.], 1930. S.V. Bakhrushin, ed. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskoy assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk. 174 p.
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P.*, 1985. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ileum: a new method for the determination of adult skeletal age at death. *American Journal of Physical Anthropology*, 68, pp. 1–28.
- Makarov N.A.*, 1992. Drevnerusskiye amulety-toporiki [Ancient Rus amulets-axes]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 2, pp. 41–56.
- Martin R.*, 1928. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. 2-e Bd. Kraniologie. Osteologie. Jena: Verlag Von Gustave Fischer. 754 p.
- Maykov V.V.*, 1911. Kniga pistovaya po Novgorodu Velikom kontsa XVI v. [Cadaster on Veliky Novgorod of the end of the 16 c.]. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova. 307 p.
- Mednikova M.B.*, 1998. Osteometricheskaya metodika v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Osteometrical methodology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical ecology of man. Methodology of biological researches]*. Moscow: Stary sad, pp. 33–86.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O.*, 1985. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, 68, pp. 57–66.
- Nikolayeva T.V., Chernetsov A.V.*, 1991. Drevnerusskiye amulety-zmeyeviki [Ancient Rus amulets-serpentine marbles]. Moscow: Nauka. 124 p.
- Ortner D.J.*, 2003. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. San Diego: Academic Press. 645 p.
- Pashkova V.I.*, 1963. Ocherki sudebno-meditsinskoy osteologii [Essays of forensic medical osteology]. Moscow: Medgiz. 153 p.
- Pezhemy D.V.*, 2011. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostey cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniya: dissertatsiya ... kandidata biologicheskikh nauk [Changeability of longitudinal sizes of tubular bones of a human and the opportunities of the body-build reconstruction: thesis ... of the candidate of biological sciences]. Moscow: MGU. 326 p.
- Phenice T.W.*, 1969. A newly developed method of sexing the Os Pubis. *American Journal of Physical Anthropology*, 30, pp. 297–302.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Full collection of Russian Chronicles], 2000. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [Novgorod first Chronicle of the older and younger versions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 720 p.
- Rogers J., Waldron T.*, 1995. A field guide to joint disease in archaeology. Chichester: John Wiley and Sons. 119 p.
- Rüttimann D., Loesch S.*, 2012. Mortality and morbidity in the city of Bern, Switzerland, 1805–1815 with special em-

- phasis on infant, child and maternal deaths. *Homo*, 63(1), pp. 50–66.
- Sedova M.V.*, 1981. *Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of ancient Novgorod (10–15cc.)]. Moscow: Nauka. 193 p.
- Sjøvold T.*, 1990. Estimation of stature from long bones utilizing the line of organic correlation. *Human Evolution*, 5, pp. 431–447.
- Ubelaker D.H.*, 1978. *Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation*. Chicago: Taraxacum. 116 p.
- Vercellotti G., Agnew A.M., Justus H.M., Sciulli P.W.*, 2009. Stature estimation in an early medieval (XI–XII c.) Polish population: Testing the accuracy of regression equations in a bioarchaeological sample. *American Journal of Physical Anthropology*, 140, pp. 135–142.
- White T.D., Folkens P.A.*, 1999. *Human Osteology*. San Diego: Academic Press. 688 p.
- Yanin V.L.*, 1976. “Semisobornaya rospis” Novgoroda [“Semisobornaya rospis” of Novgorod]. *Srednevekovaya Rus’ [Medieval Rus’]*. Moscow: Nauka, pp. 108–117.
- Yanin V.L.*, 1999. *Plany Novgoroda Velikogo XVII–XVIII vekov* [Plans of Novgorod Veliky of the 17–18 cc.]. Moscow: Nauka. 158 p.
- Yevteyev A.A.*, 2008. *Problema polovogo dimorfizma v kranioologii: dissertatsiya ... kandidata biologicheskikh nauk* [Problem of sexual deformation in craniology: thesis... the candidate of biological sciences]. Moscow: MGU. 230 p.

ЗАМЕТКИ

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
С ЮЖНОГО УРАЛА

© 2015 г. В.С. Мосин*, В.Н. Широков**

* Южно-Уральский филиал Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Челябинск
(mvs54@mail.ru)

** Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург (hvn-58@yandex.ru)

В заметке описано восемь каменных артефактов из коллекций археологических разведок на юге Челябинской обл., обнаруженных в условиях литогенного, современного степного и лесостепного ландшафтов, на территории Карталинского, Брединского и Троицкого р-нов Челябинской обл. Морфология изделий позволяет отнести их к технокомплексу мустье. Представленные находки расширяют географию местонахождений и дальнейших поисков среднепалеолитических памятников на Южном Урале.

Ключевые слова: Южный Урал, местонахождения, средний палеолит, леваллуа, скребло, нуклеус.

Данные по раннему и среднему палеолиту Южного Урала крайне немногочисленны. Кроме частично исследованных стоянок Мысовая и Богдановка с сохранившимся в различной степени культурным слоем это, как правило, единичные сборы с поверхности (Бадер, Матюшин, 1973; Широков и др., 2011. С. 111–125; Котов, 2009; Мосин, Широков, 2007; Мосин, 2011). В связи с этим появление новых материалов вызывает неизменный интерес исследователей. В распоряжении авторов оказалось около двух десятков предметов “архаичного” облика из археологических разведок на юге Челябинской обл. в конце 1970-х годов (благодаря усилиям Н.Б. Виноградова, проводившего инвентаризацию старых коллекций в фондах Челябинского гос. пед. ун-та), два предмета из подъемных сборов Л. Куприяновой и Б. Хэнкса, один обнаружен в фондах областного краеведческого музея. Изделия выявлены в условиях литогенного, современного степного и лесостепного ландшафтов, на территории Карталинского, Брединского и Троицкого р-нов Челябинской обл. (рис. 1). Авторами было отобрано восемь бесспорных артефактов.

Местонахождение Княженка III расположено на участке изрезанного оврагами левого берега р. Камысты-Аят в 2 км восточнее пос. Княженский и в 10 км к юго-востоку от ж/д станции Гогино. Высота берега от уреза воды около 3 м. Находки собраны с осыпи обнажений берега и оврагов. В коллекции выявлены два предмета из интенсивно окварцованной породы, тонкозернистой, буровато-желтого цвета с черными нитевидными прожил-

ками. Текстура однородная, блеск шелковистоматовый. Один из них – атипичный леваллуазский треугольный скол с продольной огранкой (рис. 2, 1) размерами $5.5 \times 5 \times 1.1$ см. Площадка естественная, изогнутая в плане. По обоим краям со стороны спинки видна краевая ретушь утилизации. Второй артефакт – массивный “черепеховидный” скол (рис. 2, 2). Огранка спинки радиальная, площадка скола гладкая. Поверхность на отдельных участках покрыта карбонатной корочкой. Вентральная часть несет следы выравнивания приостряющих снятий с одного, правого края. На небольшом участке другого края прослежена чешуйчатая двурядная ретушь средней размерности и крупный негатив выравнивающего снятия. Наиболее вероятная датировка обоих предметов – средний палеолит.

Местонахождение Новокатенино I расположено на правом берегу р. Сухая, в 5 км юго-западнее с. Новокатенино, на высоте 3 м от уреза воды. Отсюда происходит скребло конвергентное, размерами $7 \times 5.1 \times 1.5$ см (рис. 2, 3). Оно изготовлено на отщепе серого с белыми вкраплениями интенсивно окварцованного плагиоклазового порфирита, тонкозернистого с мелкопятнистой текстурой, шелковистым блеском и буровато-желтыми прожилками. На участке дорсала сохранился небольшой участок плитчатой корки. Поверхность изделия со всех сторон покрыта люстражем, включая ретушь. Площадка прямая, гладкая. Ретушь крутая, захватывающая, параллельная, по правому и левому краям дорсальная, на отдельных участках с заломами. Основание обработано вентральной полукрутой субпараллель-

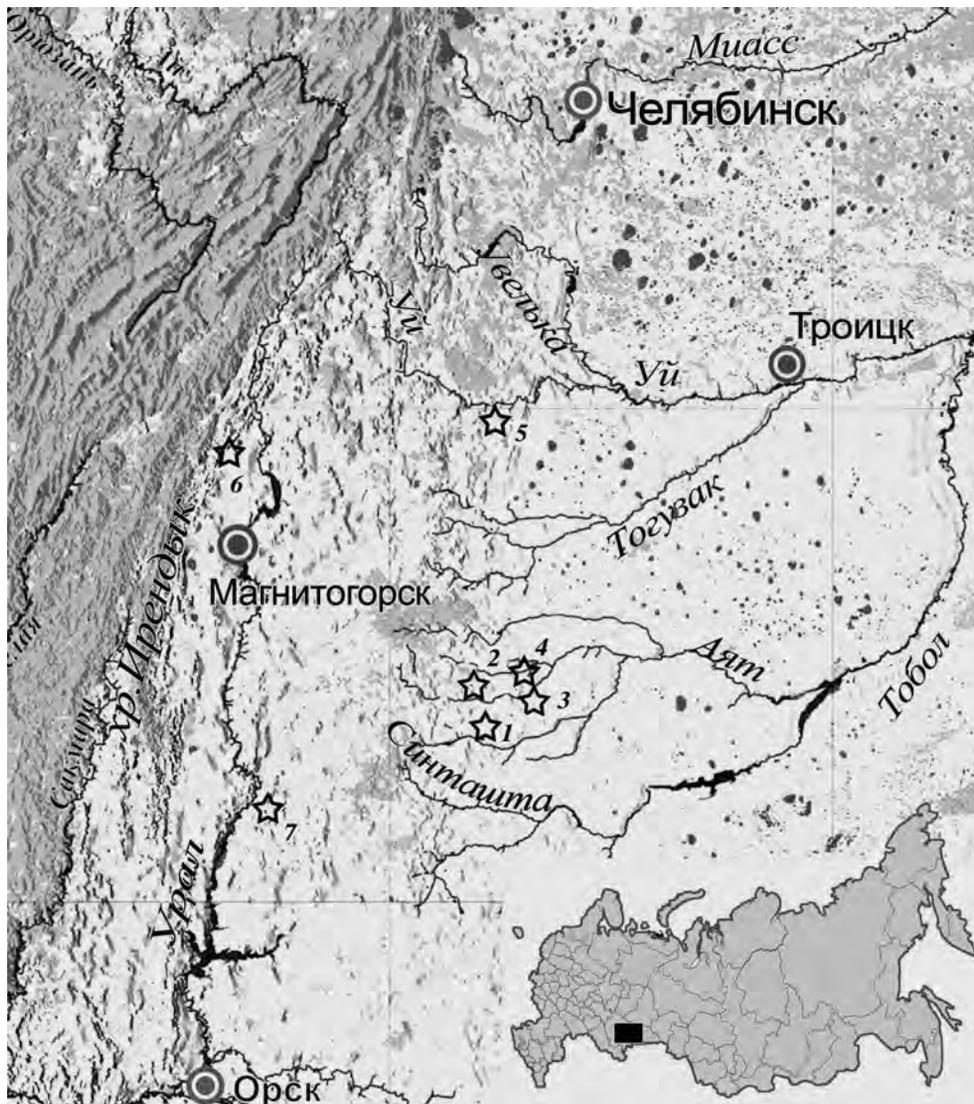

Рис. 1. Схема расположения местонахождений палеолита. 1 – Княженка III; 2 – Новокатенино I; 3 – Карагайлы VI; 4 – Рассвет V; 5 – у с. Стрелецкое; 6 – Мысовая; 7 – Богдановка.

ной ретушью, снявшей ударный бугорок. Наиболее вероятная датировка изделия – средний палеолит.

Местонахождение Карагайлы VI расположено на слоне террасы правого берега р. Карагайлы-Аят, в 2 км от с. Утес, на высоте 6 м от уреза воды. Здесь найдено скребло простое поперечное выпуклое, размерами $4.1 \times 7.5 \times 1.5$ см (рис. 2, 4). Оно изготовлено на отщепе интенсивно окварцованной породы красно-коричневого цвета, тонкозернистой, с пятнистой текстурой. Использована плитчатая отдельность. Дорсальная сторона покрыта коркой выветривания, вентральная гладкая. Площадка скола прямая, гладкая. Ретушь полукрутая, однорядная, дорсальная, захватывающая, средней размерности, субпараллельная. Занимает примерно две трети лезвия. Орудие может быть датировано средним или началом верхнего палеолита.

Местонахождение Рассвет V расположено на правом берегу р. Сухая, высотой 3 м от уреза воды, в 4 км восточнее с. Новокатенино. Обнаружено изделие с “рыльцем”. Оно было сломано в древности и состояло из двух частей интенсивно окварцованной тонкозернистой породы с однородной текстурой и шелковисто-матовым блеском. Размеры предмета – $7.8 \times 7 \times 1.7$ см (рис. 2, 5). Площадка прямая, гладкая. “Рыльце” оформлено на дистальном конце дорсальным сколом с левой стороны и вентральной краевой с правой. Лезвие отделано субпараллельной полукрутой захватывающей ретушью с небольшими заломами. Наиболее вероятная датировка – средний палеолит или начальная пора верхнего палеолита.

На правом высоком берегу р. Уй, напротив с. Стрелецкое (Троицкий р-н), на поверхности

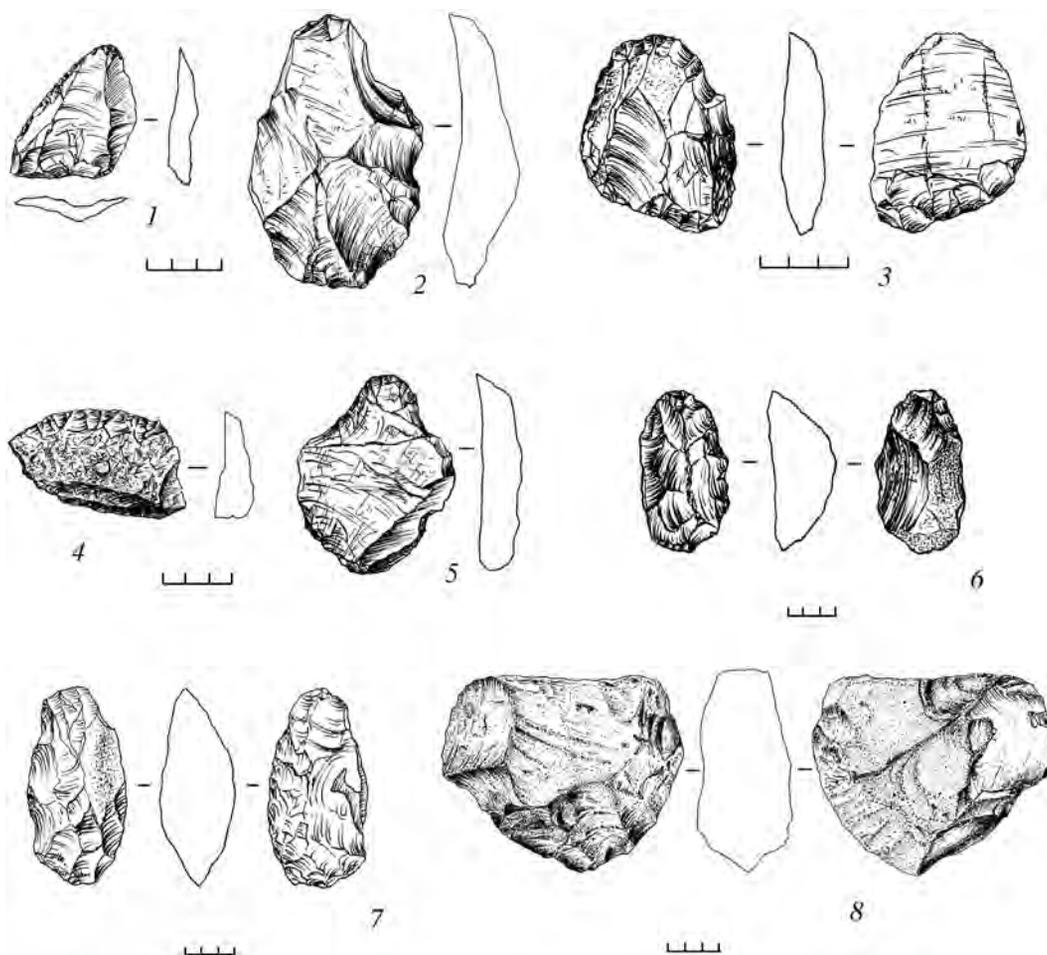

Рис. 2. Каменный инвентарь. 1, 2 – Княженка III; 3 – Новокатенино I; 4 – Карагайлы VI; 5 – Рассвет V; 6, 7 – у с. Стрельцкое; 8 – из Челябинской обл.

найлены два патинированных изделия из халцедона. Патина имеет цвет слоновой кости. Одно изделие вытянутой овальной формы, размерами $6.4 \times 3.4 \times 2.5$ см, асимметрично выпуклое в разрезе, двусторонне обработанное; напоминает заготовку овального скребла (рис. 2, 7). На одном конце оформлено лезвие под углом около 45° длинными узкими снятиями с дорсала. Подобное же лезвие было оформлено и на противоположном конце предмета. Складывается впечатление, что после вентральной подтески лезвий для их исправления после использования из-за многочисленных заломов с одной стороны орудие было оставлено. Второй предмет аналогичной удлиненно-овальной формы, но меньших размеров: $5.4 \times 3 \times 2.1$ см. Разрез и сечение плоско-выпуклые, обработка двусторонняя. На двух зауженных концах предмета сформированы скребковые лезвия, подправленные вентральной подтеской и ретушью (рис. 2, 6).

Из фондов Челябинского областного краеведческого музея происходит нуклеус леваллуа из

серого фтаниитоида, местонахождение предмета неизвестно. Размеры – $14.5 \times 11 \times 5.2$ см, форма “сердцевидная”. Артефакт изготовлен из крупной гальки. Фронтальная сторона покрыта люстражем, ребра негативов, за исключением левой стороны, оглажены, максимальной толщины люстраж достигает на правой стороне. Тыльная сторона имеет корочное покрытие желтовато-бежевого цвета с ячеистой структурой. Половина фронта обработана крупными сколами, более свежими, чем остальная поверхность. Правый край образует с фронтальной стороной острое лезвие (30°), на котором видны следы использования в качестве рубящего орудия. Фронт обработан центростремительными снятиями, в центре имеется негатив от снятия крупного отщепя. Площадка естественная. Складывается впечатление, что предмет, первоначально представлявший собой нуклеус леваллуа, впоследствии был переиспользован (рис. 2, 8).

Представленные находки расширяют географию местонахождений и дальнейших поисков средне-

палеолитических памятников на Южном Урале и позволяют надеяться на открытие в будущем стра-тифицированных комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Матюшин Г.Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // *СА*. 1973. № 3. С. 135–142.

Котов В.Г. Ранний и средний палеолит // *История башкирского народа: в 7 т. Т. 1.* М.: Наука, 2009. С. 23–32.

Мосин В.С. Появление человека на Урале: время и природные условия // *Челябинский гуманитарий*. 2001. № 2 (15). С. 113–121.

Мосин В.С., Широков В.Н. Древнейшее орудие с Южного Урала // *РА*. 2007. № 4. С. 107–108.

Широков В.Н., Волков Р.Б., Косинцев П.А., Лаптева Е.Г. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // *РА*. 2011. № 1. С. 111–125.

NEW PALEOLITHIC FINDS FROM THE SOUTHERN URAL

Vadim S. Mosin*, Vladimir N. Shirokov**

* *Southern Ural branch of Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk (mvs54@mail.ru)*

** *Institute of history and archeology of the Ural office of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (hvn-58@yandex.ru)*

The note describes eight stone artefacts from the collection of the archaeological explorations at the south of Chelyabinsk Oblast, found in the conditions of lithogene, modern steppe and forest steppe landscapes, on the territory of Kartalinsky, Bredinsky and Troitsky Districts of Chelyabinsk Oblast. The morphology of the makes allows referring them to the techno complex Le Moustier. The performed finds broaden the geography of the sites at the southern Ural.

Keywords: Southern Ural, location, middle Paleolithic Age, Levallois, a scraper, a core.

REFERENCES

Bader O.N., Matyushin G.N., 1973. Novy pamyatnik srednego paleolita na Yuzhnom Urale [New site of the middle Paleolithic in the Southern Ural]. *SA [SA]*, 3, pp. 135–142.

Kotov V.G., 2009. Ranny i sredny paleolit // *Istoriya bashkirskogo naroda* [The history of Bashkir people], 1. M.M. Kul'sharipov, ed. Moscow: Nauka, pp. 23–32.

Mosin V.S., 2011. Poyavleniye cheloveka na Urale: vremya i prirodnyye usloviya [The appearance of a man in the

Ural: time and climate]. *Chelyabinsky gumanitary [Chelyabinsk humanitarian]*, 2 (15), pp. 113–121.

Mosin V.S., Shirokov V.N., 2007. Drevneysheye orudiye s Yuzhnogo Urala [The most ancient instrument from the Southern Ural]. *RA [RA]*, 4, pp. 107–108.

Shirokov V.N., Volkov R.B., Kosintsev P.A., Lapteva Ye.G., 2011. Paleoliticheskaya stoyanka Bogdanovka (Yuzhny Ural) [A Paleolithic site Bogdanovka (the Southern Ural)]. *RA [RA]*, 1, pp. 111–125.

ДРЕВЕСИНА В ЗАПОЛНЕНИИ МОГИЛЬНЫХ ЯМ МОГИЛЬНИКА КСИРОВ

© 2015 г. Е.П. Денисов

Публикация посвящена курганному могильнику Ксиров, расположенному на Дангаринской равнине, в долине р. Кизилсу Хатлонской (бывшей Кулябской) области Южного Таджикистана. Преимущественно могильник представлен обычными могильными ямами без подбоя, существенно реже – с подбоем (что сближает его с погребениями усуней Семиречья и Северного Тянь-Шаня). В заполнении первых часто встречается древесина, интерпретируемая как остатки древесного перекрытия. Анализируя количество находок древесного тлена и жердей из заполнения погребений других могильников Южного Таджикистана с находками могильника Ксиров, а также сопоставляя эти данные с такими признаками, как ориентация погребений, устройство могильных ям и т.д., автор заключает, что Ксиров отличался от других синхронных памятников Северной Бактрии–Тохаристана. По его мнению, погребенные в могильных ямах Ксирова – народ, известный в китайских анналах как юэджи.

Ключевые слова: древесина, могильная яма, подбой, погребения, Дангара, Таджикистан, усунь, юэджи, кочевники, раннекушанское время.

Курганный могильник Ксиров находится на Дангаринской равнине, в долине р. Кизилсу Хатлонской (бывшей Кулябской) области Южного Таджикистана. Как и в случаях с погребениями усуней в Семиречье и Северном Тянь-Шане, в случае с могильником Ксиров речь идет в основном об обычных могильных ямах без подбоя; погребения с подбоем ограничены 8–20% от общего числа. Ориентированы все погребальные памятники на запад (с некоторыми отклонениями на юго- и северо-запад), в качестве исключения везде представлена и восточная ориентация. Эти признаки резко отличают Ксиров от территориально близких синхронных погребений кочевников Бешкентской долины, где значительно преобладают погребения с подбоем и северная ориентация могил. Здесь отсутствуют такие погребения, как, например, в “каменных ящиках”, нередкие для памятников Бешкентской долины (Денисов, 1983; 1989; 1993; Denisov, Grenet, 1981).

Так же как и в Семиречье, в Ксирове представлены, среди прочих, погребения с древесным перекрытием.

Остатки древесного перекрытия. В заполнении погребений, представляющих собой грунтовые ямы без подбоя могильника Ксиров, часто попадалась древесина (таблица). В отношении четырех погребений (Ксиров-III, ограды 5, 9 и 10; IV, ограда 17) можно с уверенностью говорить о том, что захоронения, прежде всего их западные части (т.е. над головой), имели древесное перекрытие. В случае с погребением Ксиров-IV, ограда 17 речь идет о яме с подбоем в северной стенке, остальные погребения были представлены ямами без подбоя.

Лучше всего перекрытие сохранилось в ограде 9 группы Ксиров-III, где западная и средняя части могильной ямы на участке протяженностью 1.55 м были перекрыты на высоте около 50 см над костяком положенными поперечно жердями, круглыми в сечении, диаметром от 5 до 12 см. Их длина составляла 125–130 см. Средняя часть жердей провалилась на глубину до 17 см и сохранилась плохо, но по гнездам можно понять, что всего их было семь. Расстояние между ними по южной стенке ямы, по осям, составляло 16 см. Самая западная жердь лежала над захоронением на 20 см выше, чем наиболее восточная, что, вероятно, связано с тем, что голова погребенного, как это обычно бывает, находилась выше корпуса.

В ограде 10 группы Ксиров-III конструкция иная. Здесь на высоте 12 см над костяком, в западной части погребения, были расчищены расслоившиеся жерди: три продольные (длиной до 70 см) и, западнее головы, одна поперечная шириной до 4 см. Их гнезд обнаружено не было: вполне возможно, что они не играли никакой функциональной роли, а лишь имитировали перекрытие.

Хуже сохранились жерди в погребениях Ксиров-III, ограда 5 и Ксиров-IV, ограда 17. Судя по остаткам древесины, перекрытие здесь также только имитировалось, поскольку сохранившиеся жерди были очень тонкими (диаметром до 2 см). В ограде 5 они обнаружены на высоте 70 см над костяком, в ограде 17–20 см. Заметно (особенно хорошо это видно на примере ограды 5), что жерди пересекались друг с другом под прямым углом. Пересечение жердей отмечено и в заполнении могильной ямы ограды 17.

Древесина в небольшом количестве была зафиксирована над погребениями еще в пяти случаях

Таблица. Могильник Ксиров. Древесина в могильных ямах

Тип	Вариант	Поза						
		1	6	10	14, 17, 21	28а	30 (кости разбросаны, поза неясна)	32 (кено-таф с могильной ямой)
I	I	III, 10, над погребением – 4 жерди; III, 11, под погребением – 1 жердь; III, 2, над погребением – пятно; III, 4, под погребением – 2 жерди; III, 19, под погребением – 2 жерди; III, 5, над погребением – древесный тлен; III, 20, над погребением – мелкие фр., под погребением – 2 жерди; III, 21/2, под погребением – 1 жердь; III, 22, над погребением – 1 жердь; под погребением – 4 жерди; IV, 14, под погребением – 1 жердь	III, 12, под погребением – 1 жердь; III, 1, под погребением – 3 жерди; III, 16, под погребением – 2 жерди	IV, 13, под погребением – 1 жердь		III, 6, над погребением – бесформенные фр.; под погребением – 1 жердь	III, 15, под погребением – 1 жердь и фр. древесины; III, 7, деревянные изделия на уровне погребения	
	II							
	III	III, 8, над погребением – древесный тлен	III, 9, над погребением – 7 жердей и 1 деревянное изделие; III, 18 – под погребением – 2 жерди и древесный тлен					
II	I	IV, 17, над погребением – древесная труха						
III	II	III, 25, под погребением – древесный тлен						
IV	I							
	II							

(Ксиров-III, ограды 2, 6, 8, 20 и 22). Однако ограда 6 была ограблена, и фрагменты древесины были найдены здесь как раз вблизи грабительского хода: возможно, они представляли собой остатки рукоятки орудия грабителя.

В ограде 2 было отмечено пятно древесного тлена на высоте 55–70 см над костяком. В ограде 20 фрагменты древесины, довольно редкие и мелкие, встречались в западной и средней частях погребения, на глубине от 1 м над костяком и до уровня погребения. В ограде 8 древесный тлен мощностью 10–15 см шел непосредственно над погребением и тоже в западной его части. В ограде 22 была най-

дена одна деревянная жердь – непосредственно поверх головы погребенного.

Древесина из ограды 9 группы Ксиров-III была уверенно определена аспирантом Института ботаники Академии наук Таджикистана Н. Муминовым как туя восточная, она же биота (*Thuja orientalis*, *Biota orientalis*) – род семейства кипарисовых, дерево, и в настоящее время часто встречающееся в горах и предгорьях Южного Таджикистана начиная с высоты 1350 м от уровня моря (Ашуров, 1986. С. 1422, 1423).

Древесина на уровне погребения. Из 37 погребений могильника Ксиров в 15 (т.е. 40.5% от общего

числа) были обнаружены жерди и еще в 3 – фрагменты древесины неясного назначения.

В погребениях групп Ксиров-I, -II и -V древесины найдено не было. В группе Ксиров-IV жерди были обнаружены в двух погребениях.

Сохранность древесины в могильнике – неудовлетворительная. Длина многих жердей восстановлена по совокупности коротких. Вполне возможно, что определенная часть жердей первоначально была длиннее, чем те фрагменты, которые дошли до нас.

В семи погребениях (Ксиров-III, 6, 11, 12, 15, 21/2; -IV, 13, 14) было представлено по одной жерди, в пяти (Ксиров-III, 4, 16, 18–20) – по две, и в трех (Ксиров-III, 1, 22, 25) – по 3 и более.

Часть жердей лежала не продольно, а поперек могильной ямы. Если не учитывать поперечные жерди, картина их распределения в могильнике выглядит следующим образом: погребений, содержащих по одной продольной жерди, было семь (Ксиров-III, 6, 11, 12, 15, 22; -IV, 13, 14), по две – шесть (Ксиров-III, 1, 4, 18, 19, 20, 25). При этом в первом случае две жерди лежали с юга (справа) от погребенного (Ксиров-III, 6 и 15), а во втором – три (Ксиров-III, 19, 20 и 25). Все погребения – женские, жерди лежали с обеих сторон от костяка, в остальных случаях – с одной, северной стороны (слева).

Необходимо отметить, что оба захоронения, сохранившие одиночные жерди, положенные справа, с юга от погребенного, находятся в средней части группы Ксиров-III, одно из них (ограда 6) – мужское (?), другое – женское (?).

Четыре погребения, содержавшие поперечно лежащие жерди (Ксиров- III, 16, 21, 22 и 25), расположены в средней и южной частях могильника. По всей видимости, правомерно считать эти жерди остатками подстилки. Среди этих погребений нет ни одного, которое можно было бы уверенно идентифицировать как мужское. Три – безусловно женские и одно (Ксиров-III, 16) – женское под вопросом. Однако в одном мужском погребении (Ксиров-III, 9) были найдены остатки камышовой подстилки под головой.

По две продольные жерди помещались как в женские, так и в мужские погребения. Однако картина, когда по жерди было положено с северной и южной сторон от погребенного, фиксируется только для женских могил.

Если исходить из того, что группа Ксиров-III формировалась в течение достаточно длительного (несколько столетий?) времени и наиболее ранние

погребения находятся в ее центре, то захоронения с одной жердью, положенной именно с южной стороны от умершего, возможно, фиксируют наиболее ранний этап этого обычая. В более позднее время либо укладывали одну жердь с северной стороны от погребенного, либо использовали две жерди и располагали их или с северной, или с обеих сторон от покойника.

Для чего именно предназначались эти жерди – неясно, вероятно, часть их – имитация древесного перекрытия.

Находки древесного тлена были отмечены в трех погребениях Тулхарского могильника, тогда как таковых в могильнике Ксиров – пять. В прочих курганных могильниках Северной Бактрии таких находок не было сделано.

Древесные жерди в Северной Бактрии, кроме могильника Ксиров, были найдены только в Бабашове – одна жердь. В Ксирове же их было зафиксировано 37, помимо того, в 3 случаях – древесный тлен. Таким образом, анализ находок древесины в заполнении могильных ям, с одной стороны, свидетельствует об отличии Дангаринского могильника от других синхронных памятников Северной Бактрии–Тохаристана. С другой, сближает Ксиров с семиреченскими могильниками, что в свою очередь является дополнительным свидетельством, подтверждающим наши выводы: погребенные в могильнике Ксиров – народ, известный в китайских анналах как юэчжи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашуров А.* Савр // Энциклопедияи советии то ик. Ч. 6. Душанбе: “Сарредаксияи Энциклопедияи советии то ик”, 1986. С. 1422–1423.
- Денисов Е.П.* Могильники на реке Ксиров и тохарско-юэчжийская проблема // Бактрия–Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф., посв. 10-летию ЮТАЭ. М., 1983. С. 36, 37.
- Денисов Е.П.* Загадочные тохары // Памир. 1989. № 12. С. 133–141.
- Денисов Е.П.* Изучение памятников античного времени на территории Дангаринского района // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1993 (Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР; т. XXIV). С. 262–272.
- Denisov E.P., Grenet F.* Boucles d’oreilles en or à images de coqs découvertes en Bactriane // *Studia Iranica*. 1981. Т. 10. P. 307–314.

WOOD IN FILLING GRAVE PITS OF THE BURIAL GROUND KSIROV

Yevgeny P. Denisov

The article considers a barrow cemetery Ksirov situated on the Danghara Plain in the valley of the Kizilsu River of the Khatlon Oblast (former Kulob Oblast) of Southern Tajikistan. Mostly the burial ground is presented by usual grave pits without undercut, far more rarely – with undercut (which makes them common with the Wusun burials of Zhetysu and Northern Tian Shan). In the filling of the former the wood is frequently used which is interpreted as the remains of the wooden covering. Analyzing the amount of finds of the wooden dust and rickers from the filling of the burials of another burial ground of Southern Tajikistan and finds from the burial ground Ksirov, the author concludes that Ksirov was different from another synchronic site of Northern Bactria–Tokharistan. In his opinion, the buried persons in the grave pits of Ksirov are the people known in Chinese annals as Yuezhi.

Keywords: wood, a grave pit, undercut, burials, Danghara, Tajikistan, Wusun, Yuezhi, nomads, Early Kushan period.

REFERENCES

- Denisov E.P., Grenet F.*, 1981. Boucles d'oreilles en or à images de coqs découvertes en Bactriane. *Studia Iranica*, 10, pp. 307–314.
- Denisov Ye.P.*, 1983. Mogil'niki na reke Ksirov i tokharsko-yuechzhyskaya problema [Burial grounds on the Ksirov River and Tokhar-Yuezhi problem]. *Baktriya–Tokharistan na drevnem i srednevekovom Vostoke: tezisy dokladov konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu Yuzhno-Tadzhikistanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Bactria–Tokharistan in ancient and medieval East: abstracts on the conference addresses to the 10 anniversary of Southern Tajikistan archaeological expedition]. Moscow: Nauka, pp. 36–37.
- Denisov Ye.P.*, 1989. Zagadochnyye tokhary [Mysterious Tokhars]. *Pamir [Pamir]*, 12, pp. 133–141.
- Denisov Ye.P.*, 1993. Izucheniye pamyatnikov antichnogo vremeni na territorii Dangarinskogo rayona [Studying of the sites of ancient time on the territory of Danghar District]. *Arkheologicheskiye raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. Dushanbe, pp. 262–272 (Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk Tadzhikskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki, XXIV).

ЭПИТАФИЯ БАТЫР-ГИРЕЯ-ОГЛУ ИЗ ТАМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

© 2015 г. И.В. Зайцев*, В.Н. Чхаидзе**

* Бахчисарайский историко-культурный заповедник, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, Москва (ilyaAugust@yandex.ru)

** Институт археологии РАН, Москва (chkhaidze.v@yandex.ru)

В работе представлен мраморный надгробный памятник, хранящийся в Таманском археологическом музее. Эпитафия на стеле сообщает, что погребенный – Батыр-Гирей-оглу – стал шахидом и погиб от рук неверных. Датировка надгробия – не ранее начала XIX в. В работе высказывается предположение, что Батыр-Гирей-оглу являлся членом одного из княжеских кабардинских родов.

Ключевые слова: Тамань, турки, надгробные памятники, кабардинцы.

Османское присутствие на территории Таманского п-ова продолжалось с 1475 по 1783 г.; полуостров был включен в систему административного деления Османской империи: здесь находились Таманский и Адахунский санджаки, входившие в

Кафинский эйялет. Чтобы укрепить свою власть и влияние, Порты на рубеже XV–XVI вв. приступила к развертыванию в регионе системы крепостей и опорных пунктов, одним из которых и была Таманская крепость, получившая название Хункала.

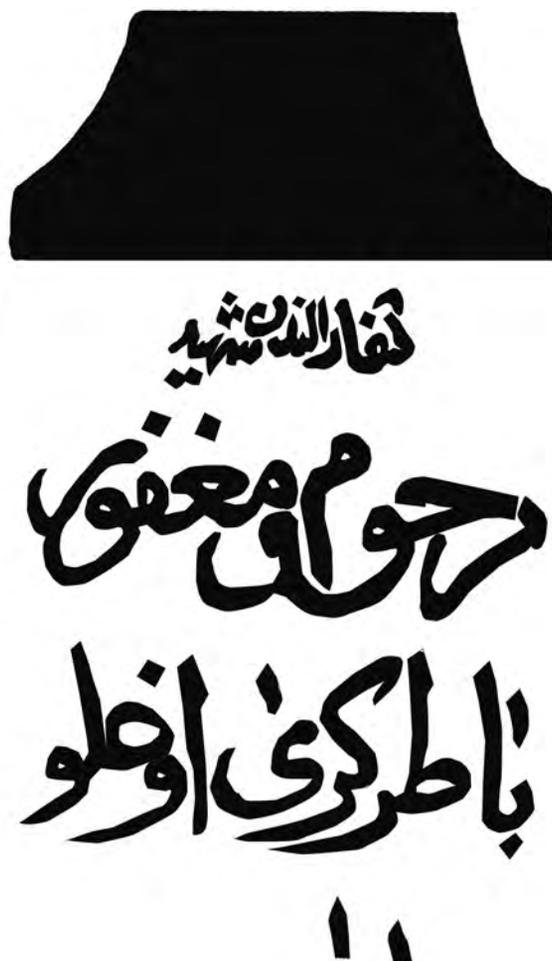

Рисунок. Надгробие Батыр-Гирей-оглу из Таманского археологического музея.

В крепостях размещались турецкие гарнизоны, в Тамани базировался османский флот. Именно отсюда на протяжении XVI–XVII вв. осуществлялись карательные походы в Предкавказье против адыгов (Некрасов, 1990. С. 42, 73, 89).

Османский период в истории Таманского п-ова до сих пор остается практически не исследованным. Изучение османского слоя Таманского городища, а также крепости Хункала проводится одним из авторов настоящей работы с 2010 г. (Чхаидзе, 2014. С. 395–398).

Среди предметов материальной культуры, относящихся к османскому времени и хранящихся в Таманском археологическом музее, также представлен ряд мраморных надгробных стел конца XVII–XVIII в., часть которых уже привлекала внимание ученых (Волков, 2009. С. 50–52), однако публикуемой ниже надписи не было в их числе.

Надгробная стела белого мрамора (шифр ТАМ-402) выставлена в лапидарии Таманского археологического музея (рисунок). Ее размеры: сохранившаяся высота – 62 см, ширина – 42, толщина мрамора – до 20 см. Эпитафия выполнена путем углубления фона с разделителями строк. Сохранились три строки надписи, от четвертой – лишь две вертикальные черты:

логического музея (рисунок). Ее размеры: сохранившаяся высота – 62 см, ширина – 42, толщина мрамора – до 20 см. Эпитафия выполнена путем углубления фона с разделителями строк. Сохранились три строки надписи, от четвертой – лишь две вертикальные черты:

كفار النذن شهيد [اولدو]

مرحوم و مغفور

باطر كرى اوغلو

.. ۱۱..

Что в переводе означает: “Мученик, павший от рук неверных, покойный и прощенный Батыр-Гирей-оглу ...”.

Указание на то, что покойный стал шахидом и погиб от рук неверных, свидетельствует, что Батыр-Гирей-оглу, скорее всего, был убит в стычке с немусульманами. Известны, как минимум, два случая употребления этой формулы, причем оба про-

исходят с территории Поволжья. Первый датирован 14 зу-л-када 936 г.х. или 10 июля 1530 г. и географически привязан к г. Казань (Вельяминов-Зернов, 1863. С. 548–554; Фукс, 1914. С. 5, 6, 23; Юсупов, 1960. Табл. 68; Очерки..., 2003. С. 126, 127). Второй зафиксирован на камне из д. Старый Менгер Атнинского р-она Татарстана и датирован началом XVIII в. Русский перевод эпитафии: “Мансур, сын Исхака, пал мучеником во время войны с неверными” (Ахметзянов, 1978. С. 57).

Для Северного Кавказа более характерна арабская версия формулы¹: *شهيد في قتال الكفار*

Четвертая строка эпитафии вызывает много вопросов. Возможно, что две вертикальные черты, содержащиеся в ней, – это верхние части букв имени погребенного. Об этом говорит прежде всего турецкая форма подачи его отчества. Однако реконструировать само имя сына Батыр-Гирея вряд ли удастся (вариантов множество, например, *ليلى*). При этом во всей четвертой строке или не должно быть более слов с буквами, имеющими высокие вертикальные элементы (*алиф, кяф, лям*), или после имени погребенного букв (и слов) не должно быть вовсе.

Менее вероятно, что сохранившиеся верхние части вертикальных знаков четвертой строки – две первые цифры года хиджры. Если это так, то они говорят о том, что смерть Батыр-Гирей-оглу наступила ранее ноября 1785 г. (когда начался 1200 г.х.). Однако существуют только четыре цифры (т.е. четыре года), которые могли бы быть записаны в этой формуле (поскольку цифры десятков и единиц должны быть в строке ниже цифр тысяч и сотен): *١١٥٠; ١١٠٥*. Тем не менее все эти годы не могут быть датой памятника по палеографическим соображениям. Таким образом, ни имени погребенного, ни точной даты памятника мы не знаем. По данным палеографии текст может быть датирован большим временным интервалом не ранее начала XIX в.

Возможно, покойный был сыном бжедугского князя Батыр (Баты)-Гирея, известного, в частности, своей миссией в Петербург, где он вел переговоры о вступлении бжедугов в российское подданство (1795 г.)².

Однако, скорее всего, покойный – сын Батыр-Гирея б. Хаджи-Гирея б. Темир-Булата б. Бек-мурзы, эпитафия которого на мавзолее в Чегеме содержит дату смерти – 1187 г.х. (25 марта 1773 г. – 13 марта 1774 г.) (Лавров, 1968. С. 65, 66. № 529). В ней он

также назван шахидом. Если это так, то Батыр-Гирей-оглу был правнуком умершего в 1762–1763 гг. князя Темир-Булата, погребенного в ныне не существующем мавзолее в Чегеме (Лавров, 1968. С. 62. № 517). Его дед Хаджи-Гирей в 1745 г. ездил послом в Санкт-Петербург, где передал Екатерине II петицию “кашкатавцев” с просьбой разрешить им переселиться не в Кашкатау, а на р. Чегем и Шалушку. В 1753 г. он был упомянут как российский подданный. Последнее упоминание о нем относится к 1761 г.

Отец и дядя Батыр-Гирей-оглу (“Ислам и Батыр-Гирей Аджигиреевы”) были в числе 200 кабардинцев, в 1769 г. отказавшихся присягать на верность России и переселившихся в верховья р. Кума в урочище Эшкакон. Однако после столкновения с русским отрядом они вернулись на р. Баксан и приняли присягу (Лавров, 1968. С. 138, 139).

Обращает на себя внимание не стандартная крымская форма написания династического имени Гирей *كراى كراى*, что, как кажется, связано с северокавказским контекстом его употребления. В эпитафии самого Батыр-Гирея на чегемском мавзолее мы видим такое же написание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметзянов М.И. Общинные шеджере // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 45–50.
- Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. 587 с.
- Волков И.В. Турецкая эпитафика из Таманского археологического музея // Пятая Кубанская археолог. конф.: Матер. конф. Краснодар, 2009. С. 50–53.
- Лавров Л.И. Эпитафические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X–XVII вв. Тексты, перев., ком., введение и прилож. Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966. 261 с.
- Лавров Л.И. Эпитафические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. II. Надписи XVII–XX вв. Тексты, перев., ком., введение и прилож. Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1968. 242 с.
- Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л.: Наука, 1982. 226 с.
- Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М.: Наука, 1990.
- Очерки Марджани о восточных народах // Вступ. статья, ком., пер. с араб., старотатарск. языков и прим. А.Н. Юзеева. Казань: Татарское книжное изд-во, 2003. 176 с.

¹ См., например, Лавров, 1966. С. 152. № 392, 393, а также 383, 388, 391.

² Батыр-Гирей погиб во время знаменитой Бзюкской битвы с шапсугами в 1796 г. или сразу после нее (Лавров, 1982. С. 58).

Фукс К. История города Казани: Из русских и татарских летописей. 5-е изд. Казань: Электро-типография "Умид", 1914. VII, 23 с.

Чхайдзе В.Н. Османская крепость Хункала // "Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кав-

каза": XXVIII Крупновские чтения: Матер. Междунар. науч. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 395–398.

Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 160 с.

EPITAPH TO BATYR-GIREI-OGLY FROM TAMAN ARCHAEOLOGICAL MUSEUM

Ilia V. Zaitsev*, Victor N. Chkhaidze**

**The Bakhchisarai conservation area; Margarita Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature, Moscow (ilyaAugust@yandex.ru)*

***Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow (chkhaidze.v@yandex.ru)*

The article presents a marble tomb kept in Taman archaeological museum. An epitaph on a stele says that the buried – Batyr-Girei-ogly – became a shakhid and died by the hands of an unfaithful. The dating of the tomb is not earlier than 19th c. The article suggests that Batyr-Girei-ogly was a member of one of the palatine Kabardian family.

Keywords: Taman, the Turks, tombs, the Kabardians.

REFERENCES

- Akhmetzyanov M.I.*, 1978. Obshchinnyye shedzhere [Communal shedzher]. *Istochnikovedeniye i istoriya tyurkskikh yazykov [Study and interpretation of sources and History of the Turkich languages]*. Kazan', pp. 45–50.
- Chkhaidze V.N.*, 2014. Osmanskaya krepost' Khunkala [Ottoman fortress Khunkala]. *Ye.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza: XXVIII Krupnovskiyecheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Ye.I. Krupnov and the development of archaeology of the Northern Caucasus: XXVIII Krupnov readings: proceedings of the International scientific conference]*. Moscow, pp. 395–398.
- Fuks K.*, 1914. Istoriya goroda Kazani: Iz russkikh i tatarskikh letopisey [History of Kazan: from Russian and Tatar chronicles], VII. 5-e izdaniye. Kazan': Elektro-tipografiya "Umid". 23 p.
- Lavrov L.I.*, 1966. Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh [Epigraphic sites of the Northern Caucasus], I. Nadpisi X–XVII vv. [Inscriptions of 10–17cc.]. Moscow: Nauka. 261 p.
- Lavrov L.I.*, 1968. Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh [Epigraphic sites of the Northern Caucasus in Arabic, Persian and Turkish], II. Nadpisi XVII–XX vv. [Inscriptions of 17–20 cc.]. Moscow: Nauka. 242 p.
- Lavrov L.I.*, 1982. Etnografiya Kavkaza (po polevym materialam 1924–1978 gg.) [Ethnography of Caucasus (on the field materials of 1924–1978)]. Leningrad: Nauka. 226 p.
- Nekrasov A.M.*, 1990. Mezhdunarodnyye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza. Poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI v. [International relationships and peoples of the Western Caucasus. Last quarter of 15 – first half of 16 cc.]. Moscow: Nauka.
- Ocherki Mardzhani o vostochnykh narodakh [Marjani's essays about eastern peoples]*, 2003. A.N. Yuzeyev, ed. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 176 p.
- Vel'yaminov-Zernov V.V.*, 1863. Issledovaniye o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh [Researches of Kasimov tzars and tzareviches], 1. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 587 p.
- Volkov I.V.*, 2009. Turetskaya epigrafika iz Tamanskogo arkheologicheskogo muzeya [Turkish epigraphy from the Taman archaeological museum]. *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [Fifth Kuban archaeological conference: proceedings]*. Krasnodar, pp. 50–53.
- Yusupov G.V.*, 1960. Vvedeniye v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku [Introduction to Bulgar-Tatar epigraphy]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 160 p.

ИЗРАЗЦЫ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ МОСКВЫ: ПЕРВЫЕ НАХОДКИ И ПЕРВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

© 2015 г. С.И. Баранова

Московский государственный объединенный музей-заповедник (svetlanbaranova@yandex.ru)

В публикации прослежена история формирования коллекции изразцов, обнаруженных в культурном слое Москвы при строительных работах второй половины XIX – XX в., в том числе в Заяузье, где, согласно письменным источникам, было сосредоточено гончарное производство. Публикуются выдержки из архива историка керамического производства, инженера и художника А.В. Филиппова, относящиеся к работам 1938 г. в Гончарном переулке. В их ходе были обнаружены первые археологические свидетельства гончарной мастерской XVII в. Сделанное открытие послужило толчком для начала систематических раскопок в Гончарной слободе, обеспечивших стремительное продвижение в изучении русского и московского изразца.

Ключевые слова: изразцы, археология Москвы, Гончарная слобода, А.В. Филиппов.

Изразцы Москвы, главным образом в сохранившихся декорах зданий и печах, попали в поле зрения исследователей в середине XIX в. Однако огромная их масса в культурном слое долго оставалась невостребованной, а некоторые типы – практически неизвестными. Еще в 1894 г. это отметил Н.В. Султанов, записав, что “красные” изразцы “до сих пор еще почти не были обследованы в нашей археологической науке, и только раскопки последнего времени дали несколько образцов... и в большинстве являются более или менее случайными археологическими находками” (1894. С. 369). Действительно, находки изразцов в конце XIX в. носили случайный характер (изразец в Суздале на “воеводском дворце” нашел в 1851 г. граф А.С. Уваров; см. Султанов, 1894. С. 376). В Москве в 1872 г. красные изразцы “московского” периода обнаружил в Кремле архитектор Н.А. Шохин (1872. Дет. № 5; также см. Филиппов, 1938. Ил. 26; 27).

Во многом определяющей стала находка изразцов при работах на месте постройки памятника Императору Александру II в Московском Кремле. В 1895 г., “согласно воле в бозе почившего Государя Императора, в Музей (Исторический музей. – С.Б.) препровождены Высочайше учрежденным Комитетом по сооружению в Москве памятника Александру II 196 изразцов цветных без поливы и 12 красных изразцов, найденных на месте постройки памятника” (цит. по: Ключкина, Сидорова, 1998. С. 352).

В 1894 г. часть неполивных изразцов была опубликована Н.В. Султановым (1894. С. 369–387)¹, за

изразцами закрепилось название “красные”. Термин прижился, так как фиксировал не только цвет обожженной глины, но и определенную форму изразца, состав печного набора и даже тип “готической” печи.

В 1893 г. в Исторический музей были переданы изразцы, собранные при строительстве на углу Немецкой улицы и Кирочного переулка (Султанов, 1894. С. 372; Филиппов, 1938. Ил. 22; 51; 54)², и красный изразец, обнаруженный в слое Красной площади при проведении канализационных работ (Султанов, 1894. С. 381; Филиппов, 1938. Илл. 32)³. Одна из самых ярких находок – широко известный изразец с композицией “зверь Апокалипсиса” – была обнаружена “на Покровском бульваре”, видимо, около 1915 г.⁴ К сожалению, затерялись следы изразца, найденного в 1915 г. А.В. Орешниковым в Кремле во дворе бывшей Синодальной Конторы, который представлял исключительный интерес: “на темно-синем поле, в середине, находился щиток с надписью, от которой сохранились части букв одной строки и нижняя строка с четырьмя буквами; фон щитка – зеленоватый, буквы желтые, под щитком дата, вероятно изготовления изразца: ...716 (последней не сохранилось), соответствующая 1653–1661 гг. от Р. Хр.; цифра покрыта белой глазурью. Это первый случай находки кафля, вероятно московского, изделия с изображением такого раннего года” (Отчет..., 1917. С. 5). Исключительно важными стали находки красных изразцов

¹ Также частично изразцы были опубликованы А.В. Филипповым (1938. Ил. 23; 28; 30; 43; 57; 59). Некоторые из них хранятся в собрании МГОМЗ. Как один из авторов проекта памятника Александру II архитектор Н.В. Султанов первым исследовал их.

² Хранятся в собрании МГОМЗ.

³ Хранится в собрании МГОМЗ.

⁴ Изразец был впервые опубликован в 1915 г. (Филиппов, 1915. С. 8; 1938. Ил. 44). Хранится в собрании МГОМЗ.

в с. Спас-Тушино, на месте лагеря Лжедмитрия II (Филиппов, 1938. Ил. 36; 37; 39; 47; 63)⁵.

Находки сформировали коллекцию, что позволило не только сохранить артефакты, но и придало им статус музейных, обеспечило внимание к отдельно взятому изразцу. Создаваемая в Историческом музее коллекция вызвала интерес у членов императорской семьи. И.Е. Забелин, описывая посещение музея великим князем 11 января 1889 г., отметил, что тот “особенно был доволен разнообразием собираемых изразцов”. Когда в 1891 г., приехав в музей, “Великая княгиня расспросила о находках в Кремле, что замечательного”, все тот же И.Е. Забелин “указал на богатство изразцов” (Дулькина, 2002. С. 18, 19).

Особенно активно изразцы стали поступать в музей из культурного слоя Москвы во время работ, связанных со строительством первых очередей московского метро (Коробков, 1938), которые сопровождала бригада археологов Московского отделения Государственной академии материальной культуры им. Н.Я. Марра. При строительстве второй очереди метро (1935–1936 гг.) археологические работы были продолжены. Мощностные культурные пласты на отрезках трассы оказались разной. Культурный слой толщиной в несколько метров в Китай-городе и вдоль многолюдной в древности Тверской дороги дал богатейший археологический материал, в том числе изразцы. А.Л. Монгайт писал: “Московские находки могут дать много для истории этого производства” (1948. С. 68)⁶.

В 1940–1950-е годы исследования стали методичнее и охватили районы, в которых было сосредоточено гончарное производство, прежде всего Заяузье. На основе собранных материалов были написаны ставшие классическими крупные аналитические работы М.Г. Рабиновича, вышедшие с конца 1940-х до начала 1970-х годов (1947; 1949а; б; 1971) и Р.Л. Розенфельдта (1968), и др.

Однако о первых шагах, предпринятых археологами в Гончарной слободе, стало известно лишь недавно. Упоминания о них отсутствуют в мемуарах М.Г. Рабиновича (2005). Они были связаны с деятельностью известного историка керамического производства, инженера и художника А.В. Филиппова (1882–1956). Приведем его запись. “2/IV–1938 г. архитектор И.И. Бреннер сообщил на керамическую установку академии архитектуры, что им найдено несколько старинных русских рельефных изразцов без глазури, с белым грунтом (ангобом) и глазурованных; что подобные, найденные там же изразцы, имеются у инж.-архитектора

В.И. Карпова, живущего на территории находок: 3-й Гончарный пер., д. 12, кв. 1; и что таких изразцов, целых и особенно фрагментов, можно найти еще и в большем количестве.

12/IV я познакомился с имеющимися у архит. Бреннера и инж.-архит. Карпова изразцами и совместно с Бреннером произвел разведку недавно вырытого котлована дома № 10–12 по 3-му Гончарному переулку для поисков изразцов. На глубине 2–3 м найдено несколько десятков различной величины фрагментов изразцов, в большинстве типичных для второй половины XVII и начала XVIII в. Большинство изразцов – красные безполивные, реже попадаются зеленые глазурованные по белому ангобу, а также многоцветные эмалевые. Преобладающее большинство изразцов не имеют в румпах следов глиняного или известкового раствора, т.е. не были употреблены, еще не применялись в стройке, отдельные – имеют следы копати в румпе, т.е. были применены в печной облицовке...

Отсутствие на изразцах следов их строительного применения и незаконченность их производственной обработки указывают на их принадлежность древней изразцовой мастерской, которые существовали, по письменным источникам, в том районе, где находилась Гончарная слобода. До настоящего времени археологических вещественных следов ни одного завода Гончарной слободы не было найдено...” (Архив А.В. Филиппова. Без шифра).

Раскопки велись силами и по инициативе керамической установки, которую возглавлял А.В. Филиппов, приглашавший все желающих сотрудников принять участие “в археологической разведке остатков керамического завода XVII в., раскрытого в Москве...”⁷.

Об открытии в Гончарной слободе писали местные газеты (Древний завод Гончарной слободы, 1938; Розенкрац, 1938а; б). 11 апреля 1940 г. по результатам раскопок А.В. Филипповым в Группе по истории Москвы Института истории академии наук СССР был сделан доклад “Гончарная слобода в Москве как производственный центр архитектурной керамики XVII в.”, сопровождавшийся демонстрацией найденных изразцов.

Благодаря этому в Гончарной слободе были начаты “наблюдения за земляными работами в устье Яузы, которые имели своей целью разведку местности для систематических раскопок, которые предполагалось поставить на Таганском холме” (Архив А.В. Филиппова. Без шифра). 3 ноября 1942 г. о полученных результатах сообщил в своем докладе

⁵ Часть хранится в собрании МГОМЗ.

⁶ Часть изразцов хранится в собрании МГОМЗ.

⁷ Раскопки проходили 15 июня 1938 г.

Рисунок. Работы в Гончарной слободе, сентябрь 1946 г. Слева направо: М.Г. Рабинович, А.В. Филиппов, П.И. Засурцев. Фото из архива А.В. Филиппова. Публикуется впервые.

“Гончарная слобода XI–XVII вв.”, зачитанном на археологической секции Ученого совета Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, М.Г. Рабинович. В тезисах доклада упоминалось и об изразцах: “Наиболее интересны изразцы с изображением осады крепости, двуглавого орла, с растительным орнаментом. Найденный глиняный штамп для изразцов – инструмент московского гончара. Из зеленых муравленых изразцов интересен уникальный изразец с изображением стрельца” (Рабинович, 1947. С. 65)⁸.

В дальнейшем, при издании трудов, посвященных раскопкам в Гончарной слободе, которые начались сразу после войны, в 1946 г., М.Г. Рабинович часто упоминал мнения А.В. Филиппова по тому или иному вопросу (рисунок). В одной из работ было опубликовано заключение “по опытам, связанным с расшифровкой технологии производства строительной и бытовой керамики из московских раскопок в Гончарной слободе и Зарядье”, выполненное лабораторией керамической установки ВАА (Рабинович, 1949б. С. 104, 105).

Ранние успехи археологии обеспечили стремительное продвижение исследований сразу в нескольких областях изучения русского и московского изразца: общей хронологии и типологии, то-

пографии и технологии изразцового производства, историко-культурной оценке явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова С.И.* Русский изразец: Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 429, [2] с.: ил.
- Древний завод Гончарной слободы // Вечерняя Москва. 19 июня 1938.
- Дулькина Т.И.* История Отдела керамики и стекла Государственного Исторического музея (конец XIX в. – 1950-е годы). М.: ГИМ, 2002. 72 с.
- Клюшкина И.В., Сидорова С.А.* Материалы к “Летописи Государственного Исторического музея” // Историческому музею – 125 лет: Матер. юбилейной науч. конф. М., 1998 (Тр. ГИМ; Вып. 100). С. 344–393.
- Коробков Н.М.* Метро и прошлое Москвы. Очерки геологии, истории и археологии Москвы. М.; Л.: ОНТИ НКТП СССР, 1938. 166 с.
- Монгайт А.Л.* Московские изразцы (по находкам на строительстве метрополитена I и II очереди) // Сообщения Института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. Вып. 9. М., 1948. С. 67–79.
- Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III в Москве за 1915 г. М.: Синодальная типография, 1917. 144 с.

⁸ Изразец хранится в собрании МГОМЗ (Баранова, 2011. С. 92).

- Рабинович М.Г.* Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // МИА. 1947. № 7. С. 55–76.
- Рабинович М.Г.* Раскопки в 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. 1949а. № 12. С. 5–43.
- Рабинович М.Г.* Московская керамика // МИА. 1949б. № 12. С. 57–105.
- Рабинович М.Г.* Культурный слой центральных районов Москвы. Характеристика керамики // МИА. 1971. № 167. С. 12–27.
- Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала / Публикация и ком. О.В. Будницкого; вступ. ст. Л.А. Беляева, О.В. Будницкого, В.Я. Петрухина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 392 с.
- Розенкрац А.* Древний завод в Гончарной слободе // Архитектурная газета. 3 июля 1938а. № 37 (266).
- Розенкрац А.* Открытие древнего изразцового завода // Строительный рабочий. 28 июня 1938б. № 86.
- Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968. 124 с.
- Султанов Н.В.* Древнерусские красные изразцы // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. № 12. М., 1894. С. 369–387.
- Филиппов А.В.* Русские поливные изразцы XVI века. М.: Т-во Типографии А.И. Мамонтова, 1915. 14, [1] с.
- Филиппов А.В.* Древнерусские изразцы. Вып. 1: XV–XVII вв. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1938. 90 с.
- Шохин Н.А.* Сборник очерков и детальных рисунков русских старинных построек. М., 1872. [12] с.

TILES FROM THE CULTURAL LAYER OF MOSCOW: FIRST FINDS AND FIRST COLLECTIONS

Svetlana I. Baranova

*The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve
(svetlanbaranova@yandex.ru)*

The article presents the history of tiles' collection found in Moscow cultural layer during the construction works of the second half of the 19th–20th cc. including Zayauzje where according to writing sources the pottery production was concentrated. Excerpts, referring to the works of 1938 in Goncharny Lane, from the archive of a historian of the pottery production, an engineer and an artist, A.V. Filippov, are being published. First archaeological evidences of a pottery workshop of the 17th c. were found during the constructions. The find encouraged the systematic excavations in Goncharnaya sloboda provided drastic movement in studying Russian and Moscow tile.

Keywords: tiles, archaeology of Moscow, Goncharnaya sloboda, A.V. Filippov.

REFERENCES

- Baranova S.I.*, 2011. Russky izrazets: Zapiski muzeynogo khranitelya [Russian tile: notes of a museum custodian]. Moscow: Moskovsky gosudarstvenny ob'yedinenny muzey-zapovednik. 431 p.: il.
- Drevny zavod Goncharnoy slobody* [Ancient factory of Goncharnaya sloboda], 1938. *Vechernyaya Moscow* [Evening Moscow]. 19 iyunya.
- Dul'kina T.I.*, 2002. Istoriya Otdela keramiki i stekla Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (konets XIX v. – 1950-e gody) [History of the Department of pottery and glass of the State Historical Museum (the end of the 19 – 1950-s)]. Moscow: GIM. 72 p.
- Filippov A.V.*, 1915. Russkiye polivnyye izraztsy XVI veka [Russian glazed tiles of the 16 c.]. Moscow: Tovarishchestvo Tipografii A.I. Mamontova. 15 p.
- Filippov A.V.*, 1938. Drevnerusskiye izraztsy [Ancient Russian tiles], 1. XV–XVII vv. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy Akademii arkhitektury. 90 p.
- Klyushkina I.V., Sidorova S.A.*, 1998. Materialy k "Letopisi Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya" [Materials for the "Chronicles of Statte Historical Museum"]. *Istoricheskomu muzeyu – 125 let: materialy yubileynoy nauchnoy konferentsii* [125 of Historical Museum: proceedings of the anniversary scientific conference]. Moscow, pp. 344–393 (Tr. GIM; 100).
- Korobkov N.M.*, 1938. Metro i proshloye Moskvy. Ocherki geologii, istorii i arkheologii Moskvy [Underground and the past of Moscow. Essays of geology, history and archaeology of Moscow]. Moscow; Leningrad: Ob'yedinennoye nauchno-tehnicheskoye izdatel'stvo Narodnogo komissariata trgovli i promyshlennosti Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. 166 p.

- Mongayt A.L.*, 1948. Moskovskiye izraztsy (po nakhodkam na stroitel'stve metropolitena I i II ocheredi) [Moscow tiles (on the finds in underground construction I and II)]. *Soobshcheniya Instituta teorii i istorii arkhitektury Akademii arkhitektury Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Reports of Institute of the theory and history of architecture of Academy of architecture of the USSR], 9, pp. 67–79.
- Otchet Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo Muzeya imeni Imperatora Aleksandra III v Moskve za 1915 g. [Report of Imperial Russian Historical Museum named after the Emperor Alexander III], 1917. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. 144 p.
- Rabinovich M.G.*, 1947. Goncharnaya sloboda v Moskve XVI–XVIII vv. (po arkheologicheskim dannym) [Goncharnaya sloboda in Moscow of 16–18 cc. (on the archaeological data)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and researches on Moscow archaeology], 1. A.V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, pp. 55–76 (Materialy i issledovaniya po arkheologii Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, 7).
- Rabinovich M.G.*, 1949a. Raskopki v 1946–1947 gg. v Moskve na ust'ye Yauzy [Excavations in 1946–1947 in Moscow on the inflow of Yauza]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and researches on Moscow archaeology], 2. A.V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, pp. 5–43 (Materialy i issledovaniya po arkheologii Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, 12).
- Rabinovich M.G.*, 1949b. Moskovskaya keramika [Moscow pottery]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and researches on Moscow archaeology], 2. A.V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, pp. 57–105 (Materialy i issledovaniya po arkheologii Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, 12).
- Rabinovich M.G.*, 1971. Kul'turny sloj tsentral'nykh rayonov Moskvy. Kharakteristika keramiki [Cultural layer of the central districts of Moscow. Pottery specifications]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and researches on Moscow archaeology], 4. Drevnosti Moskovskogo Kremlya. N.N. Voronin, M.G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 12–27. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, 167).
- Rabinovich M.G.*, 2005. Zapiski sovetskogo intellektuala [Notes of a Soviet intellectual]. O.V. Budnitskiy, L.A. Belyayev, eds. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 392 p.
- Rozenfel'dt R.L.*, 1968. Moskovskoye keramicheskoye proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow pottery production of 12–18 cc.]. Moscow: Nauka. 124 p.
- Rozenkrats A.*, 1938a. Drevny zavod v Goncharnoy slobode [Ancient factory in Goncharnaya sloboda]. *Arkhiturnaya gazeta* [Architectural paper], 3 iyulya, 37 (266).
- Rozenkrats A.*, 1938b. Otkrytiye drevnego izraztsovogo zavoda [Opening of an ancient tiles factory]. *Stroitel'ny rabochy* [Constructional worker], 28 iyunya, 86.
- Shokhin N.A.*, 1872. Sbornik ocherkov i detal'nykh risunkov russkikh starinnykh postroyek [Collected essays and detailed images of Russian ancient constructions]. Moscow: Tipografiya S.P. Yakovleva. [12] p., 40 l. il.
- Sultanov N.V.*, 1894. Drevnerusskiye krasnyye izraztsy [Ancient Rus red tiles]. *Arkheologicheskiye izvestiya i zametki, izdavayemyye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom* [Archaeological Bulletin and Notes published by Imperial Moscow Archaeological Society], 12, pp. 369–387.

CYRRHUS 1. LE THÉÂTRE DE CYRRHUS D'APRÈS LES ARCHIVES D'EDMOND FRÉZOULS / Sous la direction de Jeanine Abdul Massih avec les contribution de Frédéric Alpi, Jean-Claude Bessac, Sophie Binninger, Zeina Fani et Assaad Youssef. Beyrouth: Institut français du Proche-Orient, 2012. 522 p.

В 2006 г. объединенная сирийско-ливанская археологическая экспедиция начала исследования на территории древнего города Кирра (Κύρρος) – главного центра исторической области Киррестика (Κυρρηστική), продолжавшиеся до 2011 г. В 2012 г. раскопная деятельность в Сирии стала невозможной, и, естественно, исследования здесь были прекращены.

Руководители экспедиции (со стороны Ливана – Жанин Абдул Масси, профессор Ливанского университета, со стороны Сирии – Шакер Аль-Шибб, сотрудник Генеральной дирекции древностей и музеев Сирии) приняли решение начать серию публикаций “*Cyrrhus*”, посвященную результатам исследований этого города. Первым томом серии и стала рецензируемая книга. В ней представлены результаты исследований городища (в первую очередь театра), осуществленные ранее под руководством известного французского археолога и специалиста по истории античного театра Э. Фрезуля.

Структура данного тома, соответственно определяется именно этими обстоятельствами. Первый раздел – своего рода мемориальный: он включает краткий биографический очерк Э. Фрезуля и библиографию его опубликованных работ, связанных с Сирией.

Затем следует Предисловие, написанное Ж. Абдул Масси, в котором обрисованы причины появления данного труда и условия, в которых он создавался. Особое место в нем занимает большой раздел (с. 15–74), являющийся своего рода хроникой работ французской экспедиции. Первое обследование городища было произведено в 1952 г. По административным резонам руководителем миссии выступил А. Сейриг, но “полевым директором” был Э. Фрезуль. В течение трех сезонов (1953–1955 гг.) продолжались довольно интенсивные работы, объектом которых стали, главным образом, руины театра и городские укрепления. Официальным директором миссии по-прежнему считался А. Сейриг, полевыми работами руководил Э. Фрезуль. По результатам исследований были опубликованы первые статьи отчетного характера (Frézouls, 1954–1955. P. 123–150); статьи, посвященные отдельным наиболее интересным находкам (Frézouls, 1953. P. 245–278); и первый общий очерк по проблеме римских театров Сирии (Frézouls, 1952. P. 46–100).

В 1956 г. исследования в городе прекратились. Тому были две причины: наступивший в Сирии период политической нестабильности и отъезд Э. Фрезуля в Тунис, где он занял пост директора музея Бардо. Возобновились раскопки только в 1964 г. Начиная с этого сезона, Э. Фрезуль стал официальным директором миссии и все исследования проводились под его руководством. Работы 1964 г. имели более широкий размах, нежели проведенные ранее. Помимо театра изучались также здание, расположенное к западу от него; городские укрепления; акрополь; проводились раскопки и вне пределов городских стен. После перерыва в год (1966 г.) работы миссии продолжились. Объектами раскопок стали помимо театра главная улица; церковь, расположенная к востоку от театра, акрополь. Нако-

пец в 1969 г. продолжали копать театр, главную улицу, церковь, акрополь. В 1971 г. миссия раскапывала только театр. О работах 1972 г. сейчас трудно сказать что-либо определенное из-за отсутствия в архивах документации. Достоверно известно только о ряде зондажей вдоль городских стен, которые, однако, не дали ответа на вопрос о времени их возведения. В 1973 г. работы были сосредоточены в основном на территории театра, главная задача, поставленная в этом сезоне, – выявить место театра в общей схеме городской застройки. В 1975 г. работы проводились, главным образом, по исследованию жилого квартала к западу от театра, была осуществлена траншея между театром и *cardo*. Довольно значительные по масштабам работы были проведены на некрополе. Сезон 1976 г. был посвящен в основном зачисткам для уточнения деталей планов как театра, так и примыкающих к нему сооружений.

После долгого перерыва исследования в городе возобновились в 1990 г., но в архивах не сохранилось никаких следов отчета по этому сезону. То же самое можно сказать и о сезоне 1993 г.

Завершает эту часть книги Содержание первого тома серии, предложенное Э. Фрезулем в 1993 г., когда он планировал издание результатов раскопок.

Следующая часть книги, состоящая из двух глав, принадлежит Э. Фрезулю. Глава 1 “*Présentation historique de Cyrrhus d'après les notes d'Edmond Frézouls*” представляет собой общий очерк истории города (с. 77–102). Как отмечают издатели, это соединение двух авторских вариантов, правда, практически идентичных. Издатели ничего не меняли в тексте, только иногда добавляли (в сносках) ссылки на некоторые новые исследования, а также указания на новые издания текстов античных и средневековых авторов.

Начинается глава с раздела, посвященного истории Киррестики, исторической области, центром которой был г. Кирр. Автор несколько своеобразно определяет ее место в общей географической картине Сирии: “южная часть северной Сирии”. Он отмечает, что, если на западе и востоке границы области были более или менее определены (горный хребет Аман и долина Евфрата), то северная и южная границы не имели естественных реперов и поэтому с течением времени могли меняться и меняться.

Недостаточное количество письменных свидетельств об истории города, особенно о его раннем периоде (в сочетании с малой информативностью имеющихся в настоящее время археологических материалов) не дает точной информации о времени и обстоятельствах возникновения города. Можно только предполагать (на основании македонского названия), по мнению Э. Фрезуля, что город был создан в раннеэллинистическую эпоху. Значение его возросло в конце селевкидской эпохи, когда Селевкиды потеряли Малую Азию, а парфяне захватили Месопотамию. Однако этот тезис является не более чем предположением, не основанном на источниках. Можно также предполагать, что Кирр был центром культа Афины Киррестис.

Завоевание Сирии римлянами не принесло успокоения области, почти постоянные столкновения с парфянами, гражданские войны нанесли, видимо, значительный урон как городу, так и области. В самом начале I в. н.э. впервые в источниках упоминается собственно г. Кирр (а не область Киррестика), и после этого он постоянно присутствует в письменных источниках. В начале I в. н.э. здесь был расквартирован X *Fretensis* легион. С этого момента город в течение долгого времени выполнял функции важного военного центра в Северной Сирии. Когда легион был послан Веспасианом на подавление восстания в Иудее, в Кирр были направлены какие-то другие воинские части.

Период от начала I в. н.э. и вплоть до эпохи Северов был временем процветания Кирра. Об этом свидетельствуют как памятники на территории самого города, так и весьма обильный монетный чекан. Город сохранял значение важного военного центра и одновременно места пересечения важных торговых путей, ведущих из Сирии в Месопотамию и Армению.

Значительные изменения происходят в 30-х годах III в. н.э., когда в Иране на смену Аршакидам пришла династия Сасанидов, в результате чего возобновились и усилились военные конфликты. Территория Киррестика стала театром военных действий. Известно, что в 256 г. город был захвачен персами. В дополнение к разрушениям, явившимся результатом этого события, происходят и некоторые административные и военные реформы, отрицательно сказавшиеся на Кирре. Он перестал быть важным административным центром, торговые пути изменили свое направление, главные римские воинские силы отныне были сосредоточены на Евфрате.

Проходила постепенная христианизация населения города, во всяком случае его епископ упоминается уже в 325 г. Жизнь города в первой половине V в. н.э. известна несколько подробнее благодаря сочинениям Феодорета Киррского, вступившего на епископский престол в 423 г. и занимавшего его в течение примерно 30 лет. Хотя значение города несколько возросло по сравнению с предыдущим временем, все равно Кирр, по мнению Феодорета, находился в упадке. Последний упоминает целый ряд зданий религиозного назначения как в самом городе, так и в его окрестностях. Кирр явно был одним из важных центров монашества. Религиозная жизнь носила достаточно бурный характер: упоминаются конфликты между православными, маркионитами и монофизитами.

Определенное возрождение Кирр переживал в эпоху Юстиниана. Об этом пишет Прокопий (Кирру посвящен отдельный параграф в его книге *De aedificiis*). Утверждения Прокопия подтверждаются археологическими данными и найденными при раскопках города надписями. В это время был построен акведук, большая базилика, отреставрированы городские укрепления. Однако возрождение было достаточно эфемерным, поскольку возобновились византийско-персидские войны, результатом которых стали значительные разрушения. Следует сказать, что в течение 20 лет (608–628 гг.) Северная Сирия была оккупирована персами. Едва она была возвращена Византии, как в 637 г. ее захватили арабы. Византийцы смогли вернуть Кирр только в 905 г. Он неоднократно, но мимолетно, упоминался в источниках, описывающих войны крестоносцев. Но уже в XIII в. Кирр полностью покинули жители.

Глава 2, также написанная Э. Фрезулем (“*Le theater d’après les notes d’Edmond Frezouls*”), посвящена результатам раскопок театра (с. 105–173). Начинается она с характеристики городской топографии, частично основанной на результатах раскопок, частично – на основании сохранившихся руин сооружений. Очертания города несколько напоминают треугольник. Он был обнесен достаточно мощной оборонительной стеной. Основная часть конструкции относится к византийскому времени, но в ряде мест сохранилась кладка эллинистического периода. В юго-западном углу располагалась цитадель (акрополь) разме-

рами примерно 40 × 20 м. Город рассекался на две части *cardo maximus*. Ширина этой улицы (частично раскопанной) – 7 м. Улица подводила к северным и южным воротам, весьма хорошо сохранившимся. Прослежено также и направление *decumanus*. И эта улица подводила к воротам, правда, не столь хорошо сохранившимся, как северные и южные. В южной части города (примерно в 90 м к востоку от театра) находился храм (с тремя целлами) и жилой квартал, примыкавший к цитадели. В западной части располагались базилика и церковь, построенная, главным образом, из архитектурных деталей вторичного использования. В окрестностях города хорошо были видны остатки дорожной сети, в 50-е годы XX в. сохранились три древних моста (правда, к настоящему времени их осталось два). К западу и югу от города находились некрополи, сильно пострадавшие от грабительских раскопок.

Театр расположен практически в центре города, на склоне холма акрополя. Такое расположение типично для римских театров, строители которых стремились максимально использовать особенности местности. Основная часть текста главы представляет собой детальный раскопанный отчет, снабженный большим количеством чертежей и фотографий. Пересказывать его нет никакой необходимости, отметим лишь некоторые обстоятельства: в римской Сирии театры существовали только в самых крупных центрах. Театр Кирра имел диаметр в 115 м, являясь вторым по величине театром Сирии (после театра в Апамее). Он был построен, по мнению автора, около 150 г. н.э. Некоторыми особенностями конструкции театр Кирра близок малоазиатским театрам. Исследование его было сопряжено с рядом сложностей, так как руины театра стали своего рода камнем оломоной для строительства более позднего времени.

Глава 3 “*Nouvelles recherches d’après la documentation graphique et le matériel archaéologique de la mission française de Sughus*” посвящена публикациям отдельных категорий находок. Она состоит из нескольких параграфов. В первом (автор – С. Биннигер, с. 225–365) представлен своего рода каталог архитектурных деталей, происходивших из раскопок театра, как правило, известняковых (аттические базы колонн и пилястров, барабаны колонн, капители, как дорические, так и коринфские, фрагменты архитравов, фриз и карнизов). Собственно каталогу предшествует статья С. Биннигер (с. 177–224), в которой дано объяснение того, как он составлялся. Дело в том, что работа в этом направлении самим Э. Фрезулем и его сотрудниками велась с 1952 г. Однако разнообразие текстов (и три набора различных фотографий), в которых были отражены ее результаты, сильно затрудняли создание окончательного варианта Каталога. Кроме того, некоторые достаточно важные артефакты исчезли. Также работы осложнялись и массивностью самих находок, манипулировать которыми было трудно. С. Биннигер указывает, что в ее задачу не входило специально исследовать этот материал. Ее цель – предоставить надежную информацию для последующего изучения специалистами. Вместе с тем она не удержалась от некоторых собственных предположений. Указывая, что все исследователи, касавшиеся вопроса о времени строительства театра, ориентировались в первую очередь на особенности архитектурного декора, она достаточно уверенно изменяет время строительства театра – по ее мнению, это не середина II в. н.э., а время Северов (с. 187).

Следующий раздел этой главы (с. 365–404) посвящен исследованию технических проблем строительства театра (автор – Ж.-К. Бессак). Он пишет, что в его работе предпринята попытка соединить вместе наблюдения Э. Фрезуля и его собственные. Однако на данном этапе все выводы могут носить только предварительный характер. Ж.-К. Бессак указывает, что основная масса известняка для строительства бралась на месте. Мастера, работавшие здесь, обладали достаточно высокой квалификацией, хотя и они иногда делали ошибки. Конечной целью исследований такого типа в Кирре должен стать *анас-*

тилозис (т.е. возвращение на свои места сохранившихся, но разрозненных фрагментов), однако до реального осуществления этой задачи еще далеко.

В статье Ф. Альпи (с. 405–410) представлены надписи, обнаруженные при раскопках театра. В свое время Э. Фрезуль писал о дюжине надписей. К настоящему времени их сохранилось лишь семь. Несмотря на то, что хорошо сохранилась лишь меньшая часть надписей, бесспорно, что все они представляют собой надписи на почетных местах в театре. К сожалению, ни одна из них не была найдена *in situ*.

3. Фани представляет скульптуру, найденную при раскопках театра (с. 411–428). К сожалению, некоторые фрагменты сейчас известны только на основании документации, составленной Э. Фрезулем. Все фрагменты делятся автором раздела на четыре группы: 1) изображения божеств; 2) изображения людей; 3) изображения животных; 4) различные предметы. Все произведения, входящие в первую группу, изготовлены из мрамора и тщательно выполнены. В ее составе представлены Дионис, Серапис, маска Пана, фрагмент рога изобилия, гексагональный алтарь, каждая из сторон которого была снабжена изображением бюста. К сожалению, они очень сильно сбиты (по всей видимости, в христианское время). Остальные изображения выполнены как из мрамора, так и из известняка.

Завершается основная часть тома Библиографией и Глоссарием, в котором представлены технические термины, используемые при описании античного театра. Небольшим дополнением к тексту, посвященному театру Кирра, стала статья А. Юссефа, в которой публикуются две арабские надписи, сделанные на мраморных барабанах колонн куфическим письмом. В одной из них написано: “в хорошем состоянии”, в другой – “поврежденная”. По всей вероятности, эти пометки сделаны в Аббасидское время в связи с намерением вторичного использования колонн.

В самом конце тома представлено резюме каждой из глав на арабском языке.

Необходимо отметить большое число иллюстраций, как фотографий, так и чертежей. Часть из них – современные, другие – выполнены участниками французской миссии. Укажем, что основная часть чертежей сделана во время работ миссии. Своего рода знаком уважения к памяти бывшего руководителя раскопок стало большое количество фотографий, воспроизводящих его тексты.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что ливанско-сирийская археологическая экспедиция очень удачно начала свой проект публикации результатов ранних раскопок. Авторы этого тома ввели в научный оборот огромный материал, который до этого хранился втуне. Сделали они это на хорошем уровне и с полным уважением к трудам своих предшественников. Хотя в некоторых случаях они и вводят новый материал, в целом же строго ограничиваются тем, что было открыто и

Институт археологии РАН, Москва

осмысленно Э. Фрезулем и его сотрудниками. Единственное, о чем можно пожалеть, так это о редком введении в научный оборот новых данных. Речь идет не о новых данных по рассматриваемому памятнику, а о новой информации по другим памятникам, близким судьбой Кирру, которые были бы представлены в примечаниях и позволили бы лучше понять историю города. Сейчас, например, раскопки в Джебель Халид дали значительный новый материал по самому раннему периоду эллинизма (Wright, 2011. P. 117–132). Сравнение данных по двум соседним городам позволило бы лучше понять раннюю историю Кирра. Впрочем, такой блок информации значительно расширил бы и без того внушительный объем публикации. Остается лишь выразить надежду, что эта работа будет представлена в следующих томах серии.

Несколько странно выглядит и то обстоятельство, что в ряде случаев публикаторы не давали сноску на новую литературу, ограничиваясь теми сносками, которые делал в свое время Э. Фрезуль. Например, при описании единственной монеты, выпущенной на монетном дворе Кирра в эллинистическую эпоху, публикаторы ограничились сноской, приведенной автором, а он определял эту монету по каталогу, выпущенному еще в 1890 г. (Babelon, 1890. P. CXXX), хотя сейчас имеются более современные и более фундированные исследования (Houghton et al., 2008. P. 231. № 1809.1; 1809.2; 1810; 1810A).

Однако высказанные замечания не касаются основного содержания труда, который, с нашей точки зрения, заслуживает самой высокой оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Babelon E.* Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque nationale. Les rois de Syrie, de l'Arménie et de Commagène. Paris, 1890.
- Freyberger K.S.* Zur Datierung des Theater in Bosra // *Damaszener Mitteilungen*. 1988. 3. S. 9–15.
- Frézouls E.* Les théâtres romains des Syrie // *Annales archéologiques de Syrie*. 1952. 2. P. 46–100.
- Frézouls E.* Inscription de Cyrrhus relative à Q. Marcus Turbo // *Syria*. 1953. 30. P. 245–278.
- Frézouls E.* Recherches sur la ville antique de Cyrrhus // *Annales archéologiques de Syrie*. 1954–1955. 4–5. P. 123–150.
- Houghton A., Lorber C., Hoover O.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. P. 2. V. I. N.Y.; Lancaster/L., 2008. 714 p.
- Wright N.I.* The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple // *Seleucid Dissolution: the Sinking of the Anchor* / Eds K. Erickson, G. Ramsay. Wiesbaden, 2011. P. 117–132.

В.А. Гаубов

REFERENCES

- Babelon E.*, 1890. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque nationale. Les rois de Syrie, de l'Arménie et de Commagène. Paris: Rollin et Feuardent. 262 p.
- Freyberger K.S.*, 1988. Zur Datierung des Theater in Bosra. *Damaszener Mitteilungen*, 3, pp. 9–15.
- Frézouls E.*, 1952. Les théâtres romains des Syrie. *Annales archéologiques de Syrie*, 2, pp. 46–100.
- Frézouls E.*, 1953. Inscription de Cyrrhus relative à Q. Marcus Turbo. *Syria*, 30, pp. 245–278.
- Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow

- Frézouls E.*, 1954–1955. Recherches sur la ville antique de Cyrrhus. *Annales archéologiques de Syrie*, 4–5, pp. 123–150.
- Houghton A., Lorber C., Hoover O.*, 2008. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue, 2. Seleucus IV through Antiochus XIII, I. Introduction, Maps and Catalogue. New York; Lancaster. 714 p.
- Wright N.I.*, 2011. The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple. *Seleucid Dissolution: the Sinking of the Anchor*. K. Erickson, G. Ramsay, eds. Wiesbaden, pp. 117–132.

V.A. Gaibov

АНДРЕЕВ С.И. НИКОЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 215 с.

В издательстве Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина вышла книга С.И. Андреева “Никольское городище”, посвященная результатам раскопок древнерусского Никольского городища и его сельской округи. Вне всякого сомнения, это важное событие в осмыслении крайних восточных пределов юго-востока Руси, зоны русско-мордовско-половецкого пограничья. Автор рассматривает исследуемый им памятник в контексте юго-восточной границы Рязанского княжества.

В центре работы – Никольское городище, примыкающее к нему селище и ближайшая округа, состоящая из 17 поселений XIII–XIV вв. Фактически, речь идет о микрорайоне памятников в верхнем течении р. Цна, чьи исследования проводились в 2000–2002 гг.

С.И. Андреевым сделан ряд выводов, заслуживающих внимание. Один из них связан с отождествлением городища с летописной Онузой и событиями декабря 1237 г. По мнению автора, городище возникло как административный военный центр округа.

Второй важный вывод, имеющий принципиальное значение для понимания исторической оценки памятника, связан с тем, что Никольское городище функционировало в системе торгового пути, о чем свидетельствуют находки фрагментов болгарской посуды, наременных накладок.

Особую ценность монографии придают два Приложения. Одно из них посвящено почвенным анализам (авторы – Н.О. Ковалева и О.И. Тютерева, МГУ). Другое (автор – В.И. Завьялов, ИА РАН) рассматривает металлографический анализ изделий из железа.

Книга С.И. Андреева в целом заслуживает большого внимания, при этом вызывая вопросы. Частично это можно объяснить разрушенным характером городища и небольшими по объему раскопками.

Прежде всего, следует оспорить хронологические рамки Никольского городища. По мнению автора, оно возникло в начале XIII в. и погребло в 1237 г. (с. 38). Однако факты свидетельствуют о том, что городище продолжало функционировать и после пожара 1237 г. В качестве доказательства можно представить как керамику, так и остатки фортификации.

Приведенные С.И. Андреевым иллюстрации и поверхностное описание керамики показывают, что по способу оформления края венчика и орнаментации стенок волнистой линией она, в подавляющем большинстве, относится ко второй половине XIII–XIV в. Керамика домонгольского времени очень малочисленна и слабо выражена типологически, что, скорее всего, указывает на 20–30-е годы XIII в. Однако и из этих предварительных статистических данных следует, что более интенсивная жизнь на городище, как впрочем и на прилегающем поселении 5, приходится не на первую половину XIII, а на вторую половину XIII–XIV в.

С решением вопроса о хронологии городища тесно связаны остатки его фортификации. С.И. Андреев обратил внимание на наличие у городища двух рвов и подрезки склона (сооружение 1) (с. 27–31), но наличие двух близко расположенных рвов не дал объяснений. Вместе с тем очевидно, что это разновременные элементы фортификации. И дело здесь не в находках, которые, кстати, в большей степени говорят в пользу существо-

вания укреплений в ордынскую эпоху, а в разном характере заполнения рвов. Для рва 1 характерно многослойное заполнение (с. 28), на дне которого встречена серьга из посеребренной меди в виде “знака вопроса”, более характерная для XIV в.; для рва 2 – слоистый, сильно оподзоленный чернозем (с. 30) как факт единовременной его засыпки.

Таким образом, исходя из наблюдений за стратиграфией рвов, можно сделать вывод о двух строительных периодах городища. Первый относится ко времени не ранее 20–30-х годов XIII в. и с ним связан ров 2, минимально опоясывавший площадку городища. Остатки вала или деревянной стены этого периода не зафиксированы. С этим временем связаны грунтово-погребения за пределами укреплений на поселении 5, о чем пишет автор книги. Второй период, вероятно, начинается после непродолжительного запустения во второй половине XIII в. С ним связан ров 1 и остатки вала. По всей видимости, прав С.И. Андреев, когда соотносит необычное по форме “сооружение 1”, выходящее на плато, с остатками фортификации. Однако датировать его следует ордынской эпохой. На расположенном рядом поселении 5 (посад городища по терминологии автора книги) исследованы остатки наземного жилища второй половины XIII – начала XIV в., ошибочно соотнесенного С.И. Андреевым с домонгольским временем.

Факт наличия городища в ордынскую эпоху в зоне пограничья – явление любопытное и пока весьма редкое для исследователей. Известно, что на ближайшей территории Верхнего Подонья с монгольскими нашествиями середины XIII в. прекращают существовать городища Куликово поле (Гоняный, 2003. С. 13), Семилукское (Пряхин, Цыбин, 1991; 1996). Однако также известно, что в 1359–1360-е годы, в начальный период заматни в Орде, на территории Лавского археологического комплекса на р. Быстрая Сосна сооружается городище, существовавшее несколько лет (Тропин, 2005. С. 197). В эти же годы (середина – вторая половина 1360-х годов) на Гочевском археологическом комплексе на р. Псел возникает городище Царский дворец (Стародубцев, 2009. С. 105). В XIV в. на р. Рать в бассейне Сейма функционировал Ратский археологический комплекс XII–XIV вв. (Енуков, 1991).

Можно предположить, что по своему значению Никольское городище с округой являлось звеном одной цепи с названными выше памятниками, находясь в системе транзитной торговли “Запад–Восток”. Находки этому не противоречат. Кроме фрагментов болгарской посуды и наременных накладок, которые, прежде всего, приводит в доказательство автор книги, укажем еще свинцовые грузики конической формы, зеркала, предметы с зеленой эмалью (перстень со свастикой, крест с подтреугольным краем), котлы, возможно, отдельные экземпляры ножей (Приложение 1).

В связи с характеристикой торговой деятельности населения Никольского городища вызывает недоумение рис. 2 – карта, иллюстрирующая участок пути из Булгара в Киев. Как известно, этот маршрут применим для IX–XI вв. и не может экстраполироваться на развитие средневековья. С.И. Андрееву следовало бы обратить внимание на опубликованные памятники по р. Матыра – поселения Казинка и Каменное, откуда происходят фрагменты керамики болгарского круга (по определению Н.А. Кокориной), поясные накладки и другие артефакты (Тропин, 2004. С. 53–59, 156, 159), и прочертить условно участок торгового пути к Никольскому городищу. Это ближайшие к го-

родищу открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП). В этом случае военная функция Никольского городища для первой половины XIII в. приобрела бы свое значение – охрану водораздельного участка торгового пути от р. Матыра и далее на восток.

Нельзя согласиться с выводами автора о причинах ухода населения с верхнего течения р. Цна, когда в качестве аргументов он называет внутренние проблемы в Золотой Орде и, интерпретируя результаты почвенных анализов, говорит об изменениях в климате (с. 155, 156, 161). Ошибочность вывода заключается в том, что природное явление – малый ледниковый период – относится к концу XVI – началу XVII в. В связи с причинами прекращения жизни в верхнем течении р. Цна следует обратить внимание на ордынскую нумизматику. Среди многочисленных монет, публикуемых С.И. Андреевым, отсутствуют монеты младше времени правления Тохтамыша. Следовательно, не внутренние проблемы в Орде, а разгром ее Тимуром в двух походах первой половины 1390-х годов стал причиной не только прекращения торговли, но и ухода населения в безопасные районы.

Следует сказать, что круг вопросов, затронутых автором книги, значительно шире, чем публикация результатов исследований Никольского городища и его округа. Попытки их решения без глубокого анализа источника также вызывают возражения (вопросы заселения, границы области Онузы и др.). Однако с уверенностью можно сказать, что в проблематике Юго-востока Руси благодаря работам С.И. Андреева участок водораздела р. Воронеж, Матыра, Цна перестал быть белым пятном.

Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина

REFERENCES

- Gonyany M.I., 2003. Drevnerusskiye arkhologicheskiye pamyatniki kontsa XII – tret'ey chetverti XIV v. rayona Kulikova polya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Ancient Rus archaeological sites of the end of the 12 – third quarter of the 14 cc. in the area of Kulikovo Field: abstract of a thesis ... of the candidate of the historical sciences]. Moscow. 22 p.
- Pryakhin A.D., Tsybin M.V., 1996. Drevnerusskoye Semilukskoye gorodishche (materialy raskopok 1987–1993 gg.) [Ancient Rus Semiluki fortified settlement (materials of the excavations of 1987–1993)]. *Na Yugo-vostoke Drevney Rusi: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [On the South-East of Ancient Rus: interacademic collected scientific works]*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute, pp. 29–62.
- Pryakhin A.D., Tsybin M.V., 1991. Drevnerusskoye Semilukskoye gorodishche na r. Don (itogi raskopok 1984–1986 gg.) [Ancient Rus Semiluki fortified settlement (results of the excavations of 1984–1986)]. *Arkheologiya slavyanskogo Yugo-vostoka: materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii [Archaeology of the Slavic South-East: proceedings of the interacademic scientific conference]*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute, pp. 93–106.

Yelets State University I.A. Bunin

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.
- Енуков В.В. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история Юго-востока Руси: Матер. конф. Курск: КГПИ, 1991. С. 39–41.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-востока: Матер. межвузов. науч. конф. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1991. С. 93–106.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На Юго-востоке Древней Руси: Межвузов. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. С. 29–62.
- Стародубцев Г.Ю. Средневековый замок на верхнем Псле (городище “Царский Дворец”) // Средневековый город Юго-востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Матер. конф. Курск: КГОМА, 2009. С. 101–110.
- Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 264 с.
- Тропин Н.А. Исследования Лавского городища древнерусского времени на Быстрой Сосне // РА. 2005. № 4. С. 189–197.

Н.А. Тропин

- Starodubtsev G. Yu., 2009. Srednevekovy zamok na verkhnem Psle (gorodishche “Tsarsky Dvoret”) [Medieval castle on Upper Psel (fortified settlement “Tsar Palace”)]. *Srednevekovy gorod Yugo-vostoka Rusi: predposylki vznickoveniya, evolyutsiya, material'naya kul'tura: materialy konferentsii [Medieval city of the South-East of Rus: conditions of appearance, evolution, material culture: proceedings]*. Kursk: Kursky gosudarstvenny oblastnoy muzey arkhologii, pp. 101–110.
- Tropin N.A., 2004. Sel'skiye poseleniya XII–XV vekov yuzhnykh territoriy Ryazanskoy zemli [Rural settlements of 12–15 cc. of the southern territory of Ryazan land]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 264 p.
- Tropin N.A., 2005. Issledovaniya Lavskogo gorodishcha drevnerusskogo vremeni na Bystroy Sosne [Researches of Lavsk fortified settlement of the ancient Rus period on Bystraya Sosna]. *Rossiyskaya arkhologiya [RA]*, 4, pp. 189–197.
- Yenukov V.V., 1991. Slavyansky kompleks na r. Rat' [Slavic site on the River Rat]. *Arkheologiya i istoriya Yugo-vostoka Rusi: materialy konferentsii [Archaeology and History of the South-East Rus: proceedings]*. Kursk: Kursky gosudarstvenny pedagogicheskiy universitet, pp. 39–41.

N.A. Tropin

ХРОНИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПАМЯТИ Н.Я. МЕРПЕРТА “ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ И ПЕРВОБЫТНАЯ ПЕРИФЕРИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ”. МОСКВА, 5–7 ФЕВРАЛЯ 2013 г.

5–7 февраля 2013 г. Отдел бронзового века Института археологии РАН (ИА РАН, Москва) провел Круглый стол по теме “Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия”, посвященный памяти Н.Я. Мерперта.

В приветственном слове Р.М. Мунчаев рассказал о жизни и деятельности Н.Я. Мерперта. Затем А.Н. Гей поделился воспоминаниями о научном руководстве Н.Я. Мерперта.

В работе Круглого стола приняли участие сотрудники ИА РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Государственного Исторического музея (Москва), Государственного музея искусства народов Востока (Москва), Оренбургского государственного педагогического университета и других учреждений. Обсуждались вопросы развития и связи разных культурных образований Евразии, их роли в культурно-историческом процессе.

Проблемы интерпретации клада Нахаль Мишмар (Палестина) и его значимости для изучения культурного окружения были рассмотрены в докладе Л.И. Авиловой “О кладах Нахаль Мишмар и его культурном контексте”. Клад был расценен как богатство, принадлежавшее местной общине, сокрытое в опасной ситуации; подчеркивалась его ценность как источника по социально-экономическому развитию Палестины IV тыс. до н.э. и, особенно, по развитию храмовой экономики.

Результаты исследования поселения Телль Хазна I (Сирия) были представлены в докладе Ш.Н. Амирова “Поселение Телль Хазна I в свете исследований последних лет”. Исследователь констатировал, что археологические материалы данного памятника позволяют проследить длительный процесс и динамику движения к цивилизации. Им были отмечены благоприятные климатические условия Хабурской степи второй половины IV тыс. до н.э. и более позднее климатическое иссушение, приведшее около 2700 г. до н.э. к прекращению жизни на поселении.

Изучению этого же поселения был посвящен доклад Э.Р. Ибрагимовой “Кремневые и обсидиановые изделия поселения Телль Хазна I: распределение в слое”. Стратиграфическое и планиметрическое распределение находок каменных изделий, проблема их изготовления, использования и утилизации на данном поселении составили основное содержание исследования.

В докладе В.И. Мельника “Ранние цивилизации и фазы развития культур эпохи бронзы степей Восточной Европы” был поднят вопрос о синхронизации ряда этапов развития культур степей Восточной Европы и цивилизаций Ближнего Востока. Данное обстоятельство объяснялось широкомасштабными климатическими изменениями.

Доклад С.Н. Корневского “Символы жилищ майкопско-новосвободненской общности” был посвящен глиняным подставкам к очагам, образно названным А. Тоблером символами жилищ. В нем была рассмотрена их типология с учетом новых данных и аналогии. Предметы интерпретировались как абстрактные воплощения богини плодородия и ее чрева, образ которого передается через отверстие в корпусе (по аналогии с находками на Хуючектепе).

Исследования на территории Китая нашли отражение в докладе Е.А. Гирченко “К вопросу о взаимодействиях в Сычуньской котловине”. Автор предложил разделить бронзовые изделия рассматриваемого памятника Саньсиндуй на три группы. При этом были представлены разные варианты происхождения этих групп предметов.

Г.Г. Пятых в докладе “Земледелие энеолита–бронзы как индикатор классогенеза” подчеркнул раннее существование земледелия в Европе и доказанность его наличия в III тыс. до н.э., отметив, что общества, его практиковавшие, могли находиться на стадии разложения первобытнообщинных отношений, а некоторые – даже на уровне, предшествующем сложению государства.

В докладе А.Н. Гей “Южный след” в памятниках майкопской культуры Западного Кавказа» были рассмотрены свидетельства южных влияний в майкопской культуре и сделаны выводы о контакте с южными культурами, которые могли осуществляться не только через Дербентский проход и перевальную зону Центрального Кавказа, но и по другим (черноморским?) путям с привлечением анатолийских участников или контрагентов.

Внимание А.Д. Резеткина было сосредоточено на вопросах культурного влияния Переднего Востока на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы (“Влияние Переднего Востока на формирование эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе”). Оно связывается с урукской цивилизацией, проявляющейся в Центральном Предкавказье, и поздним анатолийским халколитом, преобладающим на Северо-Западном Кавказе.

Н.В. Рындина и И.Г. Равич представили результаты анализа технологии обработки различных бронзовых изделий майкопского населения (“Литейные и кузнечные приемы в металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа”). Ими было отмечено высочайшее мастерство майкопских литейщиков и кузнецов и переднеазиатские истоки их металлургических знаний.

Итоги экспериментов, связанных с производством керамики, были представлены в докладе Г.Н. Поплевко “Технология изготовления майкопской керамики”. Основным выводом заключался в том, что при изготовлении майкопских сосудов исполь-

зовалась ручная лепка широкими и узкими лентами, возможно, с использованием деревянной основы.

Группа петербургских исследователей (В.А. Трифонов, А.А. Крайнева, Г.И. Зайцева, А.А. Богомолов, Н.Д. Бурова, А.А. Семенцов, С.А. Рижко) и Х. Плихт (Нидерланды) сделали доклад на тему «Дольмен “Шепси” и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-Западном Кавказе в эпоху бронзы». Дольмен Шепси, а также гробница “Псыбе” указывают на возникновение традиции погребальной мегалитической архитектуры, связанной со своеобразием регионального культурного развития.

В докладе А.А. Клеценко “К проблеме происхождения погребального обряда северокавказской культуры” была представлена гипотеза о постмариупольских компонентах в сложении северокавказской культуры.

Доклад Е.В. Ярвого “Днестро-Дунайское междуречье как западная периферия катакомбной культурно-исторической общности (КИО)” был посвящен характеристике названного образования. Основной вывод – все катакомбные комплексы в междуречье находят прямые аналогии в других локальных культурах и, таким образом, являются западной периферией КИО.

В докладе “Поселение Рыкань 3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи” Е.И. Гак представил ряд наблюдений и анализ находок, позволяющие поставить вопрос о более раннем этапе сложения среднедонской катакомбной культуры, чем предполагалось до недавнего времени.

Доклад М.В. Андреевой “Подходы к организации курганного пространства в маньчжурской катакомбной культуре в свете индоиранской традиции” был связан с выяснением сходства основных реконструируемых черт ориентационной системы, лежащей в основе курганной планиграфии, с данными индоарийской (или шире – индоиранской) письменной традиции.

В докладе В.Я. Стеганцевой “Ранние катакомбные погребения эпохи бронзы южнорусских степей” были рассмотрены преимущественно нижнедонские материалы. Была представлена группировка погребений с учетом формы катакомб; было отмечено своеобразие сопровождающего инвентаря; рассматривался вопрос о распространении катакомбных памятников раннего облика.

Р.А. Мимоход в докладе “Происхождение и семантика фигурных роговых и костяных пряжек бронзового века в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний” рассмотрел вопросы семантики и происхождения роговых фигурных поясных пряжек посткатакомбного периода в Восточной Европе (XXII–XX вв. Cal BC). Генезис этих предметов восходит к ближневосточной мелкой пластике, где представлены струк-Институт археологии РАН, Москва

турные соответствия антропоморфным образам, стоящим за формой и орнаментацией фигурных пряжек в Европе и на Кавказе.

В докладе Н.Л. Моргуновой “Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья” была представлена периодизация ямной культуры этого региона с использованием радиоуглеродного датирования в хронологических рамках 4200–2200 BC.

Доклад Н.И. Шишлиной “Интерпретация радиоуглеродных данных: абсолютная хронология лопинской культуры Прикаспия” был посвящен анализу достоверности радиоуглеродных данных и их верификации. Автором предложен интервал существования лопинской культуры: 2200–2000 гг. до н.э. Употребление в пищу продуктов питания водного происхождения приводило к изменению изотопного сигнала в коллагене костей человека, удвояя и его радиоуглеродный возраст, что осложняет интерпретации радиоуглеродных данных, получаемых по костям погребенных.

Статистическая обработка керамического материала, полученного в результате раскопок телля Юнаците, стала основой доклада В.И. Балабиной “Возможности статистического анализа массовой керамики на раннебронзовых горизонтах телля Юнаците”. Отмечено, что закономерности стратиграфического распределения керамики и хозяйственных сооружений в определенной мере согласуются с особенностями планиграфии горизонтов. Объяснение этой тенденции представляется возможным по результатам комплексных палеоэкологических исследований в климатических изменениях.

О.А. Брилева в докладе “К вопросу о появлении бронзовой антропоморфной пластики на Кавказе в эпоху поздней бронзы” рассмотрела развитие бронзовой антропоморфной пластики (XV–XIII вв. до н.э.) начиная от антропоморфных наверший жезлов и заканчивая отдельными скульптурными изображениями.

В докладе Ю.Л. Щановой “Бронзовый век в макромасштабной модели археологической эпохи” была предпринята попытка представить в числовых моделях хронологию и периодизацию археологических эпох, основываясь на числах Фибоначчи.

Доклад Г.С. Вртанесяна “Взаимодействие культурных центров и окраин в эпоху ранней бронзы: календарно-числовые аспекты” был направлен на выяснение культурных параллелей, касающихся календарно-числовых структур, между цивилизационными центрами и далекими окраинами.

Прочитанные доклады вызвали живой интерес и активную дискуссию. Наиболее обсуждаемыми стали темы, связанные с хронологией, социальной интерпретацией и культурным взаимодействием.

В.И. Мельник

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАДЬЯРСКИЙ СИМПОЗИУМ. ЧЕЛЯБИНСК, 13–17 АВГУСТА 2013 г.

13–17 августа 2013 г. состоялся II Международный Мадьярский симпозиум, в работе которого приняли участие 27 специалистов из Урало-Поволжья (Уфы, Перми, Тюмени, Кургана, Челябинска, Чебоксар, Самары), Венгрии (Будапешта), Украины (Киева), Казахстана (Астаны).

Симпозиум проводился при финансовой поддержке РГНФ (№ 13-01-14013). По сравнению с предыдущим этот форум

расширился как в географическом, так и в тематическом содержании. Для решения проблемы этнокультурогенеза средневековых народов обширного региона лесостепного и степного поясов Евразии от Алтая до Карпатской котловины были привлечены новые материалы по археологии, лингвистике и социальной антропологии. Основной акцент был сделан на этнокультурных реконструкциях процессов, происходивших в

эпоху поздней древности и раннего средневековья в пределах лесостепей и степей Западной Сибири, Среднего Зауралья и Прикамья, а также в ареале урало-казахстанских степей.

Урало-сибирская угорская ойкумена, от Западной Сибири до Камы, на сегодняшний день довольно четко обрисована. Несомненно, определяющую роль в развитии археологических культур в пределах этого региона играла угорская доминанта. Однако, по мнению большинства исследователей, носители археологических культур, входивших в состав этой ойкумены, были полиэтничны: в разных долях это была угорская, финская, самодийская, тюркская компонента. Поэтому одной из важнейших задач дальнейшего исследования стало вычленение элементов материальной культуры, свойственных угорской составляющей, для носителей этих культур.

В рамках единого позднесаргатского (прыговского) и бакальского историко-культурных горизонтов (ареалов) формировался и блок культур (кушнаренковская, караякуповская, памятники селеташского типа) юга лесостепной и степной зон Южного Урала и Казахстана, которые сегодня можно связать с протомадярским историко-культурным компонентом. Формирование его происходило в среде уральского праугорского и урало-казахстанского тюрко-болгарского этнического окружения (Н.П. Матвеева, Тюмень; А.И. Кайдалов, Е.А. Сечко, Курган; С.Г. Боталов, Е.В. Гуцина, Челябинск).

Тем не менее намечилось определенное расширение протомадярской и угорской проблематики далее на запад в районы Среднего Поволжья. Важным достижением стало то, что с привлечением этнографических и письменных источников некоторые элементы материальной культуры этих памятников были определены как несомненно специфические, связанные с глубокими и сложными идеологическими представлениями угров. К ним относятся применение погребальных масок; положение с умершим шкуры лошади с оставленными в ней головой и ногами животного; культовые изделия и др. Благодаря этому были определены как угорские поломская и ломоватовская археологические культуры, которые ранее определялись как финно-пермские (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Пермь).

Становление Волжской Булгарии как государственного образования превратило ее в IX в. в ареалообразующий центр на северо-востоке Европы (а с 60-х годов X в., с падением Хазарии, ее роль еще больше возросла). Практически все миграционные волны, вызванные изменениями в военно-политической обстановке Восточной Европы, так или иначе накрывали страну булгар, отражаясь заметными инновациями в ее культуре (Д.А. Сташенков, Самара).

В Западном Закамье – уникальный Большетиганский могильник, удивительным образом близкий по материальной культуре древностям венгров Паннонии “эпохи завоевания Родины”. Благодаря таким комплексам ранее была объединена территория кушнаренковской культуры Приуралья в качестве “*Magna Hungaria*” (Е.П. Казаков, Казань).

Типологический анализ археологических материалов из кочевнических памятников эпохи развитого средневековья позволяет вычленил не только мадярский стилистический пласт с востока на запад: Уелги, Большие Тиганы, Суботцы и памятники Карпатской котловины, но и наметить реальные возможности соотнесения других групп с этнополитическими образованиями от Алтая до Дуная.

Первоочередной задачей в изучении памятников мадяр к западу от территории *Magna Hungaria* является выделение признаков, характерных для мадяр, сбор материалов кочевнического и оседлого населения Восточной Европы VIII–X вв. Ключевую роль приобретает сравнение таких памятников с

материалами Приуралья и Западной Сибири, а также с памятниками Венгрии эпохи завоевания Родины. Проблема хронологии комплексов также связана с причинами и механизмами миграции мадяр из Южного Урала или с другой исходной территории (А.В. Комар, Киев; В.А. Иванов, Уфа).

Общеизвестный научный факт, что предки венгров переселились в Карпатскую котловину в конце IX в. с Востока, впоследствии у них сформировалась своеобразная материальная культура. Период X в. в Венгрии называется “эпохой Обретения Родины угро-мадярами”. В этой связке остаются крайне важными вопросы исследования характера материальной культуры ранних венгров Карпатской котловины и выявление ее параллелей среди археологических и антропологических материалов как сопредельных территорий, так и достаточно удаленных восточных регионов Центральной Европы (А.А. Türk; А. Csösz, P. Langó, B.G. Mende, M. Szabina; Budapest).

Материалы нового уникального памятника Уелги, их дальнейшее комплексное изучение с привлечением специалистов-археологов из разных стран и регионов и с использованием естественно-научных методов (¹⁴C, археометрия, палеоантропология и т.д.) позволяют получить более конкретные аргументы в пользу прямых параллелей материалам Южного Урала и Карпатской котловины (И.В. Грудочко, С.Г. Боталов, Челябинск).

Особым событием форума стали этнолингвистические и социо-антропологические реконструкции, представленные в докладах специалистов смежных с археологией историко-гуманитарных дисциплин.

Решение проблем древней и раннесредневековой этнолингвокультурной истории Циркумуральского и смежных регионов немислимо без кооперации усилий специалистов самых разных отраслей гуманитарной науки. В данном регионе в отмеченную историческую эпоху взаимодействовали друг с другом индоевропейские (преимущественно скифо-сарматские), финно-угорские (пермские в Северном Приуралье и угорские в Зауралье) и тюркские (гуннские или огуру-булгарские, а затем огузские и кыпчакские) этнолингвокультурные группы. С учетом динамики этнолингвокультурной ситуации в Циркумуральском регионе в древности и в средневековье считаем целесообразным расширить круг обсуждаемых на последующих симпозиумах проблем, а следовательно и участников дискуссий. Так, для обсуждения вопросов этнолингвокультурной истории региона рекомендуем привлекать этнолингвистов, лингвокультурологов и компаративистов, специализирующихся по иранским (восточно-иранским), финно-угорским и тюркским языковым семьям и группам (А.К. Кушкумбаев, Алматы; Н.И. Егоров, Чебоксары).

История изучения средневековых мадяр заключается прежде всего в выявлении, систематизации, научном анализе и осмыслении всего комплекса исторических материалов и свидетельств: археологических, лингвистических, антропологических, письменных и устных данных о существовании на территории евразийского историко-культурного региона мадярской этнокультурной общности, включая и субэтнические группы начиная с периода I тыс. н.э. и до нового времени.

Вопрос об этнических взаимосвязях и контактах различных народов, в древнюю и средневековую эпоху проживавших на территории Евразии, постоянно находится в центре внимания археологов, этнографов, историков и лингвистов. Поднят ряд вопросов методологического плана, касающихся основных культурологических принципов в археологии.

Археологическая культура и границы этнических групп не пересекаются друг с другом. В тех случаях, когда в археологии

поднимаются вопросы, возникает острая необходимость научной корпорации археологов, этнографов и социоантропологов (Ч.Л. Котпань, Будапешт).

В целом следует признать, что на сегодняшний день разработка вопросов мажоритарного культурогенеза и его историко-культурных коммуникаций, с одной стороны, существенно

Институт истории и археологии
УрО РАН, Челябинск

ФГБОУ ВПО “Южно-Уральский
государственный университет”
(НИУ), Челябинск

продвинулась в пределах восточной и центральной частей этого ареала, с другой – эта проблема становится ключевой в представлении всей палитры истории и культуры средневековых и современных кочевых народов западной Евразии (хазар, оногуров, башкир, татар, болгар, кыпчаков, кыргызов и др.).

С.Г. Боталов

И.В. Грудочко

КРУГЛЫЙ СТОЛ “ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ”. Москва, 4–5 декабря 2013 г.

4 и 5 декабря 2013 г. в Москве был проведен Круглый стол “Проблемы изучения скифо-сибирского звериного стиля”. Организационно его обеспечивала кафедра археологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

В работе Круглого стола активно участвовали до 20 специалистов, представлявших научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения и музеи Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Уфы и Донецка.

Участникам Круглого стола была предложена повестка дня, включавшая четыре проблемы: 1) звериный стиль как художественный феномен; 2) происхождение звериного стиля; 3) хронология и историческая динамика звериного стиля; 4) семиотические исследования звериного стиля.

Наибольшее количество докладов (шесть) соответствовало первому вопросу – о характеристике звериного стиля как художественного феномена.

Ю.Б. Полидович (Донецкий областной краеведческий музей, Украина) представил доклад «Основные принципы классификации изображений животных в искусстве народов скифского мира (в скифском “зверином стиле”)». Привлекая обильный археологический материал от Венгрии до Хакасии и Тувы, автор предлагал ответы на вопросы: кто изображен (млекопитающие, птицы, рыбы, пресмыкающиеся, насекомые, “синкретические существа” вроде грифонов, неопределимые животные, фантастические образы вроде драконов или химер)? что изображено (сцена, полная фигура или часть фигуры)? как изображено (композиционные признаки, способ изображения, стилистические признаки)? как организовано изображение (единичное изображение, симметричная и несимметричная композиция, способы наложения или вписывания, зооморфное превращение)? где размещено изображение (функциональное назначение предметов, на которых размещены зооморфные изображения)? Особое значение Ю.Б. Полидович придает классификации и определению поз животных в скифо-сибирском искусстве. В основу классификации поз животных он кладет взаимное расположение туловища, головы, конечностей (или крыльев) и хвоста. По мнению исследователя, все позы изображенных животных можно разделить на условно статичные (воспроизводят состояние) и условно динамичные (воспроизводят действие).

Доклад Ю.Б. Полидовича вызвал несколько вопросов, касавшихся изображений хищных и копытных животных. М.Е. Килуновскую (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) интересовало то место, которое должно занимать в схеме Ю.Б. Полидовича изображение кабана – хтонического существа с пастью хищника. Н.Ю. Смирнов (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) спрашивал о том, являются ли обобщенные образы хищника стадийными или стилистическим феноменом (по мнению докладчика, такие образы демонстрировали магический уровень обобщения). В.А. Коренько (Государственный музей искусства народов Востока, Москва) обратил внимание Ю.Б. Полидовича на то, что он использует не только произведения искусства, созданные в среде древних кочевников, но и импортные изделия, причем в значительном количестве. Ю.Б. Полидович признал это, но отверг подозрения в том, что такой подход делает выводы менее убедительными. А.Р. Канторович (МГУ им. М.В. Ломоносова), положительно оценивший разработки Ю.Б. Полидовича, сосредоточился на проблеме выделения диагностических признаков, которые свидетельствовали бы о принадлежности конкретного зооморфного изображения к звериному стилю.

Выступление А.Р. Канторовича по существу являлось содокладом к работе украинского коллеги, посвященным принципам классификации и типологии изображений скифского звериного стиля. А.Р. Канторович исходил из мысли о невозможности применять выработанную в зоологии (начиная с К. Линнея) классификацию животных, основанную на природных признаках тех прототипов, которые нашли воплощение в скифском зооморфизме. В предложенной А.Р. Канторовичем классификации основой является иерархия признаков, предусматривающая предварительное диагностирование изображений как относящихся именно к скифо-сибирскому звериному стилю. Затем происходит последовательное распределение изображений по образным, сюжетным и сюжетно-стилистическим совокупностям. Последние же образуют типы и варианты.

Принадлежность изображений к образным группам определяют биологические признаки, соответствующие надвидовым биологическим таксонам (классам, отрядам). Так выделяются таксоны обобщенного образа животных, которые разделяются на таксоны конкретных образов животных (по биологическим признакам видовых и низших надвидовых уровней – вида, се-

мейства, рода). Таксон образа может быть разделен на таксон полнофигурных и таксон редуцированных (по принципу *pars pro toto*) изображений.

Следующий сюжетный уровень классификации полнофигурных изображений предполагает дифференцирование по позам, которые определяются взаиморасположением ног, туловища и головы (у млекопитающих) или крыльев и туловища (у птиц). Вариация позиции ног или крыльев относительно туловища позволяет дифференцировать сюжетные группы. Расположение головы животного относительно туловища – критерий выделения в рамках каждой сюжетной группы или подгруппы сюжетных отделов. Можно выделить два сюжетных отдела, универсальных для всех полнофигурных изображений животных в зверином стиле: 1) с головой, однонаправленной с туловищем, 2) с головой, повернутой назад (вполоборота, анфас). Такой подход основан на представлении о том, что в зверином стиле в конечном счете отражаются какие-то реальные действия (в том числе “способ бездействия”) изображаемых животных, и поэтому правомерно искать в любом, даже очень схематизированном, полнофигурном изображении связь с этим действием. Все остальные элементы композиции (положение хвоста или уха, например), как правило, позу не определяют и могут учитываться на более низком таксономическом уровне.

Таксон сюжетного отдела разделяется на таксоны сюжетно-стилистических, или изобразительных типов и, при необходимости, вариантов. Критерием дифференцирования типов должна быть совокупность особенностей моделирования изображения, трактовки анатомических деталей и декорирования изображений.

Это выступление А.Р. Канторовича и последующий основной его доклад сопровождались активным обсуждением (см. ниже).

Доклад *Е.Ф. Корольковой* (Государственный Эрмитаж) был посвящен фантастическим образам в зверином стиле – теме достаточно сложной. Речь идет об изображениях гибридных, полиморфных монстров. Внимание исследователя при этом сосредоточено именно на гибридности (полиморфности), а не на тех случаях, когда обобщенность изображения препятствует его определению. Изучая звериный стиль как своеобразный язык, необходимо учитывать, что форма гораздо более консервативна, чем содержание. И нет необходимости вслед за М.Н. Погребовой, Д.С. Раевским и С.В. Кулландой считать раннекочевническое искусство фольклором. Оно не является фольклором, но отражает раннекочевническую идеологию, религиозные представления в первую очередь.

Гибридные (полиморфные) анималистические образы не были прерогативой древних кочевников. Многие исходные формы таких образов характерны для древнего Переднеазиатского и китайского искусства. Фантастические образы здесь сложились задолго до появления звериного стиля. И исследователей не должно смущать то, что поиски конкретного источника в каких-то случаях могут не увенчиваться успехами. Очевидно появление полиморфных образов не позже середины III тыс. до н.э.

Кажущаяся простота в прочтении смысла образа может быть ошибочной. Пример такого рода – изображения рогатых крылатых волков или рогатых кошачьих хищников, которые в прошлом были образами драконов или драконоподобных существ. Большую ценность представляет китайский “Каталог гор и морей” (“Шань хай цзин”), датируемый в пределах IV–I вв. до н.э.: он содержит описания полиморфных монстров, напоминающих образы скифо-сибирского звериного стиля. В сравнительно-аналитических работах, разумеется, необходимо видеть грань между реальными и фантастическими животными. В общем, можно говорить о связи полиморфных

монстров с иным миром, который осуществляет коммуникацию между миром живых и миром мертвых.

Различные конкретные вопросы по докладу Е.Ф. Корольковой задавали И.В. Рукавишников (Институт археологии РАН), М.Е. Килуновская и Н.Ю. Смирнов. Этот доклад вызвал активное обсуждение. С.А. Зинченко (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) сочла необходимым обратить внимание Е.Ф. Корольковой на изучение тех переднеазиатских зооантропоморфных образов, которые, может быть, не совсем верно называются кентаврами-стрельцами; они известны на Ближнем Востоке с XII в. до н.э. (касситская эпоха) и в среднеассирийское время (XIV–XI вв. до н.э.).

С.В. Кулланда (Институт востоковедения РАН) отметил, что для ранних обществ неправомерно противопоставление кажущихся профанными феноменов (в том числе фольклора, состязаний, танцев и т.п.) идеологии и религии, так как первые также относились к сакральной сфере.

Д.В. Черемисин (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) предложил вести анализ раннекочевнических зооморфных изображений в направлении “от полной фигуры к детали и деталям”. Е.Ф. Королькова не согласилась с этим предложением. По ее мнению, было бы ошибкой стеснять свободу трактовки таких изображений. Кроме того, необходимо учитывать, что детали зооморфных образов в зверином стиле, как правило, превосходно читаются. Собственно, они так и задумывались: принципиально было важным изобразить весь их комплекс в одном изделии.

М.Е. Килуновская поставила вопрос: когда появляются фантастические звери в скифо-сибирском искусстве? Е.Ф. Королькова предложила вначале определить, какое существо можно считать фантастическим зверем. Например, келермеская пантера – раннее произведение звериного стиля, но она уже фантастична. Можно уверенно считать, что изображения фантастических зверей появляются не позже VII в. до н.э. Конечно, в общем все зависит от того, что считается фантазией. Но без большого преувеличения можно сказать, что все образы скифо-сибирского звериного стиля фантастичны. Правда, пока без уверенного ответа остается вопрос о том, для чего древние кочевники создали такое искусство.

В.А. Иванов (Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа) начал свой доклад «“Звериный стиль” в искусстве Прикамья и Приуралья эпохи раннего железа: эволюция и трансформация» с признания в том, что он сомневается в существовании самобытного звериного стиля у населения ананьинской культурно-исторической общности. При этом В.А. Иванов считает необходимым выделять стилевые особенности, исходя из основных особенностей скифо-сибирского искусства. В качестве основного предмета исследования выступают произведения анималистического искусства ананьинской и караабызской культур. По данным К.И. Корепанова, на территориях этих культур известно 216 предметов в зверином стиле (образы в порядке убывания: волк-собака, голова грифона, кошачий хищник и т.д. до оленя или козла). Иную картину дал С.А. Васильев: образы убывают в порядке медведь – хищные птицы – голова грифона – волк или собака. Разнобой в определениях и в общей картине вызван, по мнению В.А. Иванова, тем, что до сих пор недостаточно разработаны многие критерии и методы “расшифровки” зооморфных образов. Отсюда и существенные различия во взглядах: например, К.И. Корепанов писал о влиянии ананьинского искусства на савроматов, а С.А. Васильев сомневался в том, что собственно ананьинский звериный стиль успел сложиться.

Можно установить в культурах раннего железного века Прикамья и Приуралья характерные зооморфные образы: медведь и грифон для “ананьинского звериного стиля”, олень или

козел для караабызской культуры, волк или собака для культуры гляденовской. Этим и другим анималистическим образом посвящены публикации К.И. Корепанова, С.А. Васильева, Н.С. Савельева, В.В. Овсянникова и др. Однако В.А. Иванов убежден в том, что преемственность между ананьинской, караабызской и гляденовской культурами отсутствует – она не прослеживается на конкретных примерах. Приходится констатировать, что в прикаско-приуральском регионе не удается выделить признаки самобытного регионального звериного стиля; все яркие признаки местного анималистического искусства не характерны для массовых находок и представляются заимствованными. Также у нас нет возможности проследить влияние скифо-сибирского звериного стиля на местное раннесредневековое искусство. Подводя итог этим наблюдениям, В.А. Иванов назвал свои выводы о зверином стиле Прикамья и Приуралья “неутешительными”.

Доклад В.А. Иванова вызвал оживленную дискуссию. Безусловно положительно оценили его Е.В. Переводчикова (Государственный Исторический музей, Москва), В.А. Кисель (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера)) и Д.В. Черемисин.

М.Е. Килуновская обратила внимание В.А. Иванова на изображение медведя как возможный признак “лесного” звериного стиля, а И.В. Рукавишников – на бронзовые поясные крючки, почти не известные в иных регионах, кроме Среднего Дона. В ответ на это В.А. Иванов говорил о малочисленности изображений медведей в ананьинском ареале и о том, что находки поясных крючков в ананьинском ареале скорее всего означают заимствования из Среднего Подонья. “Ананьинский звериный стиль”, по мнению В.А. Иванова, вообще представлен немногочисленными находками (например, знаменитых ананьинских секир известно до сих пор семь или восемь). Для ананьинской общности характерно обилие импорта, особенно на юге и юго-западе, что прямо говорит о влиянии степного населения. А пьяноборская культура, явно генетически восходящая к ананьинской, вообще не имеет изделий в скифо-сибирском зверином стиле).

Выступая на обсуждении, И.В. Рукавишников (Институт археологии РАН) отметила, что в исследованиях С.А. Васильева хорошо показана роль импортов, но показано и ядро звериного стиля. Применительно к Приуралью ядро – это находки из Гумарова, далее на Восток – могильник Кичигино и курган Аржан-2. Это позволяет еще раз задуматься о проблеме ядра скифо-сибирского звериного стиля. А.Р. Канторович высказался в том духе, что существуют и “большой континуум ананьинско-пьяноборского звериного стиля”, и “ананьинский зооморфизм”, и “единая традиция ананьинского звериного стиля”.

В.А. Иванов, отвечая И.В. Рукавишниковой и А.Р. Канторовичу, задал им встречный вопрос: какова роль изображений свернувшихся хищников – зачем они создавались на поселениях ананьинской культуры? А.Р. Канторович ответил, что изображение свернувшегося хищника могло появиться только под влиянием скифо-сибирского звериного стиля.

В.А. Иванов пояснил свою точку зрения: представление об ананьинском зверином стиле противоречиво; на первый взгляд, он безусловно есть, но при детальном рассмотрении оказывается суммой единичных находок на огромной территории. Это показывают и предметы из резной кости, хорошо изученные С.А. Васильевым. В основном это эксклюзивные, а не серийные изделия. Кажется, что в “ананьинском зверином стиле” есть все, а на деле это “все” лишь собирается в цепочку из разбросанных во времени и пространстве звеньев. Пожалуй, самое главное в том, что в анималистическом ананьинском искусстве нет серийности.

М.Е. Килуновская сделала доклад “Оленные камни и скифский звериный стиль”. Она предложила следующую типологию оленных камней: 1) оленные камни монголо-забайкальского типа; 2) оленные камни с реалистическими изображениями; 3) оленные камни саяно-алтайского типа; 4) оленные камни смешанного типа. Очевидны отличия звериного стиля оленных камней от классического звериного стиля. Разнообразны встречающиеся на оленных камнях анималистические образы: 1) олени с вытянутыми ногами; 2) орнаментально стилизованные олени; 3) стилизованные лежащие олени, близкие к тагарским; 4) козлы; 5) кабаны; 6) лошади; 7) свернувшиеся хищники; 8) чудовища-монстры (анalogии этим образам есть в петроглифах и в китайском искусстве).

В изображениях на оленных камнях обнаруживаются различные манеры художественной трактовки: 1) преобладание широкого контура и плавного рисунка; 2) силуэтная техника, в деталях совпадающая с первой манерой; 3) трансформация частей образа – их гиперболизация или уменьшение; 4) значительная стилизация при преобладании реалистических черт. В той или иной мере в зверином стиле оленных камней нарушаются природные пропорции тела, животным придаются неестественные позы.

Е.В. Переводчикову интересовало, одновременны ли изображения оленей, лежащих и “стоящих на цыпочках”; докладчица считает, что они одновременны. М.Е. Килуновская в ответе на другой вопрос поддержала мнение К.В. Чугунова о том, что найденный при раскопках кургана Аржан-2 оленный камень был изготовлен специально для кургана.

В.А. Коренько в ответ на его вопрос о границах ареала оленных камней было разъяснено, что наиболее восточными регионами распространения этих памятников можно считать Монголию и Забайкалье. Что касается палеоэтнической или лингвистической атрибуции, то, по мнению М.Е. Килуновской, создатели оленных камней, наиболее вероятно, были ираноязычны. На вопрос В.А. Иванова, возможны ли параллели между изображениями на оленных камнях, в петроглифах и в мелкой пластике, докладчица дала положительный ответ. И.В. Рукавишников спрашивала о том, имеют ли четыре типа оленных камней хронологические привязки и какова вообще их временная последовательность. М.Е. Килуновская разъяснила, что более ранними можно считать 1-й и 2-й типы оленных камней. Вероятно, к раннему времени относятся и оленные камни 3-го типа, а камни 4-го типа – несколько более поздние.

При обсуждении доклада М.Е. Килуновской Д.В. Черемисин уделил много внимания петроглифам, изображения на которых очевидно перекликаются с оленными камнями. Он вспомнил в связи с этим, что Д.Г. Савинов уже задавал вопрос о первичности изображений на оленных камнях или на петроглифах.

И.В. Рукавишников обратилась к важности и сложности проблем датировки оленных камней. А.Р. Канторович в этой связи отметил, что весьма трудно датировать оленные камни по изображенным на них предметам – мешает известная традиция изображать “старое почтенное оружие”. Хорошо известный “горбик” на спине у оленей А.Р. Канторович предложил считать просто морфологическим признаком. Иное мнение М.Е. Килуновской: “горбик”, как правило, смещен и определяет стык линий, обрисовывающих фигуру оленя по шее и спине. В.А. Иванов признал, что доклад М.Е. Килуновской убедил его в собственной правоте: именно в оленных камнях отчетливо видны те признаки звериного стиля, которые отсутствуют в искусстве ананьинской и караабызской культур.

В.А. Семенов (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) в докладе “Звериный стиль древней Фригии в евразийском контексте” обратился к находкам VIII–

VII вв. до н.э. из могильников у фригийской столицы Гордиона. Это главным образом деревянные пластика (изображения льва, льва с быком, копытного животного, “монстра”) или скульптура из слоновой кости (“монстр-грифон, пожирающий рыбу”). Этим произведениям искусства В.А. Семенов приводит широкий набор аналогий, в основном относящихся к фракийскому художественному металлу.

Весьма обширный круг аналогий (в него попали и находки из Филипповских курганов в Приуралье, и изображение рыбы из Феттерсфельде) вызвал недоумение у Е.Ф. Корольковой и А.Р. Канторовича. На вопрос Е.В. Переводчиковой о том, считает ли докладчик эти анатолийские памятники кочевническими, В.А. Семенов ответил, что он считает их “трофеями, попавшими во фригийские могильники во время известных событий VIII–VII вв. до н.э.”.

Во время обсуждения доклада В.А. Семенова В.А. Кисель сравнил его основную идею с гипотезой Л.С. Марсадолова о миграции из района Гордиона на Алтай и оценил обе идеи скептически. При этом, однако, возникает вопрос: кем были, например, создатели оленных камней – может быть, тохарами? В.А. Семенов предположил, что речь может идти и о поздних носителях окуневской культуры. На вопрос: В.А. Кореняко о поздней или конечной дате окуневской культуры В.А. Семенов в качестве таковой назвал XIII или XII в. до н.э.

И.В. Рукавишников в докладе “Пространственный анализ изображений в зверином стиле скифского времени (по материалам памятников от Нижней Волги до Центральной Азии)” провозгласила необходимость системного подхода в анализе произведений скифо-сибирского звериного стиля. Такая работа нашла выражение в обширном каталоге анималистических изображений и в картах расположения памятников. При анализе произведений звериного стиля И.В. Рукавишников использует различные характеристики: местонахождение, образ, несущее этот образ изделие, материал, технология, рельеф и редуцированность изображения, типы композиции, стилистика, аналогии, датировки. Большое внимание И.В. Рукавишников уделила стилистическим особенностям трактовки фигур и их деталей, а также многофигурным композициям, поскольку они несут весьма важную информацию. Для хранения информации принципиально выбрана табличная форма, а различные параметры скифо-сибирского звериного стиля последовательно показаны на картах.

Доклад И.В. Рукавишниковой был высоко оценен А.Р. Канторовичем.

По второму вопросу повестки дня был сделан единственный доклад В.А. Кореняко “Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (основные точки зрения и пути решения проблемы)”. Автор предварительно напомнил свое интегральное определение звериного стиля как искусства экспрессивных деформаций, отнеся его прежде всего к стилевому ядру древнекочевнической анималистики. Такая интегральная дефиниция имеет два существенных достоинства. Во-первых, предложенный критерий художественного своеобразия резко отделяет раннекочевническое искусство от тех предшествовавших или одновременных ему художественных явлений, в которых часто видят истоки или даже стилеобразующие факторы древнекочевнической анималистики. Во-вторых, данная дефиниция позволяет осуществлять поиски стилеобразующих факторов интересующего нас феномена внутри его ареала, а не за его пределами, что принципиально важно.

Все предлагавшиеся до сих пор реконструкции генезиса скифо-сибирского звериного стиля можно разделить на гипотезы об экзогенных и эндогенных стилеобразующих факторах. Экзогенные факторы находятся за пределами древнекочевнических культур. Их либо связывают с культурами древних “вы-

соких цивилизаций”, либо пытаются найти “местные истоки” звериного стиля в культурах бронзового века. Иными словами, и это весьма существенно, экзогенные факторы находятся за пределами тех социокультурных систем, которые породили скифо-сибирский звериный стиль.

Оценивая различные экзогенетические гипотезы, докладчик пришел к выводу о том, что даже наиболее интересные из них не отвечают на главный вопрос – вопрос о художественной самобытности звериного стиля, не сводимой к влияниям и заимствованиям. Поэтому стоит признать, что гипотезы экзогенетического направления не способны дать убедительную реконструкцию генезиса скифо-сибирского раннекочевнического искусства.

Эндогенетические гипотезы сосредоточены на внутренних особенностях скифо-сибирского звериного стиля и древнекочевнического общества. К ним можно отнести “искусствоведческий” (Г.А. Федоров-Давыдов) и “технологический” (Р.С. Минасян) варианты эндогенетического подхода. Хотя подобные гипотезы воспринимаются со значительным интересом, в археологии преобладают экзогенетические подходы, что само по себе может говорить о неудовлетворительной ситуации. В связи с этим стоит указать и на “историографические наносы”, т.е. эрзац-решения проблемы генезиса звериного стиля. К таким экстенсивным направлениям работы можно отнести удревление начальной даты культур скифского типа и соответственно ранних памятников звериного стиля. Как “историографический затор” В.А. Кореняко склонен рассматривать часто до сих пор декларируемую связь скифо-сибирского звериного стиля с иранским или индоевропейским языковым ареалом. Реалистические же попытки реконструировать языковому панораму в ареале звериного стиля дают гораздо более гетерогенную картину, в которой мы предполагаем участие не только индоевропейских этносов, но и финно-угорских, самодийских, алтайских, возможно, енисейских и иных групп.

В исследовании генезиса звериного стиля важную роль может играть осознание того, что звериный стиль – уникальное художественное явление. С учетом удивительной гетерогенности этнической (палеолингвистической) основы этого стиля можно предположить, что появление древнекочевнической анималистики есть результат произошедших в значительной части Евразии в первой половине I тыс. до н.э. революционных изменений (появление всадничества, новых методов войны и охоты, социальных институтов и иных преобразований).

Доклад *В.А. Кореняко* вызвал оживленное обсуждение. М.Е. Килуновская и В.А. Семенов не согласились с предположением В.А. Кореняко об алтайской языковой принадлежности создателей оленных камней Монголии и Забайкалья, ссылаясь на гипотезы об их ираноязычии. С.В. Кулланда и А.С. Балаханцев (Институт востоковедения РАН), напротив, поддержали точку зрения В.А. Кореняко. А.Р. Канторович поддержал мнение докладчика о полицентрическом происхождении звериного стиля. По его представлениям, единого центра происхождения раннекочевнического искусства не было. Истоки стиля различны, можно говорить и об автохтонном развитии, и о внешних влияниях. Главный вопрос заключается в том, как выяснить происхождение самобытного художественного феномена в результате этих сложных взаимодействий.

Е.В. Переводчикова согласилась с мнением докладчика о тупиковом характере удревления археологических культур и памятников и о том, что такой подход не приносит пользы исследованию генезиса звериного стиля. Но, касаясь экзогенетических и эндогенетических факторов, Е.В. Переводчикова предложила говорить о факторах как неких активно действующих началах. По ее мнению, об этом до сих пор не писали или писали недостаточно конкретно. В результате имеются форму-

лировки с непонятным содержанием. То же можно сказать и об определении звериного стиля как искусства экспрессивных деформаций. Но всякие ли деформации экспрессивны (к этому вопросу присоединилась Е.Ф. Королькова)?

В.А. Коренько, отвечая на эти сомнения, указал на то, что конкретные представления об активных действиях тех или иных стилиобразующих факторов целиком зависят от надежности историко-археологических реконструкций. Безусловно, не всякие деформации экспрессивны, но, предлагая считать звериный стиль искусством экспрессивных деформаций, мы обязаны учитывать именно их и во всяком случае вполне конкретно различать деформации экспрессивные и неэкспрессивные. Что касается экспрессионизма, то данное художественное направление первой четверти XX в. имеет вполне отчетливые особенности, отделено от древнекочевнической анималистики не менее чем двумя тысячелетиями и ничем не может повлиять на исследование скифо-сибирского звериного стиля.

Е.Ф. Королькова напомнила о необходимости корректного искусствоведческого подхода и точного определения стиля вообще и скифо-сибирского звериного стиля в частности. Она выразила согласие с В.А. Коренько в том, что экспрессивная деформация может считаться главным методом, определившим звериный стиль.

Д.В. Черемисин был склонен к скептической оценке некоторых положений доклада В.А. Коренько. Он предположил, что в данном случае “искусствоведческие дефиниции предлагается накладывать на лингвистические фантомы”. Что касается лингвистики, то, по мнению Д.В. Черемисина, археологу трудно судить о ее проблемах. Если В.А. Коренько ссылается на результаты анализа митохондриальной рибонуклеазы погребенных Уока как на свидетельство их близости с самодийскими или енисейскими этническими группами, то Д.В. Черемисин сомневается в обоснованности подобных предположений. В какой-то мере согласие с этими взглядами выразил С.В. Куланда, подробно высказавшийся об иранской принадлежности скифского и сарматского языков.

Два докладчика выступили по третьему вопросу повестки дня – о хронологии и исторической динамике звериного стиля.

Доклад *А.Р. Канторовича* был посвящен принципам хронологии образов скифского звериного стиля. Автор предложил выстраивать хронологию на основании предварительной типологии изображений в рамках каждого образа. Типология разрабатывается в следующей последовательности: 1) характеристика пространственного размещения; 2) определение категорий вещей, оформляемых или украшаемых изображениями данного типа; 3) реконструкция модели данного типа, сочетающей общие для всех изображений морфологические признаки (вначале характеризуются признаки, содержащие сведения об образно-видовой принадлежности изображений, главным образом, касающиеся биологической атрибуции – при всей сложности и противоречивости этой задачи); 4) описание общей композиции изображений в рамках уже установленного сюжета; 5) характеристика общих для изображений данного типа признаков трактовки анатомических деталей; 6) характеристика композиционно-стилевых признаков, выходящих за рамки стандартов данной модели. На основании такого внутритипового морфологического сравнения можно определять иконографическую динамику в рамках типа.

Для каждого типа определяются хронологические границы – исходя из датировки изображений, происходящих из комплексов, объективно датированных (на основе импортов, предметов вооружения и конского снаряжения, надежных аналогий). Затем определяются даты остальных изображений данного типа на основании их сходства с изображения-

ми, составляющими “хронологическое ядро” типа, и с учетом выявленной внутритиповой иконографической динамики. В заключение *А.Р. Канторович* продемонстрировал реализацию предложенных принципов на примере хронологии изображений свернувшегося хищника в скифском зверином стиле.

Доклад *А.Р. Канторовича* вызвал значительный интерес. *А.С. Балахванцева* интересовали основания для датировки произведений в зверином стиле VII в. до н.э. (ответ – датировка Келермеса и переднеазиатских импортов) и позже (VI в. до н.э. – датировка зеркал и античного импорта). На вопрос *А.С. Балахванцева* о том, учитывает ли *А.Р. Канторович* степень мастерства или бездарности создателей предметов в зверином стиле, докладчик ответил: в больших группах вещей эти особенности хорошо видны; но на хронологические позиции такие наблюдения не влияют, если только мы не имеем дело с подражаниями.

И.В. Рукавишникову интересовало, можно ли в зверином стиле выделить более лаконичные типы; например, при анализе композиций сам *А.Р. Канторович* дробит их на малые элементы, т.е. в осмыслении данного художественного феномена возможны различные системы. *А.Р. Канторович* согласился с этим, но призвал учесть, что европейский массив произведений в зверином стиле наиболее эклектичен. Большинство изображений не так сложно, как изображения хищников. Поэтому есть возможность выделить стиливое ядро. Если же абстрагироваться от хронологии (а вопросы хронологии очень сложны), то можно применять и иные методы исследования. На слова *И.В. Рукавишниковой* о большой вариативности звериного стиля *А.Р. Канторович* возразил, что канонических типов в массе изделий не так уж много; поэтому предложенная им классификация проще той, которую предлагает *Ю.Б. Полидович*. *М.Е. Килуновская* выразила непонимание того, как необходимо изучать многофигурные композиции. По мнению *А.Р. Канторовича*, многофигурные композиции необходимо разделять на отдельные фигуры. Это, конечно, не касается художественного приема “зооморфных превращений”.

А.С. Балахванцев заявил о необходимости удернить время появления звериного стиля в Восточной Европе. Он использовал для этого арамейскую надпись на псалии, найденном у с. Рысайкино под Бугурусланом. Часть псалия моделирована в виде грифо-барана, а палеографический анализ надписи не позволяет датировать ее позднее конца VIII в. до н.э. По мнению *А.С. Балахванцева*, эту дату надо учитывать при изучении происхождения звериного стиля, так как появление образа грифо-барана должно датироваться не позже времени надписи.

С.А. Зинченко (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) представила доклад “Зверинный стиль как стадильное явление”.

Она обратила внимание на то, что искусство звериного стиля принято рассматривать как индикатор принадлежности к евразийской раннекочевнической общности. Меньше внимания обращают исследователи на другую сторону явления – разнородность звериного стиля. Если отвлечься от проблем синхронизма, то особую важность приобретет тезис об начальном разнообразии выразительных средств в зверином стиле. Видимо, в каждом произведении звериного стиля можно увидеть общие черты (основу) и вариативные черты. Следовательно, возникает вопрос об исходном и вариативном в этом искусстве.

Далее *С.А. Зинченко* обратилась к архетипическому характеру “центральных идей”, выраженных в искусстве звериного стиля. Это, по мнению докладчицы, объясняет фиксацию и консервацию зооморфных образов в течение длительного времени, вообще длительность бытования анималистических образов и их господство в репертуаре раннекочевнического

искусства. Задачей зооморфного кода было адекватное выражение мировоззрения евразийских кочевников раннего железного века. Рассматривая анималистические образы в диахронических аспектах, мы, по мнению С.А. Зинченко, подходим к очень важной проблеме диалога и специфического функционирования полушарий человеческого головного мозга.

Участовавшие в обсуждении доклада М.Е. Килуновская, Е.Ф. Королькова, И.В. Рукавишникова, Н.Ю. Смирнов, А.Р. Канторович, В.А. Кисель, В.А. Коренько сосредоточили внимание на понятийном аппарате (формулировка “центральных идей” звериного стиля, стадиальности) и на таких аспектах сложной проблемы, как место мифологии в искусстве. Часть выступавших говорила о таком важном явлении, как появление антропоморфных образов – не только в зооантропоморфных изображениях и в искусстве малых форм, но и в крупной антропоморфной скульптуре (монументальная зооморфная скульптура у ранних кочевников не известна). Очень важным представлялись искусствоведческая оценка и освещение внутренней специфики феномена стадиальности.

К четвертому вопросу повестки дня – о семиотике звериного стиля – относились два доклада.

Д.В. Черемисин сделал доклад “Ансамбли артефактов из пазырыкских комплексов и проблемы семантики звериного стиля”. Раскопки большого количества неразграбленных погребальных комплексов (Пазырык, Уюк, большой массив рядовых захоронений в иных могильниках) дали исследователям ценнейший источник. Вещи обнаружены в археологическом контексте, а это дает специалистам возможность судить о традициях помещения определенных изображений на определенные предметы. Изучение материалов позволяет различать деревянные зооморфные скульптуры, сопровождавшие женщин (лежащие копытные) и мужчин (стоящие копытные). Большой интерес представляют данные о шейных гривнах (практически все они украшены изображениями хищников), о различных декоративных элементах конской упряжи (изображения грифонов, волков, кошачьих хищников и др.), о рогах как части конского убранства (курган 11 могильника Берель и другие находки).

Д.В. Черемисин особо остановился на пазырыкских головных уборах, профильная форма которых отождествляется с абрисом типичного представителя алтайской орнитофауны журавля-красавки. В искусстве пазырыкской культуры изображения журавля отсутствуют, имеются лишь головные уборы, форма которых определено указывает на эту птицу. Видимо, речь может идти об эмблеме социальной или этнической группы. В заключение Д.В. Черемисин напомнил о том, что изучение древних художественных феноменов – очень сложное занятие, требующее прежде всего методической комплексности.

Е.В. Переводчикова выразила сомнение в том, что деревянные скульптуры копытных изображают коней (“на них нет седел”). Д.В. Черемисин заверил, что нет сомнений в том, что изображены кони (это доказал весьма обоснованно Д.В. Кубарев), причем маскированные и имевшие рога (на головах фиксируются по четыре отверстия или углубления для этого). Е.Ф. Королькова, Е.В. Переводчикова и А.Р. Канторович высоко оценили доклад Д.В. Черемисина.

Доклад В.А. Киселя был посвящен символике лошадиного копыта в искусстве древних кочевников. Предварительно автор делит изображения копыт на две больших группы:

фигуративное изображение, являющееся, например, частью псаля, и абстрактное плоское или уплощенное изображение. Абстрактные изображения появляются ранее фигуративных (М.А. Дэвлет датировала их бронзовым веком, но их абстрактность характеризуется крайней степенью). Можно считать, что на вещах изображения копыт появляются в VIII в. до н.э. (определенно во второй половине VIII в. до н.э.) и исчезают в IV–III вв. до н.э.

Выделяются два круга изображений копыт: Саяны – Алтай и Приднепровье – Прикубанье – Передний Восток. Особое место занимали Южный Урал и Хакасия. Видимо, азиатский очаг в зарождении и развитии изображений конских копыт играл ведущую роль. В.А. Кисель вновь обратил внимание на сердцевидную форму ушей в изображениях хищников и возвел эту особенность к абстрактным изображениям копыт. Докладчик не разделяет мнения М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского о том, что эти элементы однородны, но согласен с тем, что они были созданы ближневосточными мастерами, работавшими по скифскому заказу (Зивие).

По мнению В.А. Киселя, изображения конских копыт в петроглифических композициях могли символизировать, аналогично пиктограммам, дорогу, конкретный пройденный путь, охоту, дорожный привал. Знак копыта, возможно, был тамгой или эмблемой группы.

Обширный археологический и этнографический материал говорит о существенной роли самого коня, его изображений и изображений его частей (в частности, копыт и голов) в социокультурной символике: сопровождение хозяина в иной мир взнузданным конем, изображения конских ног с копытами на якутских деревянных сосудах, подобные изображения на древних ковшах (начиная с Аржана), фигурный слив в виде конской головы на чертомлыкской серебряной амфоре, культ Тагимасада у царских скифов-паралатов, образ колаксаева коня в стихотворении Алкмана, нартские сказания о жеребцах. Очевидно, речь может идти об этнической или социальной эмблеме некоего кочевнического объединения, сыгравшего важную роль в формировании скифской архаической культуры.

И.В. Рукавишникова, ссылаясь на наличие трехчастных изображений копыт, спросила, все ли изображения копыт относятся к лошадям. В.А. Кисель пояснил, что трехчастное копыто – результат развития (и некоторого усложнения) данного типа изображений.

При обсуждении доклада В.А. Киселя В.А. Семенов говорил о большой семиотической емкости знаков вроде изображений копыт – отсюда сложность, противоречивость и спорность интерпретации. В.А. Семенов и А.Р. Канторович высоко оценили работу В.А. Киселя. К ним присоединилась Е.В. Переводчикова, хотя ей, по ее признанию, осталось непонятным, какими путями на Ближний Восток попали эти заказчики-кочевники.

Подводя итоги Круглого стола, необходимо признать, что его участники не смогли выработать единую точку зрения ни по одному из пунктов программы. Это совершенно очевидно для таких крупных проблем, как художественное своеобразие и происхождение скифо-сибирского звериного стиля. Такое положение может быть изменено к лучшему, если проведение специальных конференций по древнекочевническому искусству станет периодическим. Участники Круглого стола выразили желание продолжать работу в 2015 г.

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

В.А. Коренько

XXVIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ “КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ” ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КAVKAZA. МОСКВА, 21–25 АПРЕЛЯ 2014 Г.

Очередные XXVIII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа прошли с 21 по 25 апреля 2014 г. в г. Москве. В работе авторитетного кавказоведческого форума археологов приняли участие делегации из городов Северо-Кавказского, Южного и других федеральных округов РФ – Владикавказ, Грозного, Йошкар-Олы, Краснодара, Новороссийска, Махачкалы, Нальчика, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Москвы, Санкт-Петербурга, а также из Баку (Азербайджан), Берлина (Германия) и Сухума (Абхазия).

К началу работы конференции на высоком полиграфическом уровне был опубликован сборник материалов, составленный из более чем 120 статей, освещающих доклады и сообщения более 150 авторов (Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения: Матер. Междунар. науч. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. 408 с.).

Открытие конференции и пленарное заседание проходили в Институте археологии РАН под председательством М.Х. Багаева. Приветствия участникам конференции от лица дирекции Института археологии РАН были озвучены заместителем директора, член-корр. РАН П.Г. Гайдуквым. Затем с приветственным словом от Постоянного координационного совета Международной конференции “Крупновские чтения” выступил его председатель М.Х. Багаев. Основной доклад пленарного заседания “Е.И. Крупнов – выдающийся советский кавказовед. К 110-летию со дня рождения” был подготовлен Советником РАН член-корр. РАН Р.М. Мунчаевым. Также с приветствием открывшейся конференции выступил сын Е.И. Крупнова А.Е. Крупнов.

Дальнейшая работа конференции была организована на базе санатория “Удельная” (пос. Удельная Московской обл.). В ее ходе приоритетными стали вопросы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Рассматривались проблемы, затрагивающие исторические процессы, протекавшие на Кавказе, и его взаимосвязь с регионами Восточной и Западной Европы, Переднего Востока, Средней Азии с эпохи энеолита до позднего Средневековья включительно.

Работа конференции была организована в рамках четырех секций: “Археология каменного века, ранней и средней бронзы”, “Археология позднего бронзового и раннего железного века”, “Археология сарматского времени и Великого переселения народов” и “Археология Средневековья”. Всего было заслушано 83 доклада.

На секцию “Археология каменного века, ранней и средней бронзы” был заявлен 21 доклад, из которых 18 – заслушаны. 13 докладов было посвящено археологии Кавказа эпохи раннего и среднего бронзового века (заседания прошли 22 и 23 апреля под председательством Р.М. Мунчаева, С.Н. Кореневского и Н.А. Мусебли). По подаче материала их можно разделить на три блока.

Первый блок докладов был связан с проблемами археологии бронзового века Кавказа, освещенными на широком фоне материалов: Г.Д. Атаев “О преемственности и инновациях в развитии культур эпохи ранней и средней бронзы Дагестана”; А.А. Клещенко “Синтезирующие признаки памятников суворовской катакомбной культуры”; Р.А. Мимоход “Радиоугле-

родная хронология архонской культурной группы”; С.Н. Кореневский “Историко-культурные процессы в Предкавказье в отражении поселенческих и погребальных памятников в свете аналогий с югом и севером”.

Второй блок объединил доклады, в которых были представлены новые материалы и освещены конкретные археологические памятники: А.Д. Резепкин “Поселение Новосвободненское”; Ю.Ю. Пиотровский “Погребальный обряд Майкопского кургана”; Н.А. Мусебли “Поселение лейлатепинской культуры Галаери в Азербайджане”; А.В. Шишлов, А.В. Колпакова и Н.В. Федоренко “Исследование поселения эпохи ранней бронзы Кутусвина Кривица-2 под Новороссийском”.

Третий блок докладов тематически затрагивал разные аспекты изучения памятников катакомбной культуры: В.И. Мельник “Многокамерные катакомбы эпохи бронзы Степного Прикубанья”; Н.В. Панасюк и И.Ю. Горболь “Курильницы и каменные изделия в контексте погребального обряда восточноманьчжурской катакомбной культуры”; В.Я. Стеганцева “Основные погребения западноманьчжурской катакомбной культуры”; Е.С. Левин “Детские погребения катакомбной культуры в степном Прикубанье (новые материалы)”; О.А. Селивантьев “Новые находки костяных изделий из погребений эпохи бронзы в курганах степного Прикубанья”.

Подблок, посвященный способам изготовления майкопской керамики, был обозначен докладом Г.Н. Поплевко “Приемы ручной лепки круглодонной керамики по данным археологии”.

Таким образом, научная тематика была наиболее широко отражена направлениями, изучающими памятники эпохи раннего бронзового века Кавказа IV тыс. до н.э. (лейлатепинская культура и майкопско-новосвободненская общность). С ней были связаны доклады Н.А. Мусебли, Ю.Ю. Пиотровского, С.Н. Кореневского, А.Д. Резепкина, Г.Н. Поплевко, А.В. Шишлова, А.В. Колпаковой и Н.В. Федоренко. Тематики эпохи среднего бронзового века (III тыс. до н.э.) касались доклады Г.Д. Атаева, А.А. Клещенко, Р.А. Мимохода, О.А. Селивантьева, В.И. Мельника, В.Я. Стеганцевой, Е.С. Левина, Н.В. Панасюк и Н.Ю. Горбола.

24 апреля под председательством Е.В. Леоновой и С.А. Кулакова было заслушано пять докладов, посвященных проблемам каменного века Кавказа. Небольшое количество докладов, с одной стороны, частично отражает в целом не очень интенсивные исследования памятников этого периода на Кавказе, с другой – неполноту представленных исследований. В чтениях по тем или иным причинам не приняли участие докладчики, работающие в Грузии и Армении, а также некоторые коллеги, работающие на Северном Кавказе.

Тематика докладов, представленных исследователями из Москвы, Махачкалы, Санкт-Петербурга и Баку, охватывала период от начала появления первых людей на Северном Кавказе (около 2 млн л.н.) до эпохи мезолита (около 8500 л.н.), рассматривались материалы памятников Северного Кавказа и Азербайджана. При этом ни один из представленных докладов не касался проблем, связанных с изучением эпохи мустье.

Два доклада были посвящены результатам исследований группы памятников эпохи олдована в горном Дагестане. Доклад Д.В. Ожерельева “Некоторые итоги комплексных исследова-

ний раннепалеолитической стоянки Мухай II (по результатам раскопок 2008–2013 гг.)” обобщал важнейшие достижения работ на стоянке, среди которых было вскрытие траншеями более 70 м коренных раннеплейстоценовых отложений, содержащих археологические материалы эпохи олдована, охватывающие период от 2 до 1 млн л.н. На сегодняшний день это наиболее полно изученный разрез указанного региона, и он может стать опорным как для археологических, так и для геологических и биостратиграфических исследований.

Доклад *А.И. Таймазова* “О мелких орудиях стоянки олдована Айникаб 1” был посвящен более узкой проблеме – описанию и классификации группы мелких орудий. Это особая группа каменных изделий, которой в связи с неустойчивостью наборов признаков и наличием выразительных крупных галечных орудий зачастую отводится второстепенная роль при анализе древнейших индустрий. Однако эти данные необходимы для полноценной типологической характеристики олдована Кавказа и постановки вопроса о культурно-хронологической варибельности древнейших индустрий.

В докладе *А.А. Зейналова, С.А. Кулакова и И.А. Идрисова* были представлены результаты планомерных поисков памятников нижнего палеолита на территории Азербайджана. В результате исследований в районе Мингячевирского водохранилища на р. Кура были открыты ашельские местонахождения Гараджа и Гараджа 1, возраст которых предварительно оценивается в широком диапазоне от 1 млн до 500 тыс. л.н.

Следующие два доклада были посвящены верхнепалеолитическим и мезолитическим материалам памятников Северо-Западного Кавказа. В коллективном докладе *Е.В. Леоновой, Ж.А. Антитушиной, Н.В. Сердюк, Е.А. Спиридоновой и А.С. Тесакова* “Первобытный человек и природное окружение на рубеже плейстоцена-голоцена в Губском ущелье” подводились некоторые итоги комплексного исследования двух соседних многослойных памятников Губского ущелья – навеса Чыгай и пещеры Двойная, материалы которых позволили наметить культурную динамику микрорегиона на фоне климатических изменений на рубеже плейстоцена и голоцена.

В докладе *О.И. Александровой* “Функциональный анализ каменного инвентаря второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе” были представлены результаты трасологического анализа. Наиболее интересным итогом исследования стало обнаружение визуально различных древних органических остатков на мезолитических орудиях, позволяющее ставить новые проблемы по подходам к изучению материалов и расширяющее наши возможности при создании научных реконструкций древнейших этапов истории человечества.

Впервые за время работы “Крупновских чтений” в качестве отдельной была выделена секция “Археология позднего бронзового и раннего железного века”. В ходе ее работы 22–24 апреля под председательством *А.Б. Белинского, А.П. Мошинского, В.С. Патрушева, А.Ю. Скакова, В.Р. Эрлиха* было заслушано 18 докладов, подготовленных археологами из России, Германии, Азербайджана и Абхазии.

Большой интерес вызвал доклад *А.Б. Белинского, С. Райнхольд и Т.Н. Мишиной* «Гумбаши – “крепость” эпохи поздней бронзы на перевале Гумбаши между р. Подкумок и Мара». Поселение, датированное XIII–IX вв. до н.э., отличается от синхронных памятников высокогорья к югу от Кисловодска своей планировкой, когда двухкомнатные примыкающие друг к другу постройки расположены в ряд вдоль края склона. Проведенные работы с использованием современных методов (магнитометрия, аэрофотосъемка и др.) можно считать образцом полевых исследований.

Столь же новаторским был доклад *А. Гасса, Й. Фасбиндера, А.Б. Белинского и Г. Парцингера* “Исследования периферии больших курганов раннего железного века Северного Кавказа с применением магнитометрии”. Эти работы были проведены на Краснознаменском могильнике, а также на некрополях Виноградный 1 и 2 в Буденновском районе Ставропольского края. На памятниках было выявлено необъяснимое до проведения раскопок различие внутренней структуры периферии больших курганов.

А.Ю. Скаков и А.И. Джошуа в докладе “Керамический комплекс могильника Джантух” приступили к вводу в научный оборот богатой керамической коллекции этого яркого памятника Юго-Восточной Абхазии, включающего погребальные комплексы XII–II вв. до н.э. Был сделан вывод о том, что по основным типам керамических форм и их декору Джантухский могильник демонстрирует несомненную близость к общему массиву колхидской керамики, проявляя при этом явные локальные особенности.

Г.А. Сангулия посвятил свой доклад генезису и трансформации ранних погребальных обрядов колхидской культуры Абхазии. Им был прослежен генезис обряда “воздушного” (вторичного) погребения, сочетающегося с многообразием форм погребальных сооружений и доживающего в пережиточной форме до этнографической современности.

И.А. Джошуа в докладе “Охранно-спасательные работы на памятниках археологии в с. Эшера (Республика Абхазия)” охарактеризовал историю исследования археологических памятников этого селения, относящегося к Центральной Абхазии, остановившись на их современном состоянии и продемонстрировав результаты некоторых новых работ. В частности, на выявленном новом многослойном поселении колхидской культуры Амжассара 2.

В.Е. Маслов в докладе “Фрагменты гончарной керамики из Краснознаменского могильника” обратился к рассмотрению трех фрагментов амфорной тары, обнаруженных при раскопках курганов 1, 3 и 8. Если два из них связаны с салтово-маяцким горизонтом древностей, то третий принадлежит к античному керамическому импорту, являясь важным хронологическим репером для древностей келермесского горизонта.

Ю.В. Марченко в докладе «“Мужской” и “женский” инвентарь в скифских погребениях Нартанского могильника», проанализировав хорошо известные материалы этого некрополя, сделала вывод о затруднительности разделения погребений на мужские и женские без проведения антропологического изучения, опираясь только на археологический материал. Как выяснилось, зеркала, серьги и браслеты с шишечками на концах являются атрибутами мужских погребений, а булавки с цепочками, орнаментированные браслеты с расплюснутыми концами – женских.

А.Р. Канторович в обстоятельном докладе охарактеризовал мотив головы верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле. Выделенный тип “Уллу-Аксютинцы” – следствие заимствования образа верблюда с территории Нижнего Поволжья, причем в Среднем Поднепровье его иконография смешивается с местной иконографией верблюда и лося.

В.С. Патрушев остановился на имеющих северокавказское происхождение достаточно многочисленных бляхах с солярными символами из могильников ахмыловской культуры Марийского Поволжья.

Интереснейшие новые материалы были показаны в докладе *М.А. Бакушева и А.Ю. Чечной* “Змейский могильник кобанской культуры”. Были исследованы 12 одиночных и 2 парных

погребения VIII – первой половины VII в. до н.э., а также 2 ритуальные площадки.

О.А. Брилева, Ш.О. Давудов и А.А. Чиждова познакомили участников конференции с новыми исследованиями культовых мест горного Дагестана. Были уточнены обстоятельства находки и составклада из с. Чадаколоб, предметов бронзовой антропоморфной пластики из селений Гигатль-Урух и Инхоквари, культовых мест Хурцы-Гаал и Росдал-Меэр, с гор Зуберха и Берак.

В докладе *Ф.Э. Гулиева, О.А. Брилевой, Ф.Р. Гусейнова, П.П. Гасымова, Ш.А. Салимбекова и В.А. Алекперова* “Курганная группа Топдагдаган – новый памятник начала I тыс. до н.э. на территории Азербайджана” в научный оборот вводился интереснейший курган с кромлехом и погребальной камерой, в которой были обнаружены 41 каменная стела, поделки из мела (модели топоринок, изображения зооморфных головок) и керамика, датирующаяся в пределах IX–VII вв. до н.э.

А.П. Мошинский выступил с докладом “Новые производственные комплексы поселения Сауар”, посвященным изучению двух новых гончарных (седьмой и восьмой) и двух металлургических (пятой и шестой) мастерских производственного поселка кобанской культуры в горной Дигории.

В.Р. Эрлих и С.Б. Болелов в докладе «Поселение “Деметра” и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку» продемонстрировали новые находки с территории Адыгеи, свидетельствующие о наличии еще одного местного, но не “кобяковского”, компонента в формировании протомеотской группы памятников в ее предгорном варианте.

В.Ю. Кононов сделал предварительное сообщение о результатах охранных раскопок поселения и грунтового могильника меотской культуры “Марьянское-1” в Прикубанье. Поселение, обнесенное тремя рвами, датируется VI–IV вв. до н.э., изученный участок грунтового могильника – IV в. до н.э., еще одно погребение относится к VI–V вв. до н.э. *Г.Л. Годизов* и *В.В. Улитин* рассказали о двух новых памятниках меотской культуры в Адыгее V–IV вв. до н.э. (поселения и могильники в археологических комплексах “Дукмасов” и “Натухай”). Еще об одном поселении меотской культуры рассказывалось в докладе *В.П. Мокрушина, О.Ф. Жупанина и П.В. Сокова* “Новое селище раннего железного века на территории Северского района Краснодарского края”.

Р.А. Даутова и М.А. Тангиев в докладе “Шаройский могильник (Чечня, р. Шаро-Аргун)” проанализировали старые и новые находки на известном могильнике, сочетающем погребения эпох поздней бронзы – раннего железа и Средневековья.

Ю.А. Прокопенко в носившем историографический характер докладе “Исследование памятников кобанской культуры V–III вв. до н.э. в Центральном Предкавказье в конце XX – начале XXI в.” обрисовал современное состояние изучения данной проблематики.

На секции “Археология сарматского времени и эпохи Великого переселения народов”, также впервые выделенной в качестве отдельного направления в работе конференции, были проведены 6 заседаний, на которых заслушаны 22 доклада, в том числе один из докладов (*О.Е. Вязкова, А.А. Мальшев, Г.В. Требелева*), перенесенный из секции “Археология позднего бронзового и раннего железного века”, а второй (*В.Ю. Кононов*), по просьбе докладчика продублированный на данной секции.

22 апреля секция работала под председательством В.Ю. Малашева и А.А. Цуциева. Было заслушано девять докладов.

В докладе *С.Б. Буркова* “Северокавказские и Предгорно-плоскостная археологические экспедиции: этапы в изучении памятников эпохи раннего железного века Чечни” был дан детальный обзор и анализ работы крупнейших экспедиций, работавших на памятниках раннего железного века с 1930-х до начала 1990-х годов.

В докладе *М.А. Бакушева и М.С. Гаджиева* “О датировке некоторых антропоморфных статуэток Дагестана албано-сарматского времени” рассматривалась серия бронзовых и терракотовых находок, происходящих из различных памятников Дагестана (Тинди, Согратль, Анди, Хадага, Шаракун, Дербент и др.). На основе археологического контекста, типологического и иконографического анализов авторы обосновали их датировку албано-сарматским периодом.

Оживленное обсуждение вызвал доклад *Н.Ф. Шевченко* “Особенности социальной стратификации древнего общества (по материалам грунтового могильника Мезмай 1)”, посвященный результатам исследования памятника в горной части Краснодарского края, датирующегося эпохой позднего эллинизма и являющегося дружинным некрополем, в котором автором были зафиксированы четыре типа захоронений, позволяющие реконструировать особенности социальной структуры данного общества и его военной организации. В выступлениях *С.А. Яценко, А.В. Мастыковой, С.Б. Буркова, А.В. Пьянкова, М.Ю. Лунева, В.Ю. Малашева, М.А. Бакушева, Т.А. Габуева* обсуждалась проблема культурной и социальной атрибуции памятника.

В докладе *Е.С. Левина, Д.В. Короткого и М.Ю. Лунева* “Новое сарматское погребение с римскими импортами из Прикубанья” было представлено элитное сарматское мужское захоронение последней четверти II – начала I в. до н.э. у ст. Журовской Краснодарского края, совершенное в какамоке типа III по К.Ф. Смирнову.

Доклад *С.А. Яценко* “К интерпретации групп воинских погребений в сарматских некрополях” был посвящен социальному анализу мужских захоронений с оружием среднесарматской и раннего этапа позднесарматской культур. Автором отмечалось преобладание погребений, принадлежавших к клановым ополчениям “народа-войска”, при наличии единичных “лидеров” и уменьшении количества подобных погребений в позднесарматское время по сравнению со среднесарматским. Доклад вызвал обсуждение, в котором приняли участие *В.Ю. Кононов, Д.С. Коробов, Н.Ф. Шевченко, А.В. Пьянков, Т.А. Габуев*. В частности, *А.В. Мастыкова* отметила отсутствие в докладе четко сформулированных признаков социальной дифференциации на основе погребального обряда. Обсуждался вопрос об этническом принципе при формировании дружин, причинах дифференциации (социальная, половозрастная), а также об интерпретации могильников, образующих так называемое Золотое кладбище.

В докладе *А.В. Иванова* “Фортификация цитадели городища Фурожан”, относящегося к меотской культуре, были проанализированы особенности оборонительных сооружений памятника, возникшего в I в. до н.э. Исследованные фортификационные объекты – эскарп, ров, а также две разновременные турлунные стены – относятся ко второму строительному горизонту, сформировавшемуся в хронологических рамках I/II–III вв. н.э. Доклад также вызвал оживленную дискуссию, в которой участвовали *Д.С. Коробов, Н.Ф. Шевченко, А.В. Пьянков, С.А. Яценко и М.Ю. Лунев*. Прозвучали сомнения относительно интерпретации остатков сооружений позднего периода как фортификационных, а также вопросы о соотношении цитадели и посада.

Доклад *А.И. Казанцевой* “Фибулы из погребений могильника и городища Елизаветинская 2 (раскопки 2013 г.)”, посвященный анализу выборки из 68 фибул некрополя, атрибутированных по типологии А.К. Амброза, вызвал ряд замечаний В.Ю. Малашева, поддержанных А.В. Мастыковой.

Т.А. Габуев в докладе “Аланские курганы у Киевского городища в Моздокском районе Северной Осетии” представил результаты раскопок пяти курганов, датируемых IV–V вв.

В докладе *М.С. Гаджиева* и *В.Ю. Малашева* “Этнокультурная принадлежность курганных могильников IV–V вв. н.э. Южного Дагестана” были выделены две культурные составляющие рассматриваемых памятников – аланская культура Северного Кавказа и памятники Терско-Сулакского междуречья (типа Львовских), продолжающие ряд традиций среднесарматской культуры. Этническая атрибуция устанавливается на основе анализа письменных источников и может рассматриваться как маскуто-аланская.

Утреннее и вечернее заседания секции 23 апреля прошли под председательством *Д.С. Коробова* и *А.В. Мастыковой*. Было заслушано восемь докладов.

Доклад *Д.С. Коробова*, *В.Ю. Малашева* и *Й. Фассбиндера* “Новые данные о появлении алан в Кисловодской котловине, полученные с использованием аэрофотосъемки и магнитометрии” был посвящен результатам раскопок одного из первых памятников раннего этапа аланской культуры II–IV вв. н.э. в регионе – подкурганного катакомбного могильника Левоподкумский 1, где были исследованы захоронения IV в. н.э.

В докладе *Е.В. Чернышевой*, *А.В. Борисова* и *Д.С. Коробова* “Уреазная активность почв и культурных слоев памятников аланской культуры в Кисловодской котловине” нашли отражение результаты использования нового метода выявления мест содержания скота на поселениях и внесения удобрений на прилегающие пахотные угодья на ряде памятников позднесарматского времени и раннего Средневековья в Кисловодской котловине, что вызвало большой интерес у аудитории.

Доклад *А.В. Пьянкова* и *И.Н. Анфимова* “Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища 2 (раскопки 1978 г.)” был посвящен анализу обряда и инвентаря 16 захоронений, которые совершались в широком интервале – от III–IV до VII вв.; одно погребение можно отнести к XI–XII вв.

В обсуждении доклада *В.Ю. Кононова* «Поселение “Марьянское-1” – новый памятник меотской археологической культуры в Прикубанье (предварительное сообщение)», прозвучавшего повторно на заседании секции, принимали участие *Н.Ф. Шевченко*, *Д.С. Коробов*, *А.В. Иванов* и *А.В. Пьянков*. Высказывались сомнения относительно фортификационного характера рвов на памятнике, обсуждались общие вопросы фортификации на меотских городищах.

В докладе *О.Е. Вязковой*, *А.А. Малышева* и *Г.В. Требелевой* “Эволюция системы расселения в периферийных районах Азиатского Боспора (на примере п-ова Абрау)” были проанализированы факторы, оказавшие влияние на формирование и развитие системы расселения и коммуникаций на юго-восточной периферии Азиатского Боспора с VI в. до н.э. по IV в. н.э. по пять хронологическим периодам.

Продолжилось заседание докладом *З.Х. Албеговой* и *В.Б. Ковалевской* “Соляно-зооморфные фибулы Северного Кавказа”, в котором была дана типология соляно-зооморфных фибул региона, рассмотрена проблема хронологии, в основном в пределах VI–VII вв.; был очерчен ареал их распространения. Обсуждался вопрос о местном или импортном происхождении данных фибул. Авторы считают их местными, изготовленными по импортным образцам.

В докладе *М.М. Казанского*, *А.В. Мастыковой* и *И.А. Сапрыкиной* “Некоторые черты погребального обряда раннесредневекового Пашковского могильника 1 на Нижней Кубани” были рассмотрены особенности обряда раннесредневекового (середины/второй половины V – начала VII в.) некрополя. Наиболее интересно проведенное трасологическое исследование изделий из цветного металла, выявившее, что для части предметов, изготовленных специально для погребального ритуала, прищипывание намеренной деформации (сгибание и разрубание).

Доклад *А.А. Цуцеева* “Новые находки сасанидских драхм на территории Осетии” был посвящен введению в научный оборот, атрибуции и анализу новых поступлений монетных находок с территории республики.

Пять докладов на завершающем заседании секции 24 апреля было заслушано под председательством *Н.Ф. Шевченко* и *О.В. Шарова*.

В докладе *О.В. Шарова* “Синхронизация комплексов знати позднесарматской культуры, Боспора и Центрального Кавказа” было рассмотрено соотношение опорных комплексов Боспора и Закавказья с аналогичными материалами из памятников позднесарматской культуры и Северного Кавказа второй половины II – первой половины III в. н.э.

Завершил заседание ряд докладов, посвященных археологии Абхазии. В докладе *А.И. Джотуа* и *В.А. Нюшкова* “Вклад учеников Е.И. Крупнова в изучение археологии Абхазии” была дана оценка научному наследию основателя отечественной археологической школы кавказоведения, в частности, его вкладу в понимание древней и средневековой истории Абхазии.

Доклад *Г.В. Требелевой*, *Г.Ю. Юркова*, *Ю.В. Горлова*, *Г.А. Сангулия*, *И.И. Цвиная*, *С.М. Сакания* и *Ш.Г. Кайтана* “Разведки по Восточной Абхазии 2013 г. Новые открытия” представил результаты отбора образцов строительного раствора на ряде ранее известных и вновь выявленных памятников Абхазии.

В докладе *Ш.Г. Кайтана* “Проблемы хронологии Великой Абхазской стены” рассматривались дискуссионные точки зрения на время создания и функционирования одного из наиболее крупных фортификационных сооружений Кавказа – Великой Абхазской стены протяженностью 160 км. Новый стратифицированный материал уточняет ряд ранее предложенных дат, в том числе раннесредневековое время функционирования стены (в пределах VI–VII – X–XII вв. н.э.).

Оживленную дискуссию вызвал заключительный доклад секции, принадлежавший *А.Ю. Виноградову*, “К локализации византийских крепостей в Аписилии”. На основании анализа письменных источников, с учетом археологической ситуации, автор уточнил, а в ряде случаев пересмотрел местонахождение ряда крепостей на территории современной Абхазии. С интерпретациями А.Ю. Виноградова не согласились *В.А. Нюшков* и *Г.А. Сангулия*.

Секция “Археология Средневековья” начала свою работу 22 апреля под председательством *М.Х. Багаева*. Заседание открыл доклад *Р.Г. Дзаттиаты*, в котором был дан предварительный анализ погребального обряда Даргавского катакомбного могильника. Доклад *А.А. Кадиевой* был посвящен элитному погребальному комплексу – катакомбе 5 могильника Песчанка, раскопанному *И.А. Владимировым* в 1898 г., но не опубликованному. *А.А. Кадиева* представила инвентарь погребения и обосновала его датировку второй – третьей четвертью VIII в.

Д.А. Столярова доложила результаты начального этапа изучения коллекции Тарского (Октябрьского) и Хазнидонского могильников VIII–IX вв. с целью воссоздания технологичес-

ких схем производства украшений. Исследованная выборка составила 137 предметов из цветных и драгоценных металлов, изученных с помощью визуального осмотра и фиксации технологических следов фотокамерой с макрообъективом.

В информативном докладе *Г.Е. Афанасьева, М.В. Добровольской, Д.С. Коробова и И.К. Решетовой* впервые был использован междисциплинарный подход к изучению культурной специфики донских алан методами археологии, геоинформатики, физической антропологии и генетики.

Выступление *П.С. Успенского* было посвящено изучению всаднических комплексов по материалам некрополей с обрядом трупосожжения VIII–XIII вв. с территории Северо-Западного Кавказа. Автором были рассмотрены основные признаки погребального обряда, засвидетельствовавшие всаднический статус умершего человека, и прослежена их эволюция.

Вечернее заседание секции вела *З.В. Доде*. Оно открылось следующим докладом *П.С. Успенского* «Изучение социальной стратификации населения Северо-Западного Кавказа по материалам кремационных погребений VIII–XIII вв.», в котором автор предложил критерии ранжирования мужского населения, в основе которых лежит система воинской организации. Из-за проблем с сохранностью анализируемого материала представленные выводы носят гипотетический характер и служат определенной ступенью для дальнейшего исследования

Исследование *Д.В. Белецкого, А.Ю. Виноградова и Д.Д. Ёлшина* касалось использования кирпича в церковной архитектуре Закавказья IX–X вв. – на территории Абхазского царства, Кахетинского хорепископства и государств Багратидов. Были выделены три традиции по формату и технологии изготовления кирпича, сделан анализ распространения кирпичей разных традиций, позволивший проследить закономерности, дающие почву для определения связей между отдельными памятниками и выработки новых критериев уточнения их датировок.

Р.Х. Мамаев выступил с внеплановым сообщением о средневековых саблях и кинжале, обнаруженных в окрестностях с. Майртуп Курчалоевского района Чеченской Республики. Автор рассмотрел их морфологию и дал предварительную атрибуцию, проведя аналогии с саблями Змейского могильника.

Х.М. Мамаев в своем докладе представил материалы Бечикского могильника из подземных склепов и каменных гробниц X–XI вв., исследованных в середине 1980-х годов в горной зоне Чечни (ущелье р. Чанты-Аргун). По мнению автора, они находят прямые аналогии в памятниках соседних горных районов Грузии, свидетельствуя о тесных связях населения высокогорной зоны по обе стороны Кавказского хребта, вероятно, отражающих и общий генезис этих социумов.

А.А. Гуаллагов посвятил выступление Зеленчукской надписи и всем имеющимся ее копиям (*Д.М. Струкова* 1888 г., иеромонаха *Серафима* 1889 г. и *Г.И. Куликовского* 1892 г.). Рисунок иеромонаха *Серафима* позволяет провести сопоставление его данных с данными рисунка *Д.М. Струкова* и репродукции *В.Ф. Миллера*, что может в свою очередь иметь значение для верификации как самой надписи, так и представленных примеров ее расшифровки. Автор доклада выступил с критикой возникших в последнее время многочисленных прочтений текста, опирающихся, как правило, на искаженные первоисточники.

Все доклады активно обсуждались. Особый интерес вызвал доклад *Г.Е. Афанасьева, М.В. Добровольской, Д.С. Коробова и И.К. Решетовой*. Дискуссия развернулась по вопросу датировки сабель, представленных в докладе *Р.Х. Мамаева*, в которой приняли участие *Е.А. Армарчук*, предложившая XII–XIII вв., а также *И.А. Дружинина* и *М.Д. Сагитова*, по мнению которых сабли могли датироваться XIII–XV вв.

Утреннее заседание 23 апреля проходило под председательством *Х.М. Мамаева*. Оно началось с блока докладов о предварительных результатах раскопок в зоне сооружения водохранилища Гочатлинской ГЭС в Хунзахском районе Республики Дагестан в 2013 г. Исследовались Гочатлинское (Ортоколинское) 1-е поселение и Гочатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник X–XII вв. *З.Х. Албегова, Р.Г. Магомедов и А.И. Таймазов* сделали доклад о находках каменных стел в цокольных (хозяйственных) этажах построек поселения. Подобные стелы впервые обнаружены в археологическом контексте. Анализ их орнаментов, интерпретация и источник проникновения на исследуемую территорию были рассмотрены в докладе *Е.Ю. Ендольцевой*. Среди ближайших географических, типологических и функциональных аналогий автор отметил группу мемориальных плит, реконструированных по фрагментам. Отдельные элементы орнамента стел находят аналогии в каменной пластике Армении и Грузии, а также в целом на территории Византийской империи, особенно в период правления Македонской династии. Материалы сопутствующего поселению могильника были представлены в сообщении *А.К. Абиева и С.Ю. Фризена*. Исследователи рассмотрели погребальный обряд, инвентарь и результаты антропологического анализа.

Доклад *М.Д. Сагитовой* «Культурная посуда или культ посуды: феномен “домашних музеев” в Дагестане (археологический и этнографический ракурс)» стал примером синтеза археологических и этнографических методов исследования. На примере изучения “домашних музеев” у некоторых народов Дагестана были показаны информационные возможности так называемых темных веков (позднее Средневековье), ранее не привлекавших внимание археологов и этнографов.

Оживленное обсуждение вызвал блок докладов по результатам раскопок Гочатлинского комплекса памятников, в частности – функция стел и комплексная антропология населения, оставившего поселение и могильник. Большой интерес вызвал доклад *М.Д. Сагитовой*. В обсуждении приняли участие *М.Х. Багаев, З.В. Доде, Е.Ю. Ендольцева, Р.Г. Магомедов, С.А. Яценко*, отметившие большой потенциал домашних музеев как исторического источника.

Вечернее заседание проходило под председательством *М.Д. Сагитовой* и открылось докладом *А.В. Акоюна*. В нем были проанализированы медные монеты конца XII – начала XIII в., на лицевой стороне которых имеются грузинская буква “Б” с надписью “во имя Божье” вокруг нее, а на оборотной – имитация арабской надписи. С учетом мест находок (*Дербент, Сумгаит и Шемаха*) и христианского вероисповедания эмитента показывается, что монеты были выпущены в Аварии нучалом *Байаром* (правил до 1256 г.). Чеканка монеты в Аварском нучальстве – новый важный факт в истории Дагестана, для которого ранее был известен единственный монетный двор в *Дербенте*.

Следующий блок коллективных докладов был посвящен предварительным итогам крупных охранно-спасательных археологических раскопок на двух поселениях и могильнике Крымского района Краснодарского края. Исследованные памятники значительно расширяют представления о золотоордынском этапе в истории Прикубанья, а также дают некоторые сведения о маршруте движения войск среднеазиатского эмира *Тимура* в Золотой Орде на отрезке его передвижения из *Азака* на *Кубань*. Материалы поселения золотоордынского времени “Железнодорожное-1” рассматривались в докладе *Д.Э. Васулиненко, Е.И. Нарожного и П.В. Сокова*. На территории поселения также выявлены два компактных могильника, датирующиеся по инвентарю финальным этапом функционирования поселения (XIV в.). Результаты исследования средневекового поселения “Железнодорожное-2” нашли отражение в сооб-

щении Д.Э. Василенко, С.Е. Жеребилова и И.Б. Тищенко. Интересна находка на поселении трех ям, в которых были обнаружены компактно уложенные целые очажные цепи. В докладе Е.И. Нарожного, П.В. Сокова и И.Б. Тищенко речь шла о предварительных итогах работ на территории грунтового могильника, связанного со средневековым поселением эпохи Золотой Орды “Железнодорожное-2”.

В докладе З.В. Доде “Костюм монгольской элиты в контексте имперского ритуала” автор убедительно обосновал семантическую нагрузку церемониального костюма монгольской элиты, показав закономерности использования одежды и аксессуаров определенного вида при тех или иных ритуалах, а также раскрыв возможности костюма как источника для исторических реконструкций.

В докладе И.А. Дружининой рассмотрены два типа древкового оружия Северо-Западного Кавказа XII–XIII вв. Первый – наконечники копий с подтреугольными упорами у перехода втулки в перо. Большинство подобных наконечников происходит из районов, для которых не характерны погребения воинов с лошадьми, т.е. эти копия использовались пешими воинами против конных. Второй тип – наконечники дротиков пропеллеровидного сечения. Датировка наконечников устанавливается по сопутствующим находкам из погребений: шашкам, бляхам-пафтям, складным бритвам, турецким курительным трубкам. Данные наконечники дротиков – специфические образцы древкового метательного оружия адыгских племен Северо-Восточного Причерноморья конца XVII–XIX в.

Д.В. Каштанов в докладе “Казус Миллена: *dominus Alanorum* или *tscherkassischer Fürst*?”, основываясь на сведениях “Церковных анналов” Барония, где говорится о двух посланиях папы Иоанна XXII от 2 июля 1333 г., адресованных “*Milleno domino Alanorum*” и “*Versacht regi Ziccorum*”, высказал критику распространившихся в историографии Кавказа точек зрения, согласно которым отождествляются правитель Воспро Миллен и зихский князь Верзахт, в результате чего Миллен назван черкесом. Ошибочны и точки зрения, что начало сношений Папы Римского с Милленом относится к 1329 г., и что Верзахт и Миллен владели территориями в восточном Крыму.

В выступлении В.Н. Чаудзе были освещены данные письменных источников, а также археологических исследований османской крепости Хункала, построенной в 1501 г. и просуществовавшей до конца XVIII в. на территории современной ст. Тамань, к востоку от Таманского городища. Среди находок на территории крепости выделяется глазурованная керамика XVI–XVIII вв. Аналогичная керамика присутствует в “турецком” слое Таманского городища.

В дискуссии при обсуждении доклада Д.В. Каштанова была высказана точка зрения о том, что необходимо привлекать специалистов по письменным источникам для участия в

конференции, чтобы избежать искажений в исторических реконструкциях.

Утреннее заседание 24 апреля проходило под председательством З.Х. Албеговой. На заседании прозвучало два доклада.

А.В. Борисов, Д.С. Коробов и Р.Г. Магомедов представили результаты почвенно-археологических исследований участков террасного земледелия, расположенных в окрестностях Гочатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения эпохи развитаго Средневековья. В итоге проведенного на поселении GPS-картографирования были нанесены на карту 411 участков террасирования общей площадью 9,7 га; выделены два подтипа террас с подпорными стенками; удалось установить, что на первом этапе в условиях богарного земледелия выращивались зерновые культуры. Далее последовал период запустения, после чего участок использовался для выращивания семечковых и косточковых плодовых деревьев при орошении.

В.Н. Чаудзе и А.Н. Черкасов ввели в научный оборот литой бронзовый крест-тельник, происходящий из окрестностей Хумаринского городища. Единственный аналогичный крест происходит из раскопок церкви 2 Ильичевского городища. Также на территории Северного Кавказа известна группа крестов близкого типа. Эти два различных композиционных типа крестов-тельников встречаются исключительно на Северном Кавказе. Отсутствие таких крестов среди находок на территории восточных провинций Византии позволило авторам утверждать, что они изготавливались на Северном Кавказе в пределах второй половины X–XI вв.

24 апреля на заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты о работе секций и принята резолюция конференции. Участники конференции отметили ее высокий уровень и профессионализм докладов; высказали пожелание шире привлекать специалистов смежных областей науки и активизировать связи с научными центрами Южного Кавказа; выразили благодарность за помощь в организации и проведении “Крупновских чтений” дирекции Института археологии РАН и лично академику РАН Н.А. Макарову, а также Российскому Гуманитарному научному фонду. Вместе с тем не всеми участниками была одобрена практика разделения работы конференции на четыре секции, хотя большинство присутствующих на заседании поддержали это предложение Оргкомитета, дающее больше возможностей в обсуждении зачитанных докладов и сообщений. Прозвучали предложения о выборе лучших докладов по секциям для повторного их заслушивания на заключительном пленарном заседании.

В резолюции конференции было принято предварительное решение о проведении следующих XXIX “Крупновских чтений” в г. Грозном (Чеченская Республика) и о выборе в качестве приоритетной темы конференции изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа.

Чеченский государственный университет, Грозный
Институт археологии РАН, Москва

М.Х. Багаев

З.Х. Албегова, С.Н. Корневский,
Д.С. Коробов, Е.В. Леонова,
В.Ю. Малашев, А.Ю. Скаков

ПАМЯТИ ИРМЫ ФАНТИНОВНЫ ТОЦКОЙ

30 ноября 2013 г. отошла в вечность Ирма Фантиновна Тоцкая – известный историк, археолог, музейный работник, исследователь выдающегося памятника древнерусской и мировой культуры – собора Святой Софии в Киеве. Автоэпитафией звучат ее печальные, полные достоинства строки: “Постарело наше братство... Есть года, да нет богатства. Нам судьба одно дала – Золотые купола...”

Ирма Фантиновна родилась 2 октября 1935 г. в г. Днепродзержинске Днепропетровской области. Ее отец, Андреев Фантин Петрович, работал на заводе, мать, Росинская Ядвига Антоновна, преподавала фортепьяно в музыкальном училище. Любовь к музыке Ирма Фантиновна пронесла через всю жизнь. В начале 1960-х годов она закончила три курса вечернего отделения Киевской консерватории им. П.И. Чайковского, прекрасно пела и тонко чувствовала музыку. На музыку ею были положены и многие из написанных стихов – еще одно увлечение Ирмы Фантиновны, сопровождавшее ее до самого конца. Последнее стихотворение-молитву, посвященное мужу Виктору, она написала будучи уже смертельно больной – 18 ноября 2013 г.

С началом Великой Отечественной войны семья Андреевых эвакуировалась в г. Сталинск Новосибирской области (с 1932 по 1961 г., с 1961 г. – Новокузнецк), где в 1943 г. маленькая Ирма пошла в школу. В 1944 г. вместе с семьей она переехала в освобожденный Киев. Здесь в 1953 г. она закончила среднюю школу № 94 и поступила на исторический факультет (отделение археологии и музееведения) Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. После окончания университета в 1958 г. И.Ф. Тоцкая была принята на работу в Национальный заповедник “София Киевская” (в то время – Государственный архитектурно-исторический заповедник “Софийский музей”), где проходила музейную практику во время учебы в университете. Сначала ее зачислили временно на вакантную должность научного сотрудника только что созданного отдела архитектурно-исторического памятника “Генуэзская крепость” (так тогда называли музей “Судацкая крепость”, с 1958 г. вошедший в состав заповедника на правах отдела). В 1960 г. ее перевели в культурно-массовый отдел Софийского заповедника и с этого времени работа Ирмы Фантиновны была связана с заповедником, а его памятники стали главной темой ее научных интересов.

Короткий период с 1963 по 1964 г. И.Ф. Тоцкая исполняла обязанности младшего научного сотрудника сектора комплектования научных фондов Научно-исследовательского института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры (до 1963 г. заповедник подчинялся Академии строительства и архитектуры УССР, а после ее реорганизации – Государственному комитету по строительству при Совете Министров УССР). Работа с чертежами, фотографиями, макетами архитектурных памятников разных эпох стала хорошей школой для исследования архитектуры Софийского собора.

Изучению, сохранению и популяризации памятников заповедника Ирма Фантиновна посвятила больше 45 лет, пройдя путь от научного сотрудника, заведующего сектором охраны памятников (1970 г.) до заместителя директора по научной работе (с 1976 по 2002 г.). Научной работой заповедника руководила 27 лет, а после ухода на заслуженный отдых еще год (до 2003 г.) работала консультантом по научным вопросам. При ее участии была разработана программа реставрационных, исследовательских и проектных работ заповедника на 2003–2005 гг.

Одновременно с активной организационной и музейной деятельностью И.Ф. Тоцкая проводила раскопки, исследовала архитектуру и монументальную живопись Софийского собора, изучала церковно-политическую историю Киевской Руси, древнерусскую музыкальную культуру. Ею опубликованы около 100 научных и научно-популярных статей, путеводители и фотоальбомы, посвященные памятникам заповедника.

С 1972 по 1978 г. Ирма Фантиновна руководила археологическими раскопками экспедиций заповедника, целью которых было изучение собора и его подворья; проводила спасательные раскопки провалов, периодически возникавших на месте подземных галерей при прокладке коммуникаций и других земляных работах. Благодаря этому были выяснены важные вопросы топографии подворья Софийского собора древнерусского времени; прослежены балки и яры, окружавшие собор; исследованы ходы подземных галерей. Ирмой Фантиновной были раскопаны остатки церковного кладбища (1972 г.) и фундаментов каменной стены древнерусского времени (1974 г.); производственных комплексов XI в. по изготовлению смальты, а также печи по обжигу плитки (1975 г.); исследованы объекты и культурные слои последующих эпох. И.Ф. Тоцкая проводила натурные исследования архитектуры Софийского

собора – северной наружной галереи, второго этажа южных галерей (совместно с Г.М. Штендером, под руководством Ю.С. Асеева), крещальни; изучала древние полы собора. Благодаря разработанной ею программе исследования фресковых и строительных растворов и технологии строительных работ и живописи, проводившихся под руководством химика-технолога Ю.Н. Стриленко, были получены новые материалы для решения дискуссионного вопроса о времени создания росписей; доказана одновременность выполнения мозаик и фресок как основного объема собора, так и его галерей. Сложные вопросы реконструкции первоначального облика архитектуры собора еще далеки от решения; опираясь на исследования, инициатором и руководителем которых была И.Ф. Тоцкая, над ними будет думать не одно поколение ученых.

При участии И.Ф. Тоцкой в 1970–1990-е годы была осуществлена музеефикация архитектурных памятников, входивших в состав заповедника: Кирилловской и Андреевской церквей, Золотых ворот, Трапезной церкви (“Теплой Софии”), Трапезной церкви Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, Спасо-Преображенского собора, Борисоглебского собора, Пятницкой и Ильинской церквей и комплекса пещер, дома Коллегиума в Чернигове, Генуэзской крепости в Судаке.

После провозглашения независимости Украины в 1991 г. И.Ф. Тоцкая активно включилась в работу по восстановлению разрушенных советской властью церквей. Она была автором иконографической программы росписей отстроенного в 2001 г. Михайловского Златоверхого собора в Киеве. Разработала систему росписи центрального ядра храма и осуществила научное руководство художественными работами. Участвовала в разработке иконографической программы росписей ц. Святого Андрея на Аскольдовой могиле и Патриаршего собора Воскресения Христова Украинской Греко-Католической церкви в Киеве.

И.Ф. Тоцкая подготовила около 20 телепередач и 8 сценариев научно-популярных фильмов о культуре Киевской Руси, с 1959 г. читала лекции в Киевском обществе “Знание”. Она была членом Правления Украинского общества охраны па-

мятников истории и культуры, ученых советов корпорации “Укрреставрация” и Госстроя Украины, с 1999 г. – членом Украинского комитета ИКОМОСа. В 2001 г. ей было присвоено почетное звание “Заслуженный работник культуры Украины”. За многолетнюю плодотворную работу Ирма Фантиновна была награждена медалями “За доблестный труд” (1970 г.), “Ветеран труда” (1984 г.), почетными грамотами и благодарностями Управления культуры (2001 г.) и Министерства культуры (2004 г.) Украины, Священного Синода Украинской Православной Церкви (2005 г.), Украинской Греко-Католической Церкви (2009 г.), Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (2011 г.), орденом Св. Великомученицы Варвары II степени (2007 г.).

Значительным событием в жизни Украины и заповедника стало включение в 1990 г. в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО первого объекта от Украины – “Софийского собора с монастырскими постройками и Киево-Печерскую Лавру”, состоявшееся благодаря большой и настойчивой подготовительной работе, проведенной И.Ф. Тоцкой.

До последних дней жизни И.Ф. Тоцкая оставалась в науке: выступала на научных конференциях с докладами и публиковала статьи. Одним из последних было ее выступление в мае 2013 г. на VII “Софийских чтениях”, посвященных 90-летию со дня рождения известного исследователя памятников заповедника С.А. Высоцкого, под руководством которого Ирма Фантиновна начинала свою научную деятельность в Софийском музее. О творческой атмосфере 1960–1980-х годов, времени, когда С.А. Высоцкий работал в заповеднике, она всегда вспоминала с особой теплотой (доклад опубликован в посвященном ему сборнике научных статей “Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького”. Киев, 2013. 239 с.).

Светлая память об Ирме Фантиновне Тоцкой навсегда останется не только в анналах заповедника и исторической науки, но и в сердцах ее коллег из многих стран мира, друзей, близких – всех, кто знал и любил ее.

Национальный заповедник “София Киевская”,
Киев

Е.И. Архипова